

БИБЛИОТЕКА ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПРОГНОСТИКИ

Том 5

А. И. КУЗНЕЦОВА

**ДИНАМИКА РУССКИХ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ
С XI ПО XX ВЕК**

Монография

Издательство
Воронежского государственного университета
2010

УДК 811.11.8
ББК 81.2Рус-2
К89

«Библиотека лингвистической прогностики»
издается по решению Ученого совета факультета
романо-германской филологии
Воронежского государственного университета от 21 сентября 2004 г.

Научный редактор серии –
доктор филологических наук, профессор *А. А. Кретов*

Рецензенты:
доктор филологических наук, профессор *О. В. Загоровская*,
доктор филологических наук, профессор *А. Л. Шарандин*

А. И. Кузнецова. Динамика русских глаголов движения
с XI по XX век : монография / А. И. Кузнецова; [под ред. проф.
К89 А. А. Кретова]. – Воронеж : Издательство Воронежского государственного университета, 2010. – с. (Серия: Библиотека лингвистической прогностики. Т. 5).

ISBN 978-5-9273-1807-0

Данная монография посвящена исследованию смысловых отношений и их исторических изменений в лексико-семантической группе глаголов движения русского языка с XI по XX век. Автор прослеживает динамику полисемии и синонимии русских глаголов движения за тысячу лет письменной истории русского языка, определяет хронологию и тип семантических изменений в самом ядре русской лексики, вносит существенный вклад не только в историческую (описательную), но и в диахроническую (объяснительную) лексикологию русского языка, обогащая тем самым наименее изученное звено лингвистической науки – лингвистическую детерминистику.

Для специалистов в области истории отечественной лексикологии, аспирантов и студентов.

УДК 811.11.8
ББК 81.2Рус-2

ISBN 978-5-9273-1807-0
ISBN 5-9273-1002-8 (Серия)

© Кузнецова А. И., 2010
© Воронежский государственный университет, 2010
© Оформление, оригинал-макет. Издательство
Воронежского государственного университета, 2010

Оглавление

От научного редактора «Библиотеки лингвистической прогностики»	5
Пятьдесят лет спустя (предисловие автора)	7

Глава I

ПОНЯТИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА И МЕТОДЫ ЕЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ИЗ ИСТОРИИ РАЗРАБОТКИ ПРОБЛЕМЫ.....	14
Первые опыты системного рассмотрения семантики.....	14
Методика исследования «понятийных полей» (Й. Трир, Л. Вейсгербер и их последователи)	20
Методика исследования лексико-грамматических и лексико- синтаксических групп слов в языке (Г. Ипсен, В. Порциг и др.).....	48
Методика анализа лексико-семантических групп слов одного языка в различные исторические периоды (Э. Оксар, О. Духачек и др.)	53
Методика сопоставительного анализа лексико-семантических групп слов в двух языках (К. Ройнинг, Г. Хюсген, П. Цинсли и др.)	58

Глава II

СМЫСЛОВАЯ СИСТЕМА ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В XI–XIV ВЕКАХ.....	69
Смысловая система глаголов <i>ити-ходити</i> в XI–XIV веках	69
Смысловые отношения глаголов движения с коррелятами <i>ити-ходити</i>	81
Смысловые взаимоотношения глаголов движения (безотносительно к паре <i>ити-ходити</i>)	114

Глава III

СМЫСЛОВАЯ СИСТЕМА ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В XV–XVIII ВЕКАХ СРАВНИТЕЛЬНО С XI–XIV ВЕКАМИ.....	125
Семантика отдельных глаголов движения в XV–XVIII веках сравнительно с XI–XIV веками.....	125
Изменения в типах смысловых связей глаголов движения в XV–XVIII веках сравнительно с XI–XIV веками (с точки зрения их отношения к паре <i>идти-ходить</i>).....	155

Сопоставление смысловых связей глаголов движения (безотносительно к паре <i>идти-ходить</i>)	165
--	-----

Глава IV

СМЫСЛОВАЯ СИСТЕМА ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ В XIX–XX ВЕКАХ СРАВНИТЕЛЬНО С ПРЕДШЕСТВУЮЩИМИ ПЕРИОДАМИ	178
Семантика отдельных глаголов движения в XIX–XX веках сравнительно с предшествующим периодом	178
Основные закономерные изменения в типах смысловых связей глаголов движения в XIX–XX веках	223
Заключение	250
Библиографический список	255
Список основных литературных источников (с принятыми сокращениями)	269

ОТ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА «Библиотеки лингвистической прогностики»

Основу данной книги составляет кандидатская диссертация Ариадны Ивановны Кузнецовой, выполненная под руководством В. А. Звегинцева и защищенная в Московском государственном университете в 1963 году под названием «Смысловые отношения и их исторические изменения в лексико-семантической группе глаголов движения русского языка (с XI по XX в.)». С любезного разрешения автора название изменено на «Динамика русских глаголов движения с XI по XX век» с целью вписать его в серию «Библиотека лингвистической прогностики».

Публикация работы, написанной почти полвека назад, может вызвать удивление: работа должна была бы безнадежно устареть. Возможно, это и произошло бы, если бы отечественная (да и мировая) лингвистика продолжала активно разрабатывать проблемы исторической семасиологии. Однако уже в 1970-е годы интерес лексикологов переместился в область синхронного описания различных лексико-семантических групп (ЛСГ) и семантических полей, а затем лексикологи дружно бросились в объятия когнитивной науки, назвав предмет своих занятий «когнитивной лингвистикой», полностью освобождая ее последователей от пут языковых форм.

И лишь на рубеже XX–XXI веков наметился интерес к лексической, точнее – лексико-семантической (ЛС) типологии в трудах выпускниц Отделения теоретической и прикладной лингвистики МГУ, а следовательно, в той или иной степени учениц А. И. Кузнецовой: А. В. Дыбо и Е. В. Рахилиной. При этом А. В. Дыбо ЛС-типология интересует как основание для семантической реконструкции, Е. В. Рахилину – как исследование организации фрагментов ЛС-системы, представление их в виде фреймов и ранжирование по школе «богатые – бедные системы». В подходе А. В. Дыбо синтезируются достоинства подходов Е. В. Рахилиной и А. И. Кузнецовой, что делает ее труд на сегодняшний день последним словом отечественной лексикологии и семасиологии, получившим продолжение в монографии Ю. Норманской, – обстоятельство, позволяющее нам быть свидетелями преращения труда А. В. Дыбо в классический.

В чем же значение труда А. И. Кузнецовой, выполненного на рубеже 1950–1960-х годов?

Во-первых, это крайне редкое исследование, охватывающее эволюцию фрагмента ЛС-системы на протяжении всей письменной истории русского языка.

Во-вторых, это исследование глаголов движения, входящих в самое ядро ЛС-системы русского языка.

В-третьих, выявленное в работе изменение значений глаголов движения по принципу «передачи эстафеты» столь же наглядно свидетельствует об устройстве ЛС-пространства, как, например, первое передвижение германских согласных – об устройстве пространства фонетического.

В-четвертых, ЛС-прогностика невозможна без ответов на вопросы: «Что произошло в ЛС-системе?», «Когда произошло?» и «Почему произошло?», а исследование А. И. Кузнецовой содержит ответы на эти столь важные для ЛС-прогностики вопросы.

В-пятых, исследование А. И. Кузнецовой продолжает оставаться непревзойденным и, к сожалению, непродолженным исследованием в своей области, не потерявшим своего значения для науки, прошедшим проверку временем и достойным быть предложенным вниманию современных читателей.

Наконец, редактор не может избавиться от убеждения, что, будь исследование А. И. Кузнецовой опубликовано в 1960-е годы, история отечественной (а возможно, и не только отечественной) лексикологии была бы иной. И это – еще один аргумент в пользу публикации одной из тех редких рукописей, которые не только «горят», но и не стареют.

Публикация этой книги – дань нашего уважения В. А. Звегинцеву, 100-летие которого отмечается в 2010 году, и основанному им 50 лет тому назад Отделению теоретической и прикладной лингвистики МГУ, на котором с первого дня его основания работает Ариадна Ивановна Кузнецова.

Доктор филологических наук, профессор А. А. Кр е т о в

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СПУСТЯ (Предисловие автора)

Публикуемая книга защищалась в качестве кандидатской диссертации почти полвека тому назад. На защите ее в МГУ оппонент акад. Д. Н. Шмелев (в то время бывший канд. филол. наук) предлагал опубликовать работу. Однако я, начав читать курс по общей морфологии на вновь создаваемой кафедре структурной и прикладной лингвистики – ОСиПЛ (позднее получившей наименование ОТиПЛ – отделение теоретической и прикладной лингвистики, а в настоящее время переименованной в ОФиПЛ, т.е. ставшее отделением фундаментальной и прикладной лингвистики), заинтересовалась анализом структуры слова, и это стало со временем темой моей докторской диссертации. Постепенное переключение на изучение уральских языков, сбор материала в полевых условиях позволили обнаружить немало общих черт между русским и уральскими языками в области как лексики и семантики, так и грамматики. Круг замкнулся, и я решила бросить новый взгляд на работу пятидесятилетней давности, к чему меня уже много лет подталкивал А. А. Кретов.

За прошедшие почти полвека в стране произошли колоссальные изменения, которые не могли не сказаться и на языке. При этом изменился не только сам язык, но и методы его исследования. Возрос интерес к типологическому изучению семантических явлений, обычно рассматриваемых в синхронном плане, что, в свою очередь, привело к выявлению и выдвигению на первый план таких признаков того или иного явления, которые оказываются наиболее существенными для многих разных языков, в том числе генетически далеких. Так, Т. А. Майсак и Е. В. Рахилина изучали глаголы плавания, рассматривая шкалу *активности/пассивности* перемещения и *перемещения посредством транспорта* [Глаголы движения в воде: лексическая типология. М., 2007]. А. А. Глухова в качестве основных параметров при определении места глаголов движения в лексико-семантической группе глаголов движения предлагает *среду, скорость перемещения, транспорт* и некоторые другие (например, *цель, способ, направление движения*). В работе устанавливается соотношение значений параметров *среда* и *скорость* [дипломная работа, защищенная в 2008 г. на ОТиПЛ МГУ].

Принципиально новым по сравнению с серединой прошлого столетия является возможность установления частоты встречаемости глаголов движения на миллион слов (*чсм/чмс* или *ipm*), которая составляет от 410 *чсм* для глаголов *идти-ходить* до 44 *чсм* для глаголов *плыть-плавать*, по С. А. Шарову (слова, не превышающие частоту на миллион словоформ, обычно имеют стилистическую окрашенность). Многие лингвисты снова вернулись к анализу значений исходя из понятий, нередко ставя знак равенства между понятием и значением (от чего отказались в свое время лингвисты первой половины XIX в.). С появлением НКРЯ (Национального корпуса русского языка) появилась возможность в синхронном плане расширить рамки исследований в области лексики и семантики. По материалам НКРЯ, хронологические рамки которого постепенно раздвигаются в глубь веков, не исключено, что будет предложена новая классификация лексико-семантической группы глаголов перемещения в пространстве [см. работы под руководством А. А. Кретьева по прогностике].

Благодаря расширяющимся возможностям ознакомления лингвистов не только с сотнями вновь вводимых в лингвистический обиход ранее не известных современных языков, но и с материалами древних эпох хорошо изученных индоевропейских (среди них и русского) языков, языковеды смогут убедиться в том, что многие современные «неологизмы» (или просторечные слова и обороты) есть не что иное, как ушедшие когда-то «в подполье» (но сохранявшиеся, возможно, в отдельных диалектах) древние грамматические конструкции (вроде современных *бежать дистанцию*, *бежать общества*, или устойчивое выражение *бить баклуши* наряду с разговорными сочетаниями *лопнуть мяч*; *не я выйду, а меня выйдут из трамвая*; *пора проснуть ребенка* и т.п.). Ср. др.-рус. *ездить воз сена*; *На Легушкинских крестьянехъ взято полподводы восьмь алтынъ две денги, что известъ не ездили*. Кн. прих. Болд. мон. 1593–1607 г., 234; *Федко... да Мелешко... ходять лесъ Крайковской ухажей*. ДРС, Ряз. п., стр. 433; *И князь Василей за ними ходил... и дошел их* за Сухов. Там же, 7026, л. 512, стр. 308) и т.п.

Читая свой собственный машинописный текст на пожелтевшей за полвека бумаге, осознаешь не только расширение тематики исследований и методов их изучения, но и прогресс, которого достигло книгопечатание. В данном издании, как в зеркале, отражены все трудности и недостатки печатания на машинке. Особенно это сказывается на

графике XI–XVIII вв.: в диссертации, а теперь и в издаваемой книге была произведена замена (по сути – ликвидация) ряда букв, использовавшихся много столетий назад; здесь нет ятей, юсов, йотированных гласных, которые везде заменены на буквы *я, е, ю, оу* (вместо диграфа чаще пишется *у*), а также ликвидированы лигатуры. По техническим причинам сняты титла, типичные для таких частотных слов, как *хрста, спсения, дшю, стая* (т.е. ‘святая’) и др. Синтаксис и лексика, позволяющие определять семантику слов и выражений, сохранились в подлинном виде, хотя нередко встречаются и спорные случаи.

В данной книге представлена общепринятая в 50-е гг. лингвистическая терминология.

Материал, послуживший основой для диссертации, собирался по изданным памятникам и словарям, в архивах, имеющих солидные картотеки (в Москве в Институте русского языка РАН хранятся картотеки словаря древнерусского языка XI–XIV вв. – ДРС XI–XIV вв., словаря русского языка XI–XVII вв. – КДРС; в Санкт-Петербурге – картотека словаря современного русского литературного языка, частично отраженная в 17 томах ССРЛЯ), а также из произведений художественной литературы.

Из печатающейся рукописи исключено всё приложение, занимавшее в машинописном тексте диссертации около 400 страниц и содержавшее материал объемом в 12 000 слов с примерами из памятников, список которых приведен в данной книге.

Чтобы читатель мог представить себе принципы сбора материала, его обработки, интерпретации и достоверности, ниже приводится описание содержания и структуры приложения без публикации его самого.

Собранный материал был подразделен на три словника. Однако они не являются словарями в полном смысле этого слова. Каждый из них охватывает один из трех периодов: XI–XIV, XV–XVIII и XIX–XX вв. От мысли о создании единого словника, включающего в свой состав целиком материал XI–XX вв., пришлось отказаться в силу следующих соображений. Во-первых, в таком словнике затруднительно было бы найти исчезнувший или вновь появившийся в определенный век тот или иной лексико-семантический вариант, что вполне доступно в предлагаемом расчлененном на три части словнике. Во-вторых, неясно, как следовало бы поступать с различными фонетическими вариантами одного слова (например, *шествовати* и *шьствати*; *плути* и

плыти и т.д.): унифицировать ли их все – но по какой семантической форме: XI или XX вв.? Оставить ли несколько разных форм, присущих различным периодам, как *ити*, *итьти* и *идти* и т.п.? Выделение трех самостоятельных словников позволяет дать для XI–XIV вв. формы глаголов, свойственные тому времени, нормализовав, насколько это возможно, фонетические варианты отдельных глаголов данного периода. Правда, систематизация материала работы по трем приложениям нарушает цельность картины развития анализируемых глаголов, но этот недостаток я пыталась восполнить в самой работе и статьях, связанных с темой диссертации, а также соблюдением, где это возможно, единой нумерации лексико-семантических вариантов по всем трем периодам, сохранением той же их последовательности.

Обычно при составлении словаря нелегко обосновать его состав, принципы отбора слов. В данном случае этот вопрос снимается, поскольку в словник вошли все слова, исследуемые в диссертации (об их подборе см. гл. I), за исключением глаголов, на которые в памятниках встречается лишь один-два примера, такие как *бырати*, *дыбати*, *гомьзати* и некоторые другие. Полнота словника, таким образом, определяется тем, что он содержит все слова, исследуемые в диссертации.

Принцип расположения слов – алфавитный, причем в приложениях I и II пришлось использовать современный алфавит, так как отдельные буквы древнерусского письма, по техническим причинам, сняты.

Заглавное слово (глагол) приводится в инфинитиве, который рестируется во всех случаях, даже тогда, когда он не представлен в текстах или, в силу грамматической недостаточности глагола, отсутствует у него вообще, как глагол *грясти* (см. об этом гл. I). Никаких грамматических помет не дается.

Особых оговорок требует семантическая структура словарной статьи. Словарная статья в словнике не подвергается, как это часто бывает в словарях, чрезмерному членению, носящему более логический, чем языковой, характер. Некоторые лексико-семантические варианты опускаются совсем (особенно в приложении III), если на них собрано недостаточно документального материала. Варианты, бытующие в диалектах, вносятся в словник (с соответствующей пометой) только в том случае, если примеры на них обнаружены в произведениях художественной литературы (например, вариант «двигаться по земле с помощью каких-либо средств передвижения (на лошадях)»

приводится, по этим соображениям, для глагола *бежать* и не дается на глагол *бегать*, поскольку примеров на указанный вариант у глагола *бегать* в художественной литературе не встретилось (возможно, в НКРЯ в настоящее время он имеется). Точно так же опущен в словнике вариант глагола *бежать* «линять» и т.д. Фразеология в словник не включена, но полуфиксированные варианты, если о них идет речь в диссертации, помещаются. Все лексико-семантические варианты обозначаются номерами.

Определение лексико-семантического варианта особенно сложно в приложениях I и II, так как мы должны остерегаться внесения в старый язык сегодняшней точки зрения, опасаться современного понимания нами смысла древнего слова XI–XVIII вв.

При передаче лексико-семантических вариантов приходится, как правило, либо давать несколько синонимов (избегая, насколько это удавалось, слов, попавших в словник: например, у глагола *ити* лексико-семантический вариант «литься, струиться» точнее можно было бы передать через «течь», но это не делается, поскольку глагол *течи* и *течь* сам является определяемым), либо толковать их описательно, либо добавлять различные замечания: указать, к какому существительному обычно применим данный глагол или с каким существительным он соединяется. Опорой при этом для нас служит в первую очередь сам материал, показывающий все возможные окружения глаголов. Впрочем, иногда интерпретация оказывается, несмотря на учет дистрибуции, субъективной и во многих случаях не окончательной (подобные сомнительные случаи разобраны в диссертации). Для неопределенной основы при характеристике лексико-семантических вариантов обычно дается указание только на разнонаправленность движения, хотя часто необходимо учитывать и его неоднократность, одновременность.

В качестве поясняющего слова может привлекаться латинский язык (например, при глаголе *плавати* – «передвигаться по воде с помощью каких-либо средств передвижения или без них (о живых существах и самих средствах передвижения)» – ставится лат. *natare* и *navigare*).

Что касается порядка приведения лексико-семантических вариантов, то, помимо исторического фактора (век появления варианта) и частоты употребления отдельных лексико-семантических вариантов, учитываются общность и специфичность их по отношению к другим

изучаемым словам. Однако в целом в каждой словарной статье принципы расположения лексико-семантических вариантов вытекают из самого материала.

Каждый лексико-семантический вариант поясняется выдержками из памятников. Выдержки приводятся в объеме, позволяющем вникнуть в смысл текста и способствующем установлению лексико-семантического варианта. Изредка допускаются сокращения слишком громоздких цитат.

Для I периода (XI–XIV вв.) выборки были сделаны из 150 текстов, среди которых около 50 являются исконно древнерусскими (жития русских святых, летописи, грамоты, указы, послания...), а 100 – памятниками русского извода (не только канонические тексты, но также агиографические, гомилетические, литургические, правовые и подобные тексты, возникшие как результат переводческой деятельности на Руси). Однако материал приводится только из памятников исконно русских. Разнообразие жанров учитывается, насколько это возможно, во все периоды. Единичные примеры на тот или иной вариант какого-либо глагола в определенный период приводятся лишь в том случае, если в следующий период предполагаемый вариант сохраняется и подтверждается уже значительным количеством примеров.

Примеры даются по векам; в I и II словарях века отделяются друг от друга интервалами. Иногда примеры из одного памятника могут быть отнесены к различным векам. Это бывает в том случае, если памятник охватывает материал нескольких веков (например, сборник пословиц, сообщенных Л. Майковым, где помещены пословицы XVII–XVIII вв., или пословицы, собранные и относящиеся к XVII–XIX вв.) или если он создавался на грани двух веков. В древние периоды примеры распределяются по векам с учетом даты списка памятника, а не самого оригинала.

Памятники обозначаются сокращенно: обычно указываются лист, строка рукописи (русскими буквами) и страница издания (для поздних периодов – автор, название произведения, страница), причем иногда допускается отступление от пагинации издателя, иногда же она сохраняется. Некоторые отклонения от подобного точного оформления источника объясняются тем, что часть примеров взята из картотеки ДРС и СРС Института языкознания АН СССР (особенно это касается примеров на XIX–XX вв.), где не всегда соблюдается точность в ссылках на памятник. В таких случаях приходится ограничиваться лишь

указанием на название памятника, а для XIX–XX вв. – на фамилию автора.

В 2004 г. вышел в свет Справочный выпуск Словаря русского языка XI–XVII вв. под общей редакцией Г. А. Богатовой, содержащий историю картотеки, сведения об ее авторах, указатель источников (с. 267–389) и словник «Обратного словаря русского языка XI–XVII вв.». К сожалению, данный словарь, «достигший 25-летия своего издательского круга» (с. 3) к началу XXI в., не был доступен мне в период написания работы; отсюда – возможные расхождения в наименованиях памятников.

В приложении I приводится около 1100 примеров из древнерусских памятников, что составляет приблизительно половину собранного материала. Распределение этих примеров по векам и отдельным лексико-семантическим вариантам очень неравномерно. Менее всего их приходится на XIII в., более всего – на XIV и XI вв. Малое количество выдержек на отдельные глаголы или их варианты в древнейший период (особенно в XI–XIII вв.) можно объяснить специфической тематикой текстов, а также сравнительно небольшим их количеством. В текстах русского языка народного типа (по терминологии акад. В. В. Виноградова) часто нет примеров на старославянизмы, используемые в работе, что связано с их малой употребительностью в живом языке вообще. Приложение II содержит 2900 примеров или отсылок на памятники, где они встречаются. В приложении III даются примеры, представляющие собой треть всего материала. Изложенные здесь принципы составления словника и оговорки касаются всех трех приложений.

Глава I

ПОНЯТИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА И МЕТОДЫ ЕЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ИЗ ИСТОРИИ РАЗРАБОТКИ ПРОБЛЕМЫ

ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ СИСТЕМНОГО РАССМОТРЕНИЯ СЕМАНТИКИ

Понятие системы языка, подход к изучению явлений как элементов сложной структуры вырабатываются в современном языкознании уже в начале XX в. Под системой обычно понимают взаимосвязь и взаимодействие между рядом явлений одного порядка (иногда термин «система» употребляется в смысле связанное целое, образованное взаимоподчинением и согласованностью составляющих его элементов).

Осмысление языка как системы находим у Ф. де Соссюра, который разработал, в частности, учение о языке как системе знаков, обладающих значимостью лишь в своих противопоставлениях (правда, отдельные попытки системного рассмотрения языка наблюдались и раньше¹). По словам Соссюра, которые приводит Р. Гodel в своем исследовании о «Курсе общей лингвистики», «язык – это точная система, и его теория должна быть системой столь же точной, как язык»².

Система языка не есть система вообще. Данное понятие требует уточнения и расчленения, в зависимости от того, к каким аспектам языка или разным языкам оно применимо.

Системный характер языка выявляется в различных его частях: в фонетике, грамматическом (морфологическом и синтаксическом)

---

¹ Например, в области семантики – работы М. М. Покровского, Р. Мейера, Г. Шпербера и др.

² *Godel R. Les sources Manuscrites, du «Cours de linguistique générale» de F. de Saussure. Genève ; Paris, 1957. P. 29.* Обычно считают, что Соссюр представлял себе язык метафизически – как систему чистых отношений, не обремененных никакими материальными формами. Однако работа Гodelя показала, что Соссюр включал в состав системы языка «единицы, модели их возможных комбинаций не в абстрактной форме категорий и схем, а в конкретной форме примеров и ассоциативных рядов» (*Godel R. Op. cit. P. 179*), т.е. Соссюр, видимо, иначе понимал сущность системного характера языка, чем многие его последователи (например, глоссематики).

строе, в словообразовании, в лексическом составе и т.д. Иначе говоря, существуют системы фонологическая, грамматическая, семантическая и пр. Например, системный характер фонем обнаруживается как в том, что отношения между фонемами остаются постоянными, как бы ни варьировались оттенки фонем, так и в том, что они объединяются в группы, находящиеся в определенных отношениях между собой; в грамматике для определения системы устанавливается иерархия грамматических форм³ и т.д.

Однако, несмотря на то, что было предпринято множество попыток сформулировать понятие языка как целостной системы, в настоящее время можно говорить лишь о сложившихся понятиях фонологической и морфологической систем, о существовании структурной фонологии и морфологии. В области структурного анализа синтаксических явлений положение дел почти столь же неудовлетворительно, как и в области семантики и лексики.

Совокупность всех частных систем (фонематической, грамматической, лексической и др.), где каждая единица связана определенными, обязательными отношениями с другими элементами этой же системы, образует систему систем языка, т.е. его структуру⁴.

---

³ В одной из своих последних статей Р. А. Будагов обращает внимание на недостаточность для установления языковой системы определения одних лишь взаимоотношений между различными формами. Автор доказывает необходимость учета значений, без которых немислимо в языке и само отношение (см.: *Будагов Р. А. Несколько замечаний о понятии отношения в грамматике // Вопросы грамматики : сб. ст. к 75-летию акад. И. И. Мещанинова. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. 1960. С. 266–270).*

⁴ Обычно термины «система» и «структура» употребляются без учета указанных различий, как синонимы, подменяя друг друга; порой понятие «система» трактуется как «горизонтальный срез по ярусу, где «факты» берутся не изолированно, а лишь во взаимосвязи...», а понятие «структура» расценивается как «результат вертикального анализа языка от периферии вглубь...», как «та ось», на которой «крепятся» различные ее ярусы, образуя единство разнородных элементов в целом» (*А. А. Реформатский. Что такое структурализм? // Вопросы языкознания. 1957. № 6. С. 28–29*); иногда термин «структура» оказывается тождественным слову «форма», как, например, у глоссематиков. Так, Л. Ельмслев в статье «Можно ли считать, что значения слов образуют структуру?» пишет: «Термин «структура» обозначает [далее приводится цитата из А. Лаланда] «не простой набор элементов, а целое, образованное взаимосвязанными элементами таким образом, что каждый зависит от других и может быть тем, чем он является только благодаря отношениям с другими элементами». Такое понимание, добавляет Ельмслев, лежит в основе так называемой «теории форм». Форма же соответству-

Для анализа языковой системы не подходят атомистические методы исследования. В этом случае следует применять методы, основанные на необходимости изучать любой факт языка в его отношениях с другими элементами системы. Методика описания одних языковых систем (фонология, морфология) разработана уже в достаточной степени полно, методика обработки других систем (семантика, лексика), наоборот, освоена очень слабо. В частности, методы анализа структурной семантики, как и само это понятие, еще не оформились окончательно.

Попытки, являющиеся проявлением общей тенденции современного языкознания, установить семантическую систему языка, которая, в свою очередь, включает множество более мелких систем, связанных друг с другом как непосредственно, так и опосредствованно, до сих пор остаются малоуспешными в силу объективной сложности изучаемого явления. Вместе с тем каждая из них приносит определенную пользу, дает нечто новое в разработке проблемы семантической системы. Именно поэтому ознакомление с работами в этой области с методами исследования частных лексико-семантических систем различных языков и разных исторических периодов представляет известный интерес.

В данной работе предлагается обзор некоторых теорий, в которых делается попытка системного анализа лексики и семантики на материале того или иного языка в той или иной стране. Причем автор преимущественно ограничивается рассмотрением работ сторонников так называемой теории поля.

Философские основы большинства рассматриваемых теорий являются идеалистическими; они неоднократно подвергались критике в советском языкознании, в связи с чем в настоящей работе подробный анализ философских основ опускается. Особый упор делается на раскрытие методики обработки семасиологического материала, ибо в методах исследования проявляется общая тенденция современного языкознания – подход к семасиологическим явлениям как к системе (хотя и представляемой каждым автором-семасиологом по-своему).

ет [снова цитата из Лаланда, с которым Ельмслев полностью согласен] «образцу системы, из которой нельзя изъять и к которой нельзя прибавить ни одной части так, чтобы не изменить других частей и не вызвать общей перегруппировки» (Новое в лингвистике : сборник. М. : ИЛ, 1962. Вып. 2. С. 122, 123).

В России разработка проблемы семантической системы связывается, прежде всего, с именем М. М. Покровского⁵.

М. М. Покровский неоднократно подчеркивал необходимость изучать семантическую судьбу не отдельного слова, а ряды слов, связанные семантически друг с другом, систему в целом. «...История значений известного слова будет для нас только тогда понятной, – говорит он, – когда мы будем изучать это слово в связи с другими словами, синонимическими с ним и, главное, принадлежащими к одному и тому же кругу представлений»⁶. Покровский приводит параллельное рассмотрение группы слов со сходными значениями и делает вывод, что «семасиологический процесс распространяется на целые категории слов». По мнению Покровского, «слова и их значения живут не отдельной друг от друга жизнью, но соединяются (в нашей душе), независимо от нашего сознания, в различные группы, причем основанием для группировки служит сходство или прямая противоположность по основному значению. Понятно уже а priori, что такие слова имеют сходные или параллельные семасиологические изменения и в своей истории влияют одно на другое»⁷.

Изучение слов как членов определенной системы позволяет выявить закономерности в семантическом развитии слов. «...Семасиологические явления, – по утверждению автора, – не отличаются большим произволом, но ...наоборот, за ними скрываются какие-то законы...»⁸.

Мысли Покровского о системности в области лексики оказались в известной степени созвучны с мыслями некоторых западноевропейских ученых, но были высказаны значительно раньше.

На Западе оформление понятия семантической системы происходит постепенно, начиная с идей Г. Остгоффа, который в 1900 г. опубликовал свою работу «Vom Suppletivwesen der indogermanischen

---

⁵ Академик В. В. Виноградов, отмечая приоритет русской лингвистической науки в установлении закономерных семантических связей, существующих в системе языка, говорит также о А. А. Потебне (см.: *Виноградов В. В. Из истории лексикологии // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. 1956. Т. 10. С. 3–9*).

⁶ *Покровский М. М. Семасиологические исследования в области древних языков // Покровский М. М. Избранные работы по языкознанию. М. : Изд-во АН СССР, 1959. С. 75.*

⁷ Там же. С. 82.

⁸ Там же. С. 63.

Sprachen». Его упоминание о том, что «существуют известные системы взаимоотношающихся (zusammengehöriger) значений, из структуры которых только и становится понятным полностью семасиологическое положение отдельных выражений»⁹, цитируется затем Р. Мейером в работе «Система значений»¹⁰.

Опираясь на приведенное положение Остгоффа, Мейер анализирует современную ему прусскую военную терминологию. Рассматриваемые им слова, различные по происхождению и морфологической структуре, но объединенные общей идеей, представляют собой названия воинских чинов – от рядового до генерала-фельдмаршала. Их этимология не всегда проста и прозрачна и почти всегда различна (так, титул *Marschall* – заимствование из французского языка, а *Hauptmann* – исконное немецкое слово, возникшее как титул по аналогии с названием атамана разбойничьей шайки). Каждый термин, по Мейеру, производит свою ценность из собственной позиции внутри общей номенклатуры (ср., например, в русском языке: майор – из своего положения между капитаном и подполковником, капитан – из своего положения между лейтенантом и майором и т.д.). Все эти слова, означающие воинские звания, образуют систему значений, под которой Мейер понимает «упорядоченность (*Zusammenordnung*) ограниченного числа выражений с индивидуальной точки зрения»¹¹.

Системы значений постоянно находятся в процессе становления, так как вследствие каждого изменения значений из системы выпадает какое-либо звено, а его место тотчас заполняется другим. В соответствии с этими положениями задачей семасиологии, как считает Мейер, является выяснение, во-первых, того, какой системе значений принадлежит каждое слово и, во-вторых, каков систематизирующий (*systembildende*), дифференцирующий фактор этой системы. В отдельном слове нередко наблюдается сплетение нескольких дифференцирующих факторов. В результате системы значений пересекаются, а это значит, что одно слово может принадлежать к нескольким системам.

---

⁹ *Osthoff H.* Vom Suppletivwesen der indogermanischen Sprachen. Heidelberg, 1900. S. 5 ff.

¹⁰ *Meyer R. M.* Bedeutungssysteme // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen.* Göttingen, 1910. Bd 43, Hft 4. S. 356.

¹¹ *Ibid.* S. 359.

В качестве примера Мейер берет ряд глаголов движения¹² и выделяет в них дифференцирующие факторы: способ движения (fliegen, schwimmen), протяженность во времени (laufen), равномерная повторяемость (schwimmen, marschieren) или отсутствие повторяемости (gehen) и т.д. В большинстве глаголов движения сплетается несколько факторов. Выявление подобных факторов, по Мейеру, должно осуществляться на основе фактов самого языка, а не по логическим принципам.

Положения, высказанные Остгоффом и Мейером, долгое время оставались без дальнейшего применения.

В 1923 г. появляется труд Г. Шпербера «Введение в учение о значениях»¹³, где автор снова высказывает мысли о системности в семантике, руководствуясь указаниями И. Штоклейна об изменении значений в словах как членах словосочетаний. Шпербер приходит к мысли о существовании определенных полей значений, которые он называет консоциацией. Шпербер отмечает связи отдельных слов: «Каждое слово находится в определенной сфере и поэтому часто является в обществе определенных других слов, принадлежащих той же сфере». Однако часто оказывается, что ряды вещественных отношений разрушены и непонятно, откуда произошла данная сохранившаяся связь.

Консоциация, по Шперберу, позволяет выявить сущность слова, новый смысл его. Шпербер применяет психоаналитический подход к семантической истории и ищет ключ к изменениям значений в эмоциональном элементе, который является основным стержнем семантических изменений. Не случайно его работа, появившаяся в 1914 г., называется «Об аффекте как причине языковых изменений» («Über den Affect als Ursache der Sprachveränderung»).

Слово, наделенное в силу тех или иных обстоятельств сильным чувственным значением, получает название «носителя самого аффекта» и может притягивать к себе другие слова. Это положение автор иллюстрирует примерами из терминологии Первой мировой войны (так, название пулемета Maschinengewehr притягивает к себе в силу сходства другие названия – Nächmaschine, Stottertante, Kaffemühle, расширяя свое значение). Шпербер подчеркивает, что группы слов, понятийно друг с другом связанных, расширяют свою сферу посредством метафорической экспансии. Шпербер дополняет лингвистику психо-

¹² Ibid. S. 360–362.

¹³ *Sperber H. Einführung in die Bedeutungslehre.* Bonn ; Leipzig, 1923.

логией, основывая психологические объяснения на эмоциональной ценности слов.

Своей кульминации теория Шпербера достигает в формулировке семантического закона: «Если в определенное время данный комплекс идей оказывается настолько насыщенным чувственным элементом, что это приводит к тому, что слово расширяет свою сферу и изменяет свое значение, то мы вправе ожидать, что другие слова, принадлежащие к тому же самому эмоциональному комплексу, также изменят свое значение»¹⁴.

Итак, отдельные замечания Г. Остгоффа о «системах родственных друг другу значений», из которых вытекает понимание отдельных выражений в языке; высказывания Р. Мейера о том, что каждое слово принадлежит к какой-либо системе значений, и его анализ слов – названий воинских рангов в немецком языке; возникшая из консоциаций теория Г. Шпербера – всё это положило начало формированию понятия системы в семасиологии.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ «ПОНЯТИЙНЫХ ПОЛЕЙ» (Й. Трир, Л. Вейсгербер и их последователи)

Дальнейшее становление понятия системы связано с возникновением так называемой теории поля. Со времени первого упоминания о «семантическом поле»¹⁵ на страницах работы Г. Ипсена в 1924 г.¹⁶ термин «поле» использовался недифференцированно и слишком широко. Он применялся к семантическим теориям, исходящим часто из прямо противоположных предпосылок (см. взгляды Й. Трира, В. Порцига и др.).

Теория поля охватывает, по сути, множество точек зрения, представляющих собой весьма значительные варианты общей идеи – идеи смысловой связи слов друг с другом в языке. При знакомстве с теорией поля, которая в данной работе расценивается как одно из проявле-

---

¹⁴ *Sperber H. Ein Gesetz der Bedeutungsentwicklung // Zeitschrift für deutsches Altertum. 1922. Bd 59. S. 67.*

¹⁵ Наряду с термином «семантическое поле» (Г. Ипсен, В. Порциг, А. Йоллес и др.) употребимо название «языковое, словесное, понятийное поле» (обычно Й. Трир).

¹⁶ См.: *Ipsen G. Der Alte Orient und die Indogermanen. Festschrift für W. Streitberg. Heidelberg, 1924. S. 224.*

ний понятия лексико-семантической системы, исследователя поражает не только наличие многочисленных различных толкований самого понятия поля, но и разнообразие методов его анализа.

Наиболее широкую известность за рубежом получила концепция Й. Трира, изложенная в его ранних работах¹⁷ и до известной степени противопоставляемая всем остальным самостоятельным теориям поля.

В чем же сущность воззрения Трира, раскрывающаяся в его теоретических работах? Каковы его исходные позиции, во многом противоположные взглядам других теоретиков поля?

Кристаллизации трировской идеи поля помогли философские взгляды Гегеля, Кассирера и Гуссерля, заложившего основы феноменологического анализа. Влияние их воззрений сказалось на основной философской идее Трира, заключающейся в том, что «каждый язык и каждая языковая ступень членит мир иначе, дает мир иначе и благодаря языковому общению мы имеем мир таким, как его дает язык¹⁸, т.е. язык и сознание формируют бытие, а не отражают его.

Наибольшее воздействие на Трира оказали труды В. Гумбольдта и косвенно Ф. де Соссюра. Так, например, начавшиеся в 20-е гг. споры вокруг гумбольдтовской «внутренней формы», воспринимаемой как основное содержание языка (работы А. Марти, В. Порцига), нашли отражение в следующем утверждении Трира: «Исследовать членение поля – это в определенных границах означает исследовать кусочек внутренней формы языка и тем самым обнаружить внутреннюю фор-

---

¹⁷ См.: *Trier J.* Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes... Heidelberg, 1931; Die Worte des Wissens // Mitteilungen des Universitätsbundes. Marburg, 1931. S. 33–40; Die Idee der Klugheit in ihrer sprachlichen Entfaltung // Zeitschrift für Deutschkunde. Leipzig ; Berlin, 1932. Jg. 46, Hft 9. S. 625–635; Sprachliche Felder // Zeitschrift für deutsche Bildung. 1932. Bd 8, Hft 9. S. 417–429; Das sprachliche Feld : eine Auseinandersetzung // Neue Jahrbücher für Wissenschaft und Jugendbildung. Leipzig ; Berlin, 1934. Bd 10. S. 428–449; Deutsche Bedeutungsforschung // Germanische Philologie : ergebnisse und Aufgaben. Festschrift für O. Behagel. Heidelberg, 1934. S. 173–200.

¹⁸ См.: *Trier J.* Deutsche Bedeutungsforschung. S. 185. О философской основе учения Трира подробнее см.: *Уфимцева А. А.* Теории «семантического поля» и возможности их применения при изучении словарного состава языка // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике : сборник. М. : Изд-во АН СССР, 1961. С. 30–63.

му языка, в которой выражается мировоззрение языка в один определенный период»¹⁹.

Подобно Гумбольдту, Трир видит в языке силу, формирующую мышление народа, выявляющую своеобразные черты его национального духа и совершенно оторванную от материального мира. Теория Трира, таким образом, неразрывно связана с идеей Гумбольдта о «внутренней форме языка», которая легла в основу целого направления в языкознании – направления неогумбольдтианцев. За идеалистический, антиисторический подход к языку Трир неоднократно подвергался суровой критике в советском языкознании, поэтому автор не считает нужным останавливаться на этом подробнее.

Предметом исследования Трира является понятийное (концептуальное) поле (сфера идей, понятий – *Begriffsfeld*, *Begriffsblock*, *Begriffskomplex*, *Sinnbezirk*), которому в языке соответствует накладывающееся на концептуальное лексическое (словесное) поле языковое поле знаков²⁰, т.е. определенная область слов: «Словесное поле приравнивается к более или менее замкнутому понятийному комплексу...»²¹ (т.е. концептуальному полю). При этом поля словесных знаков без пробелов (*lückenlos*) покрывают понятийные поля, т.е. автор предполагает полный параллелизм плана содержания и плана выражения.

По словам Трира, «поля суть языковые реальности, существующие между отдельным словом и целым словарем, которые являются частями целого и напоминают отдельные слова тем, что комбинируются в высшую единицу, а весь словарь тем, что сами разлагаются на более мелкие единицы»²².

¹⁹ *Trier J. Der deutsche Wortschatz... S. 20.* Гумбольдт ставил понятие «внутренней формы» в связь с «внутренней аналогией»: «В этой стороне языка – в особенной форме составляющих его звуков – необходимо господствует строгая аналогия, а так как вместе с тем на язык действует одна и та же, во всех одинаковая национальность, то каждый язык становится через это особенным мирозерцанием» (*Гумбольдт В. О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода / пер. П. Билярского. СПб., 1859. С. 56*). И далее: «Развивая из себя самого язык, он (народ) сам развивается в нем лично, и каждый язык образует вокруг народа свою сферу, которую надобно оставить, чтобы перейти в подобную сферу другого народа. Поэтому изучение чужого языка всегда должно бы быть приобретением новой точки мирозерцания...» (Там же. С. 57).

²⁰ Необходимо указать, что терминология Трира чрезвычайно туманна и запутанна, что затрудняет восприятие самой теории.

²¹ *Trier J. Der deutsche Wortschatz... S. 1.*

²² *Trier J. Das sprachliche Feld. S. 429.*

Словесное поле – это своего рода «словесное пальто, покрывало», подобное мозаике, подразделяющей понятийное поле. В своей теории Трир опирается на весь словарь целиком (Wörterschatz), разделяя его на большие словесные поля (Wortfelder), а те, подразделяя в свою очередь дальше, пока не получатся самые мелкие сущности – отдельные слова (Wörter), которые являются пределом членения словесного поля, соотносимого с концептуальным полем. Отдельные слова, лежащие в словесном поле, делят понятийное поле между собой – каждому слову достается определенный кусочек понятийного поля. Трир идет от понятий к словам и исследует группу слов со стороны понятия, которое оказывается тождественным значению. Вполне очевидно, что при таком подходе Трира не интересует контекст, в котором встречаются слова и выявляются их значения, ибо он не идет от слов, а приходит к ним как конечному результату членения поля, т.е. оперирует, по сути, понятиями (фактически Трир отождествляет слово и обозначаемое им понятие).

Гумбольдт в свое время говорил о том, что не речь собирается из отдельных существующих слов, а наоборот, слова проистекают из речи как целого. То же мы видим и у Трира. Язык сравнивается у него с уже построенным зданием, с архитектурным произведением, которое в готовом виде поступает в распоряжение говорящего²³. Выступая против «атомизма» в семантических исследованиях, против традиционной, атомистической (изолирующей) трактовки значения, Трир, используя учение Соссюра²⁴ о «значимостях», которые определяются своими отношениями с прочими элементами системы, разрабатывает структуральное понятие поля, из которого следует, что «ничего в языке не существует самостоятельно»: «Ни одно слово не стоит отдельно в сознании говорящего и слушающего так, как это можно было бы заключить из его звучания»²⁵. «Так как структура составляет основную сущность языка, – пишет Трир, – все лингвистические компоненты есть результат структуры. Конечно, значение каждого (компонента) определяется точно и единственно из его отношения и функции во всей лингвистической структуре»²⁶.

---

²³ См.: *Trier J. Sprachliche Felder.* S. 417.

²⁴ Более точно было бы сказать, что взгляды Трира, восходящие к Гумбольдту, совпали со многими положениями Соссюра.

²⁵ *Trier J. Der deutsche Wortschatz...* S. 1.

²⁶ *Trier J. Das sprachliche Feld.* S. 430.

В понимании словесного поля Трир делает акцент на взаимосвязь слов поля (и тем самым на анализ самих слов в поле), причем имеющаяся взаимосвязь слов рассматривается как связь обоюдная, двусторонняя. Все элементы поля определяют границы друг друга. Из подобной трактовки логически вытекает, что «слова в поле находятся во взаимозависимости друг от друга. Внутри этого целостного здания и получает единичное слово свою внутреннюю понятийную определенность»²⁷.

В подтверждение своего положения о том, что «слово «значит» только внутри целого и благодаря этому целому»²⁸, Трир приводит лингвистический широко известный пример с ученическими отметками и светофором. Из правильной мысли о наличии смысловых отношений у слов Трир делает слишком категоричное заключение. Его вывод о том, что значение каждой единицы определено ее соседями в поле и может быть понято только благодаря им, совершенно уничтожает самостоятельность слова: «Значение единичного слова зависит от значения его понятийных соседей»²⁹. Более того, «слова бессмысленны, если противоположные им слова, принадлежащие к тому же понятийному полю, не известны слушающему»³⁰.

Свои теоретические предпосылки Трир пытается проверить на практике. Однако следует отметить, что на практике автор игнорирует многие положения собственной теории, которая зачастую оказывается оторванной от практического материала и как бы повисает в воздухе. Естественно, что новизна теоретических взглядов потребовала от Трира и новых методов семантического анализа. В ходе работы складывается особая, трирская методика изучения и описания материала, основанная на законе лексической членимости языка. В этом легко убедиться, обратившись к практическому исследованию, проведенному Триром в его монографии³¹.

Трир подверг детальному анализу поле «разум» в немецком языке (под «разумом» понимаются как природные черты и особенности ума, так и приобретенные в процессе познания, в результате опыта). Свое исследование Трир ограничивает древним периодом. Он берет

---

²⁷ *Trier J.* Der deutsche Wortschatz... S. 2.

²⁸ *Ibid.* S. 5.

²⁹ *Ibid.* S. 3.

³⁰ *Ibid.* S. 8.

³¹ *Ibid.*

15 древневерхненемецких текстов, ряд текстов средневерхненемецкого периода и особо выделяет сочинения мыслителя Ноткера. К сожалению, отбор памятников проведен довольно поверхностно: Трир строит свои изыскания на разнодиалектных и разновременных переводах с латинских памятников. Отсюда – обилие фактологических неточностей, на которые указывали Триру его критики (например, А. Мейе, Ф. Шейдвейлер³²).

Из взятых работ Трир извлекает все именные выражения (изредка наречия), означающие «разум». Характерно, что автор использует лишь отдельные слова, но не сочетания слов и исключает из своего исследования глагольные выражения.

После анализа слов в различных текстах (сначала рассматриваются духовные, затем светские памятники и тексты рыцарского эпоса эпохи процветания) дается сравнение слов (точнее было бы сказать, кусочков концептуального поля, соответствующих отдельным словам) по авторам и различным историческим периодам. При анализе древневерхненемецких текстов Трир особое внимание уделяет исследованию словаря Ноткера, который первый начал различать ум и знание (*sapientia* – *prudencia*) как две отдельные сущности, чего до него никто не делал.

Обследование Триром древнейших памятников показало, что у разных авторов древневерхненемецкого периода одному и тому же понятию концептуального поля соответствуют часто различные слова словесного поля, и наоборот, нередко одно слово используется для разных понятий, т.е. поле «разум» у каждого из авторов выглядит иначе, имеет свое членение (слова по-своему подразделяют понятийное поле), и полного параллелизма, теоретически предполагаемого Триром, планов содержания и выражения (по терминологии автора, словесного и концептуального полей) не существует.

Например, понятие (равное у Трира значению) «*sapientia*» передается как *spahida* (Татиан, IX в.), *uuzzî*, *uuisduam* (Отфрид, IX в.), *uuiôtôm* (Monseer Fragmente), *firstand* (Исидор); «*prudencia*» – как *fruoîf* (Ноткер, X в.), *uuiustuom* (Татиан), *uuisduam*, *uuzzî* (Отфрид), *claulicho* (Benediktinnerregen); «*ratio*» – как *reda* (Ноткер), *redina* (Benediktinner-

---

³² Bulletin de la Société de Linguistique de Paris. 1931. Vol. 32, fsc 3. P. 143–144; *Scheidweiler F.* Die Wortfeldtheorie // Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur. 1942. Bd 79, Hft 3–4. S. 249–272; Idem. «Kunst» und «List»... 1941. Bd 78. Hft 1–2. S. 62–87.

regen), sin (Ноткер), wizze gewizze (Ноткер); «scientia» – как chunst, list, wizentheit, chunna (Ноткер), uuistuom (Татиан); «intellectus» – как farnufst (Benediktinnerregen), furstantnessi, uorstantnissi (Татиан), sin-nigi, fernumest wistuom (Ноткер); «simplex» – как einfaltlih (Benediktinnerregen), luttar (Татиан) и т.д.

Вместе с тем uuizzî, uuisduam (Отфрид) означает и «sapientia», и «prudentia»; uuistôm (Татиан) – и «prudentia», и «scientia» и т.д. На последнем обстоятельстве (нерасчлененности у Отфрида и Татиана понятий sapientia + prudentia, prudentia + scientia) Трир акцентирует особое внимание. Он говорит, что у Отфрида uuizzî, giuizzî и uuisduam «понятийно смешаны»³³ – они означают и «sapientia», и «prudential» (wîs Отфрида приблизительно равно spahi + wisi Татиана, но у Татиана wisi означает не просто prudens, а prudens + sciens). Смешение «понимания, разума» и «знания» (Verstand и Wissen) в wizze является первоначальным, исконным³⁴. Лишь начиная с Ноткера wizze (и sin) явно недвусмысленно связываются уже с «ratio», «intellectus», а синкретически слитые значения Отфрида (sapientia + prudentia) вытеснены. Понятие «prudentia» переходит теперь к слову fruoti, а вместо татиановского uuistuom для «prudentia + scientia», взятых в единстве, у Ноткера мы встречаем уже chunst (изредка list, которого у Татиана не было совсем)³⁵. О каком-либо центральном понятии поля до XIV в., по мнению Трира, говорить трудно³⁶.

Таким образом, от отфридовского uuizzî, означающего «sapientia + prudentia» и chunst в смысле «scientia» через татиановское spahida, которое передает «sapientia» и uuistuom, соответствующее «prudentia + scientia», мы приходим к совершенно иной картине у Ноткера: wizze здесь означает «sapientia», fruoti – «prudentia», chunst – «scientia». В

³³ Trier J. Der deutsche Wortschatz... S. 76–77.

³⁴ Ibid. S. 76.

³⁵ Wîs и spahi у Ноткера, по наблюдению Трира, различаются не понятийно, а стилистически. Они оба употребляются в сложных словах: spahi редко применяется к лицам, зато wîs (как прилагательное) постоянно соотносится с ними. У Отфрида list и konstî тоже различаются лишь стилистически.

³⁶ Ф. Шейдвейлер, обследовав памятники древневерхненемецкого периода разных диалектов и разных переводчиков, пришел к противоположному выводу: по его наблюдению, слово kluoc в значении «умный» употребляется как центральное слово всей группы уже в течение всего XIII в. (см.: Scheidweiler F. Kluoc // Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur. 1941. Bd 78. Hft 3–4. S. 200–202).

качестве примера взят лишь один незначительный кусок поля «разум» без учета анализа негативных существительных и прилагательных и позитивных прилагательных, означающих *sapientia*, *prudentia*, *scientia*. Точно так же Трир проводит анализ памятников в средневерхненемецком и нововверхненемецком языках, сопоставляя затем их друг с другом в пределах одной, однако, эпохи.

Сравнение результатов исследования различных авторов одного века (Татиан и Отфрид) или разных веков (Татиан и Отфрид, IX в., и Ноткер, X в.), проведенное в пределах одного древневерхненемецкого периода, наглядно показывает, как происходит «перечленение» поля.

Перечленение поля – это перегруппировка мозаичных кусочков понятийного поля, делимого словом (то или иное слово данного поля берет себе то больший, то меньший кусочек понятийного поля). Между отдельными частными понятиями, составляющими поле, происходит передвижение внутренних (но не внешних) границ. «Эти изменения членения в полях и эти изменения границ между полями есть внутренняя, категориальная история языка», – пишет Трир³⁷. «Членение поля, – по его словам, – изменяется от эпохи к эпохе и при этом выступающие изменения значений отдельных слов должны быть поняты как изменения в членении поля»³⁸. Так, поле *Klugheit* в нововверхненемецком языке целиком накладывается на древневерхненемецкое поле, но ячейки не совпадают – все дело в ином членении поля, полученном в результате изменения объема и содержания понятий, входящих в концептуальное поле Трира³⁹. То же самое мы видели и при сопоставлении поля «разум» у разных авторов одного древневерхненемецкого периода.

Внимание Трира привлекали проблемы синхронии – диахронии Соссюра, восходящие в свою очередь к гумбольдтовской концепции «сочленений». Трира не удовлетворяло соссюрское решение проблемы, поскольку принцип системности при диахроническом рассмотрении языка у Соссюра нарушается, исчезает. Трир дает свою, структурную историю поля.

В отличие от Соссюра, оперировавшего понятиями синхронии и диахронии, Трир подвергает сомнению⁴⁰ слишком прямолинейное

---

³⁷ *Trier J.* Die Idee der Klugheit... S. 626.

³⁸ *Trier J.* Der deutsche Wortschatz... S. 8.

³⁹ *Trier J.* Sprachliche Felder. S. 420, 423.

⁴⁰ Трир – не единственный лингвист, пытавшийся не противопоставлять син-

различие между синхронией и диахронией; структуру поля он воспринимает только в статике. Диахронию же Трир сводит к перечленению поля. Следовательно, диахронические изменения значений – это перечленение смысловых (понятийных) отношений в поле, внешние границы которого остаются неизменными.

Дополнительно к диахроническим изменениям Трир особо выделяет исторические изменения, расценивая их как результат концептуального (диахронического) перечленения поля.

Об истории можно говорить лишь применительно ко всему понятийному полю в целом, так как слово, лишенное самостоятельности, естественно, не может иметь и своей истории.

Исторические изменения, историю Трир дает как сравнительную статику, т.е. как сравнение двух статических состояний поля, сравнение разных исторических пластов. Исторические изменения, следовательно, являются дискретным процессом, в отличие от диахронических, равных перечленению поля. По мнению Трира, «членение поля одного отдельного языка является необходимой предварительной работой для сравнения двух языков в целом»⁴¹. Это указание Трира было подхвачено многими лингвистами, разработавшими особую методику сопоставительного изучения полей двух различных языков в один исторический период.

Сам Трир считал основным диахронический аспект исследования. Книга Трира комбинирует описательное и историческое исследование, правда, последнее не в традиционном понимании, а как изучение перечленения поля.

Древние периоды жизни языка показывают язык, говоря словами Трира, более как *ergon* (нечто готовое, сделанное), чем *energeia* (творческая сила). Поскольку же Трир ограничивается лишь эпохой до XIII в., то язык для него фактически выступает как *ergon*.

Таким образом, усвоив и в отдельных случаях по-своему переломив положения Гумбольдта и Соссюра о структуре, ценностях, о внутренней форме языка, о сочленениях и т.д., Трир, в соответствии с собственным пониманием поля, попытался разработать особую мето-

---

хронию и диахронию в лингвистике, не разрывая их. Это делали и до него, в частности, В. Вартбург, Л. Вейсгербер, взгляды которых разбираются в статье Трира «Deutsche Bedeutungsforschung». С методами Вартбурга Трир соглашается, но его далеко не всё удовлетворяет в исследовании такого рода.

⁴¹ *Trier J. Der deutsche Wortschatz... S. 22.*

дику семантического анализа, основанную на законе членения языка, взяв в качестве объекта группу слов, выражающих абстрактное понятие⁴². Поле «разума», как его представляет Трир, производит впечатление очень разнообразной мозаики из идей, понятий (концептуальное поле), которым соответствуют слова (лексическое поле), хотя и различные в разных случаях.

Учение Трира стимулировало дальнейшее системное исследование лексики.

Метод Трира и его теоретические положения были использованы десятками учеников Трира, которые либо слепо во всех вопросах подражали ему, либо привносили в теорию кое-что свое, давали иную методику анализа, но в целом не отклонялись от концепции Трира.

Обычно в числе трудов, написанных в духе Трира (в том числе и не его непосредственными учениками), называют работы Т. Шнейдера, А. Мора, Г. Бехтольда, Г. Фишера, М. Трелле, А. Шонинг, Г. Хюсгена⁴³, исследовавших поле «разум» в немецком и других языках в различные эпохи; работы В. Клетта, Г. Юци, С. Вилера⁴⁴, посвящен-

---

⁴² В последующих своих работах Трир отошел в сторону от прежней методики. Многие его статьи поздних лет написаны в духе исследования слов-вещей; в ряде статей Трир выступает как этимолог: *First... // Nachrichten von der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Fachgruppe IV, N.F. 1940. Bd 3, N 4. S. 55–137; Vorgeschichte des Wortes Reich // Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. 1943. Phil.-hist. Klasse, N 14; Spiel // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. 1947. Bd 69, Hft 3–4. S. 419–462; Zehn Etymologien zum Fachwerk. Marburg, 1951; Holz... // Münster; Köln, 1952; Wald // Fragen und Forschungen im Bereich und Unkreis der germanischen Philologie. Festgabe für Th. Frings. Berlin, 1956. S. 25–39.*

⁴³ *Mohr A.* Die intellektuelle Einschätzung des Menschen in der Mundart des Amtes Drolschagen im Sauerland. Münster, 1931; *Schneider Th.* Der intellektuelle Wortschatz Meister Eckenharts... Berlin, 1935; *Trelle M.* Zwei Feldgefüge im Sinnbezirk des Verstandes bei Philipp von Zesen. Münster, 1935; *Hüsgen Schw.* Das Intellektualfeld in der deutschen Arkadia und in ihrem englischen Vorbild : dis. Massing-Emmerich, 1935; *Bechtoldt H.* Der französische Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes... // Romanische Forschungen. Erlangen, 1935. Bd 49, Hft I. S. 21–180; *Schöningh A.* Der intellektuelle Wortschatz Luthers in den Paulinischen Briefen des Septembertestaments : dis. Münster, 1937; *Fischer H.* Der Intellektuelle Wortschatz im Deutschen und Französischen des 17. Jahrhunderts. Berlin, 1938.

⁴⁴ *Klett W.* Wörter im Sinnbereich der Gemeinschaft bei W. Langland : dis. Bonn, 1939; *Juzi G.* Die Ausdrücke des Schönen in der altenglischen Dichtung... : dis. Zürich, 1939; *Wylar S.* Die Adjektive des mittellenglischen Schönheitsfeldes unter besonderer Berücksichtigung Chaucers : dis. Zürich, 1944.

ные полю «прекрасного»; работы Г. Скоммодо, Ф. Маурера⁴⁵, давших анализ иных полей, и др. Достаточно посмотреть одну-две из этих работ, чтобы убедиться в их полной зависимости от Трира.

Именно такой является, например, книга Г. Бехтольда. Автор анализирует французский словарный запас в смысловой области «разум», используя памятники древнего периода – до конца XII в. Делается это для того, чтобы можно было сравнить поле «разум» в немецком и французском языках, для чего сначала необходимо изучить это поле во французском языке того же периода, что и в немецком языке. Однако при работе с французским материалом возникает ряд дополнительных проблем. Так, для слов французского языка древних эпох важно учитывать их происхождение. «Проблема родного языка для французского (как и для других романских языков) совершенно самобытна, – пишет Бехтольдт. – Ответ на этот вопрос есть ключ к познанию внутренней формы французского языка»⁴⁶. Данная проблема – вопрос соотношения французского языка с вульгарной латынью – решается на материале анализа духовных и дидактических текстов старофранцузского языка. В работе рассматриваются позитивные и негативные прилагательные в переводной и непереводной литературе (в последнем случае сопоставляется французское слово с его латинским источником).

Работа распадается на три части. В первой части дается теоретическое обоснование темы и метода. Подобно Триру, Бехтольд утверждает, что «значимость и положение отдельного слова внутри группы слов определяется через его окружение»⁴⁷. Исходные посылки работы – целиком трировские. Во второй части дается конкретный анализ слов, обозначающих «разум» из 29 текстов старофранцузского языка. В третьей части по образцу Трира выявляется круг значений взятого поля сопоставительно друг с другом⁴⁸.

---

⁴⁵ *Skommodau H.* Der französische psychologische Wortschatz der 2. Hälfte des 18. Jahrhunderts. Leipzig ; Paris, 1933; *Maurer F.* Leid. Bern ; München, 1951.

⁴⁶ *Bechtoldt H.* Op. cit. S. 23.

⁴⁷ *Ibid.* S. 23.

⁴⁸ Работа Бехтольда обратила на себя внимание некоторых критиков. В 1939 г. появляется рецензия на эту книгу Г. Рейнфельдера, который критикует автора за ограничение исследования существительными и прилагательными (так поступал и Трир) и за использование лишь духовной и дидактической старофранцузской литературы XII в., а также за то, что автор «не формулирует значения этих слов с достаточной точностью или осторожностью, существенными, очевид-

Подобных работ, теоретически и методологически зависимых от учения Трира, в 30-е гг. (т.е. сразу после появления монографии Трира) написано множество. Авторы рассматривали не только поле «разум» (в других языках или у отдельных писателей), но и другие поля. Значительный интерес вызвало поле «красоты, прекрасного», рассмотренное в староанглийской поэзии (Юци) и среднеанглийский период у Чосера (Вилер)⁴⁹. Исследователи поля «прекрасного» очень искусно дифференцировали свой материал, допуская некоторые отклонения от Трира, но в целом используя его методику и его теоретические положения.

В числе работ, представляющих анализ того или иного поля в духе Трира, часто называют и работу Ф. Маурера⁵⁰. Отправной точкой этого труда является средневерхненемецкое *leit*, которое образует часть поля «*ere, leit, rache*». Цель работы Маурера шире, чем описание только данного поля. Автора попутно привлекают многие чисто литературоведческие вопросы. Маурер выступает перед нами в основном как литературный критик и историк, так что отнесение книги Маурера к работам, написанным в духе Трира, возможно лишь с некоторой натяжкой.

Поле психологических названий в текстах французских писателей второй половины XVIII в. изучил Г. Скоммодо. В 50-е гг. Л. Тинсли (ученица Хатцфельда) в духе Трира описывает на материале французского языка поле «высшей духовной деятельности». В это поле вошли три ключевых названия: *dévotion, piété, spiritualité* – и ряд подчиненных слов, попадающих в их орбиту⁵¹. Тинсли идет от целого поля, как и Трир, но не пренебрегает в отдельных случаях и историей компонентов поля, чего мы не видели у Трира⁵². Работа вызвала в целом одобрительную оценку С. Ульмана⁵³.

но, для исследований такого типа» (см.: *Literaturblatt für germanische und romanische Philologie*. Leipzig, 1939. Jg. 60, N 3–4. S. 118–122).

⁴⁹ См. *Juzi G.* Op. cit.; *Wylar S.* Op. cit.

⁵⁰ См.: *Maurer F.* Op. cit. См. также рецензию на его книгу Д. Кларка (*Archivum Linguisticum*. A. Review of Comparative Philology and General Linguistics. Glasgow, 1952. Vol. 4, fsc 1. P. 77–79). Кларк называет Маурера «одним из ведущих представителей теории поля, впервые развитой Триром».

⁵¹ См.: *Tinsley L.* *The French Expressions for Spirituality and Devotion : a semantic study*. Washington, 1953.

⁵² *Ibid.* P. 187, 209.

⁵³ *Romance Philology*. Berkeley ; Los Angeles. 1955. Vol. IX, N 1. P. 46–48.

Таким образом, довольно большая группа лингвистов сразу же после выхода в свет монографии Трира стала практически применять его теорию к материалу разных языков и разных периодов, не пересматривая совершенно теоретических основ концепции поля, оперируя фактически областью понятий. Исходные положения Трира принимались безоговорочно, материал обрабатывался обычно методом Трира, лишь изредка допускались отклонения.

Одновременно с появлением эпигонских, несамостоятельных исследований начался и пересмотр теории поля. Новый метод обсуждался и эволюционировал в ряде статей (В. Бетца, Г. Мюллера, С. Эман, Г. Базилиуса, М. Конрадт-Хикинг и др.), посвященных проблеме семантического поля; он широко дискутировался в общих теоретических работах⁵⁴ и во многих практических исследованиях, авторы которых касались теории Трира⁵⁵. В большинстве случаев звучали явно критические голоса⁵⁶.

---

⁵⁴ См.: *Ullmann St. The Principles of Semantics*. Glasgow, 1951. P. 152–170; *Kronasser H. Handbuch der Semasiologie...* Heidelberg, 1952. S. 133–138; *Guiraud P. La sémantique*. Paris, 1955. P. 68–82. Ульман, на которого теория Трира, высоко им ценимая, оказала известное влияние, стремился примирить традиционный, атомистический подход к значению с теорией поля, которую считает структуральной. Ульман доказывает, что связь имени и смысла (понятия) более прочна, чем простая ассоциация. К тому же ее можно рассматривать и с точки зрения смысла (тогда получим название). Разрыв имени и смысла, формальной и смысловой стороны языка (что делает, в частности, Л. Вейсгербер) вызывает острую критику Ульмана. Поле Трира строится на ассоциации означаемых, т.е. понятий (смыслов). Это сближается с теорией «ассоциативных полей» Ш. Балли, основанных на ассоциации не только означаемых (что выдвигал Соссюр), но и означающих (см.: *Bally Ch. L'arbitraire du signe // Le Français Moderne*. 1940. Т. 8, N 2. S. 195–197). Ульман, вслед за Балли, также говорит о возможности ассоциации означающих, т.е. имен, а не только смыслов. Поскольку же имя, по Ульману, обязательно предполагает смысл (и наоборот), а следовательно, и отношение к нему (это и есть функциональное значение Ульмана), то тем самым автор считает доказанным совместимость теории семантического поля и понятия функционального значения, не учитывая, что в традиционном языкознании значение слова определяется не с функциональной точки зрения. На деле примерить традиционное языкознание и структурализм Ульману не удалось.

⁵⁵ См., например: *Reuning K. Joy and Freude*. Swarthmore, 1941; *Rudskoger A. Fair, Foul, Nice, Proper : a Contribution to the Study of Polysemy*. Stockholm, 1952; *Oksaar E. Semantische Studien im Sinnbereich der Schnelligkeit : «Plötzlich», «Schenell» und ihre Synonimik im Deutsch der Gegenwart und des Prüh-, Hoch- und Spätmittelalters*. Uppsala, 1958.

⁵⁶ Анализировались прежде всего основные положения теории поля (обычно учений Трира и Вейсгербера). См.: *Ахманова О. С. Очерки по общей и русской*

Наиболее сильную критику мы находим у В. Бетца⁵⁷, проведенного среди студентов лингвистический эксперимент, результаты которого заставили автора усомниться в объективности существования в языке «семантических полей». Трир, по замечанию Бетца, очевидно, хотел, чтобы «язык был подобен точному математическому прибору, чтобы он был совершенно безошибочно и ясно поделен и переделен на поля»⁵⁸. Однако сделать это пока невозможно, и потому поле не является существующей структурной формой словарного запаса языка, – такой вывод делает Бетц. Поле, по мнению Бетца, должно иметь не геометрически плоский, а ступенчатый вид, т.е. слова общего значения и очень узкого, конкретного не могут располагаться на одной ступени. Членение поля необходимо выводить эмпирически, а не навязывать его языку. Бетц указывает также, что неверно заранее предполагать полную гармонию членов поля, где в действительности царят пробелы и перекрещивания, где часто невозможно определить границы отдельных слов⁵⁹.

Прежде чем изучать поле, необходимо, как указывает Бетц, собрать живой языковой материал, чего не сделал Трир. «Все существовавшие до сего времени описания поля, – говорит он, – зачастую опирались на абстракции, на отдельные тексты бедного литературой

лексикологии. М. : Учпедгиз, 1957. С. 78–81; *Звегинцев В. А.* Семасиология. М. : Изд-во МГУ, 1957. Гл. IX; *Левковская К. А.* Лексикология немецкого языка. М. : Учпедгиз, 1956. С. 133–136; *Будагова Р. А.* Задачи изучения лексики // Доклады и сообщения филол. ин-та ЛГУ. 1949. Вып. 1. С. 103–123; *Виноградов В. В.* Указ. соч., примечание 5; *Шендельс Е. И.* О грамматических значениях в плане содержания // Принципы научного анализа языка : сборник. М. : Изд-во БПШ и АОН при ЦК КПСС, 1959. С. 50–54; *Комлев Н. Г.* О некоторых работах современных зарубежных языковедов // Научные доклады высшей школы. Филол. науки. 1959. № 1. С. 147–149 и др. Теориям «семантического поля» были посвящены доклад А. А. Уфимцевой (см. Тезисы докладов на VI пленарном заседании Словарной комиссии ОЛЯ АН СССР, посвященном современной проблематике лексикологии и семасиологии 19–21 октября 1960 г. М., 1960. С. 5–10), статьи А. А. Уфимцевой, М. М. Гухман (*Уфимцева А. А.* К вопросу о лексико-семантической системе языка // Вопросы языкознания. 1962. № 4. С. 36–46; *Гухман М. М.* Лингвистическая теория Л. Вейсгербера // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике : сборник. М. : Изд-во АН СССР, 1961. С. 123–162).

⁵⁷ *Betz W.* Zur Überprüfung des Feldbegriffes // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen.* Göttingen, 1954. N.F. Bd 71, Hft 3–4. S. 189–198.

⁵⁸ *Ibid.* S. 197.

⁵⁹ *Ibid.* S. 191.

времени, на произведения одного автора или группы, но никогда – на живую полноту живого разговорного языка»⁶⁰.

Наконец, возражения Бетца вызывает и сам термин «поле», который в большинстве случаев оказывается неточным и даже бесполезным, поскольку его очень трудно дифференцировать. Вместо названия «поле» Бетц рекомендует употреблять сочетание слов «смысловая область» (*Sinnbezirk*). Деление же этих «смысловых областей» должно определяться в каждом случае особо, а не по заранее составленной схеме.

Однако Бетц фиксирует не только недостатки теории поля, хотя останавливается преимущественно на них. Он отмечает и ее достоинства: «Ценным было и есть постоянное указание на более или менее крупные связанные группы слов, группы вещей», указание на определенные единые структуры языка, т.е. системность лексических явлений.

Отдельные критические упреки в адрес Трира и его теории можно найти в статьях Г. Базилиуса и С. Эман⁶¹.

Например, Эман, как и Бетц, говорит, что в различных лексических полях трудно провести такие точные границы, как в поле «разум»⁶². Образ мозаики, сопровождающий теорию поля с самого ее возникновения (что идет от Ипсена), пригоден для очень немногих словесных областей, главным образом, по мнению Эман, в сфере, относящейся к понятию «человек», но он совершенно непригоден в области температурных делений (например, к шкале – горячий, холодный, прохладный, теплый и т.д.). Кстати, эту непригодность к другим

---

⁶⁰ *Betz W.* Op. cit. S. 189.

⁶¹ *Basilius H.* Neo-Humboldtian ethnolinguistics // *Word*. New York, 1952. Vol. 8, N 2. P. 95–105; *Öhman S.* Theories of the linguistic field // *Word*. New York, 1953. Vol. 9, N 2. P. 123–134.

⁶² Аналогичное замечание мы находим и у Йоллеса, Порцига, Ройнинга, Мюллера и др. (*Jolles A.* Antike Bedeutungsfelder // *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur*. Haale (Saale), 1934. Bd 58, Hft 1–2, S. 97–109; *Porzig W.* Wesenhafte Bedeutungsbeziehungen // *Ibid.* S. 70–97; *Reuning K.* Joy and Freude... Swarthmore, 1941; *Müller G.* Wortfeld und Sprachfeld // *Beiträge zur Einheit von Bildung und Sprache im Geistigen Sein*. Berlin, 1957. S. 155–163.

Йоллес возражал против того, что поля имеют резкие границы, указывая, что к цепи слов, входящих в одно поле, могут быть прибавлены все новые звенья. Он подверг критике также трировское членение поля, отметив, что неверно считать, будто не может быть пробелов между словами в поле.

областям допускал и Трир. По заключению Эман, упрощение картины с помощью мозаики там, где оно возможно, дает большие преимущества, хотя и таит в себе немалую опасность, так как может легко привести к ложным выводам. Эман считает, что проблема исторического развития не может быть удовлетворительно решена методом Трира. Зато понятийные поля Трира могут содействовать решению проблем омонимии и полисемии. Эман приводит следующий пример: в конце XVIII в. в Германии *braun* означало и «фиолетовый», и «коричневый». Оба цвета включались в один и тот же раздел поля, обозначаемого как *braun*. Трир своей теорией убедительно показал, что *braun* как «коричневый» и *braun* как «фиолетовый» – одно полисемантическое слово, т.е. никаких омонимов здесь нет. Прямо противоположную картину мы видим в немецком *Schloss* «зámок» и *Schloss* «замóк», которые относятся к двум различным полям, т.е. являются омонимами⁶³. Общий вывод автора таков: теория поля справедливо привлекла к себе большее внимание, но оказалась применима только к области абстрактных слов в словаре⁶⁴.

Однако основное возражение вызывает само определение поля Триром. В 1956 г. появляется статья М. Конрадт-Хикинг⁶⁵, в которой пересматривается теория поля Трира. Автор критикует Трира за то, что тот берет не языковые, а понятийные поля: «Слова смыслового поля (*Weisheit, Klugheit, Schlauheit, List...*) стоят только понятийно, а не по значению в одном поле – таков результат нашего исследования относительного смыслового поля»⁶⁶. Между тем, как говорит Конрадт-Хикинг, понятийное истолкование значений словарного запаса языка относится к области философии, а не лингвистики. Задача же

---

⁶³ *Öhman S. Op. cit. S. 134.*

⁶⁴ У Эман есть практическое рассмотрение ряда лексико-семантических групп, проведенное в сравнительном плане (см.: *Wortinhalt und Weltbild. Stockholm, 1951*). Автор сопоставляет немецкую и шведскую терминологию в сфере учреждений (администрация, политические партии, военные титулы, образование, деньги, меры и т.д.), в области чувственных данных (краски, звуки и т.д.) и родственных отношений. Эман не обращается к терминам, обозначающим интеллектуальные и моральные ценности. В своем анализе «полей» она исходит из слов, а не из понятий.

⁶⁵ *Konradt-Hicking M. Wortfeld oder Bedeutungsfeld (Sinnfeld)? // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. Göttingen, 1956. Bd 73, Hft 1–2, S. 222–234.*

⁶⁶ *Ibid. S. 228.*

лингвиста – изучать звуковую и значимую сторону слов неразрывно (автор исходит из соссюровского понимания знака: «Слово есть отвечающее его сущности единство звучания и значения»). Именно так и поступает Конрадт-Хикинг, анализируя, в отличие от Трира, не смысловое (понятийное) поле, а словесное. Он показывает такое словесное поле на примере сложных слов, в которых отдельное слово, компонент сложного слова, выступает как член поля. В словесном поле Конрадт-Хикинг слова стоят вместе не только по своему значению, но и по своему звучанию. Для обоснования этого взгляда Конрадт-Хикинг использует иной метод – берет омонимы Eule («птица», «щетка», «горшок») и рассматривает их в составе сложных слов (Eulennest – совиное гнездо, Eulenaugen – совиные глаза, Kehreule – половая щетка, Handeule – ручная щетка и т.д.). При этом компоненты для первого омонима Nest, Augen вошли в область представлений, связанных с птицей, а компоненты второго омонима – в область представлений, связанных со щеткой. Присоединение компонента другого звучания изменяет и значение слова. В пределах одного словесного поля, т.е. в сложном слове, могут быть объединены слова лишь одного круга представлений.

Словесное поле Конрадт-Хикинг позволяет изучить жизнь омонимов, но из своих частных наблюдений автор делает выводы общего характера, заключения о структуре всего немецкого языка, что звучит малоубедительно, хотя и смело. Таким образом, идея «поля», идея системности в лексике нашла в теории Конрадт-Хикинг свое новое преломление: автор настаивает на методе изучения слов одновременно со стороны их звучания и значения, что можно проследить на материале омонимов, входящих в состав сложных слов⁶⁷.

Вслед за статьей Конрадт-Хикинг в 1957 г. появляется статья Г. Мюллера «Словесное поле и языковое поле»⁶⁸. Автор статьи обращает внимание на контекст, который Трир совершенно игнорировал, поскольку исходил из понятий, а не из слов, за то же критикуют Трира К. Ройнинг и А. Рудскогер. Г. Мюллер предлагает различать понятий-

---

⁶⁷ Как Конрадт-Хикинг, связь звука и значения учитывает и П. Гиро, ссылаясь на Соссюра (см.: *Girard P. Les champs morpho-sémantiques // Bulletin de la Société linguistique de Paris. Paris, 1957. Vol. 52, fasc 1. P. 265–288*). Он решает этимологические проблемы, выясняя внешние и внутренние критерии этимологии и т.д. Ср. также: *Orr I. Words and Sounds in English and French. Oxford, 1953.*

⁶⁸ *Müller. G. Op. cit.*

ный и языковой контекст, из которых первый объявляется вторичным, что, впрочем, зависит от конкретной ситуации.

В отличие от Трира и Вейсгербера, на которых ссылается Мюллер, автор понимает термины Wortfeld и Sprachfeld дифференцированно – первый как «понятийное поле» (Begriffsfeld), второй – как «синтаксическое поле» (syntaktischen Feld)⁶⁹. Смотри по обстоятельствам, вторичным может быть то одно, то другое из этих полей.

Особое внимание автор сосредоточивает на синтаксических значениях отношений. При исследовании синтаксического поля следует исходить, по мнению Мюллера, из отдельного слова, которое стоит в центре синтаксической конструкции. В применении к полям Трира этого никогда не было – при анализе понятийных полей Трир исходил только из целого, определял значимость слова только через целое понятийное поле. Все зависит, по Мюллеру, от синтаксических связей. Так, в конструкции wir werden kommen у глагола werden семантического смысла нет, а в сочетании etwas werden у werden есть смысловая нагрузка⁷⁰. Это и составляет синтаксическое значение отношений. Лексическое значение, по Мюллеру, есть у отдельных слов, тогда как значения синтаксических отношений могут быть лишь у целого выражения. Методика анализа Мюллера, следовательно, сильно отличается от трировской.

Итак, основные критические замечания в адрес теории Трира могут быть сведены к следующим: 1) поля Трира объединяют родственные понятия, вместо того чтобы включать в себя лингвистические единицы-значения; 2) эти понятийные поля выделяются не объективно, а интуитивно, что часто ведет к серьезным ошибкам; к тому же выделение их идет со стороны логики, а не лингвистики; 3) не существует четких и неизменных границ между полями в отдельных языках, как это пытается доказать Трир; 4) данный подход к проблеме синхронной семантики ограничен по охвату материала, поскольку теория Трира применима лишь к таким сферам человеческого опыта, элементы которых строго систематизированы; 5) проблема исторического развития семантической системы не может быть удовлетворительно решена с помощью теории Трира (хотя взгляд на историю как дискретный процесс используется современными структуралистами на других уровнях языка).

⁶⁹ Ibid. S. 156.

⁷⁰ Ibid. S. 162.

Наконец, и сам метод семантического анализа Трира, состоящий в установлении способов членения понятийного содержания языка с помощью словесного поля при его наложении на концептуальное поле, может быть подвергнут сомнению, поскольку он основывается на определении значимости слова через целое понятийное поле, без учета связей самих слов друг с другом в пределах одной системы, понятие же семантической системы фактически сведено к понятийному содержанию языка.

Многочисленные, хотя обычно и критические, отклики на теорию поля Трира говорят о том большом интересе, который вызывают вопросы системности языка (в данном случае проблема семантической системы) у лингвистов разных стран и направлений. Они свидетельствуют также о том, что поиски новых методов семантического анализа все еще продолжаются (см. статьи Конрадт-Хикинг, Мюллера).

Концепция Трира близка теории Вейсгербера, основного идеолога современного неогумбольдтианства, с именем которого связано возрождение учения Гумбольдта о «внутренней форме языка»⁷¹.

Вейсгербер, обративший едва ли не первый внимание на определенные, связанные сферы словаря, дал самостоятельное решение проблемы системности в лексике, применив новые методы семантического анализа. Его основное исследование в четырех томах «О силах немецкого языка» (особенно II том монографии «О мировоззрении немецкого языка»⁷², соотносимый с идеями Б. Уорфа) выходит за рамки собственно семантических проблем: задача автора – вскрыть мировоззрение немецкого народа через языковой анализ. Языковое познание действительного мира легче всего выявить в лексике, подразделяемой у Вейсгербера на три области (природа; материальная цивилизация; интеллектуально-духовная культура и абстрактный опыт), и в грамматике.

---

⁷¹ С этой точки зрения можно считать Трира последователем Вейсгербера, развивающим его общефилософские взгляды, хотя и под иным углом зрения. Что касается теории поля Трира, то она, судя по всему, возникла вполне самостоятельно и оказала большее влияние на последующее системное рассмотрение лексики, чем работы самого Вейсгербера. В связи с этим изложение ее было дано раньше, чем описания основ и методов исследования Вейсгербера.

⁷² *Weisgerber L. Von den Kräften der deutschen Sprache. Düsseldorf, 1950. 1 Aufl. Bd 2 : Vom Weltbild der deutschen Sprache.*

Основные положения книги (язык – духовная сила народа, движущая сила истории и т.д.) восходят к Гумбольдту⁷³. Исходя из положения о том, что язык – не только средство общения, но и настоящий мир, который дух должен открывать, Вейсгербер объявляет язык «мысленным промежуточным миром» (*Zwischenwelt*), который есть результат взаимодействия мира вещей и мира сознания (тезис о соотносительности мира языка с внешним миром Вейсгербер отрицает совсем). Язык существует только в рамках *Zwischenwelt*'а, Вейсгербер возражает против ограничительного понимания языка как инструмента познания мира. По Вейсгерберу, язык является тем целым, которое охватывает все явления, связывая их в это единое целое («общность языка охватывает общность жизни»⁷⁴). Никакая область жизни не чужда языку. Язык сам создает окружающий мир. Язык есть образ, картина мира, мировоззрение народа (*Weltbild*). При этом каждый язык связан с определенным народом. Отсюда различие языков есть различие самих взглядов на мир и, естественно, для людей разных национальностей мир выглядит различно⁷⁵.

Язык влияет на членов общества посредством поля, и наша концепция мира определяется исключительно этими полями. «Языковое поле – часть языкового «промежуточного мира» (*Zwischenwelt*), строящегося на основе единства органически связанных, взаимодействующих групп языковых знаков»⁷⁶, – говорит Вейсгербер. Так теория Вейсгербера о языке – *Zwischenwelt*'е сплетается с учением о поле, понимаемом несколько иначе, чем мы видели это у Трира, и анализируемом также иными методами.

У языкового поля есть свой закон развития – закон органического выделения из целого. По этому закону, «члены родственных групп определяют друг друга своим местоположением в поле»⁷⁷. На этом

---

⁷³ О философской стороне учения Вейсгербера, его «неогумбольдтианских» взглядах см.: *Ермолаева Л. С.* Неогумбольдтианское направление в современном буржуазном языкознании // Проблемы общего и частного языкознания М. : Изд-во ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1960. С. 47–85; *Гухман М. М.* Указ. соч.

⁷⁴ *Weisgerber L.* Op. cit. S. 20.

⁷⁵ Идеи Вейсгербера быстро завоевали большую популярность. Вейсгербер – признанный глава неогумбольдтианства в Германии. Некоторые лингвисты (см.: *Hartmann P.* *Wesen und Wirkung der Sprache im Spiegel der Theorie L. Weisgerbers.* Heidelberg, 1958) создали свои вариации на темы Вейсгербера.

⁷⁶ *Weisgerber L.* Op. cit. S. 64.

⁷⁷ *Ibid.* S. 107.

законе языкового членения строится изучение значений слов. Целое не составляется из отдельных независимых частей, а наоборот, «значащая определенность каждого слова в отдельности должна вырастать из построения общего. В качестве основы ограничения языковых содержаний здесь выступает, таким образом, закон органического выделения»⁷⁸. Вейсгербер берет слово *träge* «ленивый, косный», принадлежащее к умственной области, и сравнивает его с другими словами – синонимами, которые надо перебрать все, чтобы знать значение данного слова⁷⁹. «Слова не предполагают отдельные предметы как таковые, – пишет автор, – а упорядочивают многообразие предметов под определенным углом зрения, и отдельный предмет выступает уже как отдельный представитель этого класса»⁸⁰. «Определенный угол зрения», на первый взгляд напоминающий «дифференцирующий фактор» Мейера, заставляет каждого человека по-своему членить то или иное понятие, результатом чего является определенное значение слова.

Так, приводимые Вейсгербером слова: *дерево, куст, трава, сорняк, цветок, ягода, плод, дуб, роза* – имеют определенное значение, которое они получили не потому, что в природе есть такие подразделения, а потому, что человек классифицирует их так исходя из их полезности для своей деятельности. Точно так же слово *сорняк* существует лишь в человеческих мыслях; *плод, злак* объединяются в мозгу человека в одну картину с точки зрения их пригодности для человека (все они на равных правах противопоставлены *сорняку*). Таким образом, значение определяется в *Zwischenwelt`e*, без учета самих объектов, с человеческой точки зрения. *Zwischenwelt* формирует значения, которые связаны со звуковой формой, но не определяются последней.

Вейсгербер делит все поля на однослойные и многослойные.

Однослойное поле – результат того, что на него смотрят с какой-либо одной точки зрения. Поле имен родства, например, как результат мыслительной обработки естественного явления представляет собой четкую систему мысленного *Zwischenwelt`a*. На данном опыте автор

---

⁷⁸ Weisgerber L. Op. cit. S. 46. Ср. также: «Языковое поле существует как единое целое и для выявления каждого отдельного его члена необходимо просмотреть это единое целое, включая и то место, которое занимает в нем отдельное слово».

⁷⁹ См.: Ibid. S. 32.

⁸⁰ Ibid. S. 34–35.

старается убедить читателя в том, что в разные исторические эпохи люди имеют различное представление о родственниках и родственных связях, а это доказывает, по Вейсгерберу, что *Zwischenwelt* является составной частью языка.

Многослойные поля возникают в том случае, когда на поле можно смотреть с двух или более точек зрения. Таково двуслойное поле цвета, состоящее из двух основных форм познавательного процесса, из двух точек зрения: одна точка зрения исходит из предметов и связана с ними (*weiß* – белый, *schwarz* – черный цвет), а другая является продуктом головного мозга (*grau* – серый цвет, которого нет в природе, получен из белого и черного в сознании человека). Это две возможности, из которых первая вытекает из преобладания мира вещей, вторая – из преобладающей силы разума. Обе возможности одинаково важны для формирования картины мира (*Weltbild*). Различие точек зрения ведет к обогащению языкового образа (*Weltbild*).

Вейсгербер приводит также примеры переводов названий цвета с греческого языка. По мнению Вейсгербера, трудно найти синоним к названию цвета у Гомера. Так, *ōchrós* имеет значение то «зеленовато-желтый», то «красный»; *chlōrós* означает «желтовато-зеленый» или «серовато-коричневый». Иногда эти прилагательные переводятся как «блестящий»⁸¹. Этот последний перевод основан на предположении, что греки больше интересовались интенсивностью, яркостью, чем оттенком красок. Вывод автора в связи с этим следующий: наблюдаемые различия в цвете основаны на законах «промежуточного мысленного мира» (*Zwischenwelt`a*), лежащего между действительностью и сознанием, между субъектом и объектом, и зависят от мировоззрения, от точки зрения на мир.

Хотя Вейсгербер и считает, что при исследовании полей необходимо принимать во внимание точки зрения, взаимодействующие при языковой обработке той или иной области жизни, однако сделать это

---

⁸¹ Ibid. S. 141. А. Ф. Лосев приводит несколько иные значения взятых прилагательных, основываясь на следующем положении: «...греки понимали цвета в полной их неотрывности от тех или иных тел... Гомеровские цвета с этой точки зрения не могут не быть вещественно пластичными, не могут не быть телесно осязаемыми... Игнорирование этих телесных характеристик всегда и приводило исследователей в замешательство, так как необходимым образом вся цветовая терминология оказывалась противоречивой, неопределенной и запутанной» (*Лосев А. Ф. Эстетическая терминология ранней греческой литературы : (эпос и лирика) // Уч. зап. МГПИ им. Ленина. 1954. Т. 83, вып. 4. С. 84*).

порой очень трудно, а сам метод оказывается не объективным. Так, при анализе 49 слов поля *Verstoß* (нарушение), куда входят и существительные, и глаголы, и прилагательные, Вейсгербер выделяет в них две основные точки зрения: 1) степень ответственности какого-либо лица (сознательно ли участвовал в нарушении норм и участвовал ли вообще); 2) нормы, которые нарушаются (обычай, закон, моральные устои и т.д.). Из соединения этих двух точек зрения и состоит лексическое поле *Verstoß*, отраженное Вейсгербером в схеме⁸² (табл. 1).

Из схемы видно, что различные степени ответственности (1-я точка зрения) измеряются одновременно и степенью важности нарушаемого (2-я точка зрения). Неодинаковая тяжесть обвинения (слова, расположенные по вертикали) зависит от того, нарушаются ли нормы разумного, морального, законного, необходимого, надлежащего (слова по горизонтали) и т.п. Поскольку каждое слово может быть рассмотрено с двух точек зрения, то для анализа всего поля необходимо всякий раз менять угол зрения. Слова, рассмотренные в каком-либо одном аспекте, с одной точки зрения, составляют так называемый «основной ряд» поля. Вейсгербер подробно останавливается на описании седьмого ряда (по вертикали) под рубрикой «согласно характеру». Сюда входят слова: *Torheit, Tölpelei, Narrheit, Flegelei, Zümmelei, (Rebellion), Schurkerei, Schuftigkeit, Teufelei*.

Каждый член ряда может лечь в основу гнезда новых слов, естественно, этимологически связанных с ним. От слов 7-го ряда возможны образования, в которых проявляется «специализация» поля⁸³ (табл. 2).

Вейсгербер утверждает, что слова, образованные с помощью одних и тех же средств словообразования, в значительной мере связаны по содержанию, т.е. все члены группы подчиняются закону поля (о законе поля см. выше). Так, слова с суффиксом *-heit-* передают убеждение, лежащее в основе слова, обозначающего нарушение, и действие, возникающее из этого убеждения; образования с суффиксом *-ei-* относятся только к поступку. Глаголов (за исключением иностранного *rebellieren*) в этой группе вообще нет.

По-иному обстоит дело с первым (по вертикали) рядом, где можно отметить преобладание рефлексивных глаголов. Специализация этого ряда – смягчающая оценка (не случайно сюда не может подойти

⁸² См.: *Weisgerber L.* Op. cit. S. 88.

⁸³ *Ibid.*

Таблица 1

Степень ответственности (Grad der Verantwortung) Против какой нормы (Verstoß gegen welche Norm)	Без ведома и воли (простая констатация) (Ohne Wissen und Willen) (reine Feststellung)	Возможна осведомленность (Wissen möglich)	Обязанность (Verpflichtung zu Wissen)	Предположение осведомленности (Ansatz des Wissens)	Конец нежелания (Aufhören des Nichtwollens)	Преднамеренно (Mit Wissen und Willen)	Согласно характеру (Aus Anlage)
Против целесообразного (Was zweckmäßig ist)	Versehen	(Bock, Lapsus)	Gedankenlosigkeit	Unbedachtheit	Unüberlegtheit	Sinnlosigkeit	Torheit
Против надлежащего (Was sich gehört)	Fehler	Schnitzer	Unschicklichkeit	Ungehörigkeit	Unfug	Böswilligkeit	Tölperei
Против разумного (Was vernünftig ist)	Irrtum	Fehlgriff	Dummheit	Unbesonnenheit	Unvernünftigkeit	Верücktheit	Narrheit
Против должного (Was sich gebührt)	Entgleisung	Mißgriff	Unziemlichkeit	Ungebührlichkeit	Unverschämtheit	Gemienheit	Flügelei, Zümmelei
Против данного (Was Satzung ist)	Verletzung	Zuwerhandlung	Überschreitung	Übertretung	Widersetzlichkeit	Vergehen	(Rebellion)
Против законного (Was recht ist)	Verfehlung	Fehltritt	Übergreif	Übeltat	Missetat	Verbrechen	Schurkerei, Schüfrigkeit
Против морального (Was zur sittlichen Ordnung gehört)	Verirung	Untat	Schandtat	Ruchlosigkeit	Frevel	Sünde	Teufelei

Определение виновного и проступка	Виновный	Действие
töricht ←	Tor →	Torheit
tölpelhaft ←	Tölpel →	Tölpelei
närrisch ←	Narr →	Narrheit
flegelhaft ←	Flegel →	Flegelei
rebellisch ←	Rebell →	Rebellion
schuftig ←	Schuft →	Schufftigkeit
schurkisch ←	Schurke →	Schurkerei
teuflich ←	Teufel →	Teufelei

глагол *verletzen*, означающий нарушение норм законов, параграфов, уставов).

Точно так же проводится анализ других рядов.

В процессе исследования горизонтальных рядов Вейсгербер приходит к необходимости выделить в каждом из них основное слово. Ими являются: *Versehen*, *Ungehörigkeit*, *Dummheit*, *Gemeinheit*, *Übertretung*, *Verbrechen*, *Sünde*. Основное слово ряда не может быть само образовано от других слов (от прилагательных, глаголов действия, существительных), но может служить основой для образования новых слов тех же категорий. Например, *Dummheit* образовано от прилагательного *dumm*; *Übertretung* – от глагола *übertreten* через посредство существительного *Übertreter*. Наоборот, от *Sünde* можно образовать *Sünder* (существительное), *sündig* (прилагательное), *sündigen* (глагол действия), *sündhaft* (прилагательное действия) и т.д.⁸⁴

Анализ ведется, таким образом, в нескольких направлениях, с нескольких точек зрения. Однако различия в словах, выделенных с помощью этих точек зрения, не соответствуют делению поля в сознании любого говорящего. Вейсгербер и сам вынужден признать, что «можно спорить о месте каждого отдельного слова в системе»⁸⁵.

Большой интерес представляет проведенный Вейсгербером анализ цветового поля прилагательных в немецком языке (основной ряд: *rot, gelb, grün, blau, braun, weiß, grau, schwarz, violett, lila, rosa*). Эти прилагательные не стоят отдельно, обособленно в языке; каждое из

⁸⁴ См.: *Weisgerber L.* Op. cit. S. 94.

⁸⁵ *Ibid.* S. 88.

них является основным членом целой группы слов, среди которых есть и абстрактные существительные (das Rot, die Röte), и глаголы (röten, erröten), и прилагательные (rötlich). Если проследить «специализацию» основного ряда поля, то можно натолкнуться на удивительные явления, отраженные в табл. 3⁸⁶.

При рассмотрении таблицы в глаза бросается неравномерность, с которой образованы различные слова. Например, прилагательные типа rötlich являются производными только от прилагательных, означающих основные краски, и не имеют места у violett (ср. также blond). Это подчеркивает особую роль и главных членов поля. Наоборот, от прилагательных спектра нет абстрактных образований, кроме die Röte, die Bläue, die Schwärze. Привычное Bräune ничего общего не имеет с цветовым полем – оно просто переключалось в поле слов, обозначающих болезни. Постепенно начинают появляться слова с суффиксом *-heit*- (есть Blondheit; нет, но вполне возможны Rotheit, Grauheit).

В таблице Вейсгербера наиболее примечательно образование глаголов, что сознает и сам автор. Действие, его начало и состояние можно было бы выразить описательным путем (rot machen, sein, werden), но изредка встречаются и глаголы (например, röten, bräunen, weißen, schwärzen, vergrünen, тогда как глаголов gelben, gräuen, bläuen нет). Имеющиеся слова ограничены и в употреблении: только Sonne rötet Wangen, Äpfel, Gipfel, Himmel; Feuer rötet Mauern und Himmel. Нельзя сказать: Maler rötet Haus и т.д. Еще уже употребление глагола bräunen: Sonne und Wind, bräunen Haut; weißen является специальным выражением маляров, blondieren – парикмахеров и т.д. Несколько шире использование глагола schwärzen, хотя и его область применения крайне узка.

Определенные ограничения существуют в инхоативных глаголах. Так, erröten может только человек, но не стена и не вишня; ergrauen могут лишь волосы, ergrünen – растения, vergilben – листья деревьев и книги. Эти глаголы означают процессы, передающие существенные внутренние изменения в значительных обстоятельствах (erröten свидетельствует о внутреннем волнении человека; vergilben и ergrünen важны при росте растений и т.д.).

Весьма своеобразны глаголы состояния – grünen, blauen, grauen, которые употребляются лишь в известных оборотах: только Himmel blaut, Pflanze grünt и Tag graut. Выходящие из этих рамок употребления необычны и практически не встречаются.

⁸⁶ Ibid. S. 82.

Таблица 3

Господствующее представление. Прилагат.	Производные					
	Имена			Глаголы		
	Прилагательное	Субстантивное прилагательное среднего рода	Абстрактное существительное	Действия	Начала	Состояния
Rot	rötlich	das Rot	die Röte	röten	erröten (sich röten)	
grün	grünlich	das Grün	–	(ver-grünen)	ergrünen	grünen
gelb	gelblich	das Gelb	–	–	vergilben	–
blau	blaulich	das Blau	die Bläue	–	–	blauen
braun	braunlich	das Braun	(die Bräune)	bräunen	(sich bräunen)	–
weiß	weißlich	das Weiß	–	weißen	–	–
grau	gräulich	das Grau	–	–	ergrauen	(grauen)
schwarz	schwärzlich	das Schwarz	Die Schwärze	schwärzen	(sich schwärzen)	–
violett	–	–	–	–	–	–
lila, rosa	–	–	–	–	–	–
Средневек. faro			faraui	faraunen		

Таким образом, специализация цветового поля тесно связана с построением (выделением) основного ряда прилагательных.

Многие примеры Вейсгербера есть не что иное, как синонимы, рассмотренные с понятийной точки зрения. Таковы ряды обозначений для понятий *sterben*, *sehen*, в анализе которых немало ценного.

Среди слов группы *sehen* есть слова, подчеркивающие то сам процесс, то его наступление, его длительность, то его последствия и т.д. «Вся полнота человеческих взглядов и оценок находит свое выражение в этом поле, – говорит Вейсгербер, – не осознанная для говорящего, но действительно обоснованная в просторе картины мира в родном языке»⁸⁷.

Метод Вейсгербера оказывается не всегда применимым с равным успехом. Это сумел показать рецензент книги Вейсгербера Р. Залеский, который проанализировал данным методом несколько синонимических рядов в английском языке⁸⁸. Наиболее удачным оказалось исследование синонимического ряда английского языка *see – look – gaze – peer – gawk – observe – watch – spy*. По методу Вейсгербера Залеский пытается членить это поле исходя из различных точек зрения: 1) сосредоточение внимания на объекте (*see – notice – observe – watch*); 2) интенсивность действия (*glance – look – gaze – gawk – stare*); 3) серьезность поступка (*peer – spoor – peer – spy*). Иначе говоря, проводится разложение на семантические составляющие словесного значения (так называемое разложение на компоненты), т.е. определяются дифференциальные признаки значения.

Так происходит членение поля или выделение значений, которые становятся понятными лишь тогда, когда мы знаем остальные значения.

Итак, Вейсгербер развивает тезис об активном воздействии языка на мир вещей, показывает влияние языка на мысль и эволюцию нашего сознания. По Вейсгерберу, язык, а через него сознание, определяют бытие, а не наоборот. Для обоснования системности в языке Вейсгербер создает свою теорию, существенно отличную от концепции Трира. У Трира речь идет о понятийном поле, на которое накладывается словесное поле, Вейсгербер же говорит не о двухмерных, а о трехмерных полях, вводя особое понятие *Zwischenwelt*, являющееся посредником между объективным миром и субъектом. Вейсгербер чрезмерно

⁸⁷ *Weisgerber L.* Op. cit. S. 77.

⁸⁸ См.: *Language*. Baltimore, 1950. Vol. 26, N 3. P. 439–441.

подчеркивает интеллектуальную сторону языка, объясняя все изменения в значении слов изменениями точки зрения на мир. Учет «точки зрения» составляет сущность метода анализа Вейсгербера. Однако у Трира и Вейсгербера есть и общая, роднящая их черта: Трир и Вейсгербер в своих работах исходят из понятия, из факта сознания, а не из слов как единиц языка. Поле в их трактовке, по замечанию Ст. Ульмана, «является единственной в своем роде, отчетливо выраженной структурой, со своими собственными законами; оно воплощает в себе особое видение вселенной и иерархию ценностей, меняющихся от языка к языку и от периода к периоду»⁸⁹.

Следовательно, Вейсгербер, Трир и их последователи представляют особое направление в истории «семантического поля», неогумбольдтианское – по своей философской сущности и исходящее из структуры, из понятия «значимости» Соссюра – методом анализа. Говоря словами В. А. Звегинцева, «фактическим содержанием семиологических работ представителей данного направления являются поиски своеобразного понятийного абсолюта, загадочно проглядывающего в семантических структурах разных языков во все новом и новом обличье»⁹⁰.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ И ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКИХ ГРУПП СЛОВ В ЯЗЫКЕ (Г. Ипсен, В. Порциг и др.)

Концепции Трира и Вейсгербера, вызвав справедливую и резкую критику, вместе с тем стимулировали дальнейшее углубленное изучение лексической системы языка. Можно назвать множество работ, в которых представлены, в отличие от Трира и Вейсгербера, сугубо лингвистические трактовки понятия поля, разработаны новые методы семантического исследования. И хотя представители собственно лингвистического (не понятийного) подхода к лексике по-разному изучают лексический состав языка, пользуются различной методикой, все они за основу изучения берут слова или сочетания слов, группы слов, но не понятия; всех их объединяет стремление к изучению типов смысловых связей слов в языке. И все-таки говорить о каком-то едином

---

⁸⁹ Ульман Ст. Дескриптивная семантика и лингвистическая типология // Новое в лингвистике : сборник. М. : ИЛ, 1962. Вып. 2. С. 20.

⁹⁰ Звегинцев В. А. Указ. соч. С. 268.

направлении в разработке теории семантических полей в этом случае не приходится. Здесь сколько лингвистов, столько и попыток установления системности в семасиологии, и самостоятельных теорий, и разнообразных методов исследования.

Мы остановимся лишь на наиболее интересных и крайних точках зрения. Таковыми представляются взгляды Г. Ипсена и В. Порцига, рассматривающих словарный состав языка по лексико-грамматическим и лексико-синтаксическим группам слов; теории К. Ройнинга и других лингвистов, давших методику сопоставительного изучения семантических систем в разных языках; работа А. Рудскогера, сводящая понятие «поле» к значению полисемантического слова, и некоторые другие. Каждая из этих теорий является возможным, хотя и не всеобъемлющим (исчерпывающим) конкретным подходом к понятию семантической системы с различных точек зрения, освещающим разные стороны словарного состава языка.

Из лингвистов, давших собственную теорию поля, ближе других, как считает Ульман⁹¹, стоит к Триру Ипсен. На самом деле подход Ипсена к вопросам существования поля в корне отличен от трировского. Если Трир исходил из понятий, то Ипсен идет от слов, ищет лингвистические, а не понятийные критерии существования поля. Понятийное поле Трира – формальная схема, по утверждению Ипсена, тогда как надо исследовать лингвистическое поле, которое может быть основано на чисто лингвистических отношениях. Именно поэтому для Ипсена так важен формально-функциональный аспект рассмотрения слов. Ипсен говорит, что слова, этимологически различные, входят в одну смысловую систему, если они скреплены морфологическими приметами, т.е. одинаково оформлены. Более того, форма слова, даже в отвлечении от лексического содержания слова, позволяет отнести его к определенной группе.

Группы Ипсена, таким образом, состоят из слов, родственных и по формальному признаку, и по значению. В качестве примера можно привести исследуемое автором индоевропейское поле металлов.

Почти все наименования металлов в древних индоевропейских языках являлись заимствованиями. Древнейшее из заимствованных названий металла, которое в латинском языке отражено как *aes*, *aegis*, восходит к туземному названию острова Кипр, откуда в древности вывозилась руда. Поскольку *aes* было воспринято в силу своей формы

⁹¹ *Ullmann St. The Principles of Semantics. Glasgow, 1951. P. 152–170.*

как слово среднего рода с основой на *-s* (индоевропейский основообразующий формант *-s* в древности объединял довольно большую группу существительных среднего рода), то и остальные члены группы также оформлялись при заимствовании как слова среднего рода, унифицируясь в формальном отношении. Приспособившись формально к системе индоевропейского строя, *aes* стало функционировать как детерминатив по отношению к словам, обозначающим металлы, т.е. *aes* являлось самостоятельным существительным, а остальные слова в сочетании с центральным *aes* становились атрибутивными и рассматривались как цветочные прилагательные. Объединение различных названий металла в одну группу происходит, таким образом, многоступенчато: «Первая ступень, – по словам Ипсена, – создает из разрозненных единиц класс слов; вторая ступень конкретизирует их путем синтаксического членения как «группу с признаками меди» и образует тем самым понятие металла; третья ступень путем переосмысления (имеется в виду так называемая «народная этимология». – *А. К.*) снимает с них отпечаток чужеродности, включая металлы в систему обозначения цвета»⁹².

Подобных групп, систем слов, представляющих родство и формальное, и семантическое, в языке очень мало, поэтому теория поля Ипсена ограничена в применении, хотя Трир и считал ее практически полезной при анализе древних состояний языка, особенно для понимания индоевропейских проблем, так как тенденция к детерминации в индоевропейских языках сохраняется относительно долгое время.

Лингвистический подход характеризует и «семантическое поле» Порцига. Порциг исходит не из понятийных сочленений трировского типа и даже не из отдельных слов, общих семантически и грамматически, как Ипсен, а из словесных комплексов. Его поля – простые соотношения, состоящие из глагола и субъекта или объекта или прилагательного и существительного: *gehen – Füße*; *greifen – Hand*; *sehen – Auge*; *hören – Ohr*; *lecken – Zunge*; *küssen – Lippen*; *wiehern – Pferd* (ср. *heigh – horse*; *bark – dog*; *blond – hair*; *grasp – hand*; цветок – расти; лошадь – ржать; собака – лаять; глаз – видеть и т.д.). Здесь речь идет не о голых консоциациях в духе Шпербера, когда при произнесении одного слова легко приходит на ум другое, но об отношениях, которые, по сути, сами создают общие значения. Общие значения Порциг

⁹² *Ipsen G. Der neue Sprachbegriff // Zeitschrift für Deutschkunde. Leipzig ; Berlin, 1932. Jg. 46, Hft 1. S. 15.*

называет «существенными отношениями значений»⁹³. Это есть, иначе говоря, «элементарные поля значений»⁹⁴. По Порцигу, «языковое значение определяется вообще только через различие и из отношения его ко всем остальным значениям»⁹⁵. Как видим, эта мысль восходит к Соссюру и внешне сходна с аналогичным утверждением Трира. Однако Трир совершенно лишает слова самостоятельности и приходит к ним от понятий. Порциг допускает известную самостоятельность слов, членов «элементарных полей значений».

Ядром «элементарных полей значений» Порцига обычно выступают глаголы. Одни глаголы подразумевают субъект (*bellen* – Hund, *wiehern* – Pferd, *blühen* – Pflanze, *wachsen* – Organismus), другие требуют определенного объекта (*fallen* – Baum, *vorsetzen* – Speise или Trank). К глаголам определением иногда может быть наречие. Сами глаголы однозначны. Последнее положение относится к сравнительно ограниченной группе глаголов. Оно неправомерно и для некоторых примеров, приведенных Порцигом: так, *bellen* может быть и Hund, и Fuchs (ср. *brüllen* – Löve и Ochs, *brummen* – Käfer и Bär, но *quaken* – только Frösch)⁹⁶.

Помимо сочетаний с глаголами возможны сочетания существительных с прилагательными: *blond* – Haar, *lahm* – Beine, *blind* – Sehen, *schwül* – Witterung, *taub* – Gehör.

«Глагол и прилагательное имеют то общее, что их основная функция – предикативная»⁹⁷, и потому они менее двусмысленны, чем существительные (*bellen* соединяется только с Hund, но с Hund связано множество понятий, вещей, *greifen* может употребляться только со словом Hand, но Hand может делать и иные движения, не только *greifen* и т.д.).

Почти каждое слово может иметь переносное значение в силу существования метафоры, которую Порциг понимает в духе Мар-

⁹³ *Porzig W. Wesenhafte Bedeutungsbeziehungen // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. Halle (Saale), 1934. Bd 58, Hft 1–2. S. 70.*

⁹⁴ *Ibid. S. 72.* «Элементарные поля значений» Порцига напоминают синтаксическое поле Мюллера, но с той разницей, что Порциг брал только более или менее устоявшиеся отношения глагола (прилагательного) и существительного, т.е. предикативную синтагму, а Мюллер допускает возникновение синтаксических значений отношений в самых разнообразных конструкциях.

⁹⁵ *Ibid. S. 71.*

⁹⁶ Последние примеры приводит Вейсгербер в кн.: *Weisgerber L. Op. cit. S. 57–61.*

⁹⁷ *Porzig W. Wesenhafte Bedeutungsbeziehungen. S. 76.*

ти: «Метафора есть объединение членов двух семантических полей в полнозначном словесном выражении»⁹⁸. Отсюда – поля делятся на центральные (ср. англ. blind man) и переносные (ср. англ. blind alley).

Если каждое слово приобретает смысл только в сочетании с другими словами, то не будет ли здесь тавтологии? – спрашивает Порциг. Если только Hund bellt, то можно ли говорить bellen без Hund? Оказывается, порой это возможно. Например, можно говорить es läutet и die Glocken läuten.

Слова элементарных полей значений, как правило, этимологически чужды друг другу⁹⁹, что отмечал еще Ипсен. Но иногда существенные отношения значений могут возникать и между словами этимологически родственными: hämmern – Hammer, bohren – Bohrer.

Этимологически родственные поля значений составляют часть элементарных полей значений¹⁰⁰.

Одно и то же слово полей Порцига может быть единицей во многих типах отношений. Например, reiten подразумевает Pferd¹⁰¹. Pferd входит не только в данное элементарное поле значений, но также и в поле Pferd – wiehern, а fahren связано с Wagen, Boot, Zug и т.д.; к тому же части словаря образуют производную группу reiten, Reiter, Reiterin, Bereiter, abreiten, составляя особый тип лингвистического поля. Эти два типа лингвистических полей не исключают друг друга, а своеобразно дополняют.

Порциг высказал мысль, что словарь должен иметь дело с группами, которые понятийно принадлежат одному полю. Автор критикует поля Трира, поскольку тот дал не лингвистические, а понятийные группы, поля, которые Порциг называет делимыми в противоположность собственным, включающим. Трир отнесся резко отрицательно к теории Порцига, протестовал против наименования элементарных полей значений Порцига «семантическими полями», но в действительности концепция Порцига заслуживает едва ли не большего внимания, чем взгляды Трира, оперировавшего понятиями, а не словами и их значениями.

⁹⁸ Porzig W. Wesenhafte Bedeutungsbeziehungen. S. 78.

⁹⁹ Ibid. S. 80.

¹⁰⁰ Ibid. S. 81.

¹⁰¹ В средневерхненемецком языке глагол reiten означал не только «ехать верхом на лошади». Он употреблялся для обозначения любого передвижения, связанного с тряской; отсюда были возможны такие выражения, как in einem Wagen, an einem Strick reiten (см.: Porzig W. Das Wunder der Sprache. Bern, 1950. S. 230).

Несмотря на многие положительные моменты в теории Ипсена и особенно Порцига, их методы исследования не являются единственно возможными и абсолютно безупречными. Ипсен и Порциг продемонстрировали лишь возможность разнообразия подходов к понятию системы в лексике, под которой понимаются лексико-грамматические и лексико-синтаксические группы слов, но им не удалось показать взаимосвязанности всех элементов словаря, основных тенденций семантического развития, определяемых системой языка в целом.

МЕТОДИКА АНАЛИЗА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ГРУПП СЛОВ ОДНОГО ЯЗЫКА В РАЗЛИЧНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРИОДЫ (Э. Оксар, О. Духачек и др.)

Если Ипсен с точки зрения системности рассматривал лексико-грамматические, а Порциг – лексико-синтаксические группы слов в языке, то многие лингвисты, вдохновляемые идеей трировской теории поля, изучали лексико-семантические группы слов.

Критерии объединения слов в одну лексико-семантическую группу могут быть самые различные.

Так, в некоторые лексико-семантические группы входят слова, имеющие одно обобщающее слово: например, слово *цветок* для различных названий цветов; *дерево* – для названий разных пород деревьев; *кустарник* – для наименований различных видов кустарника; *мебель* – для названий стола, стула, шкафа, дивана, кресла, комода и т.п.; *яблоко* – для названий сортов (апорт, славянка, штрейфлинг, ранет, коричное, антоновка и т.д.). Обычно семантические группы такого рода наблюдаются у существительных. Лингвисты нередко утверждают, что подобные группы свойственны далеко не всем языкам. В языке нецивилизованных народов, как правило, отсутствует обобщающее слово. Например, в языке бинанделей на Новой Гвинее нет родового названия для пальмового дерева, но есть множество наименований различных видов пальм, названия пальм в зависимости от их применения; у зулусов нет общего слова, означающего *корова*, в языке аборигенов центральной Бразилии нет родового названия *попугай*, но имеется множество наименований для подвидов его и т.д. Долгое время считалось, что у племени индейцев Северной Америки чироки нет слова, означающего *мыть*, но существует 14 специаль-

ных глаголов, передающих частные виды этого действия. В 1952 г. А. Хилл¹⁰², обратившись к данному факту, установил, что в действительности 14 различных глаголов представляют собой 2 морфемы, которые входят в некоторые регулярные сочетания. Этот случай должен насторожить лингвистов и толкнуть их к пересмотру накопленного в данной области материала.

Помимо лексико-семантических групп с обобщающим словом могут быть такие лексико-семантические объединения, в которых слова, имеющие одно сходное или общее значение, варьируют его стилистически или идеографически, создавая так называемые синонимические ряды как особый вид лексико-семантических групп. Другие слова, наоборот, объединяются в одну группу по методу противоположности отдельных значений. Это так называемые антонимические ряды (чаще всего пары).

Лексико-семантические группы слов, располагающиеся вокруг слова – доминанты, антонимические группы могут быть частью такой группы, в которой члены объединены на основе общего понятия, наличествующего в каждом слове этой группы. Такими будут группы эмоций, имен родства, названия частей тела, температурная шкала, глаголы говорения, думания, движения, слова, связанные с обонянием, осязанием и другими восприятиями с помощью органов чувств.

В самом деле, в группе слов, обозначающих эмоции, могут быть такие слова, как *радость, восторг, веселье*, составляющие «синонимический ряд», и вместе с тем *печаль, грусть*, которые образуют с первыми словами антонимические отношения (причем не обязательно парные). В группе слов, обозначающих части человеческого тела (*рука, нога, лицо, глаз, щека, плечо* и т.д.), отдельные члены могут стать доминантами так называемых «синонимических рядов», обычно стилистически окрашенных (*лицо – физиономия – морда – рыло – харя; щека – ланиты* и т.д.), но сами не имеют стилистической окраски.

Все эти разновидности лексико-семантических групп могут рассматриваться как очередные проявления семантической системы языка.

Первые намеки на лексико-семантические группы слов, выражающих одно понятие, мы находим у А. Йоллеса¹⁰³, который, кстати, предлагал заменить термин «поле» термином «группа».

---

¹⁰² Hill A. A. A note on primitive languages // International Journal of American Linguistics. New York, 1952. Vol. 18. P. 172–177.

¹⁰³ Jolles A. Op. cit.

Йоллеса интересуют коррелятивные пары типа *patēr – hyiós* (Vater – Sohn), *nyx – hēméra* (Nacht – Tag), *filos*, чаще *aristerós – dexiós* (links – rechts, ср. *Leben – Tod*).

Особо выделены пары имен родства в индоевропейских языках (*hyiós – patēr*). К паре *filos, – dexiós* даны параллели из новых языков: *gauche – droit*, левый – правый, *venstre – hóire*. Йоллес находит подобные пары у древних греков и доказывает, что «семантический фундамент остается неизменным, тогда как его компоненты замещаемы» в ходе истории: для одного и того же отношения могут быть использованы различные слова, но само отношение при этом по своей структуре не изменяется.

Трир, в отличие от Шейдвейлера¹⁰⁴, считал опыт Йоллеса неудачным, хотя поля Йоллеса и представляют определенный интерес с точки зрения исследовательского метода. Их можно расценивать как своеобразный зародыш лексико-семантических групп слов, которые в настоящее время привлекают к себе всё больше и больше внимания.

Методика исследования подобных лексико-семантических групп может быть различной. Их возможно анализировать разными методами в синхронном и диахронном плане на материале одного языка или в сопоставительном плане на материале нескольких языков и т.д.

Среди работ, посвященных синхронному и диахронному анализу отдельных лексико-семантических групп на материале одного языка, можно отметить труды Э. Оксар, О. Духачка и некоторых других. Оксар провела скрупулезный анализ групп слов немецкого языка (в том числе и современного), означающих скорость¹⁰⁵. Это исследование представляет собой самостоятельный по методике труд, в исходных своих положениях противостоящий книге Трира, даже полемически заостренный против нее, и восходящий к идее объединения слов в «поля» по общности понятия, лежащего в основе значений группируемых слов. При этом для Оксар отнесенность слов к полю менее важна, чем контекст употребления изучаемых слов (здесь она выделяет дробные детерминативы). По мнению Оксар, целесообразным является путь исследования отдельного слова в контексте. Этот метод Оксар и применяет в практической части своей монографии. Однако анализ отдельного слова не исключает рассмотрения слов в их взаимосвязях. Так, Оксар выделяет две группы слов и выражений, передающих в

¹⁰⁴ *Scheidweiler F. Die Wortfeldtheorie. S. 252.*

¹⁰⁵ См.: *Oksaar E. Op. cit.*

одном случае точечную, мгновенную скорость (punktuelle Schnelligkeit – PS), в другом – линейную (lineare Schnelligkeit – LS). Некоторые слова вошли в промежуточную группу линейно-мгновенной скорости (LS – PS). Каждую из этих двух групп Оксар делит в свою очередь на центральную и периферийную подгруппы, а в группе PS выделяет еще и самую крайнюю, внешнюю периферию (äusserste Peripherie).

Автор настойчиво и совершенно справедливо указывает, что четких границ между словами нет нигде и слова могут переходить из группы PS в группу LS, а внутри этих подразделений – из одной подгруппы в другую. Между словами в группах есть известное соперничество за право господства. Общая тенденция развития слов следующая: слова из периферийной группы устремляются в центральную.

Помимо синхронного рассмотрения слов в определенный исторический период¹⁰⁶ Оксар говорит об изменениях в значениях сравнительно с каждой предыдущей эпохой. Однако основной упор Оксар делает на отдельное слово, взятое в контексте, а не на систему в целом, не на взаимодействия слов внутри определенной группы, внутри «поля».

Анализ подобной лексико-семантической группы, но в пределах одной эпохи, не в историческом плане, проводит также Духачек¹⁰⁷. Духачек дает описание поля «красоты» в современном французском языке, однако рассмотрение отдельных его членов он начинает, как правило, с XVII в., т.е. работа представляет собой синхронное описание со значительными элементами диахронии, поскольку, по утверждению автора, «синхрония не является статичной»¹⁰⁸. В дальнейшем он предполагает проследить это же поле диахронно с древнейших эпох до наших дней.

Анализ поля «красоты» (316 слов, относящихся к разным частям

---

¹⁰⁶ Для исследования взяты четыре периода: современный немецкий язык, прослеживаемый на материале 222 произведений с 1900 по 1956 г. (газеты, журналы, художественная литература); эпохи 770–1170 гг. (81 текст), 1170–1250 гг. (67 текстов), 1250–1500 гг. (140 текстов). Чтобы не увеличивать объема работы, период с 1500 по 1900 г. отбрасывается совсем. Для трех периодов слова рассматриваются не по группам, а все подряд.

¹⁰⁷ *Duchaček O.* Le champ conceptuel de la beauté en français moderne. Praha, 1960. Подробнее об этой работе см. рецензию В. А. Звигинцева и А. И. Кузнецовой (Вестн. Моск. ун-та. Серия VII, Филология и журналистика. 1962. № 1. С. 89–92).

¹⁰⁸ *Duchaček O.* Op. cit. P. 24.

речи) в современном французском языке позволил Духачку сделать следующие выводы общетеоретического характера:

1. Слово, входящее в то или иное понятийное поле¹⁰⁹, является частью его структуры. Конкурируя с другими членами поля, оно или ограничивает их значения, или само семантически специализируется под влиянием окружения.

2. Границы понятийного поля весьма неопределенны (данное положение, как видим, направленно против утверждения Трира). Применительно к полю «красоты» Духачек это объясняет тем, что понятие «красоты» касается области не только смысловой, но также интеллектуальной, моральной, социальной и т.д.

3. В пределах одного понятийного поля мы можем наблюдать наряду с семантической дифференциацией семантическое сближение, что часто ведет к синонимике.

4. Объединение слов в пределах какого-либо понятийного поля не отвечает ни этимологическому родству, ни первоначальной принадлежности слова к другим понятийным полям. Многие члены поля «красоты» принадлежат одновременно к двум или более разным частям поля, не имеют постоянного места в поле (здесь снова встает вопрос о единстве слов).

5. В понятийном поле «красоты» все слова, как правило, так или иначе семантически переосмысляются. Это переосмысление автор видит в том, что побочные компоненты становятся доминирующими и наоборот.

6. Понятийное поле «красоты» обладает значительной экспансивностью и большой притягательной силой, объяснение чему Духачек усматривает в эмоциональности этого поля (ср. взгляд Г. Шпербера).

Книгу Духачка можно оценить как очередной шаг в разработке очень сложной и актуальной проблемы семантической системы языка.

При анализе лексико-семантической группы слов, как одного из проявлений семантической системы языка, исследователь может не только исходить из контекста (методика Оксар, Духачка), но применять и другие методы, например метод разложения поля на так называемые компоненты, что восходит к вейсгерберовским «точкам зрения». При этом одни группы семантически близких терминов (например, имена родства, где можно определить в качестве компонентов пол, возраст, родственные отношения по крови, родовое сходство, восходящие и

---

¹⁰⁹ Под «понятийным полем» Духачек в отличие от Трира понимает группу слов, в основе которой лежит понятие (одно или несколько), общее для всех слов, создающих это поле.

нисходящие поколения и т.д.) легко поддаются разграничениям на компоненты, другие – с большим трудом. Но даже и в этом последнем случае могут быть получены очень интересные результаты. Так, Е. А. Найда исследовал терминологию шаманов в некоторых языках майя (Гватемала и Южная Америка). В этом исследовании он ставил перед собой три задачи: «1) составление диаграммы компонентов семантического поля (так Найда называет лексико-семантические группы слов. – А. К.), 2) составление диаграммы семантических различий и 3) анализ компонентов значения отдельных терминов»¹¹⁰. Первая из этих проблем решалась путем заполнения следующей схемы: по вертикали располагались все названия, относящиеся к шаманству, по горизонтали были помещены функции шамана (исцеление больных, произнесение заклинаний, предсказание будущего и пр.). В результате выполнения этой части работы стало совершенно ясно, что одно слово может выражать несколько значений, в сфере которых существуют определенные отношения. Следующий этап подобной работы состоит в анализе различных значений с точки зрения компонентов, которые выбираются на основе «1) отражения явлений культуры и 2) количества контекстов, в которых они встречаются»¹¹¹. Решение этой задачи проводится Найдой на материале ануакского языка.

Результаты изысканий, которые Найда изложил в статье «Анализ значений и составление словарей», показали, что «несмотря на очевидную опасность субъективизма, преимущества применения такой техники анализа значительно перевешивают его недостатки»¹¹².

Метод разложения на компоненты отдельных семантических явлений получает всё более широкое распространение.

МЕТОДИКА СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ГРУПП СЛОВ В ДВУХ ЯЗЫКАХ

(К. Ройнинг, Г. Хюсген, П. Цинсли и др.)

Изучение лексико-семантических групп слов можно проводить иным методом – в плане сопоставления их в двух языках в одну историческую эпоху. Метод анализа, позволяющий определять ценность

---

¹¹⁰ Найда Е. А. Анализ значения и составления словарей // Новое в лингвистике : сборник. М. : ИЛ, 1962. Вып. 2. С. 61.

¹¹¹ Там же. С. 66.

¹¹² Там же.

слов как членов систем разных языков, т.е. сравнение двух языков в один исторический период, оказывается высокоэффективным.

Замечание о подобной возможности было мельком брошено Триром в статье «Языковое поле» (см. выше).

Признавая первостепенным сравнение различных исторических пластов одного языка, некоторые ученики Трира применили в своей работе метод сопоставления двух языков в один исторический период. Так, Г. Хюсген¹¹³ сопоставляет в духе Трира поле «разум» в английском и немецком языках на материале одного конкретного произведения – «Аркадии» Сиднея (1590 г.), которая в 1629 г. была переведена на немецкий язык. Автор рассматривает сначала поля «разум», обозначающие положительные черты, объединив их по сходству значений в группы, а затем – отрицательные названия в английском и немецком языках. Зависимость слов внутри поля он не устанавливает, в отличие от Трира, но, согласно установкам Трира, подвергает сравнению два поля в целом, а не отдельные их члены. Подобная методика обработки поля, т.е. сравнение какого-либо поля в двух разных языках в один период, в дальнейшем привлекла внимание ряда крупных лингвистов, которые использовали ее в собственных работах, далеких в своих исходных посылах от трировской концепции.

Доказательством тому служит работа К. Ройнинга «Joy and Freude», представляющая «сравнительное изучение лингвистического поля приятных эмоций в английском и немецком языках»¹¹⁴. Хотя сам автор и называет разбираемую группу слов «лингвистическим полем», на самом деле к ней не применим термин «поле» в трировском понимании слова.

«Лингвистическое поле» Ройнинга – это группа слов, означающих те или иные чувства человека, т.е. это слова и целые выражения¹¹⁵, объединенные одним понятием – «эмоции», тогда как поле, изучаемое Триром, поле понятий (а не слов), и Трира интересуют не слова в языке, а понятия и изменения, происходящие с ними.

Одно и то же понятие выражается в различных языках специфически, что и составляет национальное своеобразие языка. Ройнинг анализирует эти средства передачи эмоций в английском и немецком

---

¹¹³ Hüsgen H. Op. cit.

¹¹⁴ Reuning K. Op. cit.

¹¹⁵ Подобно К. Ройнингу сочетания слов наряду с отдельными словами использовала Э. Оксар (*Oksaar E. Op. cit.*).

языках. Весь материал (примеры на оба «поля» в том и другом языке собирались главным образом в произведениях современной русской поэзии) рассмотрен в работе с нескольких точек зрения: 1) с точки зрения глубины градации (слова делятся на группы по степени нарастания приятности эмоций: например, забавы, удовольствия, радость, счастливое настроение, блаженство; могут быть обратные эмоции – отчаяние, страдание и т.д.); 2) с точки зрения интенсивности, напряженности эмоций; 3) с точки зрения направленности и ненаправленности чувств на объект и т.д.

Исследование материала с этих точек зрения показало, что одно слово в одном языке может соответствовать комплексу слов или сложному слову в другом языке. В определенных подгруппах число простонародных слов в одном языке (обычно немецком) больше, чем в аналогичных группах другого языка, где превалируют литературные слова (английский язык). Английскому лексическому составу недостает интенсивности по сравнению с немецким словарем приятных эмоций, что можно объяснить различиями в национальных характерах немцев и англичан. Большие различия есть в синтаксической и морфологической структуре обоих языков.

В заключение своей работы автор предлагает изучать другие «семантические поля» (т.е. иные лексико-семантические группы слов) и другие языки, а также словарь отдельных авторов¹¹⁶.

Важность исследований, подобных данному, несомненна.

На основе синхронного дескриптивного анализа семантических полей следует строить, по Ройнингу, генетическое и историческое исследование¹¹⁷.

Сопоставительный метод исследования определенных лексико-семантических групп разных языков привлекает к себе всё большее внимание. Появилось немало статей, посвященных этому вопросу.

В плане сопоставления лексических единиц, принадлежащих к одной семантической группе в разных языках, написана, например, статья лингвиста В. А. Юрика¹¹⁸. Автор сравнивает слова, обозначающие

---

¹¹⁶ Подобный опыт, т.е. сопоставление переводов, был сделан учеником Трира Хюсеном в духе самого Трира.

¹¹⁷ См.: *Reuning K.* Op. cit. P. 131.

¹¹⁸ *Юрик В. А.* Опыт структурного анализа семантического поля цвета в русском и латышском языках // Уч. зап. Латв. гос. ун-та им. П. Стучки. Рига, 1958. Т. XXV : Филол. науки, вып. III А. С. 185–198. Ср. также: *Долгопольский А. Б.*

цвет, в русском и латышском языках. Для удобства анализа он группирует слова «в небольшие семантические области, своего рода вторичные семантические поля, с каким-либо более или менее общим значением»¹¹⁹ (правда, сделано это слишком субъективно). Так, выделены слова со значением красного цвета и его оттенков: желтого, синего, черного и белого. Четырем единицам латышского языка со значением красного цвета и его оттенков соответствуют семь единиц русского языка. За исключением обозначений зеленого цвета соотношение цветowych прилагательных в других «вторичных полях» приблизительно такое же: в русском языке больше, чем в латышском. Обратная пропорция наблюдается при передаче уменьшительных цветовых оттенков: в латышском языке их более 18, в русском – только 13. Способы образования слов, обозначающих уменьшительные цветовые оттенки, в латышском языке разнообразнее (два суффикса и два префикса), чем в русском, где отмечено лишь два суффикса для выражения этого оттенка. К сожалению, Юрик не касается отношений между словами так называемых «вторичных полей» своей группы.

Метод сопоставления определенных лексико-семантических групп может быть не только применен к разным языкам, но и использован применительно к диалектам одного языка. Такое исследование провел, например, Цинсли, работа которого¹²⁰ вызвала одобрение критиков¹²¹. Книга Цинсли, с одной стороны, выступает как особый случай теории «Wörter und Sachen» в применении к альпийско-немецкому словарному запасу (в части I дается перечисление названий для горного рельефа швейцарского варианта немецкого языка и их этимологии). С другой стороны, работа сближается с теорией Вейсгербера: язык для Цинсли является особым промежуточным миром, который автор и изучает. Цинсли группирует словарь по девяти клас-

---

Изучение лексики с точки зрения трансформационно-переводного анализа плана содержания в языке // Тезисы докладов на VI пленарном заседании Словарной комиссии ОЛЯ АН СССР, посвященном современной проблематике лексикологии и семасиологии 19–21 октября 1960 года. М., 1960. С. 35–42; *Gabka von Dr. K. Zum Stand der modernen Wortfeldforschung // Wissenschaftliche Zeitschrift der E. M. Arndt-Universität Greifswald. 1956–1957. Jg. VI, N 1–2. S. 85–88.*

¹¹⁹ Юрик В. А. Указ. соч. С. 192.

¹²⁰ Zinsli P. Grund und Grat... Bern, 1946.

¹²¹ См.: *Hotzenköcherle R.* (реу.). *Vox Romanica*. Bern, 1946–1947. Bd 9, N 1–2. S. 221–228; *Ohman S.* Op. cit.; *Basilius H.* Op. cit. Ср. также: *Weisgerber L.* Op. cit. 2. Aufl. Bd 2 : Die sprachliche Erschliessung der Welt. S. 66–72.

сам, иначе – группам (орудия, скот, постройки и т.д.), и показывает, что каждое слово есть выражение специфического опыта горцев и занимает надлежащее место в своем «словарном поле». Автор не исследует каждый диалект отдельно, но сравнивает в целом богатую диалектную терминологию с соответствующими «полями» литературного языка.

Исследованию языка рыбаков северо-восточной Германии посвящена работа А. Рибби, в которой анализируются диалектные названия рыб в сравнении с названиями литературного языка и научными терминами¹²². По словам Цинсли, рецензировавшего работу Рибби, последний показывает не только язык рыбаков северо-восточной Германии, но и самих людей в их языковых выражениях, их взгляды, жизнь, труд: «Языковая область, которая здесь исследуется, является не просто какой-то частью рыбацкого словарного запаса; это настоящая его сердцевина, его ядро. Ибо эти выражения указывают на вещи, с которыми связано всё существование рыбаков, от которых зависит их благосостояние и несчастье, – их добыча, их насущный хлеб». В работе Рибби, как впрочем и самого Цинсли, уже не язык определяет, творит окружающий мир, а речь рыбаков выступает как «ясное зеркало их жизни и существования»¹²³.

Метод сопоставления двух диалектов одного периода Рибби дополняет сравнением с названиями рыб в XVI в., т.е. синхронное описание одной небольшой лексической группы автор объединяет с диахроническим аспектом, чего не делали ни Цинсли, ни Ройнинг.

Не всегда та или иная лексико-семантическая группа бывает представлена как лексическая система, т.е. не всегда слова и их значения в группах рассматриваются во взаимосвязи. А между тем при любом лексико-семантическом анализе должна выявляться именно системность слов, помогающая ответить на многие интересные вопросы, встающие перед исследователем. Поэтому вполне понятно, что отсутствие подхода к лексическим фактам языка как системным ставится в упрек авторам, игнорирующим его. Такой недостаток, в частности, отмечался рецензентами монографии Г. Герне «Славянские

---

¹²² См.: *Ribi A.* Die Fischbenennungen des Unterseegebietes... Baublatt. Rüschiikon, 1942.

¹²³ *Zinsli P.* (пер.) F. Ribi. Die Fischbenennungen des Unterseegebietes // *Vox Romanica*. Bern, 1946–1947. Bd 9, N 1–2. S. 229.

названия цвета» (Die slavischen Farbenbenennungen. Uppsala, 1954)¹²⁴, являющейся коллекцией словесных историй и этимологий, которой не хватает понятия системы¹²⁵.

Некоторые лингвисты, например А. Рудскогер, обратились к теории поля Трира при решении вопроса о взаимоотношении понятия и значения, поскольку традиционное языкознание не давало удовлетворительного ответа на данный вопрос¹²⁶. Однако Рудскогер вносит в теорию Трира две поправки, которые фактически разрушают всякую связь положений Рудскогера с концепцией Трира.

Так, желая обеспечить более детальное понимание того или иного поля понятий (у Рудскогера это понятийная сфера или семантическое поле), Рудскогер уменьшает территорию, покрываемую семантическим полем, разбивая ее на меньшие участки, названные им «понятийными полями» (notion-field). Например, one`s own, particular, right, due в «гротег» являются различными понятийными полями, принадлежащими к одному семантическому полю (сфере понятий) – полю «отношений» (relation). Рудскогер, таким образом, только декларирует свою связь с теорией Трира. На деле он оперирует значениями слов, о чем говорит сам довольно определенно: «Понятийное поле... тождественно словарному значению... значение и понятийное поле часто покрывают друг друга более или менее полно и до известной степени могут взаимно подменяться»¹²⁷. В данном случае имеется в виду так называемое объективное значение; наряду с ним в понятийном поле еще существуют и многие субъективные значения. Изменение объективного значения относит слово к другому понятийному полю. Рудскогер пишет: «...я определяю объективное значение как покрывающее полностью понятийное поле, как контрастирующее с другим понятийным полем, в котором слово движется. «Объективное значение» соответствует «значению», данному в словаре»¹²⁸.

---

¹²⁴ См.: Word. New York, 1957. Vol. 13, N 1. P. 179–188; Indogermanische Forschungen. Berlin, 1958. Bd 64, Hft 1. S. 101–107.

¹²⁵ Ср. также работы более ранних лет, посвященные глаголам движения, но в которых нет и намека на систему: *Ihrig R. M.* The Semantic Development of Words for «Walk», «Run» in the Germanic Languages // Linguistic Studies in Germanic. Chicago, 1916; *Weman B.* Old English Semantic Analysis and Theory with Special Reference to Verbs Denoting Locomotion. Lund, 1933.

¹²⁶ См.: *Rudskoger A.* Op. cit.

¹²⁷ Ibid. P. 12.

¹²⁸ Ibid. P. 21.

Однако, по мнению Рудскогера, между понятийным полем и значением в традиционном смысле есть некоторые различия: 1) понятийные поля не столь резко разграничены, как значения в словаре; 2) значения слов в словаре, определяемые через синонимы, вполне самостоятельны, а значения в понятийном поле должны рассматриваться в отношении к другим значениям этого же понятийного поля. Фактически Рудскогер возвращается к отождествлению значения и понятия.

Вторая существенная поправка Рудскогера к трировской теории заключается в утверждении, что при определении значения надо исходить из самого слова, а не из понятийного поля (понятийной сферы у Рудскогера), как делал Трир (см. выше). По мнению Рудскогера, слово не обязательно остается в пределах одного понятийного поля, как предполагал Трир, а переходит из одного в другое, и в связи с этим изменение значений нельзя понимать как перегруппировку внутри того же поля. Резких границ у отдельных понятийных полей нет, так как в результате субъективных вариаций внутри понятийного поля эти понятийные поля могут частично перекрываться. Так, у слова *prorer* есть понятийное поле «*excellent, honest, fit – suitable*», но, даже пользуясь контекстом, не легко определить место *prorer* в каком-либо ясно ограниченном понятийном поле.

Теоретические предпосылки Рудскогер применяет в практической части своей обстоятельной работы, подробно разбирая четыре прилагательных английского языка (*fair, foul, nice, prorer*) и более поверхностно 24 полисемантических прилагательных на протяжении трех веков (с 1506 по 1800 г.)¹²⁹.

Необходимо отметить, что автора привлекает в основном не проблема взаимодействия этих прилагательных друг с другом, т.е. не вопросы системы в лексике, а анализ семантического объема каждого из них, т.е. система значений одного слова, но не система смысловых отношений ряда слов, хотя в отдельных случаях автор использует и другие слова-синонимы для сопоставления с анализируемыми прилагательными.

Взятые четыре слова автор изучает исходя из детерминативов с учетом синтаксических конструкций. Прилагательные соединяются с

---

¹²⁹ Каждый век делится на два периода по 50 лет. К этому добавлено исследование тех же слов с 1920 по 1950 г. Внутри каждой из этих шести эпох слова рассматриваются синхронно. Затем, сравнивая периоды между собой, Рудскогер определяет развитие слов диахронно.

определенными, дробными группами слов, ибо Рудскогер полагает, что именно эти детерминативы определяют смысл слова, а не наоборот, что слово вступает в определенные семантические связи благодаря своему значению. Получается, что вне контекста значения слова не существует. Рудскогер явно преувеличивает роль контекста (крайность, обратная заблуждению Трира). Впрочем, на деле автор шел от материала¹³⁰, показавшего ему, что прилагательные соединяются со словами, которые можно объединить в три группы: 1) существительные одушевленные (имена собственные – женского и мужского рода, сверхъестественные существа, имена нарицательные – мужского и женского родов, обоеполые существа, сверхъестественные существа и т.п.); 2) конкретные предметы (части тела, животные, растения, здания, дорога, небесные светила и т.д. – всего 12 групп); 3) абстрактные понятия (погода, температура, ум, характер, случай, надежда и т.д. – всего 12 групп). Анализ дается в этой последовательности по всем шести периодам. Внутри отдельных подгрупп учитываются морфологические и синтаксические конструкции (встречаются имена собственные с артиклем или без артикля; в обращении или нет и т.д.). В конце каждой группы есть сводная таблица, в которой дано процентное содержание значений прилагательных безотносительно к конкретным словам.

Рассмотрение всех взятых прилагательных, выявленных с помощью многочисленных детерминативов, позволило автору ответить на основной теоретический вопрос работы – является ли полисемия причиной утраты значений в слове. По наблюдению автора, полисемия разрушительна, пагубна. Нечеткость, двусмысленность значений является причиной утраты значений в слове; полисемия ни в одном слове полностью не сохраняется, обычно часть значений утрачивается.

Само полисемантическое слово распределяется по нескольким понятийным полям (это положение заставляет задуматься над проблемой единства слова, вызывающей много споров в языкознании). Автор хотя и берет для анализа лексико-семантическую группу слов, но не рассматривает ее, за редким исключением, как систему, не устанавливает взаимозависимости ее членов. Исследование Рудскогера является своеобразным отголоском теории «семантического поля», но, в сущности, не имеет ничего общего с ней.

---

¹³⁰ Весь материал состоит из 142 цитируемых текстов (от 543 до 715 примеров на каждый период из религиозных, драматических и других произведений). По возможности Рудскогер учитывает литературные стили и каждую эпоху.

Итак, понятие системы в лексике и семантике развивалось и росло на Западе вместе с так называемой теорией семантического поля, охватывающей своим названием часто диаметрально противоположные явления.

В основе этой теории лежит правильная мысль, впервые высказанная русскими филологами, о взаимосвязанности различных семиологических явлений. При изучении теории семантического поля приходится отмечать большое многообразие трактовок самого понятия семантической системы языка и разнообразие методов ее исследования.

Семантическая система понимается в одних случаях как совокупность понятий, которым соответствуют в языке слова (Трир, Вейсгербер), в других случаях как совокупность самих слов, причем речь может идти о лексико-грамматических (Ипсен), лексико-синтаксических (Порциг, Мюллер), лексико-семантических (Ройнинг, Оксар, Духачек, Найда) группах слов и даже о смысловом объеме отдельных полисемантических слов (Рудскогер).

Выявление системных отношений в лексике происходит различными методами. Одни лингвисты широко используют контекст, привлекая для анализа разные детерминативы (Рудскогер, Оксар, Духачек) или глоссы (Найда); другие обращаются к методу разложения на компоненты (Найда); третьи занимаются сопоставительным исследованием значений слов в двух языках (Ройнинг) и т.п. Иногда методы теоретиков поля (термин берется в его широком употреблении, а не в понимании Трира) применимы или к очень узкой группе слов (Ипсен), или к более или менее устоявшимся сочетаниям двух слов – существительного с глаголом и существительного с прилагательным (Порциг). При анализе полей самих понятий также нет единообразия в методе исследования.

Поиски методов исследования семантического поля продолжают, а сама идея необходимости изучения системных отношений слов в языке не вызывает ни у кого сомнения.

Нередко делались попытки¹³¹ применить к обработке лексического материала метод дистрибуции. Под дистрибуцией обычно понимается совокупность окружений, в которых данный элемент может встре-

---

¹³¹ См.: *Беляева Л. М.* Глаголы движения в английском языке : (к вопросу о методах семантического исследования // Уч. зап. ИМО. М. : Изд-во ИМО, 1961. Вып. 7. С. 5–29.

чаться, в отличие от окружений, в которых данный элемент встречаться не может. Значения различных слов в группе следует считать взаимосвязанными, общими, если эти слова имеют одинаковую дистрибуцию. При анализе семантической системы той или иной группы слов необходимо выявлять общие значения членов группы, чтобы тем самым фиксировать взаимосвязь и взаимообусловленность всех элементов системы. Этот метод, дополненный методом субституции и трансформационного анализа, что вносит в исследование элемент объективности, в сочетании с традиционным методом, ориентирующимся на контекст, способствует более точному изучению семантической структуры языка.

Наиболее продуктивно применение данного метода в таких лексико-семантических группах, где слова объединены общим понятием, лежащим в их основе, и в «синонимических рядах». Использование, например, дистрибутивного метода при установлении системы семантических отношений в группе глаголов движения русского языка¹³² позволило обнаружить, что одни слова связаны друг с другом непосредственно по смыслу, имея какое-то общее, сходное значение, выявленное через одинаковые (сходные) окружения, другие – опосредствованно. В последнем случае слово приобретает общее значение с каким-то третьим словом, уже связанным с первым некоторым значением, но не с самим этим первым словом.

Внутри типа непосредственных семантических отношений одни слова теснее, другие слабее связаны между собой, составляя определенные подтипы смысловых связей.

Семантическая система не является статической. Смысловые связи подвержены определенным изменениям: они могут прерываться между одними словами, потерявшими общее значение, и, наоборот, возникать между другими, приобретшими сходное значение в силу закономерностей цепного развития значений слов одной группы¹³³. В результате этого непосредственные семантические отношения могут превращаться в опосредованные и наоборот; сами непосредствен-

---

¹³² См.: Кузнецова А. И. О типах смысловых отношений в группе глаголов движения в древнерусском языке // Вестник Моск. ун-та. Серия VII, Филология. Журналистика. 1961. № 1. С. 34–48.

¹³³ См. подробнее: Кузнецова А. И. Некоторые закономерности изменения значений слов : (на материале глаголов движения русского языка) // Рус. яз. в шк., 1960. № 2. С. 22–26.

ные взаимосвязи могут испытывать также многочисленные вариации. Обычно все перегруппировки семантических связей между словами происходят в ходе истории, т.е. семантическую систему можно анализировать и синхронно, и диахронно (в последнем случае приходится учитывать не только изменения значений в словах, но и количественное изменение слов в группе, поскольку слова могут переходить из одной группы в другую или исчезать и появляться заново в языке). При диахронном анализе системы семантических отношений слов в группе возможно уловить определенные закономерности, установление которых составляет задачу исторической семасиологии.

Краткий обзор методики исследования работ, в которых проводится системное рассмотрение лексики и семантики, убеждает нас в том, что в настоящее время должны быть продолжены старые и предприняты новые поиски наиболее эффективного метода изучения семантической системы языка.

СМЫСЛОВАЯ СИСТЕМА ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В XI–XIV ВЕКАХ

СМЫСЛОВАЯ СИСТЕМА ГЛАГОЛОВ *ИТИ-ХОДИТИ* В XI–XIV ВЕКАХ

§ 1. Минувшие языковые системы интерпретируются нами значительно с бóльшим трудом, чем язык современный. Как писал Р. Якобсон, «не переживаем вполне, а лишь частично, приблизительно, сильно рационализируя, воспринимаем их элементы. Документы, из которых мы черпаем все наши сведения о языке прошлого, всегда не точны»¹. При анализе древних семантических систем нельзя полагаться на интуицию, которая часто обманывает исследователя при изучении даже современного состояния языка, не говоря уже о древнем. Приходится во избежание слишком грубых ошибок, искажений обращаться к каким-либо объективным методам. Таковым нам представляется метод дистрибуции. В тех случаях, когда данный метод не помогает, можно воспользоваться глоссами (если они сохранились). Применение метода дистрибуции к семантической системе глаголов движения в XI–XIV вв. вскрыло сложные смысловые структуры отдельных членов группы и не менее сложные отношения между ними.

Семантическим ядром группы глаголов движения в русском языке в период XI–XIV вв. были коррелятивные глаголы *ити* и *ходить*, обладавшие наибольшим количеством наиболее употребительных лексико-семантических вариантов. Они представляют собой парные основы несовершенного вида – определенную и неопределенную (как, впрочем, и бóльшая часть других глаголов движения, взятых для исследования). Эта морфологическая особенность связана с семантикой коррелятивов, с различиями в пространственной характеристике действия. Неопределенная основа (иногда ее называют кратной²) имеет два признака – одновременность (повторяемость) и разнонаправленность

¹ Якобсон Р. Виктор Хлебников // Новейшая русская поэзия : сборник. М., 1921. С. 3.

² См.: Ульянов Г. К. Значение глагольных основ в литовско-славянском языке. Варшава, 1895. Ч. II.

действия, которых нет у определенной (некратной) основы. Однако признак разнонаправленности действия в XI в. ассоциировался с глаголом *ходити* значительно менее прочно, чем в современном русском языке. По свидетельству Г. К. Ульянова, «в славянских языках, как и в балтийских, кратные основы нередко утрачивают значение кратности, причем общие условия этого явления в славянских языках те же, что и в балтийских. Так, кратные основы утрачивают значение кратности, как скоро в языке исчезают соответствующие простые основы некратные» или «кратное значение в основах может утрачиваться, как скоро они получают какое-нибудь отвлеченное значение»³. В силу этой способности неопределенной основы терять признак разнонаправленности глагол *ходити* мог замещаться в древности определенной основой-глаголом *ити* в различных лексико-семантических вариантах.

Ф. П. Филин приводит в своей докторской диссертации⁴ случай подобного затемнения различия между *ити* и *ходити*:

Тои паки ходихомъ том же лете со оцмъ и со Изяславомъ битъся Чернигову...и паки идехомъ Переяславлю и стахом во Оброве...а в Вятичи ходихом по две зиме на Ходоту и на сына его. И ко Корьдну ходихъ а о зиму...и на ту осень идохом с Черниговци и с половци с Читеевичи. К Меньску. Изъехахом городъ...на ту зиму идохом к Ярополку совокуплятися на Броды...и на весну посади мя отць в Переяславли, передь братьею. И ходихом за Супой. Лавр. л., 6604, л. 81 об., стр. 248.

В данном примере Ф. П. Филин объясняет полное смысловое совпадение глаголов *ити* и *ходити* тем, что аорист превращается в книжной речи в универсальную форму прошедшего времени и в известное стилистическое средство, благодаря чему стало возможным «скрещивание» значений двух близких по своей семантике основ *ид-* и *ход-*.

К возможности замены определенной основы через неопределенную привело также отсутствие четкого признака разнонаправленности действия у глаголов *ходити* (особенно в XI–XII вв., когда аорист и имперфект еще не сближались). Признак же одновременности (повторяемости) был более тесно связан с глаголом *ходити*.

³ Ульянов Г. К. Указ. соч. С. 132.

⁴ См.: Филин Ф. П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи // Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. Герцена. Кафедра рус. яз. 1949. Т. 80. С. 190.

§ 2. Глаголы *ити* и *ходити* тесно связаны между собой не только благодаря возможности замещения одной основы другою, но и потому, что они обладают рядом общих⁵ для обеих основ лексико-семантических вариантов, центральное место среди которых принадлежит варианту, обозначающему недифференцированное (общее) движение в пространстве живых существ и отчасти предметов; его можно охарактеризовать условно «двигаться вообще». В этом случае важен сам факт передвижения независимо от того, какими средствами оно совершается – пеше, конно, по воде, по земле или по воздуху:

(*Стефан*) *вседъ на конь вборзе поеха, поимъ с собою Климента... и идяста* (шел на коне, т.е. ехал) *видуче зарю велику... и придоста к пещере*. Лавр. л., 6599, л. 70 об., стр. 211 (о возможных заменах *ити* на *ехати* см. § 23); *и сему ся повидуемы како птица небесныя изъ ирья идуть* (т.е. летят). Там же, 6604, л. 79 об., стр. 244; *...идоша за море къ Варягомъ...* Там же, 6370, л. 7, стр. 19; *се идуть* Русь *беицисла корабль* (плывут). Там же, 6452, л. 10 об., стр. 45; *ходиша Новгородци воиною за море*. Новг. I л., 6826, л. 161, стр. 95; *ходиша Новгородци съ Корелюю на Емь (в лоивахъ не Емь, т.е. водным путем. – Ком. сп. 6699, л. 119, стр. 230)*. Там же, 6699, л. 50, стр. 39.

Постепенно из общего варианта «двигаться вообще» вычленяются более конкретные, уточняющие это нерасчлененное движение, лексико-семантические варианты.

Среди таких вариантов у глаголов *ити-ходити*, начинавших обособляться от варианта «двигаться вообще», но еще сохранявших нерасчлененность движения, наиболее употребительным можно считать лексико-семантический вариант «отправляться, направляться куда-нибудь». Неясность в употреблении глаголов *ити-ходити* при этом снимается добавлением к ним отдельных слов – конкретизаторов, которыми могут быть и глагольные формы, и существительные, и сочетания существительного с предлогом, т.е. глаголы *ити-ходити* (как и любые другие глаголы движения) могли иметь в том или ином варианте (но это не обязательное условие) различные грамматические характеристики. Так, для обозначения цели движения использовались

---

⁵ Под «общими» мы будем понимать: 1) лексико-семантические варианты, присущие обеим основам (с учетом, разумеется, тех различий, которые проистекают из грамматических особенностей самих основ), в отличие от вариантов «индивидуальных» («специфичных»), присущих какому-либо одному из коррелятов; 2) лексико-семантические варианты разных слов, встречающихся в одной структурной модели (иначе – «сходные», «одинаковые» варианты).

неличные формы глагола: инфинитив и так называемое достигательное наклонение – супин⁶:

Иде поклониться къ стму Михаилу в монастырь. Лавр. л., 6605, л. 87, стр. 258; *Ходи Аркадь Киеву ставиться еппомъ.* Новг. I л., 6666, л. 30 об., стр. 30; *Ходи Мирославъ посадникъ из Новагорода мирить Кыянь.* Там же, 6643, л. 161, стр. 23; *Петр и Иона идоста къ цркви помолиться.* Пч., л. 26, стр. 76.

Если при глаголе *ити* находятся наречные определители типа ВСПЯТЬ, ОПАКЫ, то он означает «возвращаться, т.е. отправляться назад»:

Идоша прочь. Новг. I л., 6712, л. 65 об., стр. 46; *иде назадъ.* Там же, 6781, л. 185, стр. 322 (К).

В случаях, когда глаголы *ити-ходити* (глагол *ходити* – часто с отрицанием НЕ) стоят в повелительном наклонении, они передают повеление, приказание пуститься в путь, отправиться в определенное место, отойти, уйти прочь:

съ яръмъ не сварися и не ходи съ нимъ сквозе пустыню. Изб. Св. 1076 г., л. 174, стр. 81; *въстани и иди въ Ниневгию, въ градъ великий.* *Иона иде въ Опию.* Пч., л. 78, стр. 239; *и гла имъ: идета въ раи.* ЖБГл (Б), л. 2, стр. 14–15.

Место движения обычно выражается, таким образом, либо обстоятельственными словами, либо существительными в дательном падеже без предлога, либо сочетанием существительного с предлогом, показывающим направление, пространственное приближение или удаление от чего-нибудь:

егда въ цркъвь идеши, не длумися пустошьными. Изб. Св. 1076 г., л. 73 б, стр. 40; *ныне иди в домъ свои и блаженни иде къ судии.* ЖФПеч., л. 61, стр. 90; *и несть ми тебе въ цркъвь ходити.* ЖБГл., л. 12, стр. 12.

Наиболее часты сочетания с предлогами **к** (*идоша къ граду.* Лавр. л., 6694, л. 136, стр. 401 и 402; *ходиша къ Полотьску.* Новг. I л., 6676, л. 35 об., стр. 33); **в**⁷ (*идяше в поварьницу.* Лавр. л., 6682, л. 64 об.,

⁶ Многие исследователи (Ф. И. Буслаев) полагают, что супин исчез в XIV в. А. Кочубинский в статье «Как долго жил русский супин?» доказывает существование супина и в XV в. при наличии одновременно и инфинитивных форм глагола (см.: Филологические записки, 1872. Вып. 4).

⁷ Предлоги В и ПО, выступая в сочетании с существительным СЛЕД (*въ следъ* или *по следу* кого-чего-либо) могут служить конкретизаторами и в варианте «следовать...» (см. § 4); сочетания этих предлогов с существительными *путь, закон* и др. (см. § 5) являются конкретизаторами для варианта «жить по каким-либо определенным правилам» и т.п.

стр. 190; *хожаше въ цркъвь*. ЖФПеч., л. 326, стр. 49); **по** (*идоша по кельямь*. Лавр. л., 6582, л. 64 об., стр. 190; *хожаше по улицямь*. Новг. I л., 6600, л. 6, стр. 18; *ходите по землямь*. Лавр. л., 6452, л. 11, стр. 46); **из** (*иди из города*. Лавр. л., 6646, л. 102, стр. 306; *ходи из Новгорода*. Новг. I л., 6643, л. 16, стр. 23); **до** (*идоша до Копорьи*. Новг. I л., 6764, л. 135 об., стр. 81); **сквозе** (*идохъ сквозе Вятиче*. Лавр. л., 6604, л. 81, стр. 247; *не ходи сквозе пустыню*. Изб. Св. 1076 г., л. 174 а, стр. 81); **на** (*иде на реку Оку*. Лавр. л., 6472, л. 19, стр. 65) и некоторыми другими.

Предлог **на** характеризует и другую разновидность анализируемого лексико-семантического варианта – «нападать, наступать, выступать против кого-нибудь, идти войною». Этот вариант можно рассматривать как вариант «отправляться, направляться куда-нибудь с грамматической характеристикой *на кого, против кого*:

Ходи князь Ярослав на Луку. Новг. I л., 6699, л. 50 об., стр. 40; *иде* Игорь на греки, яко послаша болгаре весть ко црю, яко *идуть* Русь на Цръградъ скедиш (-ладья) и тысяшь. Лавр. л., 6449, л. 10, стр. 44.

Иногда разделить эти две разновидности можно лишь обратясь к более широкому контексту. Так, глагол *ити* в примерах «иде на Тържкъ», «иде на Москву», «иде на Новьгородъ» и «идоша на Половце» имеет одинаковое распределение (живое существо + глагол *ити* + предлог НА + название города или племени), но полный контекст показывает, что обозначает он разное: в первых двух случаях просто «отправиться в город Торжок, Москву»:

иде на Тържкъ и не приша его новоторжъци и оттуда иде к Ярославу. Новг. I л., 6737, л. 108 об., стр. 68; *И придоша Новгородци вси въ Новьгородъ, весне суци, а князь Юрьи иде* на Москву, и отте иде въ орду. Там же, 6825, л. 161 об., стр. 96),

в третьем и четвертом – «выступить войной против половцев, против Новгорода»:

Идоша вся братья Русьскыя земля на Половъце... и победиша я. Новг. I л., 6611, л. 6 об., стр. 19; *слышалъ есмь, аже Ярославъ идетъ* на Новьгородъ, со всею силою своею. Там же, 6778, л. 149, стр. 88–89. Ср. аналогичные примеры: Новг. I л., 6822, л. 158, стр. 94; 6832, л. 163, стр. 97 и др.

Особые затруднения вызывают примеры, где при глаголах *ити-ходити* нет никаких дополнительных грамматических характеристик, никаких слов – конкретизаторов, например:

Мирися, княже, мы не *идемъ*. Лавр. л., 6657, л. 107, стр. 321; ...он же обещавався *ити*, и не *иде*. Там же, 6656, л. 106, стр. 319.

Здесь речь может идти как о движении вообще, так и о конкретном передвижении пешком по земле (см. § 3). Дистрибуция глагола *ити* в данном случае оказывается одинаковой в этих вариантах. Приходится обращаться к смыслу всего отрывка. Глагол *ходити* в аналогичных контекстах, где отсутствует какая-либо дополнительная, уточняющая характеристика, может означать «совершать поход (с целью завоевания, собирания дани и т.п.)»:

Ходиша Новгородци, съ княземъ Юрьемъ, и поставиша городъ на усть Невы, на Ореховомъ острове. Новг. I л., 6831, л. 163, стр. 97; *Потом же ходиша молодци Новгородстие съ воеводами, и воеваше Городецкую Корелу Немецкую.* Там же, 6846, л. 205 об., стр. 348 (К).

Иногда в подобной ситуации может стоять указание на место направления похода или выражение «по земли» чьей-либо.

Исследуя памятники старшей поры, М. П. Погодин⁸ в середине XIX столетия обратил внимание на такие примеры и констатировал, что глагол *ходити* принадлежал к группе глаголов, «выражающих древнюю верховную власть в действии», – к группе «сидеть, держать, водить и ходить», где глагол *ходити* означал «собирать дань». Примеры в статье на этот вариант приведены из текста Волынской летописи:

и паки и Смолинська же пришедь... идохомъ къ Ростову на зиму и по три зимы ходихомъ Смолинську. Волынск. л., 6746; тот же текст в Лавр. л., 660, л. 82, стр. 250; *Михаил же, за страхъ татарский, не сме ити Киеву. Даниль же и Василко въдаста ему ходити по земле своєю и даст ему пшенице много.* Там же.

Точнее было бы сказать, что у глагола движения *ходити*, как и у многих других глаголов движения, есть отдельные варианты, в которых идея передвижения или утрачена совершенно, или мало воспринимается; через такие варианты легче всего устанавливается связь с другими лексико-семантическими группами, в данном случае с глаголом состояния (*сидеть*). Решать вопрос о том, насколько правильно установил М. П. Погодин состав своей группы, не входит в задачи настоящей работы.

Помимо широко распространенного варианта «отправляться, направляться куда-нибудь» (в том числе и с грамматической характеристикой «против кого») у глаголов *ити-ходити* в XIII–XIV вв. внутри варианта, передающего нерасчлененное, синкретическое движение,

⁸ Погодин М. П. Опыт исторического объяснения древних слов // ИОРЯС, 1853. Т. II. С. 328–341.

вырисовываются новые варианты – «двигаться по воде». Четких границ у этого варианта еще нет. Так, глаголы *ити-ходити* одновременно могли означать «двигаться по воде» и «отправляться, направляться куда-нибудь», «выходить (морским путем)», подтверждая лишний раз свою близость к варианту «двигаться вообще», с которым связан и вариант «отправляться, направляться куда-либо». В «чистом» виде встретить этот вариант в древности очень трудно, что, впрочем, характерно для многих вариантов и самых различных эпох (в том числе и для современного русского литературного языка):

Ходиша новгородцы въ лодьяхъ и в лойвахъ въ озеро. Новг. I л., 6818, л. 155 об., стр. 92; *и азъ въ своемъ корабли иду посреде реки.* ЖБГл., л. 26, стр. 36; *(Ярослав) ходи изъ Новагорода за море на Емь.* Лавр. л., 6734, л. 154 об., стр. 449; *иде Ярославъ на Мазовьшаны въ лодьяхъ.* Там же, 6656, л. 52 об., стр. 155.

В последних двух примерах разбираемый вариант сплетается с вариантом «нападать, идти войной».

Если глаголы *ити-ходити* означали передвижение по воде, обычно при них было указание на средства движения (в лодьяхъ, в лойвахъ, в корабли, на скедиахъ...) или на то водное пространство, по которому совершалось плавание (море, река, озеро и т.д.).

Наконец, в пределах всего того же варианта «двигаться вообще» выступает, правда, менее четко, чем описанные, лексико-семантический вариант «двигаться по земле с помощью какого-либо средства передвижения».

Для глаголов *ити-ходити* в XI–XIV вв., таким образом, основным является лексико-семантический вариант, передающий общее значение движения, перемещение в пространстве живых существ, независимо от характера, качества направления этого движения. Из него впоследствии возникает несколько более конкретных вариантов.

§ 3. Обозначая движение вообще, которое физически может и не быть действием ходьбы, глаголы *ити* и особенно *ходити* имели также лексико-семантический вариант «двигаться пешком, ступая, делая шаги», т.е. передавали более конкретное движение. Этот вариант выделить сравнительно трудно. Иногда при глаголах *ити-ходити* может стоять наречие *пешь*, не оставляющее сомнений в характере передвижения. Но чаще у глагола *ити* встречаются примеры на вариант «двигаться пешком, ступая, делая шаги» без каких-либо побочных характеристик, без конкретизаторов (в таких случаях приходится об-

ращаться к более широкому контексту, позволяющему уточнить лексико-семантический вариант):

онъ же (хромой) съ радостию въставъ иде. ЖБГл., л. 9 о, стр. 13; *не едемъ ни на конехъ, ни на возехъ, ни пешь идемъ, но понесите ны в лодьи.* Лавр. л., 6453, л. 15 об., стр. 56.

Там, где необходимо обратить внимание именно на самый способ совершения действия, употреблялся обычно глагол *ходити*:

И бяше нога ему суха и съкърчена и не можаше на ней ходити не подъделаъ деревяну и тако хожааше и пришедь къ стьима. ЖБГл., л. 196, стр. 30; *и на ноги нача встая, акы младенець, и нача ходити.* Лавр. л., 6582, л. 65 об., стр. 194.

В этих примерах глагол *ходити* означает «стал делать шаги, получил способность передвигаться». Следует сделать оговорку, что неопределенная основа ряда глаголов движения в отличие от определенной выражает умение, физическую способность совершения движения (глаголы *ходити, ездити, плавати...*), что особенно ощутимо в современном русском языке.

§ 4. С лексико-семантическим вариантом «двигаться пешком, ступая, делая шаги» близок лексико-семантический вариант «следовать» с грамматической характеристикой ПО КОМ (по мне и т.п.) или ВСЛЕД (по следу) кого – в след МНЕ и т.д. Глаголы *ити-ходити* с этими конкретизаторами могли означать как конкретное действие (т.е. «идти вслед, позади кого-нибудь, двигаться, направляться куда-нибудь за кем-нибудь»), так и более отвлеченное: «следовать, сопутствовать кому-либо в чем-либо, т.е. поступать подобно кому-либо, подражать» и «следовать каким-либо правилам, велениям, т.е. руководствоваться чем-либо в своем поведении, повиноваться, подчиняться чему-либо»⁹. В конкретном смысле лексико-семантический вариант «следовать»

⁹ Этот же лексико-семантический вариант был также у глагола *следити* и приставочных глаголов *въследити-въследовати, въслежати-въслеждати, последовати*. Они могли находиться в тех же самых конструкциях, что и глаголы *ити-ходити*: *и вшедь архиепископ... и по немъ въследующе священици...* Новг. I л., 6926, л. 250, стр. 410 (Н); *иже хощеть въследъ мене итьти, да отвержытся себе и възметъ кротъ свои и въследует ии.* Пч., л. 13 об., стр. 39. Между глаголами *въследити* и *ити* в этом варианте нет семантических различий, но грамматически *иду* – бесприставочное образование, а *въследую* – приставочный глагол, с префиксом пространственного значения. Глагол *последовати* по сравнению с глаголами *ити-ходити* имел еще некоторые семантические различия. Он мог также значить «быть последователем». У ст.-слав. глагола *въслеждати* содержание уже, чем у глаголов *ити-ходити*: он обозначает только «подражать» (см. словари Срезневского, Востокова).

близок варианту нерасчлененного движения и варианту «двигаться пешком, ступая, делая шаги»; он встречается очень часто:

он же иде в следъ его и придосте к стаборию золотомъ, покръвену. Изб. Св. 1076 г., л. 270 б–271 а, стр. 121; *тамо по нихъ ходиша Велевичи въ Островскую землю, ихъ же не взяше.* Новг. I л., 6852, л. 212, стр. 82; *по мне идеть полкъ со княземъ бе щисла множество.* Лавр. л., 6476, л. 20, стр. 66–67.

Этот же вариант в отвлеченном смысле не имеет уже непосредственных точек соприкосновения с вариантом «двигаться вообще» или «двигаться пешком», т.е. намечается постепенное расщепление варианта на два самостоятельных. Примечательно, что грамматической характеристики «по ком» в этом случае у глаголов *ити-ходити* почти не бывает, а встречается только выражение *в след кого*, причем вариант «следовать» в смысле «подчиняться, повиноваться чьим-то указаниям» наблюдается чаще, чем в смысле «подражать» особенно у глагола *ходити*:

Не ходи въ следъ дше своя. Изб. Св. 1076 г., л. 135 а, стр. 65; *Въ следъ желанья твоего не ходи...* Пч., л. 106 об., стр. 337; *не въ следъ ли похотли своихъ идохомъ.* ЖФПеч., л. 366, стр. 84; *блженъ богатыи иже обретеса бес порока и иже въ следъ злата не иде...кто съ есть да блажимъ его.* Изб. Св. 1076 г., л. 145 а, стр. 70.

Итак, у глаголов *ити-ходити* в XI–XIV вв. был лексико-семантический вариант «следовать». По сути, он представляет собой своеобразный пучок очень близких между собой вариантов (ср. вариант «двигаться вообще» с его детализацией), объединенных идеей следования, которое понимается то буквально, то отвлеченно. Такой вариант способен легко распасться на ряд вариантов. Уже в древний период можно говорить о нескольких в известной степени самостоятельных вариантах, сгруппировавшихся вокруг одного центра.

§ 5. В сочетании с творительным падежом существительного *путь, стъзя*, употребленных отвлеченно, в смысле «обычай, правило» или «направление» и т.п., глагол *ходити* (реже *ити*) означал «жить по каким-то определенным правилам, пребывать в каком-либо состоянии». Данный вариант возможен у глагола *ходити* (изредка *ити*) вне сочетания с существительным *путь* (так, можно сказать: *ходити* лестью, лжею, по любви, по просвещению кого-либо, *ходити* в заповедехъ бжих, *ходити* блгообразно, сквърньо, непорочно, благоличне, блгочство, добропутьне, *ходити* въ тьме, въ любви, въ простости,

ити в законе и некоторые другие). Весь контекст приобретает абстрактный характер:

Елико же въ законе преди идеши, толико же достатьчьнь ся съвршьнемъ вежь. Изб. Св. 1076 г., л. 62 б–63 а, стр. 36; члвкв разумивъ веру иметь закону и по хвамъ заповедьмъ ходить: и законъ его верънь. Там же, л. 146 а, стр. 70; а вы есте тма и во тме ходите. Лавр. л., 6582, л. 66, стр. 197; таче Саулъ не изволи ходити в законе Гсни. Лавр. л., 6494, л. 32 об., стр. 97¹⁰.

Анализируемый вариант у глаголов *ити-ходить* в XI–XII вв. было трудно отличить от лексико-семантического варианта «поступать определенным образом, действовать», который наблюдается только у глагола *ходить*.

В XIV в. вариант «действовать» своевременно обособился от варианта «жить». В грамотах очень часто можно найти глагол *ходить* в смысле «действовать, поступать по определенным правилам, соблюдать определенные порядки» (при этом конкретизатором выступает название документа или слова *закон, традиция, привычка* и т.д. в дательном падеже):

миръными црквъными единеми ходити уставихомъ, а не съставъными. Крмч., л. 33 б, стр. 118; и рече Олег: ходити нама на одной думе обема. Лавр. л., 6792, л. 170 об., стр. 482.

Эти лексико-семантические варианты присущи уже не обоим основам анализируемых глаголов (для глагола *ити* вариант «жить» – даже в XI в. – редкое исключение), а только одной из них – неопределенной. Корреляты, как показывает материал, несмотря на то, что они имели несколько общих вариантов (§ 2–4), а иногда даже замещали друг друга без различия пространственной характеристики, в некоторых лексико-семантических вариантах резко расходились.

§ 6. Так, у глагола *ходить* помимо варианта «жить» и «действовать» уже в XI в. лексико-семантический вариант «быть одетым во что-нибудь, носить одежду»:

ходяи въ сквърньне ризе небрежетъ ея. Изб. Св. 1076 г., л. 252 а, стр. 114; повелеваше ему въ своей одежи ходити. ЖФПеч., л. 53 а,

¹⁰ Интересно, что глаголу *ходить* в этом варианте в памятниках так называемого книжно-славянского типа русского языка противоположен старославянский глагол *отръпшитати* (σκολιάξειν, depravare), который означал «ходить по кривым дорогам, т.е. неправедным путем, портить, вредить, лукавить». Этот (к сожалению, единственный) случай засвидетельствован в словаре арх. Амфилохия к Пендектам Антиоха: *ходии же праве боиться, Га, а отръпшитай путьми укренъ будет* (οδὲ σολιάξων ταῖς οδοῖς). Панд. Ант., л. 188.

стр. 78; *еще ли есть неимовитъ да како можетъ в только же проданъ будетъ, яко да и порты в нихъ же ходятъ. да и то с него сняти.* Лавр. л., 6453, л. 13 об., стр. 52.

§ 7. К XIV в. у глагола *ходити* начал оформляться лексико-семантический вариант «распространяться, получить широкое хождение (в применении к абстрактным существительным типа *хвала*, *казнь*, т.е. «болезнь» и пр.)»:

по лицу всеа земля сиа казнь хождаше. Новг. I л., 6860, л. 216 об. (К), стр. 363. Ср.: *по воде огонь гора хождаше* (здесь скорее – «расходиться во все стороны»). Там же, 6848, л. 207 об. (К), стр. 351; тот же текст: 6739, л. 155, стр. 280.

§ 8. Наконец, глагол *ходити* употреблялся в ряде выражений или уже строго фиксированных, или превращающихся в закрепленные (фразеологизмами условимся считать такие выражения, в которых возможны на протяжении многих веков одно, максимум два разных стержневых слова, а также единственные (или сильно ограниченные) для данной конструкции детерминатив или конкретизатор). Таковы, например, *ходити в руку (под рукою)*, т.е. «быть в подчинении, находиться под чьей-то властью», *ходити (ити) роте* – «приносить клятву и т.д., рассмотрение которых не входит в задачи настоящей работы.

С XIV в. глагол *ходити* начал употребляться в выражении типа «куда моя рука (коса, плуг, топор, секира...) *ходила*», означая: «получить возможность работать (ходить) плугом (т.е. на пашнях), косой (т.е. в поле), топором (т.е. в лесу) и т.п.». К сожалению, все примеры на эти выражения обнаружены в грамотах, дошедших до нас лишь в поздних списках XV–XVI вв.:

Даль есм въ домъ святаго Спаса свою вотчинную пустошь со всемъ, покаместъ плугъ ходил и коса, исъ бортнымъ ухажеемъ. Дан. гр. Ниж. Бл. мон. 1399 г.; ... *Четверть наволока моего участка у острова Верхнего коньца, куда моя рука ходила, въ пожьняхъ, въ земляхъ, и въ лесе, и въ водахъ.* Дух. Новг. и Дв. XIV–XV в., № 3.

Данный вариант уже для XIV в. является фразеологизмом, хотя сочетаемость *ходити* с различными названиями сельскохозяйственных орудий позволяет предполагать, что перед нами еще не столь строго фиксированный вариант, как можно было бы ожидать, судя по выражению «куда моя рука *ходила*». После XVI в. подобные сочетания не встречались нам ни разу.

Лексико-семантический вариант «работать кем-либо, где-либо, выполнять определенную работу» только начал складываться в XIV в.: *отъходитъ* Микифоръ въ Михаилове ватазе. Грам. Ив. Дан. д. 1340 г. (см. гл. III, §12).

§ 9. У определенной основы – глагола *ити* – были также свои лексико-семантические варианты, отсутствовавшие у неопределенной основы – глагола *ходити*. Глагол *ити*, например, употреблялся в смысле «падать», сочетаясь обычно (но не всегда) со словом *дождь*. Этот глагол часто использовали в оборотах, когда речь шла о летящих и падающих предметах (особенно стрелах), напоминающих потоки дождя:

идяху стрелы акы дождь. Лавр. л., 6605, л. 91 об., стр. 272.

Приблизительно с XIII в. у глагола *ити* возникает лексико-семантический вариант «литься, струиться»:

аще кровь рече идетъ и зубъ, изъ устьъ выплевавши, служити несть беды. Вопр. Кир. XIII в., гл. 62, стлб. 40; *кладязи, яже суть за собою отъ вѣстока, изъ того вода идетъ по трубе, копавъ переими*. Лавр. л., 6496, л. 37 об., стр. 109.

Уже в первый период у глагола *ити* развился вариант «тянуться, проходить (о дорогах, горных хребтах, направлении рек...)»:

межа идетъ по болоту да на врагъ...Новг. купч. XX, XIV–н. XV в.; и привезше и г. Киеву (Тугоркана), погребоша и на Берестовемъ межю путемъ идущимъ на Берестово и другимъ в манастыръ идущимъ. Лавр. л., 6604, л. 77, стр. 232.

Лексико-семантический вариант «исходить от чего-либо, подниматься с поверхности (о паре, дыме)» появляется у глагола *ити* уже в XII в.:

и отврѣзоця року, и се акы дымъ идяше отъ нея. ЖБГл, л. 26, стр. 38.

Наконец, в XVI в. появляется сочетание глагола *ити* с названиями предметов, означающих продукты питания, вещи; эти сочетания конкретизируются существительными в дательном падеже (иногда в родительном падеже цели с предлогом); складывается лексико-семантический вариант «даваться, выдаваться, поступать в чье-либо распоряжение»:

Жито к нимъ не идяше ни откуду же. Лавр. л., 6649, л. 102 об., стр. 309; *А что наши даницыкы сберуть въ городе и въ станехъ и въ варяхъ, тому ти ити въ мою казну, а мне давати выходъ*. Дог. гр. Дм. Ив. 1389 г.

§ 10. Подобно глаголу *ходить*, глагол *ити* имел фразеологию (*ити в веру: ити виру, ити в дань, ити-ходити роте (на роту)* и др.) – или уже устоявшуюся, или еще только складывающуюся. К последней можно отнести выражение *ити за мужь*; оборот *замуж* еще воспринимался как предлог и существительное (вместо существительного могло стоять местоимение):

За чужь мужь шьла есть (traduxit). Ник. Панд., стр. 216; *тогда законьно (жена) де идетъ за мужь*. Вопр. Кир., гл. 91, стлб. 48; *Сара же не рече что се ес: ци того дея идохъ за тя, а бихъ молода и хлеби чинила...* Пч., л. 26 об., стр. 81.

Глаголы *ити-ходить*, тесно связанные между собой (за счет общих лексико-семантических вариантов и возможности замещения одним другого), обладали в XI–XIV вв. (что видно по приведенным примерам) развитой (развернутой) системой значений, и это ставило их в центр всей системы глаголов движения.

СМЫСЛОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ С КОРРЕЛЯТАМИ *ИТИ-ХОДИТИ*

§ 11. Среди многочисленных вариантов значений у глаголов *ити-ходить* уже в XI–XIV вв. было несколько таких, в основе которых не лежало понятие движения (например, § 5). Корреляты *ити-ходить* благодаря этим вариантам получили возможность войти в отношение с глаголами других смысловых групп (анализ этих связей не входит в задачи работы). С другой стороны, вокруг центральной пары сгруппировалось множество глаголов движения, которые вступали в различные смысловые отношения друг с другом и с коррелятами *ити-ходить*.

Мы подробно проанализируем смысловую систему взятых для исследования глаголов движения в XI–XIV вв., исходя из отношений этих глаголов к паре *ити-ходить*, и лишь кратко коснемся затем их взаимоотношений друг с другом. Подавляющее большинство слов, объединенных в одну группу общим понятием передвижения в пространстве, связано между собой сходными лексико-семантическими вариантами.

Среди глаголов, обладающих общими с глаголами *ити-ходить* вариантами (фразеология в расчет не принимается), т.е. имеющих непосредственные смысловые отношения с центральной парой, можно наметить три типа семантических связей слов.

§ 12. I тип смысловых отношений глаголов движения (I группа).

I группа объединяет глаголы, система лексико-семантических вариантов которых полностью входит в систему глаголов *ити-ходить*. Так, в памятниках древнерусского языка довольно часто можно встретить старославянские глаголы *грясти* и *шествовати* там, где мы ожидали бы увидеть глаголы *ити*.

Все три глагола по смыслу соответствовали греческим – ἐρχομαι, βαδίξω, πορεύω, φθάνω, реже – ὑπαῖγω и в единичных случаях – δεύρω и также переводились то глаголом *ити*, то глаголом *грясти*, то глаголом *шествовати* (см. § 15)¹¹. Такие тройки переводы одного и того же слова мы находим, например, в Пчеле, Хронике Георгия Амартола, а также в памятниках книжно-славянского типа древнерусского языка, например в Остромировом евангелии:

πορεύεσθαι – **иди** (*πορεύθητι*) *въ Ниневсию*. Пч., л. 78, стр. 239; *кто идетъ и прельститъ Ахава*. Г. Ам., 92, 8; **грядете** *въ огонь внешнии*. Там же, 137, 13 (ср. πορεύεται – *глу сему иди идетъ*. Остр., Лк., ПУ, 8).

πορεύομαι – *яко азъ въ оцю гряду*. Остр., Ио., XIV, 12.1; *се днье грядуть*. Г. Ам., 165, 15; *пегымъ же на угъ шествующимъ* *являеть*. Там же, 298, 14.

ἐρχεσθαι – *творяи истину грядеть к свету*. Пч., л. 90, стр. 28 (ср. ἐρχη – *али ты къ мне грядеши*. Остр., Мф. III, 14).

ἐρχεται – *по мне идетъ мужь*. Остр., Ио., 1.30).

φθάνειν – *азъ, великийи Александръ црь, идохъ же и доселе*. Г. Ам., 48, 10; *послаша вестъ: скоро грядите се бо царь богат у нас есть*. Там же, 434, 8.

βαδίξειν – *ныне же гряди, еже есть обаче твоя ради молбы*. Г. Ам., 118, 21; *шествови прилежно к нимъ*. Там же, 245, 15 (ср.: ἀκολουθεῖ – *и въ следъ мене идетъ*. Остр., Лк., III, 15; ἀκολουθεῖτό – *иже хочеть по мьне ити, да отвръжеться себе и възьметъ кръсть; свои и грядетъ по мьне*. Остр., Мр. VIII, 34, стр. 131 а).

δευρω – *гряди*. Остр., Ио., VI, 42.

δείτε – *идете*. Остр., Мф. IV, 19.

¹¹ Примеров на старославянизмы *грясти* и *шествовати* в памятниках книжно-славянского типа древнерусского языка (так называемые русские изводы старославянских памятников) встречается больше, чем в памятниках исконно русских (народно-литературный тип древнерусского языка). Поэтому в данном разделе работы мы обращаемся, когда необходимо, к примерам из памятников книжно-славянского типа древнерусского языка, каждый раз оговаривая это особо.

В двух последних случаях имеется в виду приближение к объекту.

Подобное использование этих трех слов на месте одного и того же греческого, допускаемое древнерусскими писцами, возможно лишь при очень большой семантической близости данных глаголов.

Невольно встает вопрос: повторяли ли глаголы *грясти* и *шествовати* только частично глагол *ити* или совпадали с ним целиком, во всех его лексико-семантических вариантах?

Подобно глаголу *ити* (см. § 2) глагол *грясти* передавал нерасчлененное движение, включающее в себя процесс хождения, езды и т.п. Так, в этом лексико-семантическом варианте глагол *грясти* мог означать «отправляться, направляться куда-нибудь» (в том числе с грамматической характеристикой «против кого, на кого», т.е. «идти походом, войной, нападать»), появившейся у глагола *грясти* приблизительно в XIII в.):

Фотинъ Св. от Сирмия грядяаше подобнааго Павълу. Крмч., л. 259 а, стр. 667; *виде князь Михаило грядушу силу Новгородскую на ся.* Новг. I л., 6883, л. 223 об., стр. 373 (К); *Творяи истину грядеть къ свету, да явяться дела его, яко о бзе суть сделана.* Пч., л. 90, стр. 281.

Конкретизаторы, стоящие при глаголе *грясти*, те же, что и у глагола *ити*: для обозначения цели движения использовались супин и инфинитив; место, в которое направлялся человек, передавалось либо наречиями, либо существительными с предлогами и т.д.

В памятниках, главным образом книжно-славянского типа древнерусского языка, глагол *грясти* совпадал с глаголом *ити* и в лексико-семантическом варианте «следовать» (см. § 4). Но глагол *грясти*, как показывает собранный материал, означал по преимуществу конкретное действие – «двигаться следом, позади кого-либо», лишь в редких случаях передавая смысл «следовать кому-либо, в чем-либо, т.е. поступать подобно кому-либо, подражать». При этом сохраняются те же конструкции, что и у глагола *ити*: глагол (плюс-минус) В СЛЕД + сущ. в Дат. п. или местоимение или глагол + предлог ПО + сущ. (или местоим.) в Род. п.:

и гла ему гряди по мъне. Остр., Ио., 1.43, стр. 128 а и б г; *и бесы въ следъ ихъ грядуща.* Пат. Син., л. 303.

Вне указанных грамматических характеристик глагол *грясти* в этом лексико-семантическом варианте также встречается, но реже: тогда он используется с предлогом ЗА + Тв. п. сущ. (местоим.):

*Слнцю сему хотящю видимому изити ис предела земънаго. заря преже варьши являеть. кѣто за нею **грядеть**.* Торж. при Зл. XII в., л. 108 а, стр. 22.

У глагола *ити* отмечался, правда редко, лексико-семантический вариант «жить, пребывать» (см. § 5). Этот вариант присущ и глаголу *грясти*, но встречается тоже не часто, в основном в памятниках книжно-славянского типа древнерусского языка:

*всѣми ли убо **грясти** или овѣми путеми сиихъ.* Гр. Наз., л. 294 в; *кратъкъимъ и жестокуимъ путемъ **грясти** начасте.* Ио. Леств. XII в.; *да темъ ся обрѣтаеть мало чади **грядущая** путемъ темъ разна.* Златостр., сл. V, стр. 69.

§ 13. Перечисленные три варианта, в которых глагол *грясти* соприкасался с глаголом *ити*, были не только у глагола *ити*, но являлись общими для глаголов *ити* и *ходить*. Почему же в таком случае мы говорим о близости (почти идентичности) глаголов *грясти* и *ити*, а не *грясти* и *ходить*?¹² Оказывается, что глагол *грясти* имеет еще несколько вариантов, сходных с глаголом *ити*, но отсутствующих у глагола *ходить*.

Так, у глагола *ити* нами отмечался лексико-семантический вариант «тянуться, проходить (о дорогах, горных хребтах и т.п.)» (см. § 9), которого не было у коррелята *ходить*. Глагол *грясти* (в единичных,

¹² Интересно отметить, что в различных редакциях Златоструя (книжно-славянский памятник XII в.) глагол *грясти* иногда заменяется на глагол *ходить* (а не *ити*): *пространего же поведаетъ гъ понеже слабостию и неверьствѣмъ **грядуть*** (в сп. Моск. Дух. Акад. XV–XVI в. и сп. февральской кн. Макарьевских Четвх Миней в Моск. Синод. библ. – *ходят*) *мнози члвци. видять бо въ немъ пития и ядения и всьяки похоти плтьскыя скороминующая. яже ведутъ въ изгыбель* (сл. V, с. 68–69); *по что убо рече блажени чистии (срдции) и путемъ грядущии* (по сп. Моск. Дух. Акад. XV–XVI вв. и сп. февральской кн. Макарьевских Четвх Миней в Моск. Синод. библ. – *ходящии*) *въ законе гнь...* (сл. V, с. 63). Происходит эта замена, очевидно, потому, что у глагола *грясти* нет характеристик пространственно-временного значения, благодаря чему глагол *грясти* может стоять и вместо *ити*, и вместо *ходить* в общих для них вариантах. К тому же в древнейший период, как уже указывалось, признак разнонаправленности движения не ассоциировался прочно с глаголом *ходить*, поэтому и могли порою сблизаться *грясти* и *ходить*.

правда, случаях, так что трудно говорить о сложившемся варианте) мог означать то же самое:

суть же корени трие от коегождо очию въ мозгъ грядуть велии единъ и середнии. Пал., л. 22, стр. 63.

§ 14. Лексико-семантических вариантов, сходных с индивидуальными вариантами глагола *ходить*, которых не было бы у глагола *ити*, у глагола *грясти* не наблюдается. Следовательно, глагол *грясти* совпадал в смысловом отношении с глаголом *ити*, целиком входил в систему лексико-семантических вариантов глагола *ити* и не имел никаких самостоятельных вариантов, отличных от вариантов глагола *ити*¹³. При этом семантический объем глагола *ити* шире, чем у глагола *грясти*, как мы видели это раньше (в памятниках и книжно-славянского¹⁴, и тем более народно-литературного типа древнерусского языка). Но почему же тогда глагол *грясти* всё-таки жил и в древнерусском языке и сохранился даже (правда, как архаизм) в современном русском литературном языке?

Н. Ван-Вейк, А. Вайан, А. Мейе, И. В. Ягич¹⁵ говорят о глаголе *грясти* (для старославянских текстов), соотнося его с глаголом *ити*, как о глаголе недостаточном, имеющем формы лишь настоящего времени (включая повелительное наклонение, причастия настоящего времени) и редкий имперфект (в памятниках древнерусских к XIV в. уже встречается и инфинитив). К тому же глагол *грясти* не имеет форм с приставкой (ни в старославянском, ни в древнерусских языках; по-

¹³ Ф. П. Филин прямо говорит: «грясти, равное ити» (Указ. соч. С. 197). Что касается семантических отношений в пределах книжно-славянского типа древнерусского языка глагола *грясти* и *ходить*, то о них см. ниже, II тип связи.

¹⁴ В изводах семантический объем глаголов *ити-ходить* уже, чем в памятниках исконно русских. Поэтому глагол *грясти* в них в еще меньшей степени отличается от глагола *ити*, чем в памятниках народно-литературного типа древнерусского языка по своим лексико-семантическим вариантам.

¹⁵ Ван-Вейк Н. История старославянского языка. М. : ИЛ, 1957. С. 340; Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М. : ИЛ, 1952. С. 328; Мейе А. Общеславянский язык. М. : ИЛ, 1951. С. 235; Ягич И. В. Критические заметки по истории русского языка. СПб., 1889.

Например, И. В. Ягич пишет: «Гряду (ἔρῳα) в древнейших текстах предпочтительнее перед *иду*, но следует иметь в виду, что употребление *гряду* ограничено формами настоящего времени, а имперфект и аористы употребляются только от *иду* (это правило, во всяком случае, соблюдается в переводах (в том числе и в древнерусских. – А. К.) Евангелия и Апостола)».

жалуй, единственное исключение – пример из Киевского Миссала в старославянском языке: «лета *огрядуце*»), в то время как глагол *ити* употреблялся широко и в своих производных формах. Иными словами, глаголы *ити* и *грясти* различались грамматически. Но этим различия не ограничивались. Очевидно, старославянизм в памятниках русской письменности и стилистически отличался от глагола *ити*: не случайно он сравнительно редко встречается в книгах светского содержания (в произведениях народно-литературного типа языка, где у него выявляются два варианта на относительно небольшом количестве примеров) и очень часто в религиозных текстах, писанных так называемым «высоким стилем», т.е. в памятниках книжно-славянского типа языка, где мы находим еще некоторые лексико-семантические варианты, дополняющие семантическую систему глагола в целом.

Таким образом, глагол *грясти*, несмотря на то, что в смысловом отношении он без остатка поглощался более полной системой лексико-семантических вариантов глагола *ити* (но не *ходити*, хотя отдельные случаи соприкосновения *грясти* и *ходити* могли встречаться), сохранился в памятниках древнерусского языка прежде всего, видимо, благодаря своим грамматическим особенностям. С другой стороны, старославянский глагол *грясти* в памятниках народно-литературного типа древнерусского языка имел и некоторые стилистические отличия от глагола *ити*, поэтому и остался жить в русском языке.

§ 15. Подобную судьбу пережил и глагол *шествовати* (и его фонетическая разновидность – *шьствовати*).

У глагола *шествовати* имелся лексико-семантический вариант, передающий нерасчлененное движение, но, по сравнению с глаголами *ити-ходити*, этот глагол, как и глагол *грясти*, менее употребителен и более стилистически окрашен.

таче мало отъступивъ, и се начьяше рамяно шьствовати. ЖФПеч., л. 19 а, стр. 27; *...некий волхвъ, ... шествоуя и творя всюду... бесовская чудеса от Рима, бо пришед въ Византию.* Лавр. л., 6426, л. 19 Роб., стр. 39; *Инии медляще шьствують.* Ник. Панд., стр. 246.

Стилистическая окрашенность этого глагола сказывается и в том, с какими словами в контексте он сочетается. Например, глагол *ходити* (редко *ити*) имел вариант «жить, пребывать в каком-либо состоянии» (§ 5); в этом варианте очень часто ему сопутствовало существительное *путь* в косвенном падеже. В аналогичном варианте при глаголе

шествовати в памятниках книжно-славянского типа древнерусского языка вместо слова *путь* встречается более высокое *стеязя*, редко наблюдаемое при глаголе *ходити*:

радостью шествовать ты узькую стязю пощения. ЧМ, нояб., 1097 г., стр. 0483, л. 160; *стеязя животъныя покажи, и по техъ ми шествовати право поспеши.* Там же, стр. 0498.

Есть у глагола *шествовати* в том же круге памятников вариант «следовать» в отвлеченном плане, т.е. «поступать подобно кому-нибудь, подражать».

шествую ныне по следу учителю. Ио. Злат. XIV в. Троиц. Серг. сб.

Наконец, глагол *шествовати* встречается в варианте «совершать путь», который фактически уже в древний период стал закрепленным, т.е. фразеологизмом:

многъ бо путь шествовавши, приходъ въ сии градъ. Печ., л. 60 в, стр. 87.

В отличие от глагола *грясти*, совпавшего по своему семантическому объему с глаголом *ити*, глагол *шествовати*, который грамматически совмещал в себе основу и определенную, и неопределенную, вошел в смысловую систему как глагола *ити*, так и глагола *ходити*, имея в качестве сближающих лексико-семантических вариантов только общие обоим коррелятам (т.е. и *ити*, и *ходити*). Подтверждением этому служит, в частности, перевод греч. *περιέρχεσθαι* и *παρаторεύεσθαι* в Хронике Георгия Амартола то глаголом *ходити*, то глаголом *шествовати* (безотносительно к смыслу), а глагола *лорεύεσθαι* то глаголом *ити*, то глаголом *шествовати*:

περιέρχεσθαι – *повеле трости держати члвком и шествовати по граду...* Г. Ам., 305, 18; *азъ же убудився с великою болезнию хождахъ плотию умривеную таковою, якоже видите.* Там же, 504, 6.

παρаторεύεσθαι – *и цсрви вне шествующе, усретоша его вси мтри младенець техъ многы...* Г. Ам., 331, 14; *... и не живетъ в нихъ никто же страха ради звери ядовита, слонове же ражаются въ стране той мнози, яко стадници ходять, пасущееся сами.* Там же, 49, 20.

Глагол *шествовати* отличался стилистически от нейтральных в этом отношении коррелятов, а также по употребительности отдельных лексико-семантических вариантов. По сравнению же с глаголом *грясти*, глагол *шествовати* семантически уже и отличается от него 1) вариантом «тянуться», который был у глагола *грясти* и отсутство-

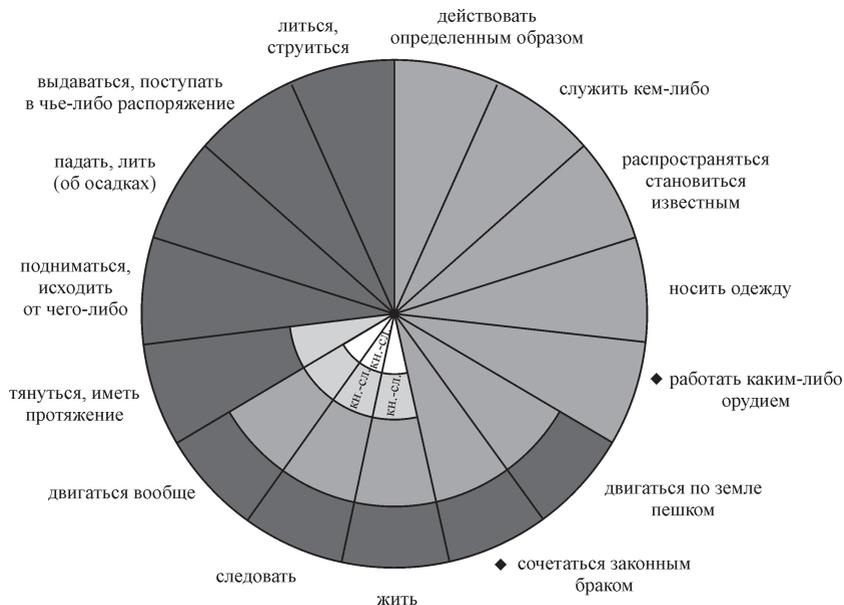
вал у глагола *шествовати* и 2) грамматическими особенностями, так как он соотносится не только с определенной основой, но и с неопределенной – глаголом *ходити*¹⁶.

§ 16. Итак, внутри группы глаголов движения существовал такой тип непосредственных смысловых отношений, когда центральные глаголы исследуемой системы (корреляты *ити-ходити*) подчиняли себе полностью другие глаголы: у глаголов *грясти*, *шествовати*, имевших лексико-семантические варианты, сходные с глаголами *ити-ходити*, в период XI–XIV вв. не было ни одного индивидуального варианта, который отличал бы семантически эти глаголы от глаголов *ити* (для *грясти*) и *ити-ходити* (для глагола *шествовати*).

---

¹⁶ Словом, полностью подвластным смысловой системе глаголов *ити-ходити* в памятниках книжно-славянского типа древнерусского языка был глагол *пешаховати*, обладавший лишь одним лексико-семантическим вариантом, в котором он и совпал с глаголами *ити-ходити*. У глаголов *ити-ходити* был вариант, показывавший конкретное движение с помощью ног по земле, но у глагола *ити* лексико-семантический вариант «двигаться пешком, делая шаги» встречался, как уже было сказано, сравнительно редко (в отличие от неопределенной основы), возможно, в силу того, что параллельно с ним употреблялся глагол *пешаховати*, несший на себе точно такую же семантическую нагрузку. Этот глагол засвидетельствован в словаре И. И. Срезневского, где приводится следующий (единственный) пример из слов Григория Назианзина XV в.: *Петра же егда реку, кого гю по вльнамъ пешаховавъшаго* (л. 7 а-б). Наряду с глаголом *пешаховати* конкретное движение (пешком, по земле) передавали сложные глаголы *пешеходити* (pedibus ire, πεζεγειν) и *пешешествовати* (сам глагол *шествовати*, как мы видели, мог означать «двигаться вообще», без уточнения характера передвижения): *блговерный же князь Михайло, вземъ жезлъ въставъ здравъ на нозе свои и пешьшествоваше до столпа въсприемъ от старца блсвение и радовашеся дшею*. Нкт. Пр., стр. 362; *азъ же пешьшествуя 40 дним доидохъ доселе и на сии столпъ вшед умолчахъ*. Прол. XIV в., л. 672, БАН. 17.11.4. (тот же текст см. Ник. Панд., л. 89, стр. 242). Глагол *пешаховати*, таким образом, своеобразно дополнял смысловую систему глаголов *ити-ходити*, конкретизируя, уточняя самое качество движения и совпадая с лексико-семантическим вариантом центральных глаголов «двигаться пешком». К началу XIV в. он уже исчез из языка (если был в нем вообще; возможно, это окказиональное употребление), не выдержав конкуренции с глаголами *ити-ходити*, которые обладали развернутой системой лексико-семантических вариантов и вступали в многочисленные связи с другими глаголами движения.

Эти отношения можно отразить на следующей схеме:

Условные обозначения:

- глагол *ити*;
- глагол *ходити*;
- глагол *грясти*;
- глагол *шествовати*;

кн.-сл. – только варианты, встречающиеся в памятниках книжно-славянского типа древнерусского языка.

Однако, обладая определенной стилистической окраской по сравнению с нейтральными *ити-ходити* и некоторыми грамматическими особенностями (глагол *грясти*), глаголы *грясти* и *шествовати* существовали в языке рядом с глаголами *ити-ходити*.

§ 17. II тип смысловых отношений глаголов движения (II группа).

Во II группу слов, непосредственно примыкающих к коррелятам *ити-ходити*, входят глаголы, у которых помимо общих именуются лексико-семантические варианты, отсутствующие у центральной пары. Причем у одних глаголов эти специфичные варианты притягивают к себе другие слова, а у иных (например, *ступати*) так и остаются сугубо индивидуальными вариантами. Прочность связей между гла-

голами *ити-ходити* и их окружением зависит от того, какие и сколько из лексико-семантических вариантов являются общими для всех анализируемых глаголов. Чем больше сходных вариантов у глаголов *ити-ходити* с другими глаголами движения, тем крепче спаяны эти глаголы в единую систему слов.

Рассмотрим глагол *стунати*. Он сближается с глаголами *ити-ходити* посредством лексико-семантического варианта «двигаться пешком, делать шаги» общего для них:

весело ли ступаеише по степеньмъ отъ князя исходя. Изб. Св. 1076 г., л. 20 б, стр. 19; *имеи нозе тихо ступаеишти.* Там же, л. 8 б, стр. 14; *въ цркви акы на нбси ступаи и ничьтоже въ нем не гли ни помышляи землянаго.* Там же, л. 134 б, стр. 65.

Глагол *стунати* имеет такие же пространственно-временные признаки, что и глагол *ходити*.

Возможно, глагол *стунати* передавал, как и глаголы *ити-ходити*, вариант «двигаться вообще», т.е. нерасчлененное общее движение (к сожалению, малое количество примеров не позволяет с уверенностью говорить об этом варианте).

Общим у глаголов *ити-ходити* и разбираемого глагола *стунати* был также вариант «жить, пребывать», встречающийся в памятниках книжно-славянского типа древнерусского языка:

Правыймъ путемъ ступаетъ и въ беструдное пристанище Хво доходить (т.е. ведет праведную жизнь, праведно живет). Панд. Ант., гл. 60, л. 129.

И. И. Срезневский указывает также на лексико-семантический вариант «входить, вступать», приведя единственный пример из памятника книжно-славянского типа древнерусского языка: *ступая на стъзю спсеную* (ЧМ, окт. 1096 г., стр. 0022). Таким образом, в памятниках книжно-славянского типа древнерусского языка глагол *стунати* отличался этим вариантом от семантики глаголов *ити-ходити*, в то время как в памятниках народно-литературного типа древнерусского языка он полностью входил в систему лексико-семантических вариантов глагола *ходити* (т.е. был связан по I типу связи).

Кроме связей с глаголом *ити-ходити* глагол *стунати* сближался непосредственно и с другими глаголами движения, но с помощью тех же вариантов, а не специфичных, отсутствующих у пары *ити-ходити*.

§ 18. Все остальные глаголы этой обширной группы оказались втянутыми в разнообразные смысловые ряды, ведущие свое начало от

различных лексико-семантических вариантов глаголов *ити-ходити*, которые сами были связаны между собой по II типу связи слов.

Сближаясь с глаголами *ити-ходити* благодаря каким-нибудь сходным вариантам, эти остальные глаголы сами притягивают к себе другие глаголы, с которыми у них обнаруживались общие лексико-семантические варианты среди отсутствующих у глаголов *ити-ходити*.

Такую участь испытали, например, глаголы *лезти-лазити*. Этим глаголам уделено немало внимания в работе Ф. П. Филина «Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи» (гл. IV, стр. 194–197). Автор считает глаголы *ити-лезти* и *ходити-лазити* лексическими дублетами (стр. 196). Действительно, глаголы *ити-ходити* и *лезти-лазити* были настолько близки между собой в лексико-семантическом варианте нерасчлененного движения, что в различных редакциях древнерусской летописи возможны случаи замены одного слова другим. Последнее обстоятельство, кстати, свидетельствует и о том, что глагол *ити* постепенно вытеснял в названном варианте глагол *лезти*. Никакой стилистической мотивировки такой замены не существует (этого нельзя было сказать, как мы видели, о глаголах *грясти* и *шествовати*, имевших стилистическую окраску «высоких» слов), точно так же, как синтаксические конструкции, а часто и контексты, при подобных колебаниях (заменах) бывают абсолютно равноценны:

И рече Святополкъ: «поседита вы сде, а язъ лезу» (в Хлебниковском сп. – *иду*), *наряжю», и лезе* (в др. сп. – *поиде*) *вонъ, а Давыда съ Василкомъ седоста*. Лавр. л., 6605, л. 87 об., стр. 259; *И вставъ Давыдъ, рече: «азъ лезе/иду»* (по сп. Хлебниковскому, Ипатьевскому) *по нь; а ты, брате, поседи»*. *И вставъ иде* *вонъ*. Там же; *не мори ся голодомъ с дружиною и людии не помори, но лези семо к намъ*. Там же, 6694, л. 136, стр. 402; *Рехъ ему: а оже лазить дети не смысляче?* Вопр. Кир., гл. 47, стлб. 33.

Производные, на которые, впрочем, полностью полагаться не приходится¹⁷, хотя проф. Ф. П. Филин часто делает это в своей диссертации

---

¹⁷ См.: Покровский М. М. Семасиологические исследования в области древних языков. М., 1895. С. 32: «Слова производные или сложные, правда, нередко следуют словам первичным (только такие примеры и берутся в данном случае. – А. К.), но ждать, чтобы их семасиологическая судьба была всегда параллельна судьбе слов первичных, мы не имеем права. Новый суффикс или аффикс, который получают производные или сложные слова, может сильно видоизменить значение корня, вошедшего в состав производного или сложного слова, и таким образом разорвать семасиологическую связь между первичным и производным».

ции¹⁸, подтверждает тот же факт: *вылезь=вошел; излазити=выходити; вылезти=выйти* (в этих глаголах передвижение ограничивается пространственно, как и в соответствующих случаях с производными от *ити-ходити*):

они же бъяхутся излазяци из града не брани дея. но жажьы ради водныя измираху со мнози людье в граде. Лавр. л., 6715, л. 146 об., стр. 432; *не дадяху вылести из города.* Там же, 6505, л. 44, стр. 127.

Собственно говоря, этим лексико-семантическим вариантом «двигаться вообще» и ограничивается связь глаголов *ити-ходити* и *лезти-лазити*.

Все остальные лексико-семантические варианты глаголов *лезти-лазити* являются специфичными, индивидуальными, отсутствующими у центральных глаголов группы.

Так, оба коррелята могли означать «проникать внутрь, забираться куда-либо, входить»:

А крестъ достоитъ целовати всемъ, кто лазить въ божницю и еуангелье целуетъ. Вопр. Кир., гл. 25, стлб. 30; *Съ своею женою бывъ, томъ дни не лезеть въ олтарь.* Там же, гл. 29, стлб. 31.

Данный вариант отличается от варианта «двигаться вообще» конкретизатором: при глаголах *лезти-лазити* в варианте «проникать вовнутрь, входить» обязательно должно быть указание на закрытое помещение, внутрь которого направлено движение (к сожалению, эта структурная модель не вполне однозначна и четка, так как здесь можно говорить и о варианте общего движения).

В памятниках древнерусского языка глаголы *лезти-лазити* означали «карабкаясь, цепляясь за что-либо, передвигаться по чему-либо (ползком), забираться, подниматься куда-либо наверх». Причем отграничить «двигаться ползком» от «карабкаясь, подниматься куда-либо наверх» очень трудно (некоторую помощь могут оказать греческие и латинские параллели, где они имеются):

повеле изити парящему и лазящему и нирающему... и то блгослови. Пал., л. 13, стр. 36. Ср. примеры из памятников книжно-славянских: *она же слышавъ начать лести* (*ἀναβάσεως*) *и съ великъмь трудъмь до върха долець.* Жит. Нифонта, 1219 г.; *къ лествици бо подобно наше житие и течение. яко же бо и на лествици лезыи.* *и не можеть преди на высоте стати.* Златостр., сл. V, стр. 63.

¹⁸ Кстати, Ф. П. Филин сам приводит пример, когда приставка изменяет общий смысл непроизводного глагола – *налезти* значит «найти» (Указ. соч. С. 196–197).

Именно благодаря этому варианту глагол *лезти* связывался с глаголами *пълзти-пълзати* (см. § 30).

§ 19. Сходное с глаголами *лезти-лазити* положение в группе глаголов движения занимал и глагол *течи*, который был связан непосредственно не только с коррелятами *ити-ходити*, но и с другими глаголами движения, примыкающими к отдельным лексико-семантическим вариантам глагола *течи* с помощью сходных вариантов.

Глагол *течи* обозначал действие необратимое и по пространственно-временной характеристике сближался с глаголом *ити* (а не *ходити*). О его корреляте говорить трудно, ибо основа *тека-* в памятниках древнерусского языка чрезвычайно редко встречается в «числом» виде – она наблюдается обычно в производных своих формах.

Глагол *течи* обладал лексико-семантическим вариантом «двигаться вообще» (конно, пеше...), особенно «отправляться, направляться куда-нибудь», совпадая в этом варианте с глаголами *ити-ходити* (§ 2):

У неяже (церкы) лежата стая и течааху людие на позорь. ЖБГл., л. 19 а, стр. 29; *зачала ж жена и тече црки и реч црю...* Пч., л. 93, стр. 293; *виде единого седяща на свиньи, а другыя текуща около его.* Лавр. л., 6582, л. 64 об., стр. 191.

Однако необходимо сделать следующую оговорку. Вариант «двигаться вообще» у глагола *течи* неоднороден. Иногда глаголы *ити* и *течи* в этом варианте абсолютно идентичны. Особый интерес в этом отношении представляет сопоставление различных списков того или иного памятника: в них порою можно обнаружить замену в равнозначных контекстах одного глагола движения другим. Так, в Златоуструе по списку 1474 г. вместо глагола *течи* в смысле «двигаться вообще (отправляться куда-нибудь)», как это было в рукописи XII в., мы имеем глагол *ити*:

и на търгъ течемъ (сл. 1474 г. – *идемъ*) *и предъ князи стаемъ и трепещемъ и боимъся а друзни на позоръ текутъ* (сл. 58, стр. 24), т.е. глаголы *течи* и *ити* в данном примере воспринимаются как абсолютно тождественные.

Но чаще глагол *течи*, когда он означает «двигаться пешком», передает движение более быстрое (возможны конкретизаторы типа *скоро*, *быстро*). Не случайно в переводной литературе он стоит на месте греч. *τρέχω* и лат. *сигго* (см. § 44). Точнее указанный вариант было бы охарактеризовать как «быстро двигаться по земле с помощью ног,

отправляясь куда-нибудь». При этом не всегда удается с достоверностью сказать, где перед нами вариант просто «двигаться бегом», а где «направляться куда-нибудь бегом или направляться независимо от скорости и способа передвижения», поэтому мы и рассматриваем эти, по сути, различные варианты вместе:

тако течаху радующеся къ крициню. ЖБГл., л. 10, стр. 14; *стражи же то слышавше скоро текоше къ узници и обретоша ю размтану.* Там же, л. 18, стр. 21.

С выражением *въ следъ* глагол *течи* в лексико-семантическом варианте «следовать» (и конкретно, и отвлеченно) также соприкасается с глаголом *ити*:

тека въ следъ чсти, а она утекает предъ нимъ, а убегающего ея постигнуть. Пч., л. 96, стр. 304.

Подобно глаголу *ити*, глагол *течи* мог означать «жить, пребывать в каком-либо состоянии», сочетаясь со словом *путь*, *стезя*:

Взишити кымъ путьемъ идоша и коею стъзю текоша. Изб. Св. 1076 г., л. 6 б–7 а, стр. 13.

В этом примере близость *ити* и *течи*, которые фактически друга друга подменяют, особенно очевидна.

У исследуемого глагола был сходный с глаголом *ити* (см. § 9) лексико-семантический вариант «струиться, литься (о жидкости, влаге)»:

Источници же течаху. Изб. Св. 1076 г., л. 12 а, стр. 15; *о чстьному гробу, из него же текут источници цельбамъ, не оскудеюще.* ЖБГл., л. 24, стр. 34; *из бъчькъ гвозды вынимаше, и видеше воду текуцю.* Новг. I л., 6712, л. 65 об., стр. 45.

Помимо общих с глаголом *ити* лексико-семантических вариантов у глагола *течи* отмечаются индивидуальные варианты, например, «стремиться к какому-либо» (в структурной модели, соответствующей данному варианту, конкретизатором выступают абстрактные существительные типа *зло* и *спасение* в Вин. п. с предлогом НА):

уклони ноги своя от стезь ихъ, ноги бо ихъ на зло текутъ и скоры суть на пролитъе, крѣви. Пч., л. 1, стр. 1; *отъвращаяся житиискья радости, та бо подълъзатися творить текуштии.мъ на спасение свое.* Изб. Св. 1076 г., л. 64 б–65 а, стр. 36–37.

Глагол *течи*, таким образом, тесно смыкался с глаголом *ити*, но не сливался с ним, как глаголы *грясти*, *шествовати* (или *пешаховати*).

Наиболее продуктивными (употребительными) вариантами у него можно считать «струиться, литься», который у глагола *ити* был раз-

вит в древности слабо, а также «двигаться вообще» и «быстро двигаться по земле с помощью ног».

§ 20. Как мы видим, носителями лексико-семантического варианта «быстро двигаться по земле с помощью ног» в эпоху старейших памятников письменности были глаголы *течи* и *ристати* (см. об этом глаголе § 26). У глаголов же *бежати-бегати*, которые не мыслятся нами без этого варианта в современном русском языке, в XI–XII вв., судя по собранному материалу, были лишь варианты «убегать, спастись бегством» и «избегать, беречься, остерегаться кого-чего-нибудь», а вариант «быстро двигаться по земле с помощью ног» отсутствовал.

В варианте «удаляться, убегать» проявляется общий характер движения, которое могло совершаться пеше по земле, водным путем, на конях и т.п. Именно здесь мы и можем говорить о сближении глаголов *бежати-бегати* и глаголов *ити-ходити*: обе пары обозначают наряду с другими вариантами общее понятие, в котором выдвигается лишь факт движения независимо от тех средств, с помощью которых оно осуществляется:

слышав же се Володимѣрь в Новегороде яко Ярополкъ уби Ольга убоаяся бежа за море. Лавр. л., 6486, л. 23 об., стр. 75 (бегство происходило на судах). Иногда (правда, крайне редко) можно встретить даже вместо глагола *бежати* в различных редакциях какого-либо памятника (в данном случае книжно-славянского) глагол *ити* (в абсолютно тех же контекстных условиях и в том же лексико-семантическом варианте):

вѣся бо нага и обнажена очима его темъ же камо хоцещи бежати (в февральской книге Четых Миней Макарьевских в Моск. Синод. библиот. – сп. Златоуструя полного извода – вместо *бежати* – *ити* или *скрытися*; то же в сп. Чудова монастыря XV в. № 12, стр. 214; в сп. Моск. Дух. Акад. № 43 1474 г. и № 44 XV в.) *от очю его где на нбо възидеши ту естъ.* Златоустр. XII в., сл. IV, стр. 51.

Впрочем, необходимо оговорить, что перекрытие глаголов *ити-ходити* и *бежати-бегати* в этом варианте лишь частичное: вариант «двигаться вообще» у центральных коррелятов шире по своему объему, чем вариант «удаляться, спастись бегством» у второй пары («двигаться вообще» включает в себя понятие и удаления, и приближения).

Лексико-семантический вариант «убегать» чаще встречается у глагола *бежати*, реже – у глагола *бегати*:

В то же лето здума Андреи князь Ярославичь с своими бояры бежати. Лавр. л., 6760, л.166, стр. 473; *Оже закупа бежитъ от годы...* Р. Пр. 1282 г. 620 об., стр. 540–550. *Ратънии же...бежаше, не дерзнуше стати противу блженому*. ЖБГл, л. 17, стр. 29; *Давифъ же въ беду вълезе, и бежаше, и крыяшешся, к иноплемьеникомъ уходядааше*. Изб. Св. 1076 г., л. 62, стр. 168.

В последнем примере смысл глагола *бегати* может быть истолкован как «находиться в отсутствии, быть в бегах», а не просто как «убегать». У глагола *бежати* такой формы не было; значит, уже в XI в. намечилось будущее разобщение лексико-семантических вариантов глаголов *бежати* и *бегати* (см. гл. III, § 8).

Наряду с глаголами *бежати-бегати* и приставочными от них в смысле «убегать» летописцы употребляли глаголы совершенного вида *утечи*, *ускочити*, которые изображали действие нагляднее, образнее, акцентируя внимание на самом процессе бегства. Эти глаголы встречаются и в более поздние века, вплоть до конца XVI–XVII вв., а в белорусском (*уцякеть*), украинском (*утікати*) и польском (*uciekać*) языках они сохранились до настоящего времени и означают «убегать, отступать»:

аще ли ускочить сътворивши убои и убежитъ, аще будетъ имовить, да возмутъ имень его ближънии убьенаго: аще ли естъ неимовить и ускочить же, да ищють его. Лавр. л., 6153, л.13 об., стр. 51; *а князь ихъ Тоглии утече*. Там же, л. 121 об., стр. 361; *побеже Олегъ в мале дружино и одва утече бежа Тмуроканю*. Там же, 6586, л. 67 об., стр. 201–202; *и по малых днхъ ускочи Игорь князь у Половецъ*. Там же, 6694, л. 135, стр. 399.

§ 21. Другим распространенным вариантом у глаголов *бежати-бегати* был вариант «избегать» (у глаголов *ити-ходити* такого варианта не было). Эти выводы сделаны на основании многочисленных примеров из Изборника Святослава 1076 г. и некоторых других памятников, главным образом дидактического характера. В Изборнике Святослава особенно часто встречаются глаголы *бежати-бегати* в смысле «избегать, сторониться кого-нибудь»:

Бегаи пиянства и отъ печали жития сего (л. 102 б–103 а, стр. 52); *угождения бегаи* (л. 107 а, стр. 54); *греха бежи* (л. 9 а, стр. 14). Ср.: *иже труда бегаетъ, бежить блгдти*. Пч., л. 67, стр. 270.

Наряду с широко бытующей в древности конструкцией типа греха *бежи* (т.е. глагол + сущ. в Род. п.) существует и иная: *бежати* от греха (т.е. глагол + предлог ОТ + сущ. в Род. п.):

Якоже отъ лица змиина тако бежи отъ греха. Изб. Св. 1076 г., л. 171а, стр. 80; *лепо есть члвку отъ плтьскнихъ и любославтьныхъ вешти бегати.* Там же, л. 102 а, стр. 52.

Предлог ОТ выражает отношение удаления, причем при наличии у глаголов движения приставки *от-* предлог в древнейший период не употреблялся (ср. «того берега отпыхомъ», но не «от того берега отпыхомъ»).

Глагол *утечи*, подобно *бежати*, мог также означать «избегать»:

како мы утечемъ гнева бжия. Пч., л. 68, стр. 213, в других сп. – *убежимъ*; *суда бо не можетъ никто же утечи.* Там же, л. 119, стр. 342; *потъснися, яко еси утеклъ злыхъ деянии, тако уиди, и злыхъ приближений.* Там же, л. 79, стр. 270.

В последующие века оба лексико-семантических варианта глаголов *бежати-бегати* нашли широкое развитие (особенно вариант «убегать»).

§ 22. Дополнением к собранному материалу, свидетельствующему об отсутствии в ранний период у глаголов *бежати-бегати* лексико-семантического варианта «быстро двигаться по земле с помощью ног», могут служить сравнения с некоторыми из родственных языков (особенно со славянскими).

В латинском языке были, например, глаголы *curro* и *fugio*. *Curro* означал «бежать, быстро двигаться пешком, на судне, лошади, в экипаже; спешить, спешить сюда, стремиться к чему-либо». Производные от него существительные подтверждают эти варианты: *currus* означает «бег, езда на колеснице и верхом», *cursor* – «бегун», *cursim* (нареч.) – «бегом»; *curriculum* – «бег; круговое обращение небесных светил». В отличие от *curro* глагол *fugio* означал: 1) «убегать, удаляться» (о живых существах и предметах), «обращаться в бегство» и 2) «избегать кого-чего-нибудь, покидать». Существительное от *fugio* – *fugitor* значит «беглец»; *fugitivarius* – «разыскиватель беглых рабов»; *fugitivus* – «беглый, дезертир»; *fugax* – «скоро проходящий, скоротечный, избегающий (с ежен.), быстро бегающий».

В греческом языке наблюдается то же самое: глаголу φαύω соответствовал по смыслу лат. *fugio*, а лат. *curro* – греч. αγγάνω, лат. *fugio* – греч. δρομάω¹⁹.

¹⁹ См.: Boisacq E. Dictionnaire étymologique de la langue Grecque. 4 ed. Heidel-

Там, где в латинском или греческом текстах были глаголы *curro* (или производные от них), а также некоторые другие глаголы, но не *fugio*, в древнерусском языке обычно стояли глаголы *ристати* (*рискати* – старославянизм, который означал действие разновременное и разнонаправленное), *течи*²⁰:

калного просать и по нь рищют. Пч., л. 124 об., стр. 93–94; *въскую миру стражеши и въсуе рищеци.* Там же, л. 660 об., стр. 203; *ногы бо ихъ на зло текуть...* Там же, л. 1, стр. 1; *Ини же, гладомъ гиблюще, яко пси беснующя ристаху.* Г. Ам., 266, 20; *являтиси на въздусе на конихъ рищюще въ оружьи...* (*τρέχειν*). Там же, 200, 17; *и текъ единъ белникъ удари его* (*τρέ ειν*). Там же, 262, 5; *...и полци въоружени рищюще на въздусе...* (*διατρέχειν*). Там же, 262, 21.

Лат. *fugio* и греч. φεύω всегда передавались на русский язык глаголами *бежати*–*бегати* в лексико-семантических вариантах «убегать» или «избегать», а иногда, с XIII–XIV вв., и в варианте «быстро двигаться по земле с помощью ног» и их производными или *утечи* и *ускочити* и некоторыми другими, но не *ристати* и *течи*:

Иже труда бегаетъ, бѣжить блдти (*φεύων, φεύει*). Пч., л. 87 об., стр. 270; *Иона иде въ Опию, бежати* (*φεύειν*) *в Тарсисъ от лица гсня.* Там же, л. 78, стр. 238; *Не тебе подобаетъ мене бегати* (*φεύειν*), *но мне тебе.* Там же, л. 4, стр. 9; *въсхытивъ некоего уношу, от супротивныхъ бегающю крепка теломъ и въоружена...* (*φεύειν*). Г. Ам., 266, 9; *въспоманух же бежати* (*φεύειν*) *откры ми убо бѣ в сию ночь...* Там же, 348, 17; *...патриархъ Никола из цркве изгнанъ, въ Срацины бѣжа* (*просφεύειν*) *съ всем своим домомъ ...* Там же, 358, 8 (В 35, л. 380 а); *егда гонять вы от града того бежите* (*φεύετε*) *въ другьи.* Крмч., л. 227 б, стр. 586; *Яко же и самая вере просто бегати* (*φεύεσθαι*) *преступления.* Там же, л. 135 а, стр. 364.

Ценны также показания этимологических словарей как русского, так и родственных славянских языков.

Так, Й. Голуб в этимологическом словаре чешского языка указывает, что глагол *běžeti* означал первоначально «*utikati strachem*». Он

berg; Paris, 1950. См. также: *Buck C. D. A Dictionary of selected Synonyms in the principal indo-european Languages.* Chicago, 1949. Греч. ἀγγάνω соответствуют по смыслу лат. *curro*; ит. *correre*; фр. *courir*; чеш. *běžeti*; пол. *biec*; серб. *trcati*; ст.-сл. *тъити* (др.-р. *течи*); англ. *run*; греч. δρομάω соответствуют по смыслу лат. *fugio*; ит. *figgire*; фр. *fuir*; чеш. *uteci*; пол. *uciec*; серб. *bjezati*; ст.-сл. *бежати*; англ. *flee*.

²⁰ Едва ли не единственное исключение находим в хронике Георгия Амартола, где глаголу ἵέναι соответствует русский глагол *бегати* (см. § 23).

дает параллели из других индоевропейских языков с тем же значением. Например, греч. φεῖβομαι – «бежать в страхе; бежать от кого-либо, т.е. убегать»²¹. То же самое дают словари А. Брюкнера, А. Преображенского, М. Фасмера и др.²²

В сербском языке до сих пор сохранился глагол *бежати* в смысле «убегать, отступать», а для передачи самого процесса бега употребляется иной глагол – *трчати*:

Кад то змај чује, одмах седње на коња на потера. А них двоје кад опазе за собом змаја где их тера, препадно се, те стану пагонити коња да брже трчи, али коњ им одговори: не ботејсе, не треба бежати (Караџи В. С. Српске народне приговоријетке и загонетке. Београд, 1897).

Таким образом, древнейшими лексико-семантическими вариантами для глаголов *бежати-бегати* были варианты «убегать» и «избегать». Вариант «быстро двигаться по земле с помощью ног», который в современном русском языке является превалирующим, возник позднее (приблизительно в XIII–XIV вв.), причем в переводной литературе глаголы *бежати-бегати* в этом варианте обычно соответствовали каким-либо иным греческим и латинским глаголам, но не φεῖω, fugio. Так, в примере «*възротившужесе олени и за поясъ црви рогъ задевъ, стръгну и с коня и бегаче, на розех нося его*» (Г. Ам., 526, 11) глагол *бегаче* соответствует греч. ἰέναι, а в примере «*римлянинъ же... гоня на кони, въсхытивъ некоего уношю..., за шию имъ и преклонивъ его, коню бегаящую и жидовину на кони гонящую...*» (Там же, 266, 10) *бегаящую* соотносится с τρέχειν, который в греческом языке обычно означал «быстро двигаться по земле с помощью ног» и который в русском языке, как правило, переводился глаголом *течи* или *ристати* (см. выше).

Сравнительно с лексико-семантическими вариантами «убегать» и «избегать» данный вариант встречается у глаголов *бежати-бегати* в древний период относительно редко.

²¹ См.: Holub J. Stručný slovník etymologický. Praha, 1937. Ср.: Holub J., Kopečný F. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952. В. Мачек ограничивается параллелями из славянских языков (см.: Macek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957).

²² Macek V., Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1957 (см. bieg); Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1910–1914; Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1953. Bd 1.

§ 23. На группу глаголов типа *ити-ходити*, *лезти-лазити*, *течи*, *бежати-бегати* и т.п. как бы наслаивается другая группа, с иным принципом представления передвижения, глаголы иного способа движения. Это глаголы *ехати-ездити*²³, единственные в XI–XIV вв. глаголы, которые, несмотря на различные способы движения, имели непосредственные связи с глаголами *ити-ходити*. Эти прямые связи устанавливались, прежде всего, по линии варианта нерасчлененного движения. Иными словами, глаголы *ехати-ездити* могли означать движение вообще, обычно «отправляться, направляться куда-нибудь, но обязательно используя какие-либо средства передвижения» (иногда указание на них отсутствует):

из Риги ехали на гочкии берьго тамо твердити мира. Смол. гр. 1229 г.; *А на Озвадо ти, княже, ездити лете звери гонить, а въ Русу не ехати.* Дог. гр. Н. с Яр. 1265 г.; *Ездиша из Новгорода люди молодьи на Волгу.* Новг. I л., 6874, л. 220 об., стр. 369 (К).

При глаголах *ехати-ездити* встречается указание (супин, инфинитив) на цель и место движения (сущ. с предлогом и наречия).

Ф. П. Филин отмечает, что в разных списках Повести временных лет попадают глаголы *ехати-ездити* вместо *ити* и *ходити* (и наоборот), что свидетельствует о близости этих глаголов в данном лексико-семантическом варианте²⁴. Подобный случай можно привести и из Договорной грамоты смоленского князя Александра с немцами в 1229 г., где в различных списках стоят глаголы *едеть* и *идеть* в варианте «отправляться»:

Латиньскому не ехати на войну съ княземъ, ни с Русью; аже самъ хочет, ать едеть (в других списках – *тоть идеть*) (стр. 438).

В разных списках Новгородской I летописи сталкиваемся с аналогичными заменами:

князь же хоте изъ города ехати (Ак. сп. XV в. и Толст. сп. – *ити* из города). 6777, л. 147, стр. 88 (Ком. сп. – как Синод., л. 183, стр. 319); *Новгородци же кланяюся ему: княжне, темъ гнева отдаи, а отъ насъ не езди* (Ак. сп. и Толст. сп. – *не ходи*) – *еще бо недобре се бяжу умирили съ немци.* 6777, л. 147, стр. 88 (Ком. сп. – как Синод., л. 183,

²³ Помимо глаголов *ехати-ездити* в группу глаголов движения входит еще несколько глаголов, имеющих иной способ передвижения, чем у глаголов *ити-ходити*, *плути-плавати*, *летети-летати* и др. Эти глаголы находятся в иных отношениях с центральной парой, чем глаголы *ехати-ездити* (см. § 26–27).

²⁴ См.: Филин Ф. П. Указ. соч. С. 199.

стр. 319); *Ореховци же биша челомъ Аврааму, чтобы не ехаль* (Ак. и Толст. сп. – *ходиль*) *от них из городка*. 6856, л. 214, стр. 32(К); *Ездиша* (Ак. и Толст. сп. – *ходиша*) *из Новагорода люди молодьи на Волгу*. 6874, л. 220 об., стр. 369(К); Ср.: *ходиша из Новагорода люди молодци к Новому городку, на Овль на реце...* 6885, л. 224 об., стр. 374; *...а онъ ехаль* (Ак. и Толст. сп. – *шель*) *съ Двины, а того не ведаль...* Там же; *Того же лета ездивши* (Ак. и Толст. сп. – *ходивше*) *новгородчкыя послове... въ Юрьевъ в Немечкои...* 6871, л. 220, стр. 368 (К) (то же самое: 6787, л. 186 об., стр. 323 – К. *ихавъ*, Толст. сп. – *шед*). Ср. обратная замена: *Князь великьи Дмитрии...* *шедши, облажиша город камень Копорью* (Толст. сп. – *ехавши*). 6788, л. 186 об., стр. 32 (К); «...*хоцю ити* (Ак. и Толст. сп. – *ехати*) *къ Цесарю Батыю*». 6753, л. 168 об., стр. 299 (К); *и хотеша ити* (Ак. и Толст. сп. – *ехати*) *къ Плескову*. 6850, л. 210, стр. 354 (К). Ср.: *Михалко же... иде* (РА – *и еха*) *борзо по них и сгони ихъ за рекою...* Лавр. л., 6679, л. 122 об., стр. 363.

Как и глаголы *ити-ходити* (§ 2), глаголы *ехати-ездити* могли иметь при себе грамматическую характеристику «на кого, против кого», означая «нападать (на врага)», «воевать», «идти походом»:

дружина же Всеволожа хотях суть крепко ехати на Святослава; Всеволодь, благосердь сын, не хотя крове прольяти, не еха на нь. Лавр. л., 6689, л. 131, стр. 388.

Глаголы *ити-ходити* в своем варианте «двигаться вообще» значили, в частности, «двигаться по воде с помощью средств передвижения» (*navigare*), совпадали частично в этом лексико-семантическом варианте с глаголами *плути-плавати*. Глаголы *ехати-ездити* точно так же могли значить «двигаться по воде с помощью средств передвижения», т.е. у них была, с одной стороны, связь с глаголами *ити-ходити* в варианте нерасчлененного движения, с другой стороны, необратимая связь с глаголами *плути-плавати* (о такого рода связях см. § 26):

кто правьи купьчь есть, от моря даемо свободно кто хочете по Двине ехати у върхъ или у низъ. Смол. гр. 1229 г.; *Инди ищи корабля, оже хоцеша ездити по озеру*. Пч., л. 12, стр. 38; *бъяхуться межси собою, ездяче въ лодьяхъ*. Лавр. л., 6659, л. 110 об., стр. 331; *Володимеръ же Глебовичъ... ездяше на переду в сторожихъ с Переслави*. Там же, 6693, л. 133 об., стр. 395.

Глаголы *ехати-ездити* могли передавать и конкретное движение, но это не тот же вариант, что у глаголов *ити* и *ходити*. *Ехати-ездити* означали «двигаться по земле с помощью определенных средств

передвижения (на повозках, на конях и т.п.)), указание на которые в дальнейшем не было обязательным:

оже на чюдем коне ездит. Р. Пр. 1282 г., стр. 342; *а мостнику самому другу ехати на дву конехъ съ отроком*. Там же, стр. 112, ст. 74; *Ты же могый на кони ехати всяди на конь*. ЖФПеч., л. 35 в, стр. 54.

Как видим, глаголы иного способа движения (*ехати-ездити*) оказались в XI–XIV вв. тоже связанными с глаголами *ити-ходити* через вариант общего движения. К их самостоятельным вариантам, отсутствующим у глаголов *ити-ходити*, примыкают варианты других глаголов, например, *ристати* (см. § 29).

§ 24. К лексико-семантическому варианту нерасчлененного движения центральных глаголов группы примыкает еще одна глагольная пара – *минути-миновати*. Глаголы *ити-ходити* с грамматической характеристикой *мимо* могли означать «проходить, двигаться мимо чего-либо». Иногда даже наречие писалось слитно с глаголом, образуя сложные слова – *мимоити* и *мимоходити*. Эти глаголы дублировали глаголы *минути-миновати* в варианте «проходить, двигаться мимо чего-либо».

Так, в Хронике Георгия Амартола в различных списках встречается причастие *минувшимъ* (сп. Моск. Дух. Акад. XIII–XIV вв. № 100), чередующееся с *мимошедшимъ* (сп. Увар., Унд. XV в. и Сол., Чуд. XVI в., стр 287, 21).

Обладая лексико-семантическим вариантом «двигаться вообще» (но обязательно с дополнительной окраской *мимо чего-то*), глаголы *минути-миновати* могли употребляться и вместо глаголов *ехати-ездити*, стоящих в том же лексико-семантическом варианте и имеющих при себе наречие *мимо*; существуют и сложные глаголы *мимоехати-мимоездити*: и вместо глагола *течи* – с той же грамматической характеристикой *мимо* (соответственно имелся и глагол *мимотечи-мимотекати*); они использовались и для обозначения движения мимо чего-нибудь по воде. Точно так же и более общее *мимоити* могло находиться вместо всех этих глаголов, т.е. *минути-миновати* означали «двигаться мимо чего-либо» безотносительно к способу и характеру движения.

В данной работе нас интересует лишь глагол *миновати*, поскольку его коррелят *минути* является глаголом совершенного вида. Неопределенная основа может выступать в функции как несовершенного, так и совершенного вида.

Как уже указывалось, глагол *миновати* означал «двигаться мимо кого-чего-либо, независимо от способа движения»:

егда же пречюдьна ты двери миноваху. Изб. Св. 1076 г., л. 261 а – 271 б, стр. 122; *сълучися имъ миновати мимо едино село манастырьское.* ЖФПеч., л. 576, стр. 84.

Семантические отношения этого глагола с глаголами *ити-ходиши* требуют оговорки: глагол *миновати* обозначал «двигаться вообще» (независимо от способа и скорости движения), но обязательно с указанием мимо кого-чего-либо; у него наблюдается лишь частичное совпадение в варианте «двигаться вообще» с коррелятами *ити-ходити*, как это было и у глаголов *бежати-бегати*.

Помимо указанного варианта глагол *миновати* имел лексико-семантический вариант «проникать внутрь чего-нибудь, входить, подходить», общий с глаголами *лезти-лезити* (см. § 18):

И се, по строю Божию, бе блгыи князь Стославъ, туда минуя, и, видевъ многоъ народъ, взпроси, что творять ту. ЖФПеч., л. 60 г, стр. 88.

Следовательно, глагол *миновати* совпадал в одном из вариантов с глаголами *ити-ходити*, которые стояли с определенной грамматической характеристикой – наречием *мимо*; в этом же варианте они явились цементирующим звеном между глаголами *течи, плути-плавати* и *ехати-ездити*. Наконец, глагол *миновати* приобрел и один индивидуальный лексико-семантический вариант, связавший его с другими глаголами движения (например, с *лезти-лазити*).

§ 25. Итак, второй вид связи глаголов движения с глаголами *ити-ходити* представляет собой такой тип частичного смыслового перекрытия анализируемых глаголов, когда у исследуемых глаголов при наличии ряда общих вариантов существуют и самостоятельные варианты, отсутствующие у коррелятов *ити-ходити*. Глаголы II группы могли с помощью вариантов, которых не наблюдается у глаголов *ити-ходити*, примкнуть к другим глаголам, означающим движение в пространстве.

Подобный вид связи является непосредственным и двусторонним, обратимым. Но иногда непосредственная связь может быть односторонней, необратимой. Такого рода отношения мы выделяем в самостоятельную III группу смысловых связей глаголов движения, хотя она и немногочисленна количественно.

§ 26. III тип смысловых отношений глаголов движения (III группа).

В III группу входят глаголы, связанные с центральной парой необратимой, односторонней непосредственной связью, такой связью, при которой глаголы *ити-ходити* могли выражать какие-либо лексико-семантические варианты другого глагола, а этот глагол не передавал никаких вариантов глаголов *ити-ходити*. Необратимость смысловых связей присуща глаголам *плути-плавати*, *летети-летати* и *парити* по отношению к глаголам *ити-ходити* (тот же тип связи – у глаголов *плути-плавати* по отношению к глаголам *ехати-ездити*). Кроме того, к глаголам *плути-плавати* и *летети-летати* примыкает еще по нескольку слов, образующих цепи, ряды слов: например, у глаголов *плути-плавати* появляются сходные варианты с глаголом *блудити*. Такие глаголы, с заложенным в их основе понятием движения, связаны с глаголом *ити-ходити* еще очень непрочно, о них речь будет идти ниже (см. § 33–35).

Возьмем глаголы *плути-плавати*.

Эти глаголы означали прежде всего «передвигаться по воде» и «держаться на воде, не тонуть». В этом варианте глаголы могли относиться и к живым существам, и к транспортным средствам; они передавали лат. *natare* и *navigare*:

Семь же съ отроки в кораблици посреде реки пловы... ЖБГл., л. 9 в, стр. 10–11; морьстеи свиньи пловуть съ пловуцими до самого брега морьского, на брегъ же не выходятъ. Пч., л. 41, стр. 125; ковчегъ плаваше на воде. Лавр. л., 6494, л. 30, стр. 90; коли не будетъ межю нами мира, оже камень начнетъ плавати, а хмель почнетъ тонутти. Там же, л. 27, стр. 84.

Среди приведенных примеров некоторые передают, возможно, «путешествовать» (по воде, а не вообще), но поскольку выделить их трудно, мы и даем их вместе с примерами на глаголы *плути-плавати* в варианте «двигаться по воде». Этот лексико-семантический вариант был, как мы указывали, и у глаголов *ити-ходити* (§ 2), впрочем, *ити-ходити* могли означать лишь *navigare*, но не *natare* в отличие от *плути-плавати*, правда, внутри нерасчлененного варианта общего движения. Именно в нем и проявляется связь двух пар глаголов, которую мы охарактеризовали как одностороннюю, необратимую. Помимо этого лексико-семантического варианта, сближающего в пределах народно-литературного типа древнерусского языка глаголы *плути-плавати* и *ити-ходити*, у глаголов *плути* и *плавати* не было общих лек-

сико-семантических вариантов. Корреляты уже в древнейший период развития языка начали расходиться.

Глагол *плутти* в памятниках книжно-славянского типа древнерусского языка²⁵ встречается в смысле «струиться, литься»:

Реки же горами и поли пловуца, и не преходяця. Гр. Наз., л. 245 в.

Этот лексико-семантический вариант не подтверждается ни одним примером не только в период XI–XIV вв., но и в более поздние века. Однако он отмечается в некоторых других славянских языках и в русских народных говорах вплоть до наших дней. Так, в словаре В. Даля находим пример: «Смола *пльвет* из дерева», где глагол передает «литься, струиться». В белорусском языке, по свидетельству И. И. Носовича (Словарь белорусского наречия. СПб., 1870), сохранился глагол *плыць*, означающий (помимо «двигаться по воде») также «литься, струиться»:

Кров пльвет з носа. Ср.: *подплыв кровью* (Там же).

В современном польском языке глагол *pluć* также может означать «литься, струиться»:

Lzy z oczu płyną; Wisła płynie przez Polskę... и др.

Глагол *плавати* богаче лексико-семантическими вариантами, чем глагол *плутти*²⁶. Так, у него был вариант «скитаться, жить в разных странах», благодаря которому этот коррелят ‘сцеплялся’ с глаголом *блуждати* (см. § 33); к сожалению, большинство примеров на данный вариант в XI–XIV вв. падает на памятники книжно-славянского типа древнерусского языка.

И жена чьстьныхъ мужь улавляе дша и въкрилена естъ и блудьна. Въ дому не мльчите нозе сие. Время бо несколько въне плавае. Время же въ стьгнахъ въ въсехъ югльхъ лаеть. Изб. Св. 1076 г., л. 182, стр. 84–85; и *плакаше се рекь еко жену и чада и дом оставих и пла-*

²⁵ Для глагола *плутти* И. И. Срезневский приводит один-единственный пример на вариант «обитать»: *пловы* Иона въ мутехъ морьскнихъ (Ирмологий, ок. 1250 г.). Вероятно, здесь речь должна идти не о сложившемся лексико-семантическом варианте глагола *плутти*, а о простой описке писца, который спутал греч. *παίων* (причастие от *παίειν* – обитать) с *πλεών* (причастие от *πλεω* – плавать).

²⁶ В качестве единичных примеров можно привести следующий из памятника книжно-славянского типа древнерусского языка: *Въ начало убо вода плаваше по всеи земли.* Ио. Екз. Бог., л.150 (глагол *плавати* означает «растекаться, распространяться – о жидкости»); *плаваюцяя къ бу твоими бжествными млтвами.* ЧМ, сент., 1095 г., стр. 0179 (*плавати* употреблен в смысле ‘устремляться к чему-либо’ – ср. глагол *течи* § 19).

ваю по чюжеи земли нъ молю ваю друге добре помилуйте странство мое. Жит. Ио. Богосл., XIV в., гл. VII, стр. 496; *нечистый онъ дхъ и зълыйи иже изъ члка изълезъша и плававшю к тому же възратитися множаиши дха и въселяся.* Гр. Наз., л. 61а; *видевъ теля и овцю, плавающее на поли (πλανόμενα, errantia; в других списках этого памятника – блудящу и даже ходящу).* Втз. XXII, сп. XIV в.

Наконец, нам попался пример, в котором глагол *плавати* в памятниках книжно-славянских употребляется в смысле «двигаться по воздуху с помощью крыльев»:

яко же бо плаваетъ птица съквозе въздухъ, тако и рыбы сквозе воду, но яко же и рыбы гвор въздухъ плавають, периемъ поревающеса и ошибию правящеса, тако же и птица тоже сужицъство имеютъ. Пал., л. 12, стр. 33.

По единственному примеру трудно судить, был ли в древности у глагола *плавати* устоявшийся лексико-семантический вариант «двигаться по воздуху» или же это – окказиональное употребление слова. В таких случаях некоторую помощь иногда может оказать этимология слова.

Так, А. Преображенский, М. Фасмер и другие этимологи в своих этимологических словарях русского языка устанавливают соответствие русского *плавать* и др.-инд. *plávate*. Интересно, что санскр. *plu* (*plávate*) означало не только «плыть, т.е. двигаться по воде», «прыгать, скакать» и т.п., но и «лететь»²⁷. Последнее значение до какой-то степени подтверждает предположение о существовании данного варианта и в древнерусском языке.

§ 27. Глаголы *летети-летати* также вступили в необратимую связь с глаголом *ити*. С неопределенным коррелятом их смысловые отношения были лишь косвенные, через глагол *ити* (см. IV тип связи).

Как отмечалось, глагол *ити* мог передавать движение вообще и, в частности, движение по воздуху (см. § 2; примеров на глагол *ходити* в этом случае нет, поэтому приходится говорить лишь о глаголе *ити*). Это и было основным лексико-семантическим вариантом глаголов *ле-*

---

²⁷ См.: The practical Sanskrit-English Dictionary. p. 781; Sanskrit-Wörterbuch herausgegeben von der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, bearbeitet von O. Böhtlingk und R. Roth. St.-Petersburg, 1865. Th. IV. P. 1187. Ср.: *Oldřich Fris. Sanskritská čítanka. Sanskrit reader. II díl, slovník, ě.A.V. Praha, 1956. С. 193.*

тетти-летати (в применении к живым существам-птицам и различного рода небожителям):

а сами (птицы) окрсть ловящих летаютъ и ходять и валяютъ-ся. Пч., л. 71 об.–72, стр. 219; *яже на въздусе летаютъ пѣтице.* Изб. Св. 1076 г., л. 129, стр. 132; *потки падаху на землю. и по воде, не видя-ху, камо летети...* Новг. I л., 6892, л. 228–228 об., стр. 380 (К).

Таким образом, в XI–XIV вв. глаголы *летети-летати* были монозначны. Подобно паре *плути-плавати* они входили в систему глаголов движения благодаря непосредственной односторонней связи с глаголом *ити* и, возможно, с глаголом *плавати* (см. § 32).

§ 28. С глаголами *летети-летати*, односторонне связанными с центральными коррелятами, сближались глаголы *парити* и *перети*²⁸ в лексико-семантическом варианте, общем для 4 глаголов и частично пересекающемся с вариантом «двигаться вообще» у глагола *ити* (как это отмечалось и для глаголов *летети-летати*), – в варианте «двигаться по воздуху с помощью крыльев»:

якоже птенець крыльнымъ летениемъ по въздуху високо парить, такоже и бгочливый мужь от земнаго къ небесному млтвою преложитъся. Пч., л. 47, стр. 145; *Якоже птици ловили сетьми, нес имъ пользы от крыль, но въсуе парить.* Там же, л. 107, стр. 338; *...ово бо плаваютъ въ воде, овы же парять по въздуху...* Крмч., л. 185 а, стр. 477.

Ср. пример из книжно-славянского типа языка:

яко же птиця скоро переть тако же и вы яко крилати гневом моимъ. Остр. (Упыр), л. 5.

У глагола *парити* наметился вариант, который не был зарегистрирован у глагола *перети* и который в I период обнаружен лишь в памятнике книжно-славянского типа древнерусского языка «носиться, витать (о мыслях)»:

преклоняеши колене мысль твоя вне парить. Златоостр., сл. IV, стр. 117.

Для этого варианта у глагола *парити* не было сходных вариантов ни с глаголами *летети-летати*, ни с глаголами *ити-ходити*²⁹.

²⁸ Глагол *перети* имел омоним с лексико-семантическими вариантами: 1) жать, выжимать; 2) напирать, настаиваться (см.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1895. Т. 2).

²⁹ Отмечен единственный случай, когда глаголы *парити* и *летети* могли в различных списках книжно-славянского памятника стоять одни вместо другого, означая «колебаться в воздухе, трепетать»: *пропудить (=отогнать) я шумъ листа*

Итак, непосредственные отношения глаголов движения с центральной парой *ити-ходити* могли быть трех видов:

1) обратимая (двусторонняя) связь двух глаголов с поглощением семантической системы одного глагола системой другого глагола (I группа);

2) обратимая (двусторонняя) связь без поглощения (II группа);

3) необратимая (односторонняя) связь (III группа).

§ 29. Однако этими тремя разновидностями непосредственных связей слов охвачены не все глаголы движения. Значительная их часть вместо прямых связей с коррелятами *ити-ходити* имеет лишь косвенные, опосредованные смысловые отношения с центральными глаголами. Эти глаголы обладают лексико-семантическими вариантами, общими со специфичными вариантами глаголов II и III групп, благодаря которым они и выстраиваются в определенный ряд, цепь слов, но они не имеют сходных (общих) вариантов с центральной парой. Связь с глаголами *ити-ходити* у них может быть через один, два и более глаголов II и III групп. При этом данный тип связи, установленный для какого-либо конкретного глагола (например, *ити-ходити*), по отношению к глаголу-посреднику, непосредственно с ним связанному, является одним из трех типов прямых семантических отношений слов.

Рассмотрим сначала глаголы, связывающиеся с центральной парой через глаголы II группы.

§ 30. IV тип смысловых отношений глаголов движения (IV группа).

В эту группу входят такие глаголы, как старославянизм *ристати/рыскати* и русское *рыскати*³⁰, в I период менее употребительное, чем старославянизм, и потому практически не встречающееся (связь через два глагола), и некоторые другие.

Глаголы *ристати*, *рыскати* означали «быстро двигаться по земле с помощью ног», и в этом лексико-семантическом варианте у них ус-

---

парима (φερομένον, volantis, в других сп. – *летяща*. Лев. XXVI, 36 по сп. XIV в.). Нет оснований, как это делает И. И. Срезневский, говорить здесь о «значении» «колебаться». Скорее это все тот же лексико-семантический вариант «двигаться по воздуху», но примененный не к живым существам, а к предмету (листу).

³⁰ Обычно эти два глагола и глагол *рыскати* возводят к одному корню (с отвердением Р в глаголе *рыскати*). А. А. Потебня считает *-ст-* позднейшим видоизменением *-ск-*. Ср. *ристати-рыскати*, *блистати-блискати* (РФВ. 1879. Т. 1, № 1. С. 78). Глаголы *ристати* и *рыскати* могли иметь две формы: *ристаю* и *рищу*; *рыскаю* и *рыщу*, тогда как у глагола *рыскати* – только одна форма: *рищу*. Иначе говоря, *ристати* и *рыскати* совмещают в себе признаки определенности и неопределенности, а *рыскати* представляет определенную основу.

тановилась связь с глаголом *течи*, обладающим таким же вариантом (§ 20). Они передавали обычно те же значения, что и глагол *течи*, а также греческие и латинские глаголы, о которых речь шла в § 22:

въсуе рищещи. Пч., л. 66 об., стр. 203; *злаго искаше мнози бо добра и сладка пѣтъя небрегуще злаго и калиаго просятъ и по не рищют*. Там же, л. 124 об., стр. 893–894; *Ини же, гладомъ гыблюще, яко пси беснующеся ристаху*. Г. Ам., 266, 20; *хромии ристати научаются*. ЖБГл., л. 106, стр. 13; *онъ же изиде изъ града с уздою и ристаше сквозе Печенеги*. Лавр. л., 6476, л. 19 об., стр. 66.

Помимо общего с глаголом *течи*, а со второй половины I периода и глаголами *бежати-бегати* лексико-семантического варианта «быстро двигаться по земле с помощью ног» глаголы *рискати* и *ристати* использовались и в смысле «быстро двигаться по земле с помощью каких-либо средств передвижения, носиться»:

якож древле при Антиосе въ Иерслиме, случися внезапно по всему граду за м днии являтися на въздусе на конихъ рищющимъ, въ оружьи. Лавр. л., 6572, л. 55 об., стр. 164; *Умолень бывъ от Византень, яко изгнати множество змии и скорпии от града и никому же от ныхъ вредитисе, ни от многоаго бесчиния конемъ ристающемъ, въсьнети властеломъ*. Г. Ам., 16, 243.

Благодаря этому лексико-семантическому варианту глаголы *ристати/рискати* сближались с глаголами *ехати-ездити* и, таким образом, связывались с глаголами *ити-ходить* не только через глагол *течи*, но и через глаголы *ехати-ездити*. Наконец, у глагола *рискати/ристати* можно выделить лексико-семантический вариант «стремиться»:

блгыи же ни на злаго не поносить, иже бо на злобу не рищеть ни на поношенье не уготовляется. Пч., л. 119 об., стр. 377; *рыщуть бегающе къ инемъ сладкъмъ словом*. Там же, л. 52, стр. 158.

Как видим, глаголы *рискати/ристати* связаны с глаголом *течи* двумя вариантами – «быстро двигаться по земле с помощью ног» и «стремиться», а с глаголами *ехати-ездити* – с помощью варианта «двигаться по земле, используя какие-либо средства передвижения».

Помимо этих вариантов у глагола *рискати/ристати* в памятниках книжно-славянского типа древнерусского языка был, судя по греческим параллелям, приводимым И. И. Срезневским, вариант «прыгать; двигаться прыжками»:

хода и рища (*ἄλλόμενος*). Апост. XIV в. Деян. III, 8/B; *другащи ристаше* (*ποτέ μὲν σάσειν, modo saltui operam impendens*). Жит. Андр. Юр., XXVIII, 104.

Установить данный вариант, пользуясь лишь одним методом дистрибуции, невозможно.

В группе глаголов движения в древнерусском языке были глаголы *пълзти-полозити* и *пълзати*. В старославянском языке им соответствовали формы *плезти, плезити* и *плезати*³¹, нередко попадающиеся и в памятниках древнерусской письменности. Все эти формы означали «передвигаться ползком» и были применимы в древности, как правило, к движению змей и других *пресмыкающихся*:

*Другоци бо страшахуть и въ образе медвежи, овогда же лютымъ зверемъ. ово вломъ, ово змие **полозяху** къ нему, ово ли жабы, мыши и всякъ гадъ.* Лавр. л., 6582, л. 66 об., стр. 197; *иже убо къгда, не приобъщаяся въ Африкии, об онъ поль на обыщение **плезить**, тъщагу достояния въсприиметь.* Крмч., л. 156 а, стр. 411; ***полозити** на колену.* ЖФПеч., л. 58 в, стр. 84; *и бе члвкъ ту хръмъ. и приде **пльзая** съ многомъ тродъмъ.* ЖБГл., л. 20 а, стр. 31.

Аналогичный вариант (однако в нерасчленном виде – см. № 18) отмечался и у глаголов *лезти-лазити*³², которые, таким образом, оказались связующим звеном для глаголов *пълзти, положити, пълзати* и коррелятов *ити-ходити*.

Некоторые глаголы обладают опосредствованной связью третьей степени, они сближаются с системой *ити-ходити* через два глагола, уже образовавших цепь, ряд слов. К таким глаголам относится, например, глагол *скакати* (его коррелят *скачити* не исследуется, поскольку является глаголом совершенного вида). Глагол *скакати* несовершенного вида. Он-то и сблизился с глаголами *рискати/рискати* благодаря наличию общего для глаголов лексико-семантического варианта «прыгать» (‘αλλοαι), двигаться прыжками, скачками» (независимо от направления).

³¹ См.: *Dostál A. Studie o vidovém systému v staroslověnině.* Praha, 1954. S. 181.

³² Через те же глаголы *лезти-лазити*, с которыми сблизились глаголы *пълзти, пълзати, положити*, устанавливается связь глаголов *ити-ходити* с глаголами *смучити, смыкати (-ся)* и *пресмыкати*. Глаголы *смучити, смыкати* первоначально означали передвижение в пространстве и лишь позднее ушли из группы глаголов движения в другую группу: в памятниках XV–XVIII вв. глагол *смучити* значит «смущать», «замучить» и т.п., но «не двигаться ползком», как это было, очевидно, в литературе древнейшего периода. Современный глагол *пресмыкаться* встречался в древних памятниках в виде либо приставочного глагола *пресмыкати*, либо глагола на *ся* (*смыкаться*) и означал также «двигаться ползком» (чаще всего в отношении змей).

Малые (рыбы) пред великим метахуся, середнии великих первы метахуся великыя паче малых скакаху, рукъ рыбаревъ не ждуще, но сами скачюще в корабль. Пч., л. 39 об.–40, стр. 114; и яко быша равьно плывуще начаша скакати зълиши они въ лодию его. ЖБГл., л. 13 г, стр. 20.

Этот вариант отмечен у глагола *скакати* в памятниках и книжно-славянского, и народно-литературного типа древнерусского языка. Поскольку аналогичный вариант глаголов *рискати/ристати* зафиксирован лишь в памятниках книжно-славянского типа древнерусского языка, то не исключена возможность, что в пределах народно-литературного типа у глагола *скакати* не сложилось ни опосредствованных, ни непосредственных смысловых отношений с центральной парой.

§ 31. Мы рассмотрели те глаголы IV группы, которые были связаны (хотя и очень отдаленно) с глаголами *ити-ходити* через глаголы II группы, т.е. через слова, имеющие непосредственные двусторонние связи с глаголами *ити-ходити*.

Теперь обратимся к словам, примкнувшим сходными лексико-семантическими вариантами к глаголам III группы, т.е. группы тоже непосредственных, но односторонних смысловых отношений с центральной парой. Сюда входят глаголы *блясти*, *блудити* и старославянизмы *блуждати-блуждавати*³³, из которых рассматривается лишь глагол *блудити*.

У глагола *плавати* отмечался лексико-семантический вариант «странствовать, скитаться, жить в чужой стране (реже – двигаться, не зная дороги)». Этот вариант оказался созвучным с таким же вариантом глагола *блудити*:

не блудиль ли бехъ по чужимъ землямъ, именья лишенъ быхъ? Лавр. л., 6586, л. 67 об, стр. 200; пакы же брата его прогнаста и, и ходи по чюжей земли, блудя. Там же, л. 68, стр. 202; ...дни же абие и мце и времена и лета блудящее (паратпробмевоі). Крмч., л. 271 б, стр. 698.

³³ На глагол *блуждати* нам не встретилось ни одного примера в памятниках народно-литературного типа древнерусского языка, который положен в основу настоящего исследования. Но в памятниках книжно-славянских всё-таки изредка можно встретить примеры на этот лексико-семантический вариант у глагола *блуждати*: *какоже и мы древле блуждадохомъ нына...* Чуд. пс., XI в. Старославянизм-глагол *бырати* также совпадал с глаголами *плавати* и *блудити*, *блуждати* в варианте «скитаться, ходить без дороги»: *бырають нощию и днью*. Гр. Наз. XIV в.; *которы бо езыци бырають делече оттриновени*. Г. Ам., стр.159.

Иногда *блудити*, возможно, означает не просто «скитаться, странствовать жить в чужой стране», но даже «служить наемником на чужой стороне в иностранных войсках», судя по следующему примеру, где *блудити* соответствует греч. ζενιτέω, употреблявшемуся как в первом, так и во втором смысле:

иже по землям блудить. Пч., л. 19, стр. 59.

Семантическая система глагола *блудити* не исчерпывается указанными вариантами. Более употребителен глагол *блудити* в лексико-семантическом варианте «заблуждаться, ошибаться», чаще встречающемся в памятниках книжно-славянского типа древнерусского языка и лишь изредка в анализируемых текстах:

а одного посече, яко злоумьника и волею блудяща. Пч., л. 39, стр. 119.

Обычно *блудити* в этом лексико-семантическом варианте соотносится с греч. πλανάομαι.

Наконец, в параллель глаголу *блясти*³⁴, соотносимому с *блудити*, у глагола *блудити* можно отметить лексико-семантический вариант «прелюбодействовать» (scortari, pugari, πορνείειν):

Девы чресь разумь очь въследовавшие блудять (πορνείουσιν). Крмч., л. 191 а, стр. 490; *блудяи чюжую рабу да подаеть 30 стьязъ гсну рабе*. Мер. Прав., л. 127 об., гл. 6, 60.

В XI–XIV вв. еще была связь между вариантами, взятыми в конкретном плане (плане движения), и отвлеченными, причем связующим звеном был вариант «заблуждаться». В дальнейшем (видимо, уже с конца I периода) эта взаимосвязь потерялась, в результате чего в современном языке мы имеем дело уже с омонимами (это засвидетельствовано в словарях современного русского литературного языка – Ушакова, Ожегова, АН СССР и других).

Таким образом, к началу II периода глагол *блудити* как глагол движения можно считать однозначным.

§ 32. В IV группу смысловых отношений слов внутри группы глаголов движения (пока это рассмотрение происходит только в отношении глаголов *ити-ходить* и других глаголов, но не этих остальных слов друг с другом) входят глаголы, связанные с центральной парой через посредничество какого-то глагола – одного или даже двух. От-

³⁴ В Мериле Праведном, например, стоит *блудящему* на месте *блядущему* (л. 127 об., гл. 6, стр. 60), как это мы имеем в Кормчей: *блудящему чернью по закону людьскому носъ ему урезал* (л. 338 об., стр. 37).

сюда возможны несколько типов опосредствованных сношений глаголов – второй, третьей и т.д. степени. Понятно, что чем дальше в цепи глаголов стоит слово от глаголов *ити-ходити*, тем слабее связь его с центральной парой, тем легче может она порваться. Слова, связанные с парой *ити-ходити* через глаголы, имеющие двусторонние смысловые отношения с центральными коррелятами (т.е. через глаголы II группы), органичнее входят в систему глаголов движения, чем те слова, отношения которых с коррелятами *ити-ходити* происходят через односторонне связанные с *ити-ходити* глаголы.

Анализ этой группы глаголов показал, что в данную группу могут втягиваться новые слова из иных смысловых сфер и, наоборот, члены группы глаголов движения могут перебрасываться отдельными вариантами в разные семантические группы, создавая потенциальную возможность перехода затем в другую группу.

Глаголы IV типа смысловых отношений, будучи косвенно связанными с глаголами *ити-ходити* (или каким-либо другим глаголом), оказываются в прямых семантических отношениях с промежуточными глаголами. Иными словами, эти глаголы одновременно подчиняются двум типам связи – II и IV (так, глагол *блудити* по отношению к *ити-ходити* входит в IV тип, а применительно к глаголу *плавати* – во II тип (или I и IV); глаголы *бырати* и *ити-ходити* образуют IV тип связи, а с глаголами *плавати* и *блудити* глагол *бырати* соотносится по I типу связи) и т.п.

Точно так же глаголы I типа, если они не однозначны, по отношению к другим глаголам являются глаголами II и IV типов смысловых отношений.

Отношения глаголов *грясти* и *течи* складываются по II типу, а *грясти* и *ростати* – по IV типу связи и т.д.

§ 33. До сих пор мы говорили о глаголах движения, связанных с помощью сходных лексико-семантических вариантов прямо или косвенно с центральной парой. Однако в группе глаголов движения наличествуют слова, не имеющие никаких общих вариантов ни с одним глаголом движения, но входящие всё-таки в эту группу – группу глаголов движения, так как в их основе лежит понятие передвижения в пространстве.

Как отмечалось, глаголы *ити-ходити* означали на первой ступени исторического развития нерасчлененное действие движения. Одновременно с ними существовало несколько глаголов, раскрывающих

глубже это движение. Это глаголы, которые уточняли характер движения, давали конкретные виды их. К ним относится глагол *прямити*, означавший в XI в. передвижение по прямой линии: он значил «идти прямым путем» (пример взят из памятника книжно-славянского типа древнерусского языка):

*съ сими ходить за путь и подвижеться **прящемь** имъ.* Гр. Наз., л. 197.

Следовательно, глагол *прямити* входил в систему глаголов при глаголах *ити-ходить*, конкретизируя движение, которое передавали глаголы *ити-ходить* – «двигаться вообще».

§ 34. Наибольший интерес в этой группе вызывают глаголы *брести-бродити*. Они означали в XI–XIV вв. «переходить реку вброд», соответствуя лат. *vado transire* и греч. ἄντιπεράω:

*И пакы **бредуть** (ἀντιπεράωσι) въспять.* Г. Ам., 49, 5; *людие влезоша в воду (креститься)... младии же от берега... свершении же **бродяху**.* Лавр. л., 6496, л. 10 об., стр. 117.

Глагол *бродити* иногда употреблялся в возвратной форме в том же смысле.

*Литва же начаша **бродитися** на сю сторону (Двины).* Новг. I л., 6774, л. 142 об., стр. 85.

И. И. Срезневский приводит однокорневой с исследуемыми словами глагол *брости-броду*, который означал «уплыть, переплыть», и в отдельных списках заменялся на производную форму *исплувъ, поплывъ* (лат. *enatare*; греч. διαφεύγειν).

Материала на глаголы *брести-бродити* в XI–XIV в., к сожалению, собрано очень мало, в силу редкости этих глаголов; поэтому говорить о них подробнее не представляется возможным.

СМЫСЛОВЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ (БЕЗОТНОСИТЕЛЬНО К ПАРЕ *ИТИ-ХОДИТИ*)

§ 35. В центре всей системы глаголов движения в XI–XIV вв., как мы видим, стояли глаголы *ити-ходить*. К ним с помощью различных типов смысловых связей, устанавливаемых благодаря сходной дистрибуции различных глаголов, примыкало около трех десятков других глаголов движения. Между этими глаголами существовали самостоятельно те же 4 типа смысловых отношений, выведенные раньше.

Первый тип смысловой связи глаголов заключается в полном смысловом поглощении одного глагола другим, непосредственно с ним связанным. При этом обычно наблюдаются отличия грамматического или стилистического порядка, строение которых рано или поздно неминуемо приводит к исчезновению семантически более узкого глагола (таковым, естественно, были заимствования из старославянского языка). В редких случаях слово выживает, если оно приобретает дополнительные, специфичные лексико-семантические варианты или сохраняет окраску «высокого» слова. Такие взаимоотношения, как правило, возникают у старославянизмов, встречающихся в текстах народно-литературного типа древнерусского языка, и русизмов. Например, они наблюдаются у глаголов *плавати* и *бырати* или *блудити* и *бырати*, из которых первые поглотили второй; у глагола *сънузьствовати*, о котором упоминалось вскользь и который целиком вошел в систему лексико-семантических вариантов глаголов *ехати-ездити*. Аналогичные отношения (так называемый II тип смысловой связи), т.е. непосредственные двусторонние связи без поглощения, распространяются на глаголы *течи* и *рискати/ристати*; *течи* и *лезти-лазити*; *миновати* и *ехати-ездити*; *течи* и *ехати-ездити*, *летети-летати* и *парити* (в памятниках книжно-славянских; в произведениях народно-литературного типа древнерусского языка отношения этих глаголов были иные: и глагол *парити*, и корреляты *летати-летети* монозначны и совпадают в этом единственном своем варианте); *плавати* и *блудити*; *рискати/ристати* и *рискати*; *ристати* и *ехати-ездити*; *грясти* и *шествовати* и т.п.

Во всех этих случаях наличествует непосредственная связь глаголов через один или два лексико-семантических варианта; при этом у каждого из глаголов, вступающих в такого рода связь, сохраняются какие-то специфичные лексико-семантические варианты, отсутствующие у глагола, с ним связанного.

Необратимые непосредственные связи (III тип смысловых связей) также были характерны для остальных глаголов движения. Они связывали глаголы *плутити-плавати* и *ехати-ездити* (глаголы *плутити-плавати* не могли передавать ни одного варианта глаголов *ехати-ездити*, тогда как *ехати-ездити* имели лексико-семантический вариант «двигаться в том числе и по воде с помощью средств передвижения»). Очевидно, о таком же семантическом взаимоотношении в XI–XIV вв. можно говорить в применении к глаголам *плавати* и *летети-летати* (§ 26).

Помимо непосредственной связи может быть опосредствованная связь нескольких глаголов (IV тип смысловой связи), т.е. через посредничество какого-то третьего глагола. Такая связь установилась между глаголами *течи* и *блудити* благодаря участию в этой цепи посредствующего глагола *плавати* и т.д.

Если взять в качестве промежуточного, связующего глагола пару *ити-ходити*, то картина опосредствованных отношений значительно усложняется. Тогда окажутся связанными глаголы *течи* и *пълзти-пълзати* (здесь промежуточным звеном можно считать и глаголы *лезти-лазити*) или глаголы *ристати* и *лезти-лазити* и т.д.

Благодаря участию в рядах слов глаголов *ити-ходити* протянутся нити от глаголов *бежати-бегати* к *ступати*, *рискати/ристати* и всем тем глаголам, которые связаны непосредственно или опосредованно с глаголами *ити-ходити*.

В зависимости от того, с каким словом мы можем соотносить данный глагол, глагол войдет в определенный тип связи с этим словом. По отношению же к другому слову группы данный тип смысловой связи может измениться. Но так как каждое слово группы взаимодействует одновременно со многими глаголами, то, естественно, семантические отношения каждого глагола складываются сразу по нескольким типам связи. Например, отношение глагола *рискати/ристати* к глаголам *течи*, *скакати*, *ехати-ездити*, *бежати-бегати* строится по II типу семантических связей, а отношение его к глаголам *лезти-лазити* – по IV типу (через глагол *течи* или *ехати-ездити*).

Другой пример. Глагол *шествовати* по отношению к глаголам *ити-ходити* входит в I группу смысловых связей, по отношению к глаголам *лезти-лазити* – во II, а применительно к глаголам *пълзти-пълзати* – в IV тип связи. Можно говорить и о III типе по отношению к глаголам *плутти-плавати* (правда, надо учесть, что *шествовати* – слово «высокого стиля», поэтому возможные теоретические сближения перечисленных глаголов не всегда встречаются практически) и т.д.

Однако ряд глаголов не имел никакой видимой семантической связи друг с другом. Их объединяло лишь одно понятие, лежащее в основе всех глаголов движения, – понятие передвижения. Это глаголы *брести-бродити*, *прямити* и все остальные глаголы движения, с которыми у трех перечисленных глаголов видимых связей нет.

Благодаря обильным непосредственным связям и разнообразным опосредствованиям образовалась развернутая сеть глаголов движе-

ния, система взаимодействий их в отношении центральных глаголов *ити-ходити* и в отношении друг друга.

Установление семантической системы глаголов движения оказалось возможным, таким образом, на основе тех сходных окружений, в которых могут встречаться несколько разных глаголов движения.

Итак, можно сделать ряд выводов.

- В центре смысловой системы глаголов движения русского языка XI–XIV вв. стояли глаголы *ити-ходити*, тесно связанные между собой (были случаи замещения одного коррелята на другой в силу недостаточной четкости грамматических характеристик определенной и неопределенной основ). Они обладали развернутой системой лексико-семантических вариантов, из которых часть была общей для всех коррелятов, а часть присуща только той или иной основе.

Почти все лексико-семантические варианты глаголов *ити-ходити* имели сходные варианты с другими глаголами движения. Лексико-семантические варианты глаголов *ити-ходити* «двигаться вообще» (в том числе «воевать»), «следовать» и «жить» оказались общими для многих глаголов. Вариант нерасчлененного общего движения объединял глаголы *ити-ходити*, *ехати-ездити*, *лезти-лазити*, *течи*, частично *бежати-бегати* и *миновати*, а также старославянизмы *грясти* и *шествовати*. Причем, не будучи однородным, этот вариант наибольшей обобщенности достиг именно у глаголов *ити-ходити*.

Вариант «следовать» встречается у глаголов *ити-ходити*, *течи*, а в памятниках книжно-славянского типа древнерусского языка – у глаголов *грясти* и *шествовати*; вариант «жить» объединял вокруг себя глаголы *ити-ходити*, *течи*, а также *ступати*, *шествовати*, *грясти* и т.д. Говорить о «главных» и «второстепенных» или «прямых и переносных значениях», по меньшей мере, нецелесообразно; можно лишь отметить (особенно для варианта «двигаться вообще») наибольшую употребительность их по сравнению с другими лексико-семантическими вариантами.

Остальные лексико-семантические варианты глаголов *ити-ходити* также могли быть общими (сходными) с другими глаголами движения, но встречались они реже, судя по материалу. Те варианты глаголов *ити-ходити*, которых не было у других глаголов движения, очевидно, начали уже в древний период переходить в разряд фиксированных (у глагола *ити* это значение «сочетаться законным браком»,

у глагола *ходити* – «работать каким-либо орудием» и др). Тот факт, что отдельные лексико-семантические варианты не являлись общими сразу для нескольких глаголов движения, служит до некоторой степени свидетельством начала их закрепления.

• Частичные перекрытия в семантической системе глаголов движения, употребление разных слов в одной структурной модели хорошо видны из табл. 4, к которой необходимо сделать следующие объяснения:

а) знак Ø означает «нулевой», отсутствие конкретизатора;

б) если стержневое слово заключено в скобки, это значит, что в данном варианте оно встречается лишь в памятниках книжно-славянского типа древнерусского языка;

в) звездочка ставится возле глаголов, которые в данной структурной модели употреблены окказионально (единственный пример позволяет говорить лишь о соответствующем употреблении, а не о лексико-семантическом варианте их);

г) данная таблица отражает порядок рассмотрения слов и их лексико-семантических вариантов в работе;

д) в таблицу включены некоторые полуфиксированные варианты (например, № 10, 11, 27).

Т а б л и ц а 4

Детерминатив	Глагол	Конкретизаторы	Лексико-семантический вариант
1	2	3	4
1. Живое существо (обычно человек)	ити-ходити, шествовати, грядсти, лезти-лазити, ехати-ездити, течи, частично миновати и бежати-бегати, а также плути-плавати и летети-летати (см. № 28 и 23)	супин, инфинитив; предлоги, означающие направление, + место, в которое направляется человек; На + Вин. п. сущ. (мест.) – название племени, города, имя князя...; наречия типа НАЗАД, ОПАКЫ...; В, НА + название средств передвижения по земле или по воде; ПО + название водной поверхности...	двигаться вообще (отправляться, направляться куда-нибудь, зачем-либо; наступать, нападать, воевать; двигаться по земле или по воде с помощью каких-либо средств передвижения; приближаться, удаляться)

1	2	3	4
2. Живое существо (обычно человек)	йти-ходити, ступати (пешаховати*)	пешь; ногама; Ø	небыстро двигаться по земле с помощью ног, пешком
3. Живое существо (обычно человек)	йти-ходити, течи (грязти, шествовати)	в след кого, по следу кого; ПО + Дат. п. сущ. (мест.)	следовать кому-либо в чем-либо, а также за кем-либо
4. Человек	ходити, реже – ити, течи (ступати, грязти), шествовати	путем, стезею; в законе (в тьме, в любви...), радостью (лжею...), благообразно, непорочно...	жить, пребывать в каком-либо состоянии
5. Жидкость (вода, кровь, слезы...)	йти, течи (плути*)	ПО + земле, полю, горам...; Ø	литься, струиться
6. Дождь и другие осадки (реже – предметы)	йти	Ø	падать (лить)
7. Линия, дорога, полоса чего-либо	йти, грязти*	по чему, вдоль чего	тянуться, иметь протяженность
8. Дым, пар, запах	йти	ОТ, С, ИЗ + Род. п. сущ., означающего поверхность чего-либо	исходить, подниматься от поверхности чего-либо
9. Продукты питания, вещи, дары...	йти	кому (название животного существа, имя собственное), от кого; для кого	поступать в чье-либо распоряжение, выдаваться
10. Женщина	йти	за кого (мест. или сущ. муж. р. в Вин. п., имя собственное в Вин. п.)	сочетаться законным браком, выходить замуж (о женщине)
11. Название сельскохозяйственных орудий; сочетание «моя рука»	ходити	обороты с относительным местоимением; «куда»; показ мест	работать каким-либо орудием в поле, лесу
12. Человек	ходити*		служить кем-либо
13. Человек	ходити	В + название одежды в Местн. п.	носить одежду, быть одетым

Продолжение табл. 4

1	2	3	4
14. Слава, хвала, казнь (огонь)	ходити	по земле (по воде); о ком-чем-либо	распространяться, становиться известным
15. Человек	ходити	ПО + название документа (закон, традиции, привычка) в Дат. п.	действовать, поступать определенным образом
16. Живое существо (обычно человек)	лезти-лазити (ср. № 24)	вверх, на гору, на лестницу, через какую-либо преграду	карабкаясь, цепляясь, передвигаться по чему-либо, подниматься вверх
17. Живое существо (обычно человек)	лезти-лазити, миновати	В + название закрытого помещения в Вин. п.	проникать вовнутрь, входить
18. Человек	течи, рискати/рискати (плавати*)	на + абстрактное сущ. типа: зло, спасение в Вин. п.	устремляться к чему-либо
19. Человек	бежати-бегати	кого-чего или от кого-чего (сущ. типа: грех, многословесия, пианьство, а также название живых существ)	избегать чего-либо, сторониться чего-либо
20. Живое существо (обычно человек)	бежати-бегати, течи, рискати/ристати	скоро, быстро	быстро двигаться по земле с помощью ног, бегом (трехω)
21. Человек	ехати-ездити, рискати/ристати (ср. № 1 ити-ходити)	НА + название средств передвижения по земле (конь, повозка...)	двигаться по земле с помощью каких-либо средств передвижения, верхом
22. Живое существо (обычно человек)	плавати, блудити (блуждати*), (бырати)	въне; ПО + стране, земле (или название страны)	скитаться, странствовать, жить в разных странах
23. Птица	летети-легати, парити (перети), плавати*	по воздуху	двигаться по воздуху
24. Живое существо (обычно пресмыкающееся)	ползти, положити, ползати*, плезти (смыкати)	по земле; на коленях, с большим трудом (о человеке)	двигаться ползком по земле

1	2	3	4
25. Мысль	(дарити*)		витать
26. Живое существо (обычно животное)	скакати (рискати/ ристати)		двигаться прыжками, прыгать (ᾠλλομαι)
27. Человек	(ступати*)	на стезю (путь) чего-либо	вступать
28. Судна; человек, пользующийся ими; сами живые существа (человек, рыбы...)	плути-плавати	ПО + название водной поверхности в Местн. п. (по реке, озеру, морю...); В, НА + название средств передвижения по воде	двигаться по воде с помощью каких-либо средств передвижения (и самим средствам передвижения); держаться на воде, двигаться в ней (о живых существах), т.е. natare и navigare
29. Живое существо (обычно человек)	брести-бродити		переходить реку вброд

По данной таблице легко определить удельный вес каждого слова в смысловой системе исследуемой группы глаголов движения древнерусского языка, например: *ити* – 34,5 % (в памятниках народно-литературного типа древнерусского языка – 37 %); *ходити* – 31 % (33,3 %); *течи* – 20,7 % (22,8 %) и т.п. Перечисленные глаголы не только имеют наиболее развернутые, богатые семантические системы, но и являются самыми употребительными среди глаголов движения; им же свойственны и максимально широкие значения.

Как видно из таблицы, 11 лексико-семантических вариантов из 29 отмеченных (№ 5, 6, 7, 8, 9, 11, 14, 23, 25, частично 24, 28) можно установить по детерминативам, не обращаясь за помощью к конкретизаторам (это большей частью те варианты, которые обычно называют «свободными» значениями слов).

Однако в 21 лексико-семантическом варианте (из 29) глаголы имеют одинаковый детерминатив, а именно – «живое существо». Из них в 9 случаях может стоять детерминатив только «человек» (№ 4, 10, 12, 13, 15, 18, 19, 21, 27); в 1 случае – «птицы» (№ 23); в 1 – обычно (но

не всегда!) «пресмыкающиеся» (№ 24). Из 19 случаев со сходными детерминативами ($21 - 2$ (№ 23 и № 24) = 19) возможно по различным конкретизаторам опознать еще 12 лексико-семантических вариантов (№ 2, 3, 4, 10, 12, 13, 15, 18, 19, 20, 21, 27), среди которых многие часто называются «конструктивно-обусловленными» значениями. В общей сложности структурные модели позволяют безошибочно выделить 23 лексико-семантических варианта (что составляет 83 %) от 29 анализированных. С помощью метода дистрибуции, таким образом, на нашем материале трудно, а иногда и невозможно различить лишь 6 лексико-семантических вариантов (№ 1, 16, 17, 22, 26, 29). Для их установления можно было бы прибегнуть к иным структурным методам (например, трансформационному анализу или субституции), но для древнего периода это делать нельзя, так как в случае трансанализа проверкой является чувство языка, т.е. субъективный момент. Поэтому 6 указанных лексико-семантических вариантов пришлось устанавливать интуитивно, исходя из развернутого контекста. В отдельных случаях большую услугу оказывали греко-латинские параллели (например, № 22, 26, 29...).

Наконец, данная таблица наглядно показывает, что 11 лексико-семантических вариантов специфичны лишь для какого-либо одного глагола, причем у глаголов *ити* и *ходити* по 4 варианта не перекрываются ни с какими другими глаголами. У глаголов *парити* и *ступати* отмечено по 1 специфичному варианту, точнее, окказиональному употреблению. Можно предполагать, что в дальнейшем эти варианты либо превратятся во фразеологизмы, либо отомрут совсем, либо возникнут еще у каких-либо глаголов. В 4 лексико-семантических вариантах встречаются лишь коррелирующие между собой глаголы (№ 16, 19, 28, 29).

Смысловые взаимоотношения глаголов движения друг с другом и по отношению к центральной паре *ити-ходити* можно сгруппировать в 4 основных типа связи:

А. Непосредственные связи:

1) обратимая (двусторонняя) связь двух глаголов благодаря наличию у них сходных лексико-семантических вариантов, при которых семантическая система одного глагола полностью поглощена системой лексико-семантических вариантов другого глагола;

2) обратимая (двусторонняя) связь глаголов без поглощения, когда у каждого из вступивших в связь слов помимо общих есть самостоятельные лексико-семантические варианты;

3) необратимая (односторонняя) связь, при которой один глагол может употребляться в лексико-семантических вариантах другого глагола, а этот другой глагол не передает ни одного варианта первого глагола.

Б. Опосредствованные связи:

4) косвенные связи через 1, 2, 3 и т.д. глагола, в силу которых создаются своеобразные ряды, цепи слов.

У каждого слова группы складываются с разными словами различные смысловые отношения. Отсюда любой член группы глаголов движения подчинен одновременно нескольким типам связи слов, поскольку он взаимодействует сразу с несколькими глаголами движения.

Наиболее активными для I периода являются II и IV типы связей.

Первые три типа связи построены на обоюдных (взаимных) началах, т.е. связь глаголов в этих группах двусторонняя, обратимая (в противоположность IV группе глаголов движения). Прекрасное свидетельство тому – встречающиеся в различных редакциях одного и того же памятника разные глаголы движения, абсолютно идентичные по своим лексико-семантическим вариантам и стоящие в абсолютно равнозначных (равноценных) контекстах.

• Внутри системы лексико-семантических вариантов каждого глагола можно выделить один или несколько таких лексико-семантических вариантов, которые для данной эпохи оказываются, во-первых, наиболее широко употребительными, во-вторых, являются общими для 2, 3 и т.д. глаголов, которые и сближаются через них. Отсюда почти любой глагол группы (не говоря уже о паре *ити-ходити*) является своеобразным маленьким центром, к которому тянутся сходными вариантами другие глаголы.

В отдельных глаголах движения (особенно в *ити-ходити*) можно встретить пучки очень близких между собой лексико-семантических вариантов (см. № 2, 4, 5), как бы составляющих один обобщенный синкретический вариант, который может в дальнейшем расщепиться на несколько вариантов.

- В некоторых случаях появляется возможность перехода отдельных глаголов из группы глаголов движения в другие лексико-семантические группы (особенно это касается глаголов, отдаленно, слабо связанных с глаголами *йти-ходить* и с другими глаголами). Иногда же, наоборот, глаголы каких-то иных смысловых систем цепляются за отдельные варианты глаголов движения и могут, при первой возможности, перейти целиком в группу глаголов движения.

Это показывает, что проводить резкие грани между различными смысловыми группами слов нельзя и даже невозможно. Отнесение слов в ту или иную лексико-семантическую группу проводится в значительной степени условно и приблизительно. Определить более-менее правильно границы лексико-семантических групп в языке позволяет исследование взаимосвязей слов, первоначально предположительно входящих в них.

СМЫСЛОВАЯ СИСТЕМА ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В XV–XVIII ВЕКАХ СРАВНИТЕЛЬНО С XI–XIV ВЕКАМИ

СЕМАНТИКА ОТДЕЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ В XV–XVIII ВЕКАХ СРАВНИТЕЛЬНО С XI–XIV ВЕКАМИ

§ 1. Лексический состав группы глаголов движения в течение XV–XVIII вв. сильно изменился за счет множества заимствований, пришедших в русский язык, особенно в эпоху Петра I¹. Тем не менее в данной главе мы анализируем смысловые отношения слов внутри прежней группы, уже исследованной нами в I период. Однако, чтобы представить возможные формы, пути взаимодействия глаголов движения, вновь приходящих в русский язык, со словами, уже бытующими в нем, упомянем о двух глаголах, новых в объеме рассмотренного материала для эпохи XV–XVIII вв. Это глаголы *дыбати* (И. И. Носович предполагает, что *дыбати* произошло от нем. *Deib* – «вор». М. Фасмер дает иную этимологию) и *гомъзити-гомъзати*.

---

¹ По свидетельству И. И. Огиенко (Иноземные элементы в русском языке : история проникновения заимствованных слов в русский язык. Киев, 1915) и Н. А. Смирнова (Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. I. Определение путей, которыми в Петровскую эпоху шли заимствования из западно-европейских языков. II. Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык в эпоху Петра Великого // Сб. ОРЯС. СПб., 1910. Т. 88, № 2), в эпоху Петра I было заимствовано из немецкого, голландского и других языков большое число морских и военных терминов, в том числе передающих движение в пространстве (например, глаголы на *-ировать*: *дефилировать*, *лавировать*, *маркировать* и т.п.: *Когда съ правой стороны дефилируютъ, тогда каждый долженъ следовать за полкомъ, который впереди обретается*. Полн. собр. законов, 1713–1719 гг., т. V, № 3006; *Можно его (неприятеля) всегда однимъ маршемъ упредить, маршируя со всякою принадлежностью чрезъ городъ Гейдсборгъ*. Там же. № 2637; *Брантъ починилъ ботъ онои, сделалъ маитъ и парусы, и на реке яузе при Его Величестве лавировалъ*. Кн. Устав Морск., 1720 г., стр. 40 и т.д.).

Глагол *дыбати* зафиксирован в словарях И. И. Срезневского и А. Г. Дювернуа², которые ссылаются на пример из памятника XVI в., заимствованный у А. Х. Востокова:

сице их причастие словет у нихъ улыбаніе къ воде, утаяся всех о польночи... дыбати к воле и до света, и по многы ноци, аще улыбають и добудеть воды таковоє. Номок. о Арм. ерес.

Глагол *дыбати* означает здесь «ходить тайком, украдкой». Он сохранился до настоящего времени в украинском, белорусском, чешском и польском языках. Так, в словаре Б. Д. Гринченко даются следующие лексико-семантические варианты этого глагола: «ходить на ходулях; ходить медленно и неловко; ходить, вытягивая ноги (о людях с длинными ногами, о детях и пр.)»³. Например:

Близько видати, далеко дыбати. Номис. № 11423; *Та мала пташка, та невеличка по билиночці дибле.* Лавренко; *На дворі під тополями дибали два журавл; Дибя, мов не своїми ногами.* Стороженко, II, стр. 44.

В белорусском языке глагол *дыбаць* значит: «1) ступать, приподымаясь на цыпочки; 2) идти медленно»⁴.

Близко видаць, да далеко дыбаць. Так говорят об отдаленности, а более о затруднительном исполнении какого-либо дела⁵.

На цямочку, цёплым раннем пайшні буслы на паляваніе, паперадзе дыбаў сам Бусел, вёў буслянят ён на экскурсію. Вас. Вітка. Буслінае лета. Мінск, 1958, стар. 41; *Ня дыбай, коза, кравая ноги, ня становся пораз дороги.* Шойн. Материалы для изучения быта и языка русского населения с.-з. кран. СПб., 1887. Т I, ч. I, стр. 92.

Тот же смысл («идти на цыпочках, подкрадываться») имел глагол *дыбаць* и в памятниках древней белорусской литературы:

Яко волкъ до овецъ дыбати звьклъ. IV, 1609 г., 213-2-29. Алф. указ. Носовича, стр. 93 об.; *а зъ нихъ служба не пытай – и только убравшися, на ысокихъ подковкахъ до девок дыбле и ходишь, а зъ великого кубка трусишь.* АЮОР, II, стр. 189. Прамова Ив. Мялешки, 1589 г.

В польском языке глагол *dybać* означает: 1) красться, подкрадываться, подкарауливать, подстергать; выжидать (удобного случая);

² Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893. Т. I; Дювернуа А. Г. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1894.

³ См.: Гринченко Б. Д. Словарь украинского языка. Киев, 1907. Т. I.

⁴ Носович И. И. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.

⁵ Носович И. И. Сборник белорусских пословиц // ИОРЯС. СПб., 1874. Т. XII, № 2. С. 6.

2) стараться (добиваться чего-либо). Чешское *dybati* и словенское *dib(k)at* означают «ходить на цыпочках».

А. Преображенский в «Этимологическом словаре русского языка» и В. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» говорят о сохранившемся в диалектах вплоть до XX в. глаголе *дыбать* с разнообразными лексико-семантическими вариантами: 1) ходить, шагать; 2) ходить без цели, шататься; 3) ходить на цыпочках; 4) ходить с трудом и украдкою (северные говоры) и т.д. Помимо этих лексико-семантических вариантов глагол *дыбати* означает «тяжело ступать» (Петрозаводский уезд, Олонецкая губерния, – вставка, сделанная Шахматовым. См. словарь Г. И. Куликовского⁶). А. Подвысоцкий⁷ с ударением *дыбáть* отмечает этот глагол в архангельских говорах и в смысле «качать, раскачивать; качаться на качелях» и т.д.

Глагол *дыбати*, обозначавший движение в пространстве живых существ, в период XV–XVIII вв. не входил в смысловые отношения с другими глаголами этой группы (см. § 27).

Новой для эпохи XV–XVIII вв., судя по собранному материалу, является также пара *гомъзить-гомъзять*, употреблявшаяся в смысле «двигаться ползком, шевелиться»:

елижды бо ему бяше полеха ти по некоторому случаю, и подь нимь омии гомжаху. ДРС, Житие преп. Фомы Дерфукина из Минеи Четии июньской Моск. Синод. библ. XV–XVI вв. № 89-205, л. 230 и след.

Им соответствуют по смыслу латинское *segrere*, греч. ἐρπεω, этимологически – словенское *gomžeti* – «кишеть»; чешское *hemžeti se* (*hemžeti, - ati*) – «копошиться, кишеть»; болгарское *гъмжу* – «кишу»; укр. *гомзатися* – «ворочаться, копошиться»; польск. *giemzić* – «зудеть, свербеть, чесаться»; сербо-хорв. *гамзити, гамизати* – «ползать, пресмыкаться» и т.д. В словаре Академии Российской 1806 г., ориентировавшемся на материалы главным образом XVIII в., значение этого глагола определено уже как «не смиренно стоять или сидеть, вертеться». В некоторых диалектах до настоящего времени сохраняется данный глагол в виде *гомозиться, гомзать*⁸. Об этом слове писал и

⁶ Куликовский Г. И. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.

⁷ Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

⁸ См.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. I. С. 373 (под словом *гомъ*); Диттель И. Ф. Сборник рязанских областных слов

А. Потебня в работе «Заметки этимологические о народной поэзии»⁹, указывая на родственные формы в других языках и на сходный смысл их. В отличие от глагола *дыбать* глаголы *гомъзить-гомъзять* вошли в смысловые отношения с некоторыми словами исследуемой группы (см. § 26).

§ 2. Все остальные глаголы движения рассматриваемой группы в XV–XVIII вв. претерпели большие или меньшие изменения в своих лексико-семантических вариантах. Эти изменения могут быть двух типов.

У одних глаголов сохранились все старые лексико-семантические варианты (т.е. варианты XI–XIV вв.) и появились новые, дополнительные, обогатившие их смысловую систему. У других глаголов возникновение новых лексико-семантических вариантов наблюдалось одновременно (параллельно) с утратой прежних. В обоих случаях могло происходить также окончательное расщепление отдельных лексико-семантических вариантов на два и более самостоятельных варианта, намечившееся в I период.

Изменения в системах лексико-семантических вариантов отдельных глаголов, естественно, связаны с изменениями в смысловых отношениях слов. Поэтому, прежде чем говорить о переменах в типах семантической связи глаголов движения, необходимо подробно описать лексико-семантические варианты каждого глагола в XV–XVIII вв. сопоставительно с периодом XI–XIV столетий. С этой целью в 1-м разделе данной главы отмечаются все случаи утраты старых и появления новых лексико-семантических вариантов, варианты, сохранившиеся в эпоху XV–XVIII в. от I периода, обычно не перечисляются (полностью смысловая структура каждого глагола отражена в словнике II, не вошедшем, к сожалению, в данную книгу).

Рассмотрим сначала глаголы, у которых новые лексико-семантические варианты появляются дополнительно к старым, продолжавшим развиваться во II период. Это глаголы *бежать-бегати*, *блудить-блуждать*, *брести-бродить*, *ползти-ползать*, *лезть-лазить*,

---

// Живая старина. 1898. Вып. II (*гомозиться* означает «суетиться»). Данный глагол – с пометой «В просторечии и областное» – помещен и в «Словаре современного русского литературного языка» АН СССР (1954. Т. 3). В примерах из Серафимовича, Гончарова и Жуковского глагол *гомозиться* означает «копошиться, возиться, суетливо толпиться». Невозвратная форма *гомозить* употребляется в смысле «неспокойно стоять или сидеть, вертеться, беспокойно шевелиться» (также просторечное и областное).

⁹ Российский филологический вестник. 1880. Т. IV, № 3. С. 164.

ехать-ездить, лететь-летать и парить. Часть из них (*блудить, ползти-ползать*) развивалась очень медленно, вяло и приобрела за весь период XV–XVIII вв. лишь 1–2 новых лексико-семантических варианта. Наоборот, в глаголах *брести-бродить* произошел стремительный, бурный рост новых лексико-семантических вариантов. Во всех коррелятивных глагольных парах отмечается дальнейшее смысловое расхождение определенной и неопределенной основ, которые получают все большее самостоятельное развитие.

§ 3. Возьмем глаголы *ползти* и *ползать* (глагол *ползти* почти вышел из употребления к этому времени; старославянизм *плести* встречается обычно в религиозной литературе). В XI–XIV вв. эти глаголы были моносемантичны, означая «двигаться позком». В XV–XVIII вв. у них сохраняется тот же вариант, общий обеим основам. Но, в отличие от I периода, когда эти глаголы были применимы обычно к пресмыкающимся, во II период глаголы *ползти-ползать* чаще бывали соотнесены уже с человеком:

*тогда сороки не троскоташа, **полозию** ползова только*. Сл. плк. Иг., стр. 29; *ноги обмерзли... на коленехъ и на рукахъ **ползъ** с версту*. Авв. (В), л. 85 об., стр. 233 (39); *Вода быстрая, переворачивает барку вверхъ боками дномъ, а я на ней **ползъаю**...* Авв. (А), л. 216, стр. 25 (33).

Вместе с тем корреляты разошлись по смыслу – у определенной основы появляется индивидуальный лексико-семантический вариант, который, возможно, во II период является лишь окказиональным употреблением глагола *ползти*; это вариант «растекаться, расплываться по поверхности чего-либо, тая, растапливаясь (о загустевших жидкостях)»:

*медъ от огня яко смола **ползуиць***. Ип. л., 6767, стр. 195.

В самом конце II перевода у неопределенной основы глагола *ползать* складывается лексико-семантический вариант «унижаться, низкопоклонствовать».

Великим господам ты, ползая, покорствуй! Сум. Наставление сыну, стр. 171.

§ 4. Столь же медленно развивался и глагол *блудить* (на глагол *блуждать* встретилось слишком мало примеров, чтобы можно было говорить о нем), который, как указывалось, к началу II периода стал однозначным, распавшись на омонимы¹⁰. Помимо варианта «скитать-

¹⁰ Предполагалось, что омоним *блудить* имел варианты «прелюбодействовать» и «заблуждаться, ошибаться». Впрочем, уже в конце XVIII – начале XIX в.,

ся по чужим землям, двигаться, не разбирая и не зная дороги», глагол *блудить* в XV–XVIII вв. употребляется иногда как переходный глагол, встречаясь в синтаксической конструкции «блудить кого», означая «заводить не туда, куда надо бы двигаться»:

воженъ неведуцимъ, блудяцимъ я. Ип. л., 6759, стр. 317.

Этой конструкции, по указанию И. И. Срезневского, соответствует лат. *errare, facere*. Поскольку данный пример является единственным, трудно говорить о сложившемся варианте. Однако этот единственный случай свидетельствует о возможности развития переходных лексико-семантических вариантов у исходно непереходных глаголов. Причины подобного явления были исследованы Г. Поутсма, установившим их на материале английского языка¹¹. Ср. также работу К. А. Ивановой, отмечающей в семантической структуре английского языка разные значения – переходные и непереходные¹². В нашем примере причиной появления у глагола *блудить* категории переходности является использование его в качестве каузативного (Г. Поутсма считает эту причину основной¹³). В целом можно считать, что глагол *блудить* совсем не изменился в XV–XVIII вв., оставшись монозначным¹⁴.

по свидетельству А. С. Пушкина, «блудит или блядит (этот глагол в смысле «заблуждаться» употреблял еще в своих сатирах Кантемир. – А. К.) – вместо *заблуждает* или *заблуждается* вовсе не употребляется» (*Пушкин А. С.* Заметки по поводу слова «блудит» в сатирах Кантемира // Полн. собр. соч. : в 6 т., изд. IV. М. : ГИХЛ, 1936. Т. 6. С. 344).

¹¹ *Poutsma H.* A Grammar of late modern English. P. 11, Sect. 2. Groningen, 1926. P. 47.

¹² См.: *Иванова К. А.* О некоторых языковых факторах, влияющих на семантическое развитие глагола // Романо-германская филология : сборник. М. : Изд-во АН СССР, 1962. Вып. 4.

¹³ См.: *Poutsma H.* Op. cit. P. 47.

¹⁴ С глаголом *блудить* в XIV в. совпал по смыслу редкий для того времени глагол *бырати* (см. гл. II). В XV–XVIII вв. он встречается чаще, в том же лексико-семантическом варианте «скитаться, странствовать, двигаться без дороги», что и в IV в.: *по непроходимымъ стремнинемъ и пропаستمъ бырающе, днемъ и ночью влачащииси.* ДРС, Сказ. о См. вр. (Вр. и Т.), стр. 422–428; *а ты... из свиарника в свиарникъ и по хлевамъ все быраешъ.* ДРС, Евфр. Отразит. пис. 1691, стр. 58. Очевидно, под влиянием омонима *блудить* у *бырати* возникает в XV–XVII вв. новый отвлеченный вариант – «ошибаться, заблуждаться», как в следующем примере: *благо же! Благо же! И хвалитъ ти за то, яко правду знаеши и в законе не быраеши.* ДРС, Евфр. Отразит. пис. 1691, стр. 61. Видимо, к концу II периода данный глагол исчез из языка совсем. В некоторых говорах современного русского языка сохранились однокорневые с глаголом *бырати* слова: *бырь* (тв. – ря) – «быстрина в потоке; закруть вихря; место наибольшей силы огня на пожаре»;

§ 5. Более интенсивно, чем перечисленные глаголы, развивались пары *ехать-ездить*, *бежать-бегать*, *лесть-лазить*. У глаголов *ехать-ездить* увеличилось количество лексико-семантических вариантов за счет расщепления варианта XI–XIV вв. «двигаться вообще». Из него выделился при сохранении прежнего в качестве самостоятельного вариант «двигаться по воде» (о людях, пользующихся какими-либо средствами передвижения) *navigare*, но не *nature*:

и того же часу Господинь контра Адмираль ездиль по реке въ шлюпке. ДРС, Пох. жрн., 1714, стр. 8; *кораблями ехать большими трудно.* ДРС, Арс. Сух. 1649–1653 г., стр. 9; *а ездити ему в одной лодке одному с семью.* ДРС, Новг. лав. кн., 1583 г., стр. 126; *От Азова ехал морем къ Кафе.* Иоас. л., 7028, л. 199, стр. 181; *морем ездиль на ладье к городу с Мазени и погодою било нась...* Авв. (В), л. 54 об., стр. 203 (76).

В последних примерах в глаголах *ехать-ездить* совмещаются лексико-семантические варианты «двигаться по воде» и «отправляться куда-нибудь с определенной целью», что лишний раз свидетельствует об их происхождении из одного варианта «двигаться вообще», свойственного обеим основам. В то же время глаголы *ехать-ездить* начали семантически расходиться. Так, глагол *ездить* развивал вариант «охотиться» начиная с конца XV – начала XVI вв.:

Избирайте дни, едите часто, напускайте, добывайте..., да не забудут птицы премудрую и красную свою добычу. ДРС, Пис. к М. ц. А. М. 1646–1662 гг., стр. 91; *А в Коломенскомъ бь отнть не ездеи;* *а в Голонищеве чтобы берегли орлаковъ и всякихъ птицъ.* Там же, стр. 31; *Да прислалъ бы еси ихъ къ намъ кто бы умель со птицами ездити, а кречаты бы были узорочье ловцы.* ДРС, Пам. дипл. сн. М. г. с Кр., 1518 г., т. II, стр. 523.

В этом варианте глагол *ездить* либо выступал с нулевым конкретизатором (тогда в значительной степени приходится обращаться к широкому контексту), либо с выражением предлог С + Тв. п. сущ., означающего охотничью птицу (как в последнем примере). В XVIII в. глагол *ездить* встречается уже обычно в сочетаниях типа *ездить с охотой* (ДРС, В. а. Б., № 120), *ездить за охотою*:

Продолжающиеся здесь больше месяца великие жары не препятствуют королю ездить за охотою. ДРС, Моск. Вед. 1957 г., № 66.

быркий – «быстрый, бойкий»; *бырко* – «быстро, буйно»; *быруга* (арх.) – «яма с водой» и др. (см. словарь В. И. Даля).

У той же основы, т.е. глагола *ездить*, в XVIII в. складывается лексико-семантический вариант «подчинять кого-либо своей власти, использовать в своих интересах» (в выражении *ездить на ком*):

Когда ты однажды к тому даишь поводь, они на тебе скоро и верхомъ ездить стануть. ДРС, Болот. Пам. кн. 1761 г., стр. 48; *Надобно искусенько сперва забежать къ судьямъ и ихъ хотя безделкою задобрить; а тамъ уже можно будетъ ездить.* Лукин, ч. I, стр. 76.

Ср.: *Я ни за что сама приняться не хотела, а ехала на моей служанке так, как дурак на осле.* ДРС, Пр. повар., 1770 г. (Однако у глагола *ехать* данный вариант так и не сложился.)

В отличие от глагола *ехать* неопределенная основа могла означать «возить», превращаясь в переходный глагол:

На легушкинскихъ крестьянехъ взято полподводы осмь алтынъ две денги, что известъ не ездили. ДРС, Кн. прих. Болд. мон. 1607 г., стр. 231.

Но этот редкий случай употребления, видимо, так и остался окказиональным, не сложился в самостоятельный лексико-семантический вариант «возить» (ср. аналогичную судьбу варианта «заводить не туда, куда следует» у глагола *блудить*). Появление переходности можно объяснить также каузативным использованием глагола.

§ 6. Корреляты *лезть-лазить* получили во II период новый общий вариант «переходить реку вброд», который был специфичен в I период для *брести-бродити*:

Многие люди пришли подъ Азовъ, а хотяъ де Донъ лезть подъ Азовомъ. ДРС, АМГ, I, 1627 г., стр. 215; *калмыки черезъ Волгу перелезли, а иные лезуть...* ДРС, Донские дела, 1755 г., т. V, стр. 10; *И лазят татаравя выше Тулы верст с восемь реку шат, а перелезли Шат и речку Шиварзнь, лазят реку Упу в костюмаров брод против Дединова...* Кн. Б. Чертежу, 1627 г. I, л. 6 об, стр. 59.

В большей части примеров на данный вариант оба глагола выступают как переходные. Однако причина различия переходного лексико-семантического варианта в этом случае иная, чем у глаголов *блудить* и *ездить* (см. выше). Причиной появления переходности у глаголов *лезть-лазить* в данном варианте можно считать поглощение предлога, т.е. замену косвенного предложного дополнения прямым беспредложным. У глагола *лезть-лазить* в XII–XIV вв. развился вариант «влезать куда-нибудь с неудобством, забираться внутрь, вползать», до

некоторой степени сходный с вариантом «двигаться ползком» у глаголов *ползти-ползать*:

Она же мне велела под кровать лести, под которую нарочно или умышленно положены были тернии. ДРС, Алекс. Рос. двор., стр. 166; *Мы подкопались подъ стену и подъ мостъ лазили...* ДРС, АМГ, I, 1630 г.

Одновременно шло расхождение коррелятов по смыслу. Определенная основа оказалась богаче, разнообразнее по своим лексико-семантическим вариантам, чем неопределенная. В конце описываемого периода у нее появляется, например, вариант «надевать на что-нибудь, налезать, быть впору», который обычно употребляется с отрицанием НЕ в конструкции *лезть на кого-, что-*:

на чулок туфли не лезуть, на босую ногу врядъ. Туфли къ милому глядятъ, Посетить его хотятъ. ДРС, ВВП, 1780 г., т. II, стр. 247.

Другим индивидуальным для глагола *лезть* лексико-семантическим вариантом в XVIII в. являлся вариант «появляться наружу, вылезать, тянуться вверх (часто в применении к растениям)»:

капуста и огурцы весьма мало урождаются... капуста лезетъ всюю въ верхъ, и листья на ней бывають все серые. ДРС, Болот. Сельск. жит. 1778 г., ч. I, л. 17; *из короба не лезитъ, въ коробе не едитъ, и короба не стдаеть.* ДРС, Кург. Пис., ч. I, стр. 129).

Таким образом, глаголы *лезть-лазти*, не потеряв ни одного их своих вариантов XI–XIV вв., обогатились новыми, как общими для обоих коррелятов, так и присущими какой-либо одной основе (в данном случае – определенной).

§ 7. В паре *бежать-бегать* помимо трех старых вариантов «убегать», «избегать» и «быстро двигаться по земле с помощью ног» в рассматриваемый период отмечаются новые лексико-семантические варианты, общие для того и другого коррелята. Кроме того, в варианте «быстро двигаться по земле» происходят некоторые сдвиги: 1) он становится основным по употребительности среди других лексико-семантических вариантов; 2) в конце XVI–XVII вв. глагол *бежать* означает не только «быстро двигаться по земле с помощью ног», но и «передвигаться по земле с помощью каких-то средств передвижения» (часто верхом):

Ивань Ганьшинъ бежитъ лошадейю. ДРС, Дела прик. Избы, 1696 г.; *С вестью бежать к ливнамъ, а бежатъ до Ливень о дву конь.* ДРС, Баг. Мат. 1600–1693; *Хотель есмь бытии на Светлая Воскре-*

сение в Венеции, того ради на почтовых конехъ **бежалъ** есмь до Киозы. ДРС, Х. Рад., стр. 248; **Бежитъ** Арань на такомъ верблюде, дромедории названномъ. Там же, стр. 171.

По сравнению с глаголами *ехать-ездить*, которые часто встречаются в этом варианте, у глаголов *бежать-бегать* есть в некоторых случаях дополнительный оттенок. Это указание на большую скорость передвижения. В одном из памятников специально говорится:

С Тулы до Москвы для воспененья бежали на своихъ лошадахъ (до этого – ехали на подводах). ДРС, АМГ, I, 1653 г., II, стр. 507.

В конструкции с предлогом ЗА и Тв. п. сущ. (местоим.) глаголы *бежать-бегать* означают «преследовать, гнаться за кем-либо»:

Напился де стрелець Коземка Чижикъ и зажокъ веникъ, и бегаль за женою своею, мучить хотелъ, гривны на пропой просиль. ДРС, Псков. п. 1665, стр. 442; *Я возвратился в правление за непристойное почтя бегать за ним пешком.* ДРС, Держ. Пис. И. А. Львову. 29/IV-1785 г., т. V, стр. 409; *Неприятель zelo скоро бежитъ за вами.* ДРС, Птр. VII, 1708 г., стр. 70; *Капитан послал тот час одного обер-офицера еще сто человек солдат взять, дабы за принцессою вслед бежать, и... у разбойников отнять.* ДРС, Беландра, л. 65 об.

Во II период оформился вариант «двигаться по воде», применимый лишь к средствам передвижения и людям, пользующимся ими (*navigare*, но не *natare*), благодаря чему он отличается от аналогичного варианта глаголов *плыть-плавать*:

как есть ветрь (суды) бегают парусом, а ветра нет, то тянут бичевою или гребут, а легко столь гребут, что от единой греби правится и ходит. ДРС, Опис. гос. Кит., 1731 г., стр. 38; *Мы... бежали въ своей филюге темъ ветромъ весь тотъ день.* ДРС, Дн. П. Толст., 1698 г., стр. 139; *Земля Срацынская, людей болиши воинскихъ, и купецкихъ менши, бегаютъ же в кораблехъ по морямъ и грабятъ торговыхъ людей.* ДРС, Зем. 1670 г., стр. 24.

Развитие коррелятов в период XV–XVIII вв. перестало быть только соотносимым, одинаковым, как это было в XI–XIV вв. Каждый из глаголов данной пары постепенно приобрел свои лексико-семантические варианты, отсутствующие у его коррелятов. Обычно это обусловлено грамматической характеристикой определенной и неопределенной основ. Так, определенная основа – глагол *бежать* – показывает действие, направленное, происходящее в одном направлении и в одно время. Отсюда естественно появление лексико-

семантического варианта «струиться, литься» именно у глагола *бежать*, а не *бегать*:

Ниль быстро бежалъ, поля надъ Каиромъ лежащие обливалъ. ДРС, X. Рад., стр. 152; *Вода бежитъ изъ болота.* ДРС, Рус.-швед. о., 1634–1648 гг.

Точно так же у глагола *бежать* возник вариант «проходить (о времени)»:

Время есть и fortuna сквозь насъ бежитъ. ДРС, Птр. I, 1688–1701 гг., стр. 112; *День зде бежит скорей птицы присно летит без возницы.* ДРС, Ист. Град., л. 182.

Обогащается новыми лексико-семантическими вариантами и неопределенная основа – глагол *бегать*. В XVIII в. у этого глагола складывается вариант «состязаться (чаще – в беге), соревноваться, бегать взапуски»:

кавалеры начали сперва бегать единъ противъ другова съ копьемъ безъ конца, а потомъ учинили все купно бои мечами. ДРС, Шхонб. Ист. орд., стр. 243; *И потомъ делаютъ всякия разныя забавы, также въ запускъ бегаютъ суднами.* ДРС, АК, III (Зап. 1707 г.), стр. 197–198.

К середине XVIII в. мало-помалу определяются контуры нового варианта – «ухаживать (за женщинами), приставать». Этот вариант выявляется в конструкции глагол *бегать* + предлог ЗА + Тв. п. сущ., т.е. он развился из варианта «преследовать, гоняться за кем-либо»:

Красавицы вследъ за мною бегаютъ: на день писемъ по 20 присылаютъ и за щастие ставятъ, ежели я на нихъ ласковый взоръ вскину. Лукин, 1765 г., ч. I, стр. 177.

К специфическим вариантам глагола *бегать* относится вариант «быть в бегах». В памятниках по истории русского холопства XV–XVI вв. – в «холопных крепостных людских книгах» (записная книга крепостным актам XV–XVI вв.) – буквально каждая страница дает примеры на этот лексико-семантический вариант:

И Маница де была за Петрушкою за Исаковымъ. И та де Марьяца и с мужемъ бегаеть. РИБ, т. XVII, № 118; *И Ивашко ди да Офонка от него бегаютъ* (№ 20); *И тотъ де Лаврентейко от него Степана з женою и з детми бегаютъ* (№ 57); *Копось, господине, товарищъ мой, бегаеть.* Арх. Стр. 1503 г., т. I, стр. 110; *...все наши крестьяне бегаютъ.* ДРС, АК, III (Зап. 1707 г.), стр. 176.

Выражения в ряде примеров «от него, от меня» подчеркивают, что холопы, которые в данный момент находятся в бегах, принадле-

жали хозяину, составившему кабальную запись на своих крепостных, в том числе и на беглых. Этот вариант развился на основе варианта «убегать, спасаться бегством». Смысловая система глаголов *бежать-бегать* значительно расширилась во II период по сравнению с XI–XIV вв. (рассмотрение намечающегося варианта «быстро двигаться, мелькать (о пальцах, руках)» отнесено в гл. IV).

§ 8. Однако самые разительные перемены произошли в глаголах *брести-бродить* и *лететь-летать*, которые в I период были однозначны. Корреляты *брести-бродить* обладали лишь вариантом «переходить реку вброд». Для XI–XIV вв. трудно было в этом случае говорить о сложившейся структурной модели, поскольку глаголы *брести-бродить* встречались крайне редко. Во II период при глаголах *брести-бродить* в этом варианте обычно конкретизатором служило сочетание предлога *через* с сущ. *река* (или ее наименованием) в Вин. п. Интересно, что в словаре И. Нордстета конца XVIII в.¹⁵ глагол *бродить* (в том числе в смысле «переходить, переезжать реку в брод») дается с ударением на первом слоге *брóдить*. Если конкретизатором при глаголе *бродить* вместо сочетания типа *через реку* выступало сочетание *в воде, по реке*, то глагол *бродить* означал обычно «ловить рыбу бреднем»:

Два лета бродиль в воде, а зимами волочил за волоки, через хрепты. Авв. (В), л. 80, стр. 180 (33); *а до реки имь до Вори дела неть, съ брезники и съ курицами по реке по Воре не бродить и рыбы не ловить.* АИ, I, стр. 55 (грам. 1575 г.).

Как и в варианте «переходить реку вброд» (в конструкции без предлога *через*) глагол *бродить* в этом случае является переходным глаголом.

В XV–XVI вв. у коррелятов *брести-бродить* складывается вариант, передающий конкретное действие ходьбы, движение пешком, часто – с трудом, еле-еле:

и брель де онъ Митка самыми пушными и непроходимыми местами по Западной стране одинъ. ДРС, Доп. АИ, 1682 г., стр. 143; т. X; *На поле конь никакове брести не можетъ (из-за снега).* ДРС, Пам. дипл. сн. М. Г. с Кр., 1502 г.; *...А самъ и протопопица брели пеши, убивающееся о ледь.* Авв. (А), л. 222 об. – 223, стр. 31 (40); *И вы меня истинно и досталь сокрушили, итакъ насилу брожю, день брожю, а два дни лежу.* Переп. Хован., ок. 1682 г., стр. 313; *Кляченки у насъ на силу бродятъ.* Там же, стр. 382.

¹⁵ Нордстет И. Российский с немецким и французскими переводами словарь. СПб., 1780. Ч. I.

В некоторых примерах, представляющих собой сходную структурную модель, речь может идти о разновидности варианта общего движения – «отправляться куда-нибудь (обычно пешком)», причем обязательным, в отличие от приведенного выше варианта, является указание на место (или объект), по направлению к которому совершается движение:

чистят они на Верхотурье дорогу и бродят по первому снегу к Соли Камской до полуволока. АИ, III, 1615 г., стр. 41; *бродили мы, холопы твои, к чудотворцем и платьишко свели.* ДРС, Донские дела, 1648 г., т. IV, стр. 8; *бродиль я, нищий, к митрополиту Лаврентею для мылостыни.* ДРС, Росп. Троф., 1665 г., т. IV/с, стр. 294; *Ты откуль идешь, откуль бредешь?* Песни Рыбн., I, стр. 90.

Если первый из двух вариантов и вариант «переходить реку вброд» развивались параллельно у обеих основ, то на вариант, передающий движение вообще (в частности, «отправляться куда-либо»), обнаружены примеры главным образом у глагола *бродить* (возможно, была недостаточна выборка, ибо глаголы *брести-бродить* в XV–XVIII вв. встречаются относительно редко). Началось постепенное расхождение коррелятов по смыслу. Так, глагол *бродить* всё чаще употреблялся в смысле «скитаться, странствовать». Это вариант, близкий аналогичному варианту глаголов *блудить-блуждать*, но в более широком плане глагол *бродить* в указанном варианте мог также означать «скидаться по миру, т.е. нищенствовать»:

Именити разбойници в местехъ, и даже бродили, тамо и повешени будуть. ДРС, Кн. Законные, II, стр. 55; *а иныя де крестьяне сказываютъ, бродили по миру, а деревни ихъ... были впусе летъ по пяти.* ДРС, А. Холм. и Уст., I, 1641 г., стр. 215; *онъ ведомой воръ, бродиль по многимъ государствамъ...* ДРС, ДАИ, III, 1651 г., стр. 424–425; *а женишка нами и детишки на Устюге бродятъ въ миру и пытаются Христовымъ именемъ.* Там же, стр. 105; *Въ горode же на Белоозере и на посаде посадскихъ людей старыхъ и увечныхъ, и которые бродитъ въ мире, и вдовыхъ и пустыхъ 112 дворовъ.* ДРС, АЮ, 1674 г., № 231, стр. 256.

Начиная с XVIII в. можно встретить единичные примеры на глагол *бродить* в смысле «переключаться, переходить с предмета на предмет, о мыслях»:

О мысль! О тяжка мысль, бродяща по всему, Найди убежище и, ах! Пристань к чему! Сум. Элегия, стр. 111.

Глагол *брести*, подобно паре *бежать-бегать*, имел лексико-семантический вариант «убегать, уходить» (обычно с наречием *врознь, розно*):

они (черкасы на Донце) хотятъ з Донда брести розно. ДРС, АЮ, III, 1589 г., стр. 263; *И отъ тое, государь, великие нужи и голоду ратные люди хотятъ брести врознь.* ДРС, Псков. п., 1650 г., стр. 97; *а иныя наши братия, для скудости, бредутъ изъ нашихъ погостовъ вонъ.* ДРС, Доп. АИ, 1684 г. стр. 2; и *доставальные уездные люди бредутъ врознь и дворы пустеютъ.* ДРС, Докл. в Сенате, I, 1711 г.

Других специфичных вариантов у глагола *брести* не отмечено.

Таким образом, во II период неопределенная основа оказалась несколько богаче лексико-семантическими вариантами, чем определенная.

§ 9. В I период глаголы *лететь-летать*, как и предыдущая пара, были моносемантчны. Во II период в дополнение к своему единственному лексико-семантическому варианту они развили несколько новых. Наиболее интересным из новых является лексико-семантический вариант «нести-носиться, быстро двигаться по земле или по воде», который лишь зарождается в начала XVIII в.:

Мы сей день отъеждаемъ отсель и потщимся лететь къ вамъ. ДРС, Пис. Птр., 1705 г., стр. 164; *Он летел как ветер, когда он танцевал.* ДРС, Трутень, 1770 г.; *...походиль су Василеи сынъ Буслаевичъ на ту ли гору Сорочинскую а за нимъ летятъ дружина хоробрая.* Кириша Д., XVIII в., стр. 70.

К сожалению, эта структурная модель недостаточно четка; приходится учитывать для выявления лексико-семантического варианта смысл всего контекста. Особое развитие получил во II период новый лексико-семантический вариант «падать» (применимый, в том числе и к осадкам), лишь в единичных случаях встречаемый на глагол *летать* и, как правило, на глагол *лететь*:

летитъ дождь теплый вниз на нивы. ДРС, Радищев; *весело было смотреть, как тот, то другой из седла летали.* ДРС, Беландра, стр. 54; *Иванъ Афанасьевъ летель съ лошади и спортиль у себя ногу.* ДРС, Писц. д., 1628 г., т. 2, стр. 92; *сребро же и злато летело на дно мори, ризы и иныя приправы другия по морю поплыли.* ДРС, Р. Д., 1688 г., стр. 15; *в той же часъ летела стена городная.* Новг. II л., 7050, стр. 71.

В данном случае перед нами явление так называемое энантиосемии, когда вариант «двигаться по воздуху, подниматься в воздух» раз-

вился до прямой своей противоположности – «падать» (то же отмечается обычно и для санскр. *pat* – «подниматься, взлетать и падать»). В большей части примеров на вариант «падать» конкретизатором выступает сочетание предлог С + сущ. в Род. п., означающее предмет, с которого произошло падение (с лошади, с постели, с коня) или предлог НА + сущ. в Вин. п., означающее место падения (на землю, на дно) и др. (например, вниз, до земле...). Если конкретизатор нулевой (т.е. отсутствует), то приходится обращаться к широкому контексту. Помимо двух только что названных новых лексико-семантических вариантов, общих обеим основам, во II период у коррелятов складывается вариант «стремиться к чему-либо, куда-либо (часто в применении к мыслям)»:

О бояне... абы ты сиа плъкы ущекоталь, скача, славию, по мыслену древу, летая умомъ подь облакы... Сл. плк. Иг., стр. 11; *Ты в верности ко мне в уме моем летаешь.* Сум. Элегия, стр. 111; *Лечу из мысли в мысль, бегу из страсти в страсть.* Там же, стр. 110; *Спасения лише, на смерть лечу к нему.* Сум. Дм. Самозв., д. V, явл. посл., стр. 302.

В отдельных случаях этот вариант трудно отличить от варианта «мчаться, нестись/носиться, двигаться по земле, воде...» (например: *На конья, на мечи, на ярость сопостат, На очевидну смерть россияне летят*). Лом., II. Вел., II, стр. 238. Ср. также пример выше из «Дм. Самозванца» Сумарокова). Кроме общих обеим основам можно назвать индивидуальные варианты, свойственные глаголам *лететь* и *летать*. В XVIII в. у определенного коррелята появляется сочетание с сущ. *время*. Подобно глаголу *бежать* глагол *лететь* начинает передавать «проходить, протекать, длиться»:

Время проходит, Время летит. Сум. Часы, стр. 76.

У Кантемира сочетание с сущ. *время* мы находим даже на глагол *летать*:

Дни так летают, что напрасно будешь ждать себе их возврата. ДРС, Кантемир, Сатира VI.

У коррелята определенной основы – глагола *летать* – в середине XVIII в. складывается специфичный вариант «распространяться (о славе...)»:

Летает слава в тьме ночной, Звучит во всех землях трубой, Коль русская ужасна сила. Лом. Ода на взятие Хотина. 1739 г., стр. 79; *Только солнце где блистает, Наша слава там летает.* Сум. Дифирамб, I, стр. 98.

Таким образом, глаголы *лететь-летать* значительно увеличили свой смысловой объем за счет как общих обеим основам, так и индивидуальных лексико-семантических вариантов.

§ 10. Наконец, к группе глаголов, не утративших во II период ни одного из вариантов в XI–XIV вв., следует отнести глагол *парить*¹⁶, который, впрочем, не приобрел и новых вариантов в XV–XVIII вв. Однако сочетаемость глагола *парить* в варианте «двигаться по воздуху» выросла и частично изменилась. Так, в XVIII в. глагол *парить* стал сочетаться преимущественно, но не всегда, с сущ. *орел* и другими названиями хищных птиц, а глаголы *лететь-летать* – с наименованиями остальных птиц, т.е. наметилась пока еще едва заметная дифференциация в употреблении глаголов *парить* и *лететь-летать* в варианте «двигаться по воздуху». Кроме того, единичные примеры¹⁷ показывают, что глагол *парить* мог означать «носиться» (не обязательно по воздуху):

Начашиа въ нихъ (кораблях) парити по морю: поидоши на Израилтянь. ДРС, Пам. отреч. лит., II, XVIII в.

Таковы глаголы, изменения в смысловой системе которых происходят лишь в сторону увеличения числа лексико-семантических вариантов при сохранении всех старых.

§ 11. Приблизительно такую же по количеству группу составляют глаголы, не только получившие в ходе своего развития ряд новых лексико-семантических вариантов, но и потерявшие часть прежних. Это глаголы *идти-ходить*, *течь*, *рискать* (русск. *рыскать*), *плыть-плавать*, *грясти*, *шествовать*, *ступать*, *скакать* и *миновать*.

Одни из них новых лексико-семантических вариантов приобрели мало, другие (*идти-ходить*, *течь*), наоборот, развили множество

---

¹⁶ Глагол *переть* потерял общий с *парить* лексико-семантический вариант. В результате у него исчез лексико-семантический вариант, связывающий его с другими словами группы глаголов движения, т.е. связь смысловая; связь через общие варианты превратилась в связь по понятию, когда сходных вариантов с другими словами группы нет. Глагол *переть* означает во II период только «двигаться с напором куда-то, напролом» или даже «тащить силой», т.е. выступает в функции переходного глагола, как в следующем примере: *Он цопь его (черта) за косы... и преть къ попу.* ДРС, Сам. Ск., стр. 122. Наряду с глаголом движения *переть* существовал, как уже указывалось, его омоним *переть*, который в Словаре Академии Российской 1806–1822 гг. ошибочно дается в одной словарной статье с *переть* – глаголом движения.

¹⁷ Единичный пример обнаружен на форму *парять*: *Как воздушныи облак паряет над всею землею.* ДРС, Сб. Зап. XVII в., № 3.

новых, сохранив, за исключением 1–2, все прежние варианты. У основной же массы этих глаголов не наблюдается слишком резких количественных колебаний в их семантическом объеме: как правило, вместо 1–2 исчезнувших вариантов появляется по 2–3 новых. В целом система лексико-семантических вариантов всех перечисленных глаголов движения (кроме *плыть-плавать*) выросла, обогатилась новыми вариантами по сравнению с предшествующим периодом.

Наиболее своеобразна среди названных глаголов судьба пары *плыть-плавать*. В варианте «двигаться по воде (о людях, средствах передвижения)» лексическая сочетаемость этих глаголов расширилась – они стали применяться к различным неодушевленным предметам, льдинам и т.п.:

По весне всегда лёд на озере долго плаваетъ. ДРС, Птр. I, стр. 225; *Все-то жеребья пловутъ на верхъ воды, А купца Садки-то на дно идетъ.* ДРС, Песни Рыбн., I, стр. 365.

Все прежние лексико-семантические варианты, отмеченные у глагола *плавать* в памятниках книжно-славянского типа древнерусского языка (за исключением варианта «устремляться», который исчез совсем), сохранились и в период XV–XVIII вв., причем примеры на них можно найти уже в памятниках исконно-русских¹⁸. Кроме того, Ф. И. Буслаев в работе «Палеографические и филологические материалы для писем славянских» приводит пример из памятника конца XV в. (кн. Иова XI, 12. Библ. 1499 г.), где глагол *плавать*, сочетаясь с сущ. *словесы*, значит «распространяться, разглагольствовать»¹⁹. Ему соответствует в этом случае греч. $\nu\eta\chi\epsilon\tau\omicron\upsilon$. Правда, в другой редакции этого памятника (записки из книги Иова сближены Буслаевым с текстом Синодального списка Библии 1558 г.) вместо *плавает словесы* стоит *обилуетъ словесы*, поэтому возможно, что у глагола *плавать* это – случайное употребление, а не сложившийся лексико-семантический вариант. У глагола *плыть* исчез лексико-семантический вариант «литься, струиться», отмечаемый в I период в памятниках книж-

¹⁸ В варианте «растекаться, расплываться» произошли некоторые изменения: глагол *плавать* сочетается теперь с существительными, называющими аморфные вещества (как, например, *смола*), а не жидкость, как это было в I период (см. гл. II).

¹⁹ См.: Материалы для истории писем восточных, греческих, римских, славянских : изготовлены к 100-летию юбилею Им. Моск. ун-та трудами пр. Петрова, Клина, Меншилова и Буслаева. М., 1855. С. 54.

но-славянского типа древнерусского языка, в результате чего глагол *плыть* в XV–XVIII вв. стал однозначным.

§ 12. В противоположность глаголам *плыть-плавать* у глаголов *идти-ходить* и *течь*, наоборот, развилось много новых вариантов, так что их семантическая емкость значительно увеличилась в эпоху XV–XVIII вв. Глагол *идти*²⁰ по сравнению с XI–XIV вв. утратил вариант «жить», который у определенной основы встречался редко в I периоде. У глагола *ходить* слились в один вариант «действовать» и «жить», превратившись в индивидуальный вариант неопределенного коррелята. Изменение произошло также и в варианте «двигаться вообще», откуда выделился лексико-семантический вариант «двигаться по воде» (*navigare*), бывший в XI–XIV вв. внутри слитного варианта недифференцированного движения; наоборот, вариант «следовать» слился с лексико-семантическим вариантом «двигаться вообще», поскольку глаголы *идти-ходить* в нем почти перестали употребляться в абстрактном плане (в смысле «подражать кому-либо»...), а сохранились в основном для передачи конкретного движения (четкость модели утратилась).

В варианте «двигаться по воде» в эпоху XV–XVIII вв. оба глагола стали применяться также в отношении рыб, означая «перемещаться массой», и различных неодушевленных вариантов, льдин и т.п.:

белуги ходятъ изъ моря Амуромъ рекою. ДРС, Спф. К., 1675 г., стр. 198; *Надобно конечно итти изъ Гродна темъ временемъ, какъ ледь ночнетъ итти.* ДРС, Птр. IV, стр. 139; *древа ходятъ рекою.* ДРС, Писц. кн., 1674–1676 гг.

В XV–XVIII вв. обе основы приобрели несколько абсолютно новых лексико-семантических вариантов, в дополнение к сохранившимся старым.

Лексико-семантический вариант «распространяться (о слухах, славе и т.п.)», наметившийся у глагола *ходити* еще в I период, скла-

---

²⁰ Вместо формы *ити*, типичной для I периода (хотя проф. Соболевский указывает на отдельные примеры с *д* перед *-ти* уже в XIV в.), в XV–XX вв. дается единая форма *идти*, несмотря на то, что правописание колеблется между *итти* и *идти*. И. В. Ягич указывает на примеры XV–XVI вв. с *т* перед *-ти*: *итьти*, считая, что на образование неопределенного *итьти* влияли формы *найти*, *пойти*, *сойти* и т.п., которые «вызвали в простом *ити* форму *і / ті*, давшую *итьти* приблизительно так, как *веселіе* в м.р. наречии дает *весільє*... Из *итьти* развилось потом *итти*...» (Ягич И. В. Указ. соч., стр. 100–101).

дывается и у глагола *идти*, окончательно он развился лишь в следующий период:

мечь твой и огонь ходитъ по Новгородской земли. ДРС, Смуг. вр., стр. 180; *слово ходитъ, будто ржи иноземцемъ продано по Москве по 30 по 4 ефимки лаеть.* ДРС, Гб., стр. 67; *идеть слава моя по всей земли и по странамъ.* ДРС, Девг. Д., IV, сп. XVIII в., стр. 14.

У обоих коррелятов складывается в XVI–XVII вв. лексико-семантический вариант «использоваться, употребляться на что-либо, находить применение, тратиться», причем обычнее встретить в данном варианте глагол *идти*, чем его коррелят (неопределенная основа позднее была совсем вытеснена глаголом *идти*):

(государыне подобает) дозирати, какъ красные рубаши моют и колко мыла идетъ и золь. ДРС, Дм. К., сп. XVI–XVII вв., стр. 29; *и та олифа и руда при диаке Михаиле в дело не шла и вперед к делу не годится.* ДРС, Моск. печ. дв., 1649 г., стр. 22; *церковной хлебъ шоль въ расходъ не церковникомъ...* ДРС, А. Холм. и Уст., 1695 г., ч. I, стр. 1266; *При бытности бывшего компанейщика Володимера Щеголина ткали сукно мерою по 40 арш., в половинке и шерсти ходило по 2 м по 10 ф.* ДРС, Сукон. дв., 1737 г., стр. 124.

Наоборот, глагол *ходить* встречается чаще, чем глагол *идти*, в лексико-семантическом варианте «быть занятым на какой-нибудь работе, работать кем-нибудь» (на определенную основу попадают буквально единичные примеры); у глагола *ходить* этот вариант наметился в XIV в., для глагола *идти* он является абсолютно новым в XV в.; в XIX в. этот вариант превратился в специфический вариант неопределенной основы:

водовоз Фетка монастырской плотникъ Богдашко Максимко ходит на погребѣ. ДРС, Яр. п., стр. 235; *Во дворе Шумилко Селиверстовъ Кутепихинъ, ходитъ на судехъ въ прыжныхъ.* ДРС, Уст. С., 1661 г., стр. 3; *быть ему оцу Ивану за нашу порукою у его великого государя дела въ посолскомъ приказе, ходитъ въ приставехъ.* ДРС, ЛЮБ, II, 1672 г., стр. 822; *а велено имъ за жалованье въ съезжей избе ходитъ въ неделяхъ.* ДРС, ДАИ, стр. 111; *остяхи шли в гребцах у нас до Кетцкого острогу...* ДРС, Якутск. ак., I, № 1, 1639 г.

Наконец, примером общего лексико-семантического варианта для обеих основ, носящего характер закрепленного варианта, т.е. фразеологии, может служить вариант, который выявляется в выражении «как ходит-идет в людях», т.е. «как принято у людей»:

А ростъ намъ на те денги давать, какъ идетъ въ людехъ, на 5 шестой. ДРС, АЮ, 1563 г., стр. 244; *И намъ ему давати ростъ на*

*тоть хлибъ, какъ **ходитъ** в людехъ, на 5 шестой.* Там же, 1588 г., стр. 251 (267); *Пятдесятъ гривенъ полугрошки, по той личбе, какъ у Подольской земли **идеть**.* ДРС, Зап. вит., 1427 г.

Интересна судьба выражения «идти замуж», которое уже в XI–XIV вв. производило впечатление фиксированного. В XV–XVI вв. неожиданно происходит оживление глагола *ходить* в варианте «вступать в брак», начавшего употребляться (и довольно интенсивно) в этом выражении наряду с глаголом *идти*:

*А что пишете, что и проскурници за мужъ **ходятъ**, таковыхъ достоить удалятися.* Грам. м. Фот. Псков. 1422–1425 гг.; *(прощаете) женамъ за третиа мужи **ходити** и за четвертия.* АИ, I, стр. 115 (Феодосий архиеп. 1458 г.); *Се боити его бежала в Половци и **шла** за нь.* Ип. л., 6667, стр. 132; *...его же избрет да **идет** за нь.* ДРС, Кормч. Балаш. (мерило праведн.). XVI в., стр. 5142.

К XVII в. *ходить замуж* уже не говорят (разве только в пословице: *Для штей люди женятся а для мяса за муж **ходятъ**.* Посл. всенародн. по алф. Обн. и Барх., стр. 344).

Поле действия, таким образом, остается за глаголом *идти*. К этому же времени предлог ЗА слился с сущ. *муж*, после чего выражение *идти замуж* окончательно превратилось в фиксированное:

*До семи летъ имъ одному женитися на иной, а другой за другого **итти замужъ** не поволено.* Котош., стр. 306.

Сходную историю пережил глагол *ходить* и в лексико-семантическом варианте «струиться, литься», который вдруг превращается в общий для глаголов *идти*, и *ходить* (в XI–XIV вв. он характерен только для определенной основы). Так, в Лечебнике № 3 начала XVIII в. встретился следующий пример:

*Угодна та трава (перепонка) у кого очи преютъ или слезы **ходятъ** часто* (стр. 18). Ср.: *И въ техъ годехъ отъ иконъ Богородицныхъ слезы **шли** не въ одномъ месте.* Пск. I л., л. 6929, стр. 36.

Правда, случай употребления неопределенной основы в этом лексико-семантическом варианте является единственным, а потому, возможно, окказиональным. Аналогичное положение отмечается в употреблении глагола *ходить* и в лексико-семантическом варианте «тянуться».

Таким образом, у глаголов *идти-ходить* произошла некоторая перегруппировка среди вариантов, общих обоим коррелятам. В одном случае (в варианте «жить») общий для *идти* и *ходить* вариант

перестал быть грамматически соотносимым, т.е. исчез у определенной основы, но сохранился у неопределенной; в других случаях (в варианте «струиться, литься» и «вступать в брак»), наоборот, вариант, присущий в I период определенному глаголу, распространился и на неопределенный, т.е. глагол *ходить* и т.д. Остальные общие варианты или не претерпели вообще никаких изменений, или расщепились на несколько самостоятельных (вариант «двигаться вообще» в I период был нерасчлененным, синкретическим). Наконец, появляется ряд новых общих лексико-семантических вариантов.

Параллельно с развитием общих вариантов продолжалось обогащение глаголов *идти* и *ходить* индивидуальными лексико-семантическими вариантами. Так, в этот период глагол *идти* начинает применяться к возрасту людей и ко времени, образуя 2 новых лексико-семантических варианта. Первый из них можно определить как «склоняться к какому-либо возрасту, подходить к какому-либо возрастному рубежу». Ограниченное число примеров на этот вариант затрудняет описание структурной модели. Обычно речь идет о живом существе (человеке), наименование которого стоит в Дат. п. (или Им. п.). Конкретизатор представляет собой сочетание предлога НА + порядковое числительное + сущ. *десяток* (год, месяц...) или К + сущ. *возраст* в Дат. п.; стержневое слово стоит в 3 л.:

отъ рода на шестой десяток и детьъ. Авв. (В), 1672–1673 г., л. 11 об., стр. 162 (10); *...отъ младенцовъ, которые и дутьъ къ возрасту, ручной крестъ имели по прежнему древнимъ правиломъ.* ДРС, Заб. ик., 1668 г., стр. 84.

В применении к названиям временных единиц (год, день и т.п.) глагол *идти* означает «проходить, протекать, длиться»:

а здесь теснота, а дни и дутьъ студеные, избы студены. ДРС, Швед. д., 1569 г., стр. 146; *вышеозначеннымъ де промысламъ в откупе и детьъ последней годъ.* ДРС. Гр. Дв., 1719 г., стр. 414; *не возвратити день, иже мимо иде.* ДРС, Птр. I, стр. 18.

Наконец, глагол *идти* в конце XVIII в. вступил в сочетание с сущ. *пьеса, действо...*, означая «развиваться, осуществляться, состояться, исполняться, происходить»:

Спрашивали, какъ и детьъ пьеса, что говорятъ актеры? ДРС, Пам. зап. Храпов., 1787 г., стр. 46.

Во II период намечилось появление еще нескольких новых лексико-семантических вариантов у глагола *идти*, окончательное ста-

новление которых относится уже к следующему периоду (см. гл. IV), например: вариант «вырастать (о преимущественном росте, развитии чего-либо)» – иметь определенную последовательность в чем-либо, следование одного явления за другим; уступая насильно, нажиму; вмещаться внутрь чего-либо или выниматься откуда-либо... Для XV–XVIII вв. отмечено много случаев фразеологического использования глагола *идти*, часть из которых уже давно закрепились, а часть еще только оформлялась. К последним можно отнести, например, выражение *Стол (пир) идет и голова идет (кругом)*:

Аще у кого обморокъ и голова вкругъ идетъ... балсамомъ мазати лоб от виска до виска. ДРС. Леч. № 2, к. XVII в., гл. 80; *...сказали, что у короля **столь идетъ**.* ДРС, Швед. д., 1562 г., стр. 116; *А какъ у королевны **столь шель**, и передъ нею играли во многие игрецы.* ДРС. Пам. дипл. сн. М. г. с Англ., II, 1601 г., стр. 96; *Почестный **пиръ идетъ** у насъ на веселии.* ДРС, Он. блн. Глф., стр. 31.

Коррелят глагола *идти* глагол *ходить* пережил столь же стремительный рост лексико-семантических вариантов. В XI–XIV вв. у него было 5 специфичных вариантов (во II период два из них стали общими с *идти*); теперь к ним прибавилось еще 3 новых, не считая тех вариантов, которые стали индивидуальными для глагола *ходить* в результате утраты их определенной основы (например, «жить, действовать»).

В XVI в. глагол *ходить* обогащается новым вариантом – «проявлять заботу, ухаживать, следить за кем-чем-нибудь». Конструкция при этом может быть различна – встречается сочетание *ходить за кем-чем* и *ходить что*, где глагол является переходным:

*исъ того жь села ботники Федко... да Мелешко... **ходятъ лесъ** Крайковской ухожей.* ДРС, Ряз. п., стр. 433; *И ево, Лазаря, уличали, что он... **придет** в таможеню на час, да и опять за своимъ торговымъ промыслом **ходит**.* ДРС, Хоз. М. 1651 г., стр. 154; ***ходятъ ихъ** (ухожьби) монастырские бортники, а медвеной оброкъ платятъ на монастырь.* ДРС, Ст. Сум., 1537–1597 гг., стр. 197; *Митка да бортникъ Третьячко Яковлевъ **ходили знамяна**.* ДРС, АЮ, 1632 г., № 165, стр. 185–186.

В XVIII столетии в этом варианте у глагола *ходить* наметились некоторые сдвиги:

1) глагол *ходить* употребляется только в конструкции с предлогом ЗА, т.е. категория переходности исчезает (до поры до времени);

2) обычно этот глагол относится теперь к одушевленным существительным, обозначающим животных или людей, редко – к неодушевленным предметам, тогда как в XVI–XVII вв. он был применим, как правило, именно к неодушевленным предметам:

люди наши за овцами ходитъ обучаются. ДРС, Сукон. дв., 1720 г., стр. 2; *Стольник спрашивает ну плут чем станешь жит изволим ты ведат обо мне нечем более что ходит за приказными делами.* ДРС, Флор. ек., 1775 г., стр. 85; *у Игнатия царевича былъ дядька, который за нимъ ходилъ и разуму училъ.* ДРС, Лек. от задум..., 1786 г., стр. 152.

В результате этих изменений структурная модель перестала быть однозначной, как в XVI – частично в XVII вв., а вариант «заботиться, следить, осуществлять уход за кем-либо» стало возможным отличить от варианта «двигаться следом за кем-либо» (см. вариант «двигаться вообще») лишь ориентируясь на широкий контекст, привлекая другие конкретизаторы, если они были (ср., например, «дядька за ним ходилъ» и «воеводы за ними ходили»). Полный контекст для первого выражения см. выше; для второго выражения контекст таков: *А воеводы великого князя за ними ходили до Прони.* Вол.-Перм. л., 7040, л. 524 об., стр. 315. Ср.: *И князь Василей за ними ходил... и дошел их за Сухов.* Там же, 7026, л. 512, стр. 308).

У глагола *ходить* возник в исследуемый период лексико-семантический вариант «быть в обращении» (обычно о монетах, а также о литературных сочинениях, которые часто передавались из рук в руки в рукописном виде):

Старымъ деньгамъ впрокъ ходити не велели. Ник. л., 7042, стр. 84–85; *Деньги наши стали несравненно лучше ходить...* ДРС, Болот. Зап. I, 901; *Старушка, деньги на то сделаны, чтоб ходили по рукам.* ДРС, Росс. Театр., ч. XXVII, т. XIII, стр. 40; *Наперед сего такие стрелы ходили промеж остяков для измены.* ДРС. Гр. Сиб. Милл. II, 1609 г., стр. 212.

Детерминатив *деньги, монеты* (названия денежных единиц) мог встречаться в модели с иными конкретизаторами (например, «в торговле, в мене, по рублю» и т.п.). Тогда глагол *ходить* означал «иметь стоимость, цену»:

А золотой ходит в торговле, в мене, по рублю, ефимок по полтине... ДРС, Пос. Толоч. в Им., 1650–1652 гг., стр. 188; *Медные деньги... сперва ходили рубль против рубля...* Котош., стр. 304.

В конце XVII–XVIII вв. глагол *ходить* соединяется со словом *облака*, передавая их движение, перемещение по небу:

Облаки какъ горы ходятъ и волнуются подобно Черному морю отъ жестокаго ветра. ДРС, Милорд., 1782 г., стр. 1; *Гора же та велика высока, облака небесная ходятъ по воздуху межъ горы и трутся по горе.* ДРС, Х. Тр. Кор., стр. 65.

Уже в XV в. у глагола *ходить* возникает сочетание со словом *часы*. Складывается лексико-семантический вариант «быть в действии, работать (о механизмах)»:

2 часы невелики серебряные одни испорчены не ходятъ. ДРС, Роспись вещ. Н. Р., 1655–1659, стр. 5; ... *Часы ево однимъ заводомъ весь месяцъ ходятъ.* Луд., 1696 г., 63/64; *Того года часы переменены на Москве ходить по астронемецки, 12 съ половины, дня и до полуночи...* ДРС, АК (Авт. Б. 1703 г.), стр. 263.

Единичные примеры встретились на складывающийся лексико-семантический вариант «двигаться взад-вперед», как в следующей фразе:

да плотнику жь отъ валу кленового болшего точеного, по чему ходить канатъ съ гирями (в часахъ), за дело и за дерево 5 ал. ДРС, Заб. I, 1625 г., стр. 613.

Развитие обоих коррелятов, как мы видели, не было только параллельным – глаголы *идти* и *ходить* сильно разошлись между собой, приобретя множество индивидуальных лексико-семантических вариантов. Изменения в смысловой системе этих глаголов не являются изменениями по прямой (как, впрочем, и многих других глаголов). В их судьбе наблюдались отклонения, колебания. На какой-то небольшой срок возникал вариант у одного глагола, затем снова пропадая после непродолжительного сосуществования с этим другим глаголом (вариант «вступать в брак», «литься»). Некоторое время могла происходить борьба двух только что возникших вариантов, в результате которой побеждал тот или иной коррелят и т.д.

В целом семантический объем глаголов *идти-ходить* неизмеримо вырос за XV–XVIII вв. как за счет новых лексико-семантических вариантов, так и в результате расщепления некоторых из старых.

§ 13. Большие изменения претерпел и глагол *течь*. У него исчезли варианты «стремиться к чему-либо» и «жить»; слились в один вариант «следовать» и «двигаться вообще», так как прежняя четкая структурная модель у варианта «следовать» стерлась, утратила свою однозначность. Помимо этих внутренних перегруппировок у глагола

течь появляется около 10 новых лексико-семантических вариантов. Глагол *течь*, например, стал применяться ко времени, подобно глаголам *идти*, *бежать*, *лететь*:

*А понеже сочтохъ лета своя, отнелиже въ митрополиты поставленъ быхъ, и обретеса числомъ, яко тридесято лето **течетъ**, отнелиже въ митрополиты поставленъ быхъ.* Ник. л., 6915, 196; *Паки **текущу** времени, того ради толико возрасте, и распростресе господствование его.* ДРС, Система, 1722 г.; ***текли** часы золотого века.* Сум. Сатир и гнусные люди, стр. 259.

В «Слове о полку Игореве» глагол *течь* встречается несколько раз в смысле «распространяться»:

*Печаль жирна **тече** средь земли Рускыи* (стр. 22); *Грозы твоя по землямъ **текутъ*** (стр. 23).

Чаще данный вариант возникает в результате сочетания глагола *течь* с сущ. *слово*, *слава*, *слух* и т.п. (ср.: аналогичный вариант у глаголов *идти*, *ходить*). Употребительность его несколько увеличивается в XVII–XVIII вв.:

*Именно же слово ихъ **течаше** образехъ Христа Года и Спса нашего.* Сим. Пол., стр. 73–74; *Внезапно чудный слух по всем странам **течет**, что от громовых стрел спасности уж нет!* Лом. Пис. о пользе стекла. 1752 г., стр. 280.

Глагол *течи* стало возможно использовать, говоря о дожде:

*къ Парнассу горе приплыль, и тамо когда дождь престанъ **тещи**, онъ вышедъ, жертву принесь Дию Фидию.* ДРС, Аполлодор, 1725 г., стр. 29–30.

Очевидно, здесь повлиял глагол *идти*, у которого уже для I периода отмечен вариант «падать» (в том числе о дожде – «лечь»). Однако о сложившемся варианте здесь говорить не приходится.

К новым, только еще складывающимся в XVIII в. лексико-семантическим вариантам относится вариант «быть худым, протекать, пропускать влагу, иметь течь»:

*Лапти новы да **текут**. Где дыра тутъ и **течетъ**.* ДРС, Посл. Богд., стр. 58 и 22.

С конца XVII в. можно найти выражение *солнце течет*, особенно употребительное в русской народной поэзии:

*Ты постой, постой, лето теплое, не **теки**, постой, солнце красное.* ДРС, Собол. Песни, VI, стр. 206, сб. 1780; *Хоть давно **течетъ** солнце красное, не видали вы такого дива.* Там же; *Человекъ бысть Исусъ Навинъ, молитвою постави **текущее** солнце.* Авв. Кн. Бес. стр. 243.

Это употребление возникло на основе лексико-семантического варианта «двигаться вообще». Глагол *течь* означает «совершаться, осуществляться», когда речь идет о делах, учении, каком-либо событии:

Кровавая война от века так течет, Так хитрость бранная от первых дней растет. Лом. II, Вел., II, стр. 246; *И онымъ велеть вообще съ войсковым атаманомъ всякое войсковой канцелярии текущее дело рассматривать.* ДРС, Днев. Зап. ком. Нов. Ул., 1768 г., стр. 76–78.

В отношении к дорогам, тропкам, линиям и т.п. глагол *течь* означает «тянуться» (возможно, это окказиональное употребление):

Третья линия называется микста, им смешеная, зане оная то прямо, то криво течеть. ДРС, Приемы ц., 1709 г., стр. 17–18.

Подобно глаголу *ходить* у глагола *течь* в конце XVIII в. развивается лексико-семантический вариант «перемешаться по небу (об облаках)»:

и небо яко яхонтъ голубаго цвету представлялось глазам ево, по которому текущия тонкия и прозрачныя облака обещали ясную погоду. ДРС, Милорд. 1782 г., стр. 5.

Наконец, глагол *течь* в религиозной литературе имел лексико-семантический вариант «исчезать, проходить» (о богатстве, наслаждении и т.д.), чему соответствовал сложный глагол *мимотекасти-мимотечи*:

Не уповайте на неправду и на выхыщение не желайте богатство аще течеть не прилагаете сердца. ДРС, Псал. XI, стр. 11; *Все течеть и все преходит.* ДРС, ВМЧ, окт. 1–3, стр. 176; *Аще бо иже руды въскоповающеи ниже малыя крупнице мимо тичють.* Там же, сент. 14–24, стр. 966.

Следовательно, у глагола *течь* количество лексико-семантических вариантов заметно выросло, т.е. его лексическая сочетаемость значительно расширилась.

§ 14. По сравнению с глаголами *идти-ходить* и *течь* другие глаголы этой группы развивались относительно замедленными темпами. Например, глагол *рискать* (русск. *рыскать*) утратил вариант «стремиться к чему-либо» и «прыгать». В XV–XVIII вв. у него появляется новый вариант «искать, бегая», фактически слившийся с вариантом «быстро двигаться по земле с помощью ног» (охарактеризуем его как «быстро двигаться, выискивая что-нибудь»). Попутно заметим, что старославянизм в XVII–XVIII вв. встречается довольно редко: вне ре-

лигиозной литературы его почти целиком вытеснила русская форма *рыскать*, имеющая те же варианты, что и глагол *ристать*:

Много васъ, аки львовъ, около меня рыщете и зубы свои острите, ежебъ пожрете мя. ДРС, Алекс. Рос. двор., стр. 158; *Всеславъ князь... самъ въ ночь влъкомъ рыскаше.* Сл. плк. Иг., стр. 26; *Грибовъ ищутъ, по лесу рыщутъ.* ДРС, Сб. посл. Майк., к. XVII–XVIII вв., стр. 83; *По улицамъ не рыщи.* ДРС, МД, стр. 20; *Пришед же к Савве юноша той... Иже непрестанно рыщет, ища погибели человеческия...* Сав. Грудцын, сп. XVIII в.; *...и самъ Иисусъ... въставъ видитъ расшедшееся стадо, и скоро всюду рыщеть, да свое събереть стадо.* Кир. Тур. Сл. на пасху, сп. XV в., 15, Пам. др. церк. учит. лит., II.

Очень много примеров можно привести из русской народной поэзии, сказок:

Сама одна рыщу, рыщу, своихъ детонъ ищу, ищу. ДРС, ВНП, т. VII, стр. 573; *Охотнички рыщутъ, черна бобра ищутъ.* Там же, т. IV, стр. 561; *Да он же (поп Савва) по площади рыщет, ставленников ищет.* ДРС, Сказ. о п. Савве, XVIII в., стр. 235; *того волка боялась (девка), что по полю рыщеть, красныхъ девокъ ищеть.* ДРС, ВНП, т. IV, стр. 561.

В приведенных примерах обращает на себя внимание явление тавтологии (*рыскать-искать*), свойственное народно-поэтическому языку и подтверждающее в данном случае правильность определения лексико-семантического варианта глагола *рыскать*.

Подобно глаголу *ристать*, сохранившему в XV–XVIII вв. вариант I периода «двигаться по земле с помощью каких-либо средств передвижения», глагол *рыскать* во II период также имел этот вариант:

И почали они... на конех своих рыскати и скакати около Азова. Аз. пов., стр. 186; *3 древками на конехъ рыщутъ.* Косм., 1670 г., стр. 42.

Глагол *рыскать* (но не *ристать*!) может быть применим и к средствам передвижения по воде, возможно, означая «занимать неустойчивое положение (о судах)»:

Сколько лодье не рыскает, да у якоря быть. ДРС, Сб. посл. Майк., XVII–XVIII, стр. 96 (см. гл. IV).

Таким образом, для II периода более характерна форма *рыскать*, а не *рисковать/ристать*, как это было в XI–XIV вв.

§ 15. Семантический объем глагола *шествовать* изменился не только за счет появления новых лексико-семантических вариантов, но также за счет перегруппировок прежних вариантов. Так, вариант

«следовать (в отвлеченном плане)» исчез, а «следовать (в конкретном плане)» слился с вариантом «двигаться вообще». Из последнего вычленился, как и во всех глаголах, имевших вариант общего движения, вариант «двигаться по воде (*navigare*)». Полуфиксированный вариант «совершать путь» не встречается во II период (за очень редкими исключениями, в основном в религиозных памятниках). Параллельно с этими изменениями в смысловой структуре глагола *шествовать* возникает несколько новых лексико-семантических вариантов. Так, глагол *шествовать* стал сочетаться с сущ. *время*, как и глаголы *идти*, *бежать* и др., означая «проходить, протекать, длиться»:

Временемъ ж шествующимъ, Египтяномъ ражаше волю. Георг. Амарт. (Увар.), л. 41.

Под воздействием глаголов *течь*, *идти* и *бежать* в XVI в. глагол *шествовать* используется иногда в смысле «струиться, литься», без какой-либо стилистической окраски:

Река Вычегда... шествующи къ северней стране. ДРС, Кн. Степ. ц. род., 1560 г., сп. XVI–XVII вв.

И в том, и в другом случае вряд ли можно говорить о сложившихся лексико-семантических вариантах. Это единичные употребления, возникшие у глагола *шествовать* под влиянием соответствующих вариантов глаголов *идти*, *бежать* и некоторых других. У глаголов *рискать* и *течь*, как было указано, во II период отпал лексико-семантический вариант «стремиться к чему-либо», который был подхвачен глаголом *шествовать*. Этот глагол встречается в данном варианте (обычно в памятниках религиозных) только в одном словесном окружении – в выражении *шествовать на злобу (зло)*:

велика бо добродетель, иж видовъ юг на злобу шествующа, учениемъ привести дшю на путь спасения. ДРС, Измарагд, 144², XVI в.; *бедне ж шествующее на зло.* ДРС, Кормч. Балаш., 370², н. XVI в.

Этот вариант можно считать уже строго фиксированным, т.е. фразеологизмом.

Стилистическая окрашенность глагола *шествовать* чувствуется сильнее, чем в предшествующие века.

§ 16. Семантический диапазон глагола *грясти* количественно остался почти прежний, но, как и в других глаголах движения, в нем произошла перегруппировка лексико-семантических вариантов. Одни варианты отмирали (например, отмечавшийся в памятниках книжно-славянского типа древнерусского языка вариант «жить», исчезнувший

и у глагола *идти*), другие появлялись на их место. Таким новым для глагола *грясти* вариантом можно считать вариант «литься, струиться», примеры на который обнаружены преимущественно в религиозных памятниках, что, впрочем, легко объяснимо (*грясти* – старославянизм, чаще встречаемый в церковной литературе):

Две реце Вычегда и Кама овы убо воды грядяху на польноци, овы ж на полдни. ДРС, Ст. П., 9; *Евдоксию же лютый недугъ порази: лономъ бо еи кровь грядяще и потомъ бысть смрадь и черви породы.* ДРС, Жит. Авр. Смол., XVI в., стр. 13; *вода си текуциа въ Галилею на вѣстокъ. И съхождааше къ аравии и грядеаше до моря. Къ воде исходней и истелитъ воды.* ДРС, Библия. Генн., 1499 г., Иезек, XVII, 8.

Интересным является следующий факт: у глагола *грясти* наряду с некоторыми другими сохранился вариант «следовать кому-либо в чем-либо», т.е. «подражать кому-либо, руководствоваться какими-либо правилами», исчезнувший у всех других глаголов движения, имевших его, или слившийся с вариантом «двигаться вообще»:

Нъ грядете, по мне и, на мою дрѣзость зрящее, подобни ми будете. ДРС, Иос. Флав., I, 244, сп. XV в.; *Гряди по их стопам, во след Елисавете: ты будешь, как они, велик, возлюблен в свете.* Лом. II, 180, 45.

Как и в XI–XIV вв., наиболее употребителен во II период вариант «двигаться вообще».

§ 17. Особое положение среди глаголов, которые приобрели новые лексико-семантические варианты, потеряв ряд старых, занимают глаголы *стунать* и *скакать*. Глагол *стунать* утратил оба варианта, специфичные для него в памятниках книжно-славянского типа древнерусского языка (см. гл. I).

В дополнение к сохранившемуся лексико-семантическому варианту «делать шаги» глагол *стунать* приобрел новый вариант «становиться на что-нибудь ногою в конструкции» с предлогом НА + Вин. п. сущ. (местоим.):

А побито ихъ въ граде толико множество лежааше, яко по всему граду не бе где стунати не на мертвыхъ. Ник. л., 7061, 248; *И на митрополита ступаль на огне салдатъ Сенка Сука.* АИ, IV, 1672 г.; *Иванъ Комынинъ не добре поводливъ: не много на сто рублевъ ступаетъ, а воеводы... исхваляются.* Переп. Хован., ок. 682 г., стр. 440; *Не ступай на ногу, не познаи норову.* ДРС, Посл. Богд., л. 85 об.

Очевидно, этот вариант развился на основе варианта «делать шаги». В XV–XVIII вв. глагол *стунать* часто употребляется в соче-

тании с выражением *в стремя*, означая «вдевать ногу в стремя, садиться на коня»:

Ступаетъ въ златъ стремя въ граде Тьмуторокане. Сл. плк. Иг., стр. 15.

Судя по моделям, это – новая фразеология.

§ 18. Несколько интенсивнее развивался глагол *скакать*. Большие сдвиги произошли в его варианте «двигаться прыжками, прыгать». Во II период глагол *скакать* в этом варианте сочетается, главным образом (но не всегда), с сущ. *конь*, означая «двигаться прыжками». При детерминативе «человек» (изредка какие-либо предметы) глагол *скакать* передает, как правило, движение не по горизонтали, а на одном месте, т.е. означает «прыгать». При этом в зависимости от конкретизатора могут быть различные вариации в варианте «прыгать». Конкретизатором выступают предлог + сущ. в соответствующем падеже, например, предлоги *через*, *с*, *в* и другие, в зависимости от чего глагол *скакать* означает «перепрыгивать», «соскакивать с чего-либо», «впрыгивать во что-либо» и т.п.

Во II период у глагола *скакать* возник новый лексико-семантический вариант «наскакивать, набрасываться, кидаться на кого-либо»:

и после того скакаль с ножемъ на соборного старца. ДРС, А. Холм. и Уст., стр. 935; *(Богдан Лутохинъ з братьями) с ножами на них перед народомъ скакали.* ДРС, А. Свир., 1668 г., № 310.

В единственном примере из Слова о полку Игореве (сп. XVI в.) глагол *скакать* употреблен в смысле «порхать»:

Абы ты сиа плъны ущекоталь, скача, славию, по мыслену древу... (стр. 11).

Однако самым распространенным стал лексико-семантический вариант «двигаться по земле, используя в качестве передвижения лошадь, экипажи», который сблизил глагол *скакать* с коррелятами *ехать-ездить*, с глаголом *рыскать* и некоторыми другими:

и тот Еналеи Бахтеяров увидел меня што я стою в лесу и учел ко мне на лошади скакат. ДРС, Якутск. ак., I, № 1, стр. 156, 1639 г.; *И почали они... на конех своих рыскати и скакати... около Азова.* Аз. пов., стр. 186; *на техъ подводахъ ездить смирно, какъ ездится, а не скакать и не мучить.* АИ, V, 1685 г., стр. 196; *и лутчая была забава (для императрицы), ездили и скакали на лошадяхъ.* ДРС, Ильдеперта; *а какъ юноша начнетъ на томъ коне скакат, а конь под нимъ играть.* ДРС, Девг. д., V, 158; *а онъ скачучи въ каретахъ грязью ихъ брызжетъ.* Лукин, I, 1765 г., стр. 101.

Этот вариант близок варианту «двигаться прыжками».

§ 19. Нам остается сравнить семантический объем в I и II периодах последнего глагола – *миновать*. У него исчез лишь вариант «проникать во внутрь чего-либо, куда-либо». Ряд примеров, к сожалению не многочисленных, позволяет предполагать новый для глагола *миновать* лексико-семантический вариант – «окончиться, пройти (о времени, каком-либо состоянии)»:

...контракту срок уже *миноваль*. ДРС, Пр. Верх. Т. С., 1726 г., 1; ...когда *минууютъ жары*, то паки на зиму в *Никольское* отсылать. ДРС, Инстр. дв. Ив. Немч., сп. XVIII в., стр. 28.

Начиная с XVI в. глагол *миновать* встречается в значении «избавиться, освободиться от чего-либо, избегнуть чего-либо» (обычно с отрицанием НЕ). Этот вариант отмечался на протяжении XI–XVIII вв. у глаголов *бежать-бегать*. Например:

Виждь, слышателю: необходимая наша Беда, невозможно миновать! Авв. (А), л. 248, стр. 52 (69); *А ныне призналь что ему въ томъ... розыску не миновать, для того вину свою и приносить.* ДРС, Сл. и д. г., 1720 г., стр. 120.

В единственном примере из памятника религиозной литературы глагол *миновати* означает, подобно глаголом *лезть-лазить* «входить в помещение, проникать куда-нибудь»:

Случися антипатови туде миновати. ДРС, Прох. Лит. Ио. Богосл. XLIII.

Таковы глаголы, в смысловой системе которых прибавление новых лексико-семантических вариантов к прежним идет параллельно с утратой некоторых старых вариантов. Семантический диапазон почти всех этих глаголов, как и глаголов I подгруппы, расширился в XV–XVIII вв. сравнительно с I периодом, поскольку новых вариантов у них появлялось больше, чем исчезало старых.

ИЗМЕНЕНИЯ В ТИПАХ СМЫСЛОВЫХ СВЯЗЕЙ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ В XV–XVIII ВЕКАХ СРАВНИТЕЛЬНО С XI–XIV ВЕКАМИ (с точки зрения их отношения к паре *идти-ходить*)

§ 20. В связи с многочисленными изменениями в лексико-семантических вариантах, которые произошли почти во всех глаголах движения в XV–XVIII столетиях, естественно, нарушились и смысловые взаимоотношения слов в данной группе, рассматриваемые здесь с точ-

ки зрения их взаимодействия с парой *идти-ходить*. Типы связи сами по себе остались те же, но они могли охватывать уже другие глаголы. Это обусловлено перегруппировкой в словах группы их лексико-семантических вариантов, которая часто носит закономерный характер.

Регулярность семантических процессов одними лингвистами не признается совершенно (М. Бреаль, Л. Шпитцер, Г. Шухардт), другими принимается с оговорками (Е. Велландер, О. Есперсен), третьими энергично отстаивается (В. В. Покровский). Закономерные изменения в семантике слов обусловлены той лексической группой, к которой они относятся. Их можно отнести к двум основным видам. Один тип изменений происходит в результате семантической аттракции (притяжения). Заключается он в развитии цепочкой²¹ сходных вариантов у разных слов. Так, если появляется новый лексико-семантический вариант у одного глагола, то такой же вариант нередко возникает и у другого глагола (обычно тесно с ним связанного), в результате чего можно говорить о вновь образовавшихся общих для двух глаголов лексико-семантических вариантах; и наоборот, исчезновение у одного

---

²¹ Развитие «цепочкой» (иначе – семантическая аналогия) некоторые лингвисты рассматривают в качестве основной причины семантических изменений. Этому вопросу посвящена, например, статья С. Крёша (*Kroesch S. Analogy as a Factor in Semantic Change // Language. 1926. Vol. II, № 1. С. 35–45*). Крёш делит семантическую аналогию на внешнюю и внутреннюю. В первом случае речь идет о влиянии заимствованного слова на исконное; во втором случае аналогия имеет место в пределах одного диалекта. «Слово X со значением А развивает значение В», – пишет Крёш. – Соответственно слово Y также со значением А, т.е. синоним слова X, будучи ассоциировано с X, развивает значение В» (р. 39). Автор приводит пример со словом *overlook*, которое означало «сглазить, смотреть злыми глазами», затем – «очаровать», а с 1596 г. получило значение «обманывать». По аналогии с этим словом глагол *oversee* с 1646 г. также разделил значение «обманывать». Метод аналогии Крёш применял к отдельно взятым словам, которые являются, судя по формулировке, абсолютными синонимами, что на деле представляет собой крайне редкое явление в языке. Решение проблемы закономерных изменений в семантике следует искать в существовании в языке лексико-семантических систем, которые влияют на смысловое развитие отдельных своих членов. На это обратил внимание еще в конце XIX в. М. М. Покровский (см. гл. I). Лингвистические факторы (некоторые из них указывались А. Мейе, Г. Стерном и другими лингвистами), вызывающие семантические изменения глаголов, являются наиболее существенными, тем более что непосредственное влияние внеязыковых причин на развитие лексического значения глагола прослеживается менее четко, чем их воздействие на семантику. В настоящей работе в качестве основной причины смыслового изменения учитывается, прежде всего, взаимное семантическое влияние членов одной тематической группы.

из глаголов какого-либо варианта иногда влечет за собой утрату сходного лексико-семантического варианта у другого глагола движения, имевшего аналогичный вариант. При этом часто трудно определить временную последовательность появления того или иного варианта у всех новых глаголов. Иногда распространение вариантов цепочкой от одного глагола к другому происходит для нескольких слов одновременно. В таком случае приходится лишь констатировать взаимосвязанность одним вариантом нескольких слов, возникшую в конкретную историческую эпоху в результате развития цепочкой.

В I период отмечалось, что глаголы *плавати-блудити*, *бырати* связывались в один ряд общим вариантом «скитаться, странствовать, переходить с места на место». В XV в. данный вариант передался и глаголу *бродить* (§ 8), у которого в XI–XIV вв. не было никаких сходных с другими глаголами движения вариантов. Накопление общих с остальными словами группы лексико-семантических вариантов у глаголов *брести-бродить* во II период шло очень интенсивно. В частности, они стали означать «медленно двигаться пешком по земле» (часто – с трудом развиг этот вариант под влиянием глаголов *идти-ходить*, *ступать*). Коррелят *брести* приобрел под влиянием глаголов *бежать-бегать* вариант «убегать, уходить» (§ 8). Вместе с тем глаголы *брести-бродить* не только формировали собственные новые варианты по аналогии с окружающими глаголами движения, но и сами влияли на другие глаголы группы: так, под воздействием глаголов *брести-бродить* у глаголов *лезть-лазить* сложился во II периоде вариант «переходить реку вброд» (§ 6), которого они не имели в I период. Однако значительно чаще действию цепного развития подвергались глаголы, уже связанные какими-либо общими вариантами друг с другом. Например, в XI–XIV вв. были близки между собой глаголы *ити*, *бежати*, *течи*, *летети*, *шествовати*; их связывало по несколько сходных вариантов различных для разных глаголов. Во II период у перечисленных глаголов возник вариант «проходить, протекать, длиться (о времени)» (§ 7, 9, 12, 13, 15). В результате развития цепочкой у глагола *грясти* (§ 16) и *шествовать* (§ 15) наметился, а у глагола *бежать* сложился (§ 9) во II период лексико-семантический вариант «струиться, литься», который в I период был у глаголов *ити* (гл. II, § 8) и *течи* (гл. II, § 9). У глаголов *идти-ходить* (§ 12), *течь* (§ 13) и *летать* (§ 9) появляется во II период вариант «становиться известным, распространяться всюду», который в I период был свойственен лишь

глаголу *ходить*. От глаголов *ехать-ездить* и *рискать/рисковать* вариант «двигаться по земле с помощью каких-либо средств передвижения» перешел к глаголу *рыскать* и *скакать*. Аналогичные употребления встречаются на глаголы *идти-ходить*, *бежать* (в последних трех глаголах в пределах варианта общего движения). Даже вычленение из синкретического варианта «двигаться вообще» (в I период он был у глаголов *ити-ходити*, *ехати-ездити* и др.) варианта «двигаться по воде» тоже происходит цепочкой: этот вариант во II период мы обнаруживаем в глаголах *идти-ходить* (§ 12), *ехать-ездить* (§ 5), а также у глаголов *бежать-бегать* (§ 7) и *шестьствовать* (§ 19), на которые он переместился с глаголов *плыть-плавать* (в смысле *navigare*).

Нередко закономерности цепного развития подчиняются не только уже сложившиеся лексико-семантические варианты, но и индивидуальные употребления глаголов. Так, у глагола *течь* под влиянием глагола *ити*, имевшего в I период вариант «падать, лить» (о дожде), во II период возникло аналогичное употребление (§ 13), так и не превратившиеся в вариант (то же можно сказать и о глаголе *лететь*, у которого были единичные случаи сочетаемости со словом *дождь*).

Другой пример. В XI–XIV вв. глаголы *ити* (гл. II, § 9) и *грясти* (гл. II, § 13) обладали вариантом «тянуться, проходить (о линиях)». Во II период этот вариант передался глаголу *течь* (§ 13), но, видимо, не оформился в самостоятельный лексико-семантический вариант, оставшись окказиональным употреблением.

Исчезновение сходных вариантов у ряда глаголов тоже может идти цепочкой. Например, вариант «жить» утрачен глаголом *идти* (§ 12), глаголами *грясти* (§ 16), *ступать* (§ 17) и *течь* (§ 13), в варианте «устремляться на что-либо» перестали употребляться глаголы и *течь* (§ 13), и *рискать* (§ 11).

Рассмотренный тип закономерных семантических изменений, т.е. тип цепного развития сходных лексико-семантических вариантов сразу у нескольких глаголов движения, является наиболее законченным, продуктивным и широким по охвату слов типом смыслового изменения.

§ 21. Помимо этого вида семантических изменений глаголы движения могли подвергаться и некоторым другим закономерностям историко-семантического развития слов, основанным на семантическом оттапливании и подразделяемым нами в свою очередь на 2 вида.

Смысловые сдвиги в глаголах движения происходят, например, по типу так называемой «передачи эстафеты», когда один глагол теря-

ет какой-либо лексико-семантический вариант, а другой, связанный с ним некоторыми общими вариантами, подхватывает его. Причем период сосуществования глагола, теряющего свой вариант, с глаголом, воспринимающим его, обычно не поддается учету (можно сказать, отсутствует совсем), хотя вполне вероятно, что сначала происходит распространение варианта с одного глагола на другой цепочкой, а затем первый элемент этой цепочки исчезает, очень малый срок просуществовав одновременно с глаголом, воспринимающим новый вариант, т.е. в этом случае ничего принципиально нового по сравнению с развитием цепочкой нет. Однако в отличие от развития цепочкой, когда глаголы со сходным вариантом могут долгое время быть в языке одновременно, данный случай стоит выделить в особую категорию.

Примером развития по типу «передача эстафеты» может служить история взаимодействий глаголов *течь*, *ростать*, с одной стороны, и *шествовать* – другой. Глаголы *течи* и *ростати* в I период имели сходный лексико-семантический вариант «стремиться к чему-либо», который исчез у них ко II периоду, но был подхвачен в XV–XVIII вв. глаголом *шествовать* (§ 15). Данный тип семантических изменений является малораспространенным, непродуктивным типом.

§ 22. Не очень активен и следующий, третий тип изменений лексико-семантических вариантов глаголов движения, также являющийся результатом семантического отталкивания. Изменения этого вида могли происходить в результате борьбы нескольких глаголов за право обладать тем или иным вариантом, борьбы, которая ведет обычно к передаче одним глаголом другому того или иного варианта, т.е. какой-то промежуток времени один и тот же вариант сосуществует у обоих глаголов, а потом исчезает у одного из них. Естественно, что этот тип изменений взаимосвязан с двумя предыдущими, составляет часть каждого из них. Однако проследить подобного рода борьбу за существование можно лишь на единичных примерах.

Так, в лексико-семантическом варианте «проникать внутрь чего-либо» поле деятельности остается во II период за глаголами *лезть-лазить*, которые вытесняют в названном варианте глагол *миновать*, имевший этот вариант, как и корреляты *лезть-лазить*, еще в I период. Острая борьба развернулась во II период между глаголами *идти* и *ходить* за варианты «употребляться, использоваться на что-либо», «тянуться (о линиях)» и «струиться, литься», окончательный исход которой мы видим лишь в XIX в.: все три варианта целиком перехо-

дят к определенному корреляту. Наоборот, бывший в I период у обоих глаголов вариант «жить» остается ко II периоду за глаголом *ходить* (§ 12).

Приблизительно в XVII в. наблюдается оживление глагола *ходить* в варианте «вступать в брак» (§ 12), более свойственном глаголу *идти*, но уже в XVIII в. этот вариант, превратившись окончательно в фиксированный, становится индивидуальным для глагола *идти* и т.д.

В результате всех этих разнообразных изменений закономерного характера у коррелятов *идти-ходить* в нескольких случаях установились новые прямые связи с глаголами, которые в I период лишь косвенно сближались с центральной парой (например, *брести-бродить*, отчасти *скакать*). Без особых изменений сохранились связи у пары *идти-ходить* с глаголами *ехати-ездить*. Для всех остальных глаголов намечались те или иные изменения в характере их семантических отношений с глаголами *идти-ходить* благодаря переменам, происшедшим в их лексико-семантических вариантах.

Посмотрим на конкретных примерах, в чем сказались смысловые сдвиги внутри намеченных во II главе типов смысловых связей коррелятов *идти-ходить* с остальными глаголами исследуемой группы.

§ 23. I тип смысловой связи слов.

В границах первого типа остался глагол *грясти*, который по-прежнему целиком семантически поглощался глаголом *идти*, но внутренние взаимоотношения этого слова с центральным глаголом (*идти*) несколько видоизменились. Так, у глагола *идти* исчез вариант «жить», перешедший к корреляту *ходить*. Вслед за ним утратил аналогичный вариант и глагол *грясти*. Вместе с тем глагол *грясти* приобрел вариант «литься», наличествующий у определенной основы – *идти*. Таким образом, семантическая система глагола *грясти* осталась целиком внутри глагола *идти*, хотя и произошла некоторая перегруппировка в общих, связующих оба глагола вариантах. Стилистическая окраска глагола *грясти* как слова «высокого стиля» (поскольку оно заимствовано из старославянского) усилилась. Глагол *шестьствовать* во II период уже трудно отождествить по лексико-семантическим вариантам как с определенным, так и с неопределенным коррелятами (*идти-ходить*), поскольку у него возникли лексико-семантические варианты, общие, с одной стороны, с индивидуальными вариантами глагола *идти* (например, «протекать, проходить (о времени)», «литься, струиться»), с другой стороны, со специфичными вариантами глагола *ходить* (на-

пример, «жить, действовать»). Кроме того, для глагола *шествовать* можно указать фразеологию *на зло (злобу) шествовать*, означающую «устремляться на что-либо». Таким образом, данный глагол перешел из I во II группу смысловой связи слов с парой *идти-ходить*.

§ 24. II тип смысловой связи слов.

Все глаголы, входившие в эту группу в XI–XIV вв., остались в пределах данного типа и в XV–XVIII вв. Некоторые из них (*ступать, лезть-лазить, ехать-ездить*) сохранили прежние связи с глаголами *идти-ходить* (т.е. их общие с центральной парой лексико-семантические варианты не изменились); у других (*течь, бежать-бегать*) произошла внутренняя перегруппировка в общих с коррелятами *идти-ходить* лексико-семантических вариантах (часть старых исчезла; появилось несколько новых). В результате этого связи глаголов упорочивались и усложнялись.

Рассмотрим, например, взаимоотношения глаголов *течь* с парой *идти-ходить*. У коррелята *идти* в I период отмечались лексико-семантические варианты «падать (о дожде)» и «тянуться (о дорогах)», которые в XVIII в. распространяются на глагол *течь*, так и оставшись, правда, окказиональными его употреблениями, еще более сближая *течь* с глаголом *идти*. Во II период у глаголов *идти-ходить* и *течь* наблюдается параллельное возникновение и развитие лексико-семантического варианта «распространяться». Общими для глаголов *идти* и *течь* становятся варианты «проходить (о времени)», «развиваться, осуществляться (о пьесах, событиях)» и «перемещаться по воздуху (об облаках)» – для *течь* и неопределенного коррелята *ходить*. У глагола *течь*, таким образом, появляется в XV–XVIII вв. несколько новых точек соприкосновения с глаголами *идти-ходить* при сохранении почти всех прежних и утрате лишь одного общего варианта «жить», который перешел от глагола *идти* к глаголу *ходить* и совсем исчез у глагола *течь*.

Глаголы *бежать-бегать* были связаны в XI–XIV вв. с парой *идти-ходить* очень отдаленно – через посредство единственного общего варианта «двигаться вообще», лишь частично перекрывающегося у этих слов. В XV–XVIII вв. у них складываются новые общие варианты «двигаться по воде...» (вариант, вычленившийся из варианта недифференцированного движения), а у определенной основы – «струиться, литься» и «проходить (о времени)», благодаря чему связи анализируемых пар стали прочнее.

Все перечисленные глаголы и в I период относились ко II типу смысловых отношений. Кроме того, в эту группу слов в XV–XVIII вв. перешло несколько глаголов из других типов связи (например, глагол *шестствовать*, о котором говорилось выше).

Из III типа (необратимые непосредственные связи) во II попали глаголы *лететь-летать*, так как у пары *лететь-летать* и у глагола *идти* обнаружился новый общий лексико-семантический вариант. Прежняя необратимость нарушилась, вместо нее появилась двусторонняя непосредственная связь. Общим, например, стал вариант «проходить, длиться (о времени)». Лексико-семантический вариант «падать» (§ 8) у глагола *лететь* (реже – *летать*), возможный даже в отношении к осадкам, совпал со смыслом глагола *идти*, также в применении к осадкам (гл. II, § 9); ср. выражение *идти на дно* (§ 12), которое в дальнейшем стало закрепленным, где глагол тоже означает «падать». Иными словами, в XV–XVIII вв. глаголы *лететь-летать* уже непосредственно входили во II тип связи с центральным глаголом группы – *идти* благодаря новому общему лексико-семантическому варианту. С глаголом *ходить* наметились также некоторые точки соприкосновения – см. вариант «распространяться» у глаголов *летать* и *ходить*. Из той же III группы перешли во II глаголы *плыть* и *плавать*, так как в результате вычленения из варианта общего движения варианта «двигаться по воде (*navigare*)» они непосредственно сблизилась с глаголами *идти-ходить*.

В XI–XIV вв. глаголы *скакати* и *ристати* имели лишь опосредствованную, косвенную связь с глаголами *идти-ходить*. В следующий период они перешли из IV типа связи во II, так как у них возник вариант «двигаться по земле с помощью каких-либо средств передвижения» (§ 18 и 14), который отмечался и в паре *идти-ходить* (§ 12), в пределах варианта «двигаться вообще». Наконец, глаголы *брести-бродить*, не имевшие в I период никаких семантических связей с глаголами *идти-ходить*, также вошли во II тип связи с ним в период XV–XVIII в. (у глаголов *брести-бродить* общим с глаголами *идти-ходить* стал вариант «медленно двигаться по земле с помощью ног», а у неопределенной основы – также вариант «двигаться вообще»).

Следовательно, II тип связи, устанавливаемый в отношении к центральной паре, пополнился при сохранении всех старых несколькими новыми глаголами, пришедшими сюда из других групп.

§ 25. III тип смысловой связи слов.

Из III типа выпали глаголы *лететь-летать*, ушедшие во II группу слов, и корреляты *плыть-плавать*, также пополнившие II группу. У глагола *парить* в XV–XVIII вв. необратимые, непосредственные связи с глаголами *идти-ходить* также разрушились, поскольку глаголы *идти-ходить* в варианте «двигаться вообще», судя по собранному материалу, уже не передавали движения по воздуху. Глагол *парить* во II период был связан с *идти-ходить* лишь опосредствованно, т.е. он входил в IV тип смысловых отношений слов. III тип фактически разрушился совсем, перестал существовать в пределах группы глаголов движения.

§ 26. IV тип смысловой связи слов.

За исключением глаголов *скакать* и *ристь* (*рыскать*), у которых помимо опосредствованной связи установились и прямые отношения с глаголами *идти-ходить*, все прежние глаголы движения этого типа остались в пределах данной группы. Их связь с коррелятами *идти-ходить* по-прежнему может быть через 1–2–3 глагола. Опосредствованная связь с центральной парой через одно слово существовала в I период у глаголов *ползти-ползать* (посредником были глаголы *лезть-лазить*); она сохранилась у них и во II период, но уже не только через глаголы *лезть-лазить*, а и через глагол *плавать*. Правда, связь эта очень непрочная, поскольку связующим звеном является не окончательно сложившийся вариант глагола *плавать*.

Глаголы *гомъзити-гомъзати*, появившиеся лишь в XV в., сразу вступили в смысловые отношения с глаголами движения. Они присоединились к моносемантическим глаголам *ползти-ползать*, которые имели общий лексико-семантический вариант с парой *лезть-лазить* и глаголом *плавать*. Образовалась двустепенная связь. В ряде глаголов тип смысловых отношений остался прежним, но связующими стали другие общие варианты. Например, глаголы *блудить* (*блуждать*) и *бырать* соотносились с глаголами *идти-ходить* только через *плыть-плавать*. Во II период эти глаголы сблизилась с глаголом *бродить* благодаря варианту «скитаться». В свою очередь у коррелятов *брести-бродить*, как отмечалось, сложился лексико-семантический вариант, общий с глаголами *идти-ходить*. Создались 2 цепи глаголов, связанных между собой общими вариантами: 1) *идти-ходить* – *брести-бродить* – *блудить* (*блуждать*) – *бырать* (последний глагол примыкал к паре *брести-бродить* не только через посредничество глаго-

ла *блудить*, но и непосредственно с помощью варианта «скитаться»); 2) *идти-ходить* – *плавать* – *блудить* – *бырать*.

Таким образом, IV тип смысловой связи слов, как и II, во II период еще оставался продуктивным типом семантических отношений.

§ 27. В XV–XVIII вв. вне смысловой связи с глаголами движения, но в числе имеющих связь по понятию в пределах анализируемой группы можно назвать только 2 слова. Одно из них – новое, вошедшее в язык лишь в XVI в.; это глагол *дыбать*. Другое – глагол *переть*, который растерял свои смысловые связи, хотя понятие движения еще осталось в его едва ли не единственном лексико-семантическом варианте – «двигаться куда-либо с силой, напролом». Помимо этих двух глаголов в XV–XVI вв. в пределах группы глаголов движения существовало еще 2 слова, о судьбе которых следует сказать особо, – глаголы *прямить* и *смыкать(ся)*. В I период глагол *смыкаться* был связан через общий лексико-семантический вариант с глаголами *пльзти-пльзати*. В этом прежнем смысле глагол *смыкаться* последний раз встретился нам в XIV в. в памятнике религиозной литературы:

Кто посадиль есть въ летящом черви искру светлую светитис по земли, тому же и смыкатис и летати. ДРС, Шестоднев. Пиз., 1385 г., стр. 38.

Позднее вместо *смыкати(ся)* как глагола движения в языке окончательно укоренился глагол *пресмыкаться* в том же смысле. Впрочем, В. Даль в своем словаре отмечает глагол *смыкаться*, но уже в ином смысле – «разгуливать, шляться, шататься»: *Смыкаться из угла в угол.*

В украинском языке Б. Д. Гринченко также зафиксировал глагол *смыкаться* в двух значениях: 1) «дергаться, рваться» и 2) «взад и вперед ходить» (см. указ. словарь, т. IV). С XVI в. глагол *смыкати(ся)* становится соотносимым с глаголом сов. в. *сомкнуть(ся)* и употребляется главным образом в применении к глазам («смежить(ся), сомкнуть(ся)»), к устам («сжать(ся)»), к сводам («соединить(ся)») и т.п., т.е. этот глагол утратил лексико-семантический вариант «передвигаться ползком по земле» и, тем самым разорвав смысловую связь с глаголами движения, ушел из данной группы слов. Впрочем, не исключена возможность, что этот глагол был омонимичен глаголу движения *смыкаться*. В таком случае надо говорить об исчезновении из языка вообще глагола движения *смыкаться*, вместо которого бытует с тех пор приставочная возвратная форма *пресмыкаться*.

§ 28. Глагол *прямити* до конца XV в. мог означать «двигаться напрямик, прямой, не окольной дорогой», имея лишь связь по понятию с глаголами движения:

отъ Сыроменца прямя къ Величку зимнею дорогою. ДРС, АИ, I, стр. 158 (грам. 1499 г.);

Ср. пример на возвратную форму:

А воры ближатца, отъ Суздаля версть за 20, прямятся на Суздаль, ДРС, АИ, II, стр. 178.

Однако все чаще у него можно отметить вариант «служить верой и правдой князю» (возможно, что это тоже омонимы):

служу я тебе, государю, и прямлю третьей годъ. ДРС, Схтн. Влд., стр. 26; *государю служити и прямити и добра хотети.* ДРС, Мск. ст., 2, стр. 320; *княземъ русскимъ прямити и Бога молити за нихъ.* ДРС, Васс. П., стр. 1.

К началу XVII в. первый из этих вариантов уже не встречается совершенно и, следовательно, у глагола *прямити*, не имевшего смысловой связи с глаголами движения, исчезает и связь по понятию с этой группой, т.е. слово уходит из данной группы вообще, как и глагол *смыкаться*.

Таким образом, связь по понятию могла переходить в связь смысловую, т.е. связь по общим вариантам (глаголы *брести-бродить*) и, наоборот, семантические отношения слов превращались в связь только по понятию (*переть*). Слова, утратившие всякие смысловые связи и связи по понятию с группой глаголов движения, уходили в другие лексические группы (*смыкаться, прямити*).

СОПОСТАВЛЕНИЕ СМЫСЛОВЫХ СВЯЗЕЙ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ (безотносительно к паре *идти-ходить*)»

§ 29. Глаголы движения можно разделить на различные типы связи по их отношению не только к центральной паре *идти-ходить*, но и к любому другому слову группы. Смысловые взаимодействия глаголов движения, взятые безотносительно к коррелятам *идти-ходить*, во II период сильно изменились. В одних случаях могли появиться абсолютно новые связи там, где раньше не было никаких непосредственных смысловых отношений; в других, наоборот, исчезали старые прямые связи. Исчезновение одних и появление других смысло-

вых отношений взаимосвязано, безусловно, с ростом или сокращением сходных лексико-семантических вариантов в глаголах движения. В редких случаях не произошло никаких перемен в типах связи; чаще же всего, хотя сами связи и сохранились между теми же глаголами, как это было и в I период, связующими стали другие лексико-семантические варианты, т.е. произошла внутренняя перегруппировка общих вариантов.

§ 30. Новые прямые связи оформились у многих глаголов. Как отмечалось, у глаголов *брести-бродить* в XV–XVIII вв. связь по понятию перешла в смысловую (по значению). Эти корреляты стали непосредственно соприкасаться с целым рядом глаголов. У них возникла, например, прямая связь с глаголами *лезть-лазить* (в варианте «переходить реку вброд»), с глаголами *плавать, бырать* и *блудить* (общий вариант – «скитаться, странствовать»), с глаголами *бегать-бежать* (здесь связь в варианте «уходить, убежать») и др.

Старые связи исчезали не столь интенсивно, как появлялись новые, так что в конечном итоге взаимоотношения членов группы глаголов движения всё более и более усложнялись и укреплялись.

Абсолютно без всяких изменений сохранились связи у глаголов *ехать-ездить* с глаголами *течь, ристать (рыскать)*. Общие лексико-семантические варианты этих глаголов остались прежними. Не изменились связи и у глаголов *лететь-летать* с глаголом *парить*. Подобно паре *лететь-летать* и *парить*, оставались связанными глаголы *грясти* и *шествовать*, но их общие лексико-семантические варианты стали иными. У глаголов *грясти* и *шествовать* вместо бывших общих вариантов «жить» и «следовать» создается новый связующий вариант – «струиться, литься» (точнее говоря, и у того, и у другого глагола это окказиональное употребление) и сохраняется один из старых «двигаться вообще». Следовательно, в некоторых случаях связь слов осталась между теми же глаголами, но, в силу их внутренней перегруппировки, через новые общие лексико-семантические варианты.

§ 31. В результате всех изменений в лексико-семантических вариантах несколько трансформировалось и распределение по типам связи глаголов движения.

I тип связи охватывал, как и в I период, глагол *бырать*, поглощаемый глаголом *блудить (блуждать)*. В XV–XVIII вв. вновь появившиеся в языке глаголы *гомъзити-гомъзати* вошли в семантику *ползти-ползать*. По принципу II типа во II период связаны, как и в

XI–XIV вв., глаголы *ехать-ездить* и *течь*, *ехать-ездить* и *ристать*, *парить* и *лететь-летать*, *бежать-бегать* и *течь*, *бежать-бегать* и *шествовать*, *грясти* и *шествовать*, *шествовать* и *течь* и т.п. Отношения по понятию глаголов *брести-бродить* с другими глаголами переродились в смысловые, в результате чего установился II тип связи между глаголами *брести-бродить* и *блудить* (*блуждать*), *брести-бродить* и *лезть-лазить* и т.д.

Наконец, обширный IV тип связи. Это – косвенные связи любых двух глаголов группы, не имеющих прямых сношений друг с другом. Посредствующим звеном может быть любой глагол – один или несколько. Количество промежуточных слов определяет, имеем ли мы дело со связью I или II (III и т.д.) степени. Так, глагол *блудить* входит в ряд *блудить* – *плыть-плавать* – *ехать-ездить*, т.е. отмечается, как и прежде, косвенная связь I степени *блудить* и *ехать-ездить*. Иногда связь I степени превращается во II и даже III. В других случаях, наоборот, отдаленно связанные глаголы вступали даже в непосредственное общение. Так, вместо косвенных сношений глагола *шествовать* через *идти-ходить* с парой *бежать-бегать* образовалась прямая связь *шествовать* – *бежать-бегать* и т.д.

Очень многие глаголы движения были связаны по IV типу связи, ибо не все слова группы глаголов движения прямо, непосредственно контактировали между собой. Таким образом, IV тип связи охватывал многие глаголы движения, объединяя их в определенную систему; он был своеобразным цементирующим типом в отношениях слов группы друг к другу. Наиболее активным стал II тип связи благодаря тому, что многие глаголы подчинялись закономерности развития цепочкой сходных вариантов; I тип – непродуктивен.

Итак, можно сделать ряд выводов.

- Группа глаголов движения представляет собой сплоченную лексико-семантическую систему, внутри которой в силу большой сплоченности происходят в ходе истории семантические изменения, носящие во многом регулярный характер. Регулярность семантических процессов выявляется, в частности, в распространении лексико-семантических вариантов одного глагола на другой, в развитии цепочкой сходных вариантов у различных слов. Так, вариант «струиться, литься», бывший в I период у глаголов *идти-течь*, передается в XV–XVIII вв. глаголам *шествовать*, *бежать* и *грясти*. Возможен и обратный процесс – отмирание в различных глаголах лексико-семантичес-

ких вариантов, общих для нескольких слов. Например, исчезновение варианта «стремиться к чему-либо» происходит и в глаголе *течь*, и в глаголе *рискать*. С утратой глаголом *идти* варианта «жить» этот вариант пропадает и в глаголах *течь*, *ступать*, *грясти* (подобные явления могли происходить как одновременно, так и последовательно в ряде глаголов движения). Нередко утрата словом того или иного варианта взаимосвязана с появлением этого варианта у другого слова. Происходит своеобразная «передача эстафеты» новому глаголу. Это – вторая закономерность семантического развития слов одной лексической группы. Например, исчезнувший у глаголов *рискать* и *течь* вариант «стремиться» подхватил глагол *шестьвать*. Иногда переход лексико-семантических вариантов от одного глагола к другому можно рассматривать как результат борьбы двух слов, что представляет собой третью закономерность семантических изменений. Чаще всего это бывает столкновение коррелятов, обладающих общим лексико-семантическим вариантом. В итоге борьбы один глагол, как правило, перестает использоваться в данном варианте. Таков вариант «употребляться (использоваться) на что-либо» у глаголов *идти-ходить*, перешедший затем к определенной основе. Такова же история выражения *идти-ходить замуж*, в котором неожиданно появившийся к XV в. глагол *ходить* в варианте «вступать в брак», в конце концов, уступил этот вариант снова глаголу *идти*. Следовательно, в ходе исторического развития значения возможно временное оживление и затем затухание отдельных лексико-семантических вариантов глагола.

• Некоторым изменениям подверглись намеченные типы связи. Связи по понятию перешли в связи смысловые, т.е. в связи по сходным вариантам (в глаголах *брести-бродить*), и наоборот, смысловые отношения слов сменились отношениями по понятию (в результате утраты каких-либо общих с другими глаголами лексико-семантических вариантов, как в глаголе *переть*). Как только порываются смысловые связи и исчезает связь по понятию того или иного глагола со всей лексической системой, слово уходит из данной группы совсем (*смыкаться*, *прямить*) или раскалывается на омонимы.

Вновь приходящие в язык глаголы либо вступают в смысловые сношения с группой (*гомьзить-гомьзять*), либо ограничиваются связью по понятию (*дыбать*).

Глаголы во многих случаях по-новому распределились внутри каждого типа смысловой связи слов. Самыми объемлющими оста-

лись II и IV типы. Как и в I период, каждый глагол втягивался сразу в несколько смысловых типов в зависимости от того, по отношению к какому слову группы рассматривается данный глагол. III тип связи в пределах группы глаголов движения исчез совсем.

- Большая часть глаголов движения образует коррелятивные пары, в которых грамматическая корреляция подкрепляется семантической соотносимостью, т.е. у обеих основ есть общие лексико-семантические варианты, в случае потери которых они перестают быть соотносимыми. Индивидуальных вариантов у каждой из основ большинства коррелирующих глаголов движения отмечается во II период приблизительно равное количество (исключение составляют глаголы *плавать* и *ездить*, в смысловом объеме которых число специфичных вариантов значительно превышает количество индивидуальных вариантов определенной основы). В отдельных случаях у некоторых глаголов движения возникают переходные варианты в связи с использованием того или иного глагола в качестве каузативного (например, *блудить*, *ездить*) или в результате изменения синтаксической сочетаемости глагола, когда при нем вместо предложного дополнения появляется прямое беспредложное (например, *лезть-лазить*, *миновать*).

- Значение каждого глагола движения претерпевало не просто количественные изменения, но видоизменялось, варьировалось, как правило, и качественно: почти во всех словах изменение значений шло в сторону *увеличения отвлеченных лексико-семантических вариантов*, далеких от связи с идеей передвижения. Семантический объем каждого глагола группы и отношения глаголов друг с другом представлены в табл. 5. В таблице все абсолютно новые для II периода лексико-семантические варианты отмечены двумя звездочками (**); одна звездочка при глаголах во 2-й колонке означает, что употребление этого глагола в данной модели окказионально. Варианты, являющиеся новыми для II периода за счет расщепления какого-либо одного варианта I периода на несколько (например, из одного варианта возникли № 37 и 38; № 3, 27 вычленились из № 1 и т.д.), не помечаются. Те глаголы движения, которые являются новыми в старых структурных моделях в результате тех или иных закономерностей семантического развития слов, подчеркнуты. Наконец, конкретизаторы перечисляются не все, а только наиболее типичные, основные, причем автор исходит лишь из собранного материала. Из схемы ис-

ключены глаголы, не имеющие никаких смысловых связей с другими членами группы, относящиеся к глаголам движения только потому, что в их основе лежит понятие движения (глаголы *дыбать, переть, прямить*).

Т а б л и ц а 5

Детерминатив	Глагол	Конкретизатор	Лексико-семантический вариант
1	2	3	4
1. Живое существо (обычно человек)	идти-ходить, грядти, шествовать, ехать-ездить, течь, лезть-лазить, <i>брести*</i> - <i>бродить</i> , ступать; частично бежать-бегать	инфинитив (обозначение цели); предлоги со значением места и направления + Род., Дат., Вин., Пр. п.; НА + сущ. Вин. п. (на кого, против кого); В, НА + сущ., означающие средства передвижения по земле); ВСЛЕД + Род. п. сущ. и мест., ЗА + Тв. п.	двигаться вообще/отправляться, направляться куда-либо; выступать против кого-либо, двигаться по земле с помощью каких-либо средств передвижения, следовать за кем-либо (обычно буквально)
2. Живое существо (обычно человек)	идти-ходить, ступать, <i>брести-бродить</i>	пешком (пешему, пешим...), ногой, ступой...	небыстро двигаться по земле с помощью ног, двигаться пешком, делать шаги
3. 1) название средств передвижения по воде; 2) живые существа, пользующиеся ими; 3) сами живые существа (рыбы, человек...)	1) идти-ходить, бежать-бегать, плыть-плавать, шествовать; 2) плыть-плавать, ехать-ездить, идти-ходить, бежать-бегать, шествовать, <i>парить*</i> ; 3) плыть-плавать	по воде (морю, реке и другому водному пространству), в корабле (лодке, судне и т.п.)	двигаться по воде с помощью каких-либо средств передвижения (и самим средствам передвижения)

1	2	3	4
4. Человек	<i>идти-ходить</i>	под кем-нибудь (под воеводою...); В + название профессии (в гребцах...), название профессии в Тв. п.	служить, работать кем-либо
5. Слава, молва, хвала, слово	<i>идти-ходить, летать, течь</i>	всюду, по всей земле (странам)	становиться известным, распространяться повсюду
6. Какое-либо событие, пьеса (действие, представление...)	идти, течь		развиваться, происходить, осуществляться**
7. Название жидкости	идти, течь, бежать, шествовать*, грядти, ходить*	ИЗ + сущ. Род. п., ПО + сущ. Дат. п., НА + сущ. Вин.п., предлоги, обозначающие направление + место, направление движения	литься, струиться
8. Дождь (ср. № 31)	идти, <i>течь*</i> , лететь* (см. № 31)	Ø; обозначение количества времени	лить, падать
9. Живое существо (обычно человек) в Дат. п. (реже – в Им. п.)	идти	обозначение возраста (НА + порядковое числительное + сущ. десяток, год...; К + указание возраста)	склоняться к какому-либо возрасту, подходить к какому-либо возрастному рубежу**
10. Название временных единиц (единицы измерения времени)	идти, течь, бежать, шествовать, лететь, летать*		проходить, протекать, длиться (о времени)**
11. Пар, дым, туман	идти	ИЗ/ОТ + Род. п. сущ., означающего поверхность чего-либо	исходить от чего-либо, подниматься от поверхности чего-либо

Продолжение табл. 5

1	2	3	4
12. Линия (дорога, полоса чего-то)	идти, <i>течь*</i> , <i>грясти*</i> , <i>ходить*</i>	СКВОЗЬ + Вин. п.; предлоги К, В, ОТ, ДО со значением направления	тянуться, иметь протяженность, направление
13. Продукты питания, вещи, дары, жалованье, доход, дань...	идти	Дат. п. лица, В + Вин. п. сущ. со значением места (название места); С, ОТ + Род. п. (откуда, с чего, от кого)	предназначаться для кого-чего-либо, выдаваться постоянно, причитаться с кого-либо
14. Стройматериалы, металл, сырье и т.п.	идти-ходить	НА, В (со значением цели) + сущ. Вин. п.	находить применение, тратиться, употребляться для какой-либо цели**
15. Женщина	идти-ходить	за кого; наречие ЗАМУЖ	сочетаться законным браком
16. Живое существо (человек)	ходить	В + название одежды в Пр. п.	носить одежду, быть одетым
17. Человек	ходить, шествовать	по грамоте, по истине, по старине, по закону... прелестью, лжею...	действовать, поступать определенным образом, жить, пребывать в каком-либо состоянии
18. Сельскохозяйственные орудия	ходить	обороты с относительным местоимением КУДА	работать каким-либо орудием
19. а) название монет, денежные единицы; б) рукописи, записки, книги	ходить	а) в торговле (в мене), по рублю, по 2 (3, 4...) рубля; а-б) по городу; промеж кого; Ø; по рукам	иметь стоимость**, быть в обращении (о деньгах), передаваться из рук в руки, распространяться**
20. Живое существо (обычно человек)	ходить (как перех. гл. и неперех.)	сущ. (объект) в Вин. п., ЗА + Тв. п. сущ. со значением живого существа, какого-либо дела	следить за кем-либо, ухаживать, заботиться о ком-либо**
21. Облака, тучи	ходить, <i>течь*</i> , <i>парять*</i>	по небу (воздуху)	перемещаться по воздуху**
22. Человек	<i>шествовать</i>	на зло (на злобу)	сознательно стремиться, устремляться на что-либо

1	2	3	4
23. Живое существо (обычно человек)	ступать	НА + Вин. п. сущ.	становиться ногой на что-либо**
24. Птицы	лететь-летать, парить, плавать		(плавно) двигаться по воздуху с помощью крыльев
25. Человек	плавать, <i>бродить</i> , блудить, блуждать*, бырать	по землям, по странам, по миру, сколько лет (времени)	странствовать, скитаться по чужим землям
26. Аморфные вещества (смола...)	плавать, ползти*	ПО + Дат. п. сущ., означающего поверхность чего-либо, по верху воды...	растекаться, расплываться по поверхности чего-либо**
27. Человек, обычно пользующийся средствами передвижения. Средства передвижения (любые)	миновать (перех. и неперех.)	МИМО + Род. п. сущ. или объект в Вин. п.	двигаться мимо кого-чего-либо (проходить, проезжать, проплывать), оставлять кого-что-либо позади или в стороне, пропускать, оставлять без внимания, не замечая
28. Единицы времени, какое-либо событие, возраст	миновать (сов. в., неперех. 3 л.)	кому	окончиться, пройти, исполниться (о возрасте**)
29. Живое существо (обычно человек) (ср. № 49)	лезть-лазить, <i>миновать</i> *	куда (вовнутрь чего-либо, подо что-либо)	проникать во внутрь чего-либо, подо что-либо (обычно ползком, с трудом)
30. Растение (редко – предметы)	лезть, ийти*	откуда: ИЗ + Род. п. сущ., означающего приспособление для хранения, переноски разных предметов, для растений – из земли	выйти наружу, изойти из чего-либо**
31. Человек, предметы (реже дождь – см. № 8)	<i>лететь-летать</i> , (♦ ийти на дно)	на землю, вниз, с кого-чего; Ø	падать, опускаться вниз

1	2	3	4
32. Человек	лететь-летать	к кому; вслед за кем; Ø; сравнения типа «как ветер»	быстро двигаться по земле или воде с помощью средств передвижения или ног; мчаться, нестись-носиться**
33. Человек	лететь-летать	К + Дат. п. абстрактного сущ. (к отмщению), лица (к кому), НА + Вин. п. абстрактные сущ. (на смерть); Тв. п. от сущ. ум, мысль	мысленно устремляться куда-либо, на что-либо, кому-либо**
34. Мысль, ум	<i>течь*</i> , парить, <i>бродить*</i>		витать (о мыслях), переключаться с предмета на предмет.
35. Часы и другие механизмы	ходить	Ø; исправно, хорошо...	быть в действии, работать (о механизмах)
36. Человек	<i>скакать</i> , ехать-ездить, ристать, рыскать (для идти-ходить, бежать – см. № 1; для лететь – № 32)	НА + Пр. п. (название животного или транспортных средств)	двигаться по земле с помощью каких-либо средств передвижения (обычно верхом; на подводах...)
37. Живое существо (обычно человек; реже – предметы)	скакать	НА + что-либо (Вин.) С + Род. п. В, ЧЕРЕЗ + Вин. п.	прыгать (на что-либо, во что-либо, с чего-либо, через что-либо)
38. Живое существо (обычно конь)	скакать	Ø	двигаться прыжками
39. Человек	скакать	НА + Вин. п. сущ., означающего лицо (одушевл. сущ.)	наскакивать, кидаться на кого-либо, бросаться на кого-либо**
40. Человек (охотник)	ездить	Ø; С + Тв. п. сущ., означающего охотничью птицу	охотиться**
41. Человек	ездить* (перех.)	объект в Вин. п.	возить**

1	2	3	4
42. Человек	ездить	НА + Пр. п. лица	подчинять кого-либо своей власти**
43. Обувь, сосуды	течь		быть худым, протекать, пропускать воду**
44. Богатство, наслаждение...	течь		переходить, исчезать**
45. Живое существо	бежать-бегать (течь, ристать-рыскать – с оговоркой)	быстро, скоро	быстро двигаться, по земле с помощью ног, бегом
46. Человек	<i>брести</i> , бежать	розно, врознь; от кого	уходить, покидать насиженные места, убежать
47. а-б) Человек	а-б) брести-бродить; а) <i>лезть-лазить</i> (перех. и неперех.) по реке, в воде	реку; через реку (или название реки в Вин. п.), по реке, в воде	а) переходить реку вброд; б) ловить рыбу бреднем
48. Человек	ползать*	Ø	низкопоклонствовать, унижаться**
49. Пресмыкающееся, человек	ползти-ползать, гомзить-гомзати	по земле, на коленях...	двигаться по земле ползком, пресмыкаться
50. Человек	лезть-лазить	вверх, по лестнице, через что-либо, на гору (на стену...)	карабкаться вверх, взбираться на что-либо, подниматься куда-либо
51. Обувь, одежда	лезть	на кого-что	надеваться на что-либо, быть в пору**
52. Человек	блудить* (перех.)	кого (название лица, войско...)	предводительствовать, заводить не туда, куда надо**
53. Человек	бежать-бегать, <i>миновать</i>	кого-что или от кого-чего (сущ. типа: грех...) нередко с отрицанием НЕ	избегать (избегнуть), сторониться, избегать, освободиться от чего-либо

1	2	3	4
54. а-б) Человек	а) бежать-бегать; ходить (см. № 1); б) бегать	а) ЗА + Тв. п. одушевл. сущ.; б) ЗА + Тв. п. назван. лиц жен. пола	а) преследовать, гоняться*; б) ухаживать (обычно за женщинами), приставать, проявлять большой интерес
55. Холопы	бегать	(от кого)	быть в бегах (ср. № 46)
56. Человек	бегать	друг против друга	состязаться в беге, соревноваться**
57. Предмет	ходить*	по чему-либо (канат, веревка...); туда-сюда	двигаться взад-вперед**
58. Человек	грясти (для идти-ходить, шествовать – см. № 1)	вслед (по следу) кого-чего	следовать кому-либо в чем-либо, а также за кем-либо

• Если в I период исследуемые глаголы движения в совокупности имели 29 лексико-семантических вариантов, то во II период их семантическая система выросла вдвое – в XV–XVIII вв. они обладали уже 58 лексико-семантическими вариантами (причем № 13, 19, 47 и 54 можно рассматривать каждый как 2 семантических, хотя и близких варианта), из которых, впрочем, следует исключить 4 окказиональных употребления четырех разных глаголов движения (№ 48, 57, 41, 52; в двух последних моделях глаголы выступают как переходные). Основными по удельному весу в семантической системе глаголов движения II периода остались те же слова – глаголы *идти-ходить* (по 27,5 % и 29,3 %); без единичных случаев употребления, зафиксированных в таблице, – 25,8 % и 24,1 %, глагол *течь* (20,6 %, без учета окказионализмов – 13,8 %) и глаголы *бежать-бегать* (13,8 % и 12 %).

Удельный вес некоторых глаголов во II период значительно вырос: это касается почти всех моносемантических слов I периода. Так, процентное содержание в смысловой системе глаголов движения коррелятов *брести-бродить* увеличилось с 3,45 до 6,89 % и 8,62 % и т.п. Самую незаметную роль играют такие глаголы, как *бырать, гомзить-гомзять* (по 1,72 %) и некоторые другие.

• Более половины лексико-семантических вариантов оказались общими сразу нескольким разным глаголам движения, смысловые связи которых сильно упрочились и усложнились благодаря обилию новых вариантов, сложившихся в разных глаголах в результате действия трех основных закономерностей семантического развития слов внутри определенной лексической группы языка. Возникли сложные сплетения самых, на первый взгляд, далеких между собой слов (например, *плавать* и *парить* – см. № 24; *лезть-лазить* и *брести-бродить* – см. № 47 и т.д.). Однако 26 вариантов остались специфичными для того или другого глагола. Так, у глагола *ходить* существовало 6 вариантов, не перекрывающихся ни с какими другими глаголами; у глаголов *идти*, *скакать*, *ездить* – по 3, у глаголов *миновать*, *течь*, *бегать* – по 2 и у глаголов *шестьвовать*, *ступать*, *рыскать*, *ползти*, *лезть* и *блудить* – по 1 специфичному лексико-семантическому варианту. Некоторые из этих вариантов являлись фразеологией (№ 18, 22), некоторые – окказиональными употреблениями (см. выше); судьба остальных станет ясной лишь в следующий, III период.

• Таблица позволяет установить, какое количество лексико-семантических вариантов можно определить исходя из структурных моделей. Таких вариантов в общей сложности 44, что составляет приблизительно 80 % (от числа 53 вариантов). Из них 18 вариантов удается определить, опираясь лишь на детерминативы (№ 5, 6, 7, 8, 10, 11, 12, 21, 24, 26, 28, 34, 35, 38, 43, 44, 49, 51); по конкретизаторам можно распознать 19 лексико-семантических вариантов (№ 2, 4, 9, 15, 16, 17, 22, 23, 31, 33, 36, 39, 42, 46, 47, 53, 54, 56, 58); вся структурная модель легко выявляет еще 7 лексико-семантических вариантов (№ 3, 13, 14, 18, 19, 30, 27); 10 лексико-семантических вариантов трудно (или невозможно) определить методом дистрибуции (№ 1, 20, 25, 29, 38, 37, 40, 45, 50, 55). Для их выявления необходимо обращаться к более широкому контексту (см. описание таких случаев в § 9, 12 и др.).

СМЫСЛОВАЯ СИСТЕМА ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ В XIX–XX ВЕКАХ СРАВНИТЕЛЬНО С ПРЕДШЕСТВУЮЩИМИ ПЕРИОДАМИ

СЕМАНТИКА ОТДЕЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ В XIX–XX ВЕКАХ СРАВНИТЕЛЬНО С ПРЕДШЕСТВУЮЩИМ ПЕРИОДОМ

§ 1. В данной главе опускается анализ глаголов, ставших достоянием диалектов (как, например, глаголы *дыбать*, *гомозить* – см. об их уходе в говоры гл. III, § 1), а также диалектизмов, которые порою используются писателями в художественных произведениях (обычно – в целях речевой характеристики персонажей). Например, *хлынять* – говор амурских казаков, *клюсать*, *криуслать* – наречие бывшего череповецкого уезда и т.д.).

Просторечные слова, большое количество которых сразу бросается в глаза исследователю современного языка, также не рассматриваются в период XIX–XX вв. Среди просторечной глагольной лексики одни слова имеют иноязычное происхождение (например, *шлѐндать* – нем. *schlendern*), другие – диалектное (возможно, звукоподражательное *шлѐпать* и *шастать*), третьи – исконно русские элементы, когда-то стилистически нейтральные, идут из глубокой древности, но являются уже стилистически сниженными (*переть*, *шляться*)¹.

Вне изучения остается также небольшая группа глаголов движения, заимствованных из других языков в XIX–XX вв. (например, глаголы, связанные с теорией и практикой самолетостроения – *барражировать*, *планировать*, *пикировать* и др.).

Иначе говоря, исследованию подвергается та же глагольная группа, что и в период XI–XVIII вв., за исключением слов, ушедших из

---

¹ Глагол *шляться* часто относят к заимствованным словам, пытаясь произвести его от иноязычного *шлѐндать* (см. словарь Преображенского). Словарь Академии Российской 1847 г. рассматривает глагол *шляться* как производную форму от польского *sztak* (того же мнения придерживается А. М. Чепасова в диссертации «Просторечная глагольная лексика в современном русском языке». Саратов, 1954). О. Н. Трубачев в «Славянских этимологиях» высказывал мнение о русском происхождении этого слова (см.: Вопросы славянского языкознания. М.: Изд-во АН СССР. 1957. Вып. 2. С. 36–37).

взятой группы глаголов движения в другие группы или превратившихся в диалектные и просторечные.

Все рассматриваемые глаголы испытали на себе влияние времени и изменили (качественно и количественно) свой смысловый объем, одни в большей, другие в меньшей мере. С точки зрения характера этих превращений анализируемые слова можно разбить на три не равные по размерам группы.

В I группу входят глаголы, семантическая емкость которых либо значительно уменьшилась (по сравнению со II, а часто и I периодами) за счет того, что часть прежних лексико-семантических вариантов утратилась, а новых не прибавилось совсем, либо сохранилась такой же, какой, судя по имеющимся материалам, была во II период.

Во II группе находятся слова, сильно увеличившие свой смысловый объем, поскольку они приобрели новые лексико-семантические варианты, сохранив при этом все старые (не только возникшие в XV–XVIII вв., но и все варианты XI–XIV вв.). Обе группы незначительны по количеству глаголов, охваченных ими.

III группа очень обширна. Она охватывает слова, старые лексико-семантические варианты которых частью потеряны, частью сохранились, а к этим оставшимся присоединились новые, сформировавшиеся в XIX–XX вв.

§ 2. I группа.

I группа объединяет слова, уменьшившие свой семантический объем за последний период или сохранившие его прежним. Это глаголы *грясти*, *шествовать*, *миновать* и *ристать*.

За счет чего произошло сокращение смысловых систем двух первых глаголов? Уменьшился их семантический объем по сравнению только со II периодом или с I также? Являются ли они живыми глаголами в современном русском литературном языке или стали архаизмами?

Глаголы *грясти* и *шествовать*, можно сказать, постепенно вымирают. Смысловый диапазон глагола *грясти* сузился так сильно, что стал уже его семантического объема и в XI–XIV, и в XV–XVIII вв. В анализируемый период у глагола *грясти* сохранился лишь вариант, который мы будем продолжать условно характеризовать как «двигаться вообще», несмотря на то, что он стал менее широким, обобщающим, чем в I период. Глагол *грясти* в этом варианте употребляется почти исключительно в смысле «приближаться» (о чем свидетельству-

ют часто соответствующие предлоги); при этом глагол сочетается не только с названиями живых существ, но и с наименованиями временных единиц и даже абстрактными существительными. Наметившийся было во II период вариант «литься, струиться» исчез, как и вариант «тянуться», а вариант «следовать» слился с вариантом «двигаться вообще». Таким образом, самым стойким во времени оказался именно самый древний и в древности самый распространенный вариант.

О глаголе *грясти* уже нельзя говорить как о глаголе нейтральном и живом. Это – архаизм, придающий тексту окраску либо торжественности, либо шутливости:

Грядите – не с миром, но с войною для мира! Карамз. Марфа Посадница, т. VI, кн. 2, стр. 334; *И юный царь грядет торжественно, В порфире и венце, сияющ и доволен.* Огар. Сон, т. I, стр. 163; *Грядет основание Международной Советской республики.* СРС, Ленин. I конгресс Коминтерна, т. IV (XXIV), стр. 22, 1919 г.; *Хотя я все-таки еще продолжаю ждать, но все-таки знаю, что час полочки грядет.* Чех. Пис. Лейкину, 23/XI-1885 г., т. I, стр. 121; *Вдруг из дальних покоев грядет он (городничий) ко мне в шелковом, матерчатом таком балахоне.* СРС, Н. Усп. Поросенок, т. 8.

Снижение, как в двух последних примерах, глагола, принадлежащего когда-то исключительно высокому стилю, очень показательно само по себе: оно говорит о том, что слова не застывают в своей первоначальной стилистической функции.

Глагол *грясти* нередко встречается в цитатах из Евангелия, воспринимаемых как застывшие выражения:

Се жених грядет во полночи, это первый крик Благовестия и первое чудо Христа – превращение воды в вино, – что, собственно, все это значит для христианской метафизики. СРС, Мережковский. Не мир, но меч, стр. 30.

Следует добавить, что глагол *грясти* так и не преодолел своей грамматической неполноценности (недостаточности), т.е. он по-прежнему употребляется лишь в формах настоящего времени, повелительного наклонения и совсем не имеет прошедшего времени (в XI–XIV вв. в редких случаях встречался имперфект – см. гл. II, § 14) и приставочных образований. Видимо, именно это обстоятельство плюс отсутствие специфичных лексико-семантических вариантов и оказалось решающим в постепенном окостенении когда-то очень употребительного глагола и превращении его в архаизм.

§ 3. Аналогична судьба глагола *шествовать*. Он потерял все варианты, наметившиеся в XV–XVIII вв. – «проходить, протекать» (о времени), «литься, струиться», «устремляться на что-либо», а также вариант «жить, действовать», сохранившийся во II периоде от I. Во фразе: *Нева, великоленная, просторная, не шла, а шествовала, раскинувшись на 2 такие же великоленные, просторные Невы* (Кавер. Два капитана, ч. VII, гл. 5, стр. 431) мы имеем дело скорее с индивидуальным употреблением автора, чем с остатками бывшего лексико-семантического варианта (то же можно сказать о следующей фразе: *...сев в шлюпку, шествовал Невую рекою к Канецкой крепости*. СРС, О зачатии и здании царствующего града С. Петербурга. Русский архив, 1863 г., стр. 104). От эпохи XI–XIV вв., пройдя через XV–XVIII столетия, у глагола *шествовать* сохранился лексико-семантический вариант «двигаться вообще» (при этом глагол применим не только к живым существам, но и к абстрактным существительным) и выражение, которое теперь можно считать фиксированным, – «шествовать своею стезею» (остатки варианта «жить, действовать»):

Милый друг, я умираю, Но спокоен я душою... И тебя благословляю: Шествуй тою же стезею. СРС, Доброл. Милый друг, т. IX, стр. 487; *...должен признаться, что и не приготовлен шествовать ученою дорогою*. СРС, Лепехин. Дн. зап., ч. IV, стр. 310.

Глагол *шествовать* можно считать в настоящее время однозначным. В отличие от глагола *грясти* глагол *шествовать* грамматически полноценный глагол² и, возможно, именно поэтому он несколько более употребителен в настоящее время, чем глагол *грясти*. Глагол *шествовать* встречается порою в газетных очерках, стихах, где речь идет и триумфах и победах современной жизни и экономики:

По миру шествует наш человек, ломает старое, опрокидывает целые экономические системы. Лид. Две жизни, гл. VI, стр. 58; *С шелковой машиной действительно все обстоит благополучно. Она шествует по цехам как победительница, и первый ее узел уже поступил на сборку*. СРС, Катерли. Бронзовая прялка, стр. 27; *И по всей Москве в предмайском гаме и по всей земле страны шествуют созвучными шагами. Все приметы трудовой весны*. Жар. Тает снег, т. I, стр. 46.

Именно поэтому в словарях Ожегова и Ушакова глагол *шествовать* дан с пометой «высокое».

---

² Правда, глагол *шествовать* является малопродуктивным глаголом в образовании производных форм: реально существуют лишь *прошествовать* и *предшествовать* (но в совершенно ином смысле).

Однако используемый обычно в высоком стиле речи данный глагол все чаще употребляется шуточно и даже иронически:

Пошел вон! – Козел продолжал невозмутимо шествовать. Кожевников. Живая вода, ч. II, гл. 8, стр. 183, 1952 г.; *Подошла вторая гнедая – тоже пристроилась рядом с первой, а следом уже степенно шествовала третья.* Тендряков. Среди лесов, ч. II, гл. 15, стр. 166.

Глагол *шествовать*, как и глагол *грясти*, необходимо отнести к устаревшим словам. Очевидно, оба глагола в современном русском языке являются отживающими свой век словами, которые со временем могут исчезнуть из языка совсем (особенно это касается глагола *грясти*).

§ 4. В отличие от глаголов *грясти* и *шествовать* глагол *миновать* нельзя назвать архаичным, хотя этот глагол тоже приостановился в своем развитии.

Глагол *миновать* может быть переходным и непереходным; он является двувидовым глаголом. В семантическом отношении глагол *миновать* перестал развиваться: хотя у него в противоположность *грясти* и *шествовать* сохранились все лексико-семантические варианты II периода (вариант «проходить, проезжать мимо кого-чего-либо», в котором глагол стал употребляться только как переходный, а характеристика «мимо кого-чего» заменилась на конструкцию «миновать кого-что»; варианты «окончиться, пройти (о времени, каком-либо событии), исполниться (о возрасте)» и «избавиться, избегнуть чего-либо»), однако новых вариантов также не возникло.

Таким образом, данный глагол в современном русском языке постепенно становится менее употребительным.

Нечто подобное испытал и глагол *ступать*. Новых вариантов у него не сложилось в III период, но в сохранившихся старых наметились некоторые изменения, которые легко проследить по разным примерам. Глагол *ступать*, например, употребляемый в повелительном наклонении, может подменять глагол *идти* в варианте «сочетаться законным браком, выходить замуж»:

Они ее неволить не станут; кто мил, за того и ступай! А. Остр. Последняя жертва, д. III, явл. 12, т. VIII, стр. 122; *А как тебе скажут: ступай за пьяного, да еще и разговаривать не смей, и поплакать-то о себе не смей!* А. Остр. Воспитанница, д. III, явл. 1, т. II, стр. 192; *Невесты сами женихов не выбирают; за кого благословят родители, за того и ступай.* СРС, Загоск. Юр. Милославский, ч. I, гл. 9.

О сложившемся варианте в этом случае говорить нельзя, так как: 1) употребление глагола *стунать* ограничено лишь повелительным наклонением, как, впрочем, и в варианте «двигаться вообще», передающем обычно удаление; 2) примеры встречаются редко и главным образом в разговорном языке.

Как мы видим, несколько глаголов современного русского литературного языка сократили свой семантический объем, растеряв часть прежних вариантов и не приобретя новых, или не изменили его совсем. В результате этого одни глаголы (*грясти, ристать, шествовать*) превратились в архаизмы, другие (например, *миловать*) стали менее употребительны.

§ 5. II группа.

II группа (глаголы *лететь-летать, бежать-бегать, блуждать* и *парить*) диаметрально противоположна I. Слова этой группы увеличили свой семантический диапазон благодаря тому, что получили ряд новых лексико-семантических вариантов, сохранив все старые, тогда как только что рассмотренные глаголы, наоборот, не приобрели ни одного нового варианта в III период, растеряв (в двух случаях из трех) часть прежних. Причем глаголы *грясти* и *шествовать* сузили свой смысловый объем как в отношении II периода, так и по отношению к своей первоначальной семантической системе XI–XIV вв.; глаголы II группы увеличили свою семантическую емкость сравнительно с I, и со II периодами. Однако если для глаголов I группы были моменты, когда глаголы (например, *грясти* и *шествовать*) не только теряли старые, но и приобретали новые варианты (см. гл. III, § 16–17), то у глаголов II группы за всю историю ни разу не исчезали прежние варианты, а только прибавлялись новые. Следовательно, системы лексико-семантических вариантов глаголов *лететь-летать, бежать-бегать, блуждать* и *парить* в количественном отношении представляют собой смысловые системы XV–XVIII вв., обрастающие новыми вариантами в III период. Однако в старых лексико-семантических вариантах, перешедших в XIX–XX вв. из предыдущих эпох, иногда можно отметить некоторые видоизменения. Так, глаголы *лететь* и *летать* в варианте «двигаться по воздуху» относятся теперь не только к птицам, насекомым и т.п., но также к летательным машинам (самолет, дирижабль...) и людям, пользующимся ими. Здесь сказалось влияние внеязыкового фактора, что редко можно проследить на глаголах, но что часто наблюдается на существительных, имеющих предметную соот-

несенность. Очень большое развитие получил в III период вариант «нестись-носиться, мчаться по земле, воде (о людях и средствах передвижения)», т.е. стремительно *идти, бежать, ехать* и т.д., наметившийся уже в XVIII в. Писателями XIX–XX вв. он часто используется как окказиональный антоним то к глаголу *идти*, то к глаголу *ехать*:

Сама бы ты должна навстречу сыну не ехать, а лететь. СРС, А. Остр. Дм. Самозван. и Вас. Шуйский, т. V; *То появится Лидочка и спешит-спешит легкой, воздушной, подпрыгивающей походкой, будто и не идет она, а летит, чуть носками касаясь земли...* Фурм. Мятёж, т. 2, гл. II, стр. 77; *Но цепи русских шли в метели, Не шли, а наплывали в ней, Не наплывали, а летели. Все неотступней, все грозней.* Антокольский. В переулке за Арбатом. «Новый мир», 1954, № 11, гл. 14, 2, стр. 83; *Бегаю, настаиваю, грожу. Я не хожу – летаю.* Безым. Комсомолия.

По отношению к глаголам *бежать-бегать* глаголы *лететь-летать* в этом варианте выполняют функцию усиления впечатления от быстроты движения.

Беги, а получа вещь – лети! СРС. Сух.-Коб. Свадьба Кречинского; *С белым букетом из дымных роз бежит паровоз, летит паровоз.* Маяк. Наш паровоз, стрелой лети! т. IX, стр. 50; *Примчались, конь бежит, летит, Под ним земля шумит, дрожит.* Жук. Ленора, т. II, стр. 462; *Отвсюду посланные в дом, В котором Ольга проживала, Стремглав бегут, летят, спешат.* СРС, Розенгейм. Три встречи. 1858 г., т. XIV, Стих.

Иногда не только глаголы *бежать-бегать*, но и глаголы *ехать* и *лететь* оказываются в одном ряду, а им противостоит какой-нибудь третий глагол, часто индивидуально употребленный, например, у Федина – *парить*:

Он не ехал, не мчался, не летел, а парил вне земного пространства, оторвавшись от накатанной дороги. Фед. Первые радости, гл. 21, стр. 151.

Что касается средств передвижения, то это могут быть средства движения по воде, суше, т.е. глаголы *лететь-летать* объединяют в себе варианты «двигаться по воде и по земле, но быстро мчась»:

Чудесный воин на коне Грозой несётся, колет, рубит, в ревущий рог, летая, трубит. Пушк. Русл. и Людм., т. II, стр. 438; *На пушки конница летала...* Лерм. Поле Бородина, т. I, стр. 177, 4; *Мы, други, летали по бурным морям.* СРС, Батюшк.; *Летит по рынку фэзтон*

с 2-ми завернутыми женщинами. Ильф. Зап. кн. 1925 г., изд. 1967 г., стр. 39; «Москвич» **летит** во весь опор. Долматовский. В суровый час, гл. 2. «Знамя», 1962, № 8, стр. 7; *Лодка стрелой летала к лесу, оставляя за собой след, блестящий на солнце, как серебро.* М. Г. Варенька Одесова, т. II, стр. 240.

Таким образом, в этом варианте глаголы *лететь-летать* имеют обобщенный характер – «мчаться, носиться» (независимо от того, происходит ли передвижение пеше или с помощью каких-либо средств передвижения, по земле или по воде; относятся ли глаголы к людям или к самим средствам передвижения). У обоих коррелятов сохранились также варианты «падать»³ и «мысленно уноситься, устремляться куда-либо, куда-то; витать (о мыслях)», а также индивидуальный вариант глагола *лететь* «проходить, длиться (о времени)» и вариант «распространяться (о славе, слухах)», имеющий узкую сферу употребления.

Новым лексико-семантическим вариантом глаголов *лететь-летать* является вариант, применимый к бросаемым и находящимся в полете (благодаря толчку извне) предметам. Он присущ обоим основам:

На кафедру летит град яблоков и фиг. СРС, Батюшк. Странств. и домосед. 1815 г.; *А к царевне наливное, молодое, золотое, Прямо яблочко летит.* Пушкин. Ск. о сп. цар. и 7 богат., т. II, стр. 342; *В президиум летели все новые и новые записки.* Кетлинская. Дни нашей жизни. «Знамя», 1952, № 9, стр. 107; *Работа шла без перерывов: мячи летали от барьера за линию мишеней и обратно.* Фед. Города и годы, т. I, стр. 92; *Вокруг меня с легкостью пуховых подушек летали мешки риса, тюки изюма, кож...* М. Г. Мои университеты, т. XIII, стр. 530.

³ В варианте «падать» глагол *лететь* был применим во II период, как и глагол *идти*, к названиям осадков (дождь, снег...). В XIX–XX вв. в смысле «лечь, падать (об осадках)» глагол *лететь* встречается лишь по говорам: *В Мануиловке крестьяне не говорят «дождь идет», «дождь шел», а «дождь летит, летел».* СРС, Вяз. Старая записная книжка, т. IX, стр. 230; *Как дошла я до деревни, дождик уже стал лететь большой.* СРС, Ордеж. р-н, Петрова. Если же в современном литературном языке и говорят «Снег **летит**», то глагол означает здесь скорее «несть по воздуху», чем «падать»: *... снег косо летел, цепляясь за верхушки деревьев.* Пауст. Корзина с еловыми шишками, т. 5, стр. 428; *А снежок все летел, все летел: над плетнем, над избой, над садами, село серебря.* Недогон. Флаг над с/с, ч. I, гл. 3, стр. 12.

Широкое развитие получил в XIX–XX вв. вариант «проходить (о времени)», первые примеры на который появились еще в XVIII в. (причем, первоначально этим складывающимся вариантом были охвачены обе основы – см. гл. III, § 9). В XIX–XX вв. данный вариант наблюдается лишь у определенного коррелята.

Часы невидимо летели. Пушкин. Русл. и Людм, т. II, стр. 425; *Слишком юношески, но хорошо летело мое время.* Черн. Пролог, ч. II, стр. 362; *Дни идут, бегут недели, даже месяцы летят.* Прокофьев. Встали двое поросят... «Правда», 19/XII-1958 г., № 353.

Определенный глагол (*лететь*) оказался богаче лексико-семантическими вариантами, чем его коррелят. У определенной основы в начале XIX в. (конец XVIII в.) можно было наблюдать своеобразный и быстро исчезнувший вариант «преуспевать по службе» (нередко в выражении *лететь в чины*):

Из нашей же фамилии Простаковых, смотри-тка, на боку лежа, летят себе в чины. Фонвиз. Недоросль, д. I, явл. 6; *В губернии супруг ваш долго не останется. Он летит выше!* СРС, Бобор. Поумнел; *Молодые люди, числящиеся только в службе при министерствах, летели из чина в чин.* СРС, Дмитр. Взгляд на мою жизнь. Соч., т. 2.

К XX в., правда, этот вариант необходимо признать уже устаревшим.

К новым лексико-семантическим вариантам глагола *лететь* следует отнести вариант «разноситься по воздуху, распространяться, доноситься (о звуках)»:

Твое серебряное пенье летит и тонет за рекой. Надс., т. I, стр. 20; *Поверх туманов легко и весело летел во все концы праздничный трезвон.* Шишк. Угрюм-река, т. II, стр. 13; *Снизу летели пленительные звуки.* Данил. Беглые в Новороссии, т. I, ч. 3 (V, стр. 30); *Снова в уши матери отовсюду, из окон, со дворов ползли и летели слова, тревожные и злые...* М. Г. Мать, ч. I, гл. 27.

В применении к облакам встречается также определенная основа:

Летят облака, шушат колеса, старый господин начинает потряхиваться. Корол. В облачный день, т. III, стр. 251; *Где-то вдали небо еще краснело. Тяжелые облака, чуть-чуть отражаясь в воде, быстро летели туда.* М. Г. Кража, т. XIV, стр. 121; *В дали голубой Две белые чайки неслись над водой, И серые тучки летели.* СРС, Апухтина. Отчалила лодка.

Глагол *лететь* часто употребляется в смысле «быстро измениться» (в цене, уровне):

На бирже паника. Доллар летит вниз. СРС, АТ. Черная пятница.

Определенная основа (*лететь*) используется также, когда говорят о кажущемся движении предметов, мимо которых человек сам быстро движется. При этом иногда создается иллюзия, что предметы, например, за окном быстро идущего поезда уходят куда-то назад, порой – что они идут рядом с поездом или навстречу ему. Данным вариантом обладали и другие глаголы движения – *бежать*, *идти*, *плыть*. По сравнению с ними глагол *лететь* означает более стремительное движение. У Гоголя в «Мертвых душах» при описании быстрой езды на тройке мы встречаем в одной фразе сразу несколько вариантов многого движения предметов, передаваемого глаголом *лететь*:

Кажись, неведомая сила подхватила тебя на крыло к себе, и сам летишь, и все летит: летят версты, летят навстречу купцы на облучках своих кибиток, летит с обеих сторон лес, летит вся дорога нивесть куда в пропадающую даль; ... летит мимо все, что ни есть на земле... Гог., соч., т. V, стр. 258–259. Ср.: *Мерин не выдержал и побежал под гору. Мимо поземкой летели взгорки и мелькали овражки.* Гладков. Повесть о детстве, гл. 40, стр. 435.

Глагол *лететь* в этом варианте очень часто сочетается с наречиями *мимо*, *навстречу*, *назад* и др.

Из новых вариантов определенной основы интересен также вариант «тратиться, расходоваться, быстро исчезать (обычно о деньгах)»:

Я разоряюсь, так и летят из кармана тысячи. СРС, Батюшк. Пис. Гнедичу, май 1817 г.; *Какое твое хозяйство-то? Грошовое. Тряпки в чулане перебирать. А тут сотни летят.* СРС, А. Остр. На бойком месте.

Наконец, у глагола *лететь* к XX в. сложился лексико-семантический вариант «разлетаться, устремляться в стороны, вверх (в частицах земли, воды...)»:

По непросохшей грязной дороге шлепали копыта и летели в стороны брызги и комья грязи. Серг.-Ценск. Медвежонок, II, 247; *Машины мягко скрипели, пробегая мимо поверженных антилоповцев. Прах летел из-под колес.* И. и П. Золотой теленок, стр. 399; *Срезанные лошадиными копытами, во все стороны летели, словно крупные капли крови, пунцовые головки тюльпанов.* СРС, Шолох. Тихий Дон.

В отличие от определенного коррелята неопределенная основа в III период семантически беднее. У нее возникает лишь один индивидуальный вариант: глагол *лететь*, как и глагол *бегать* еще в конце II периода, обозначает быстрое движение руки, пальцев рук при игре на каком-либо инструменте, при рисовании, писании, игре в карты:

Белые руки Раисы плавно, быстро, уверенно летали над столом. СРС. Гладков. Вольница, т. 5, стр. 138; *Летай не робкими перстами по очарованным струнам.* СРС, Жук. Вяземскому; *Упали без жизни усталые руки, Привыкшие бегло летать по струнам.* Надс., т. I, стр. 188; *...по струнам Летай игривыми перстами.* Пушк. К Батюшкову, т. I, стр. 131.

Таким образом, корреляты *лететь-летать* прошли большой путь от однозначных глаголов в XI–XIV в. до полисемантических слов, довольно сильно разошедшихся по смыслу в XX в. за счет большого количества новых лексико-семантических вариантов, специфичных лишь для определенной основы.

§ 6. Другой представитель разбираемой группы – глагол *парить*. Он не утратил ни одного из вариантов XV–XVIII вв. («витать (о мыслях)», «двигаться по воздуху») и хотя приобрел только один новый, тем не менее в нем ощущаются большие смысловые сдвиги. Сочетаемость глагола с другими словами в обоих сохранившихся вариантах сильно возросла, расширилась.

Так, в варианте «витать, переключаться с предмета на предмет (о мыслях, духе и т.п.)» конкретизирующее слово может отвечать на вопрос не только «где?», но и «куда?». В последнем случае глагол *парить* означает уже «мысленно устремляться куда-либо кому-либо, возноситься в область возвышенных идей, мыслей, чувств»:

К тебе, мой Бог великий, вечный, Желанья все мои парят. Крыл. Подражание псалму. XVII; *И душа его парит К новой сфере бытия.* СРС. Полеж. Мертвая голова, стр. 92. На данный вариант был зафиксирован (правда, единственный) пример уже XVII в., и приводился он под вариантом «витать».

В отличие от глаголов *лететь-летать*, имевших аналогичный вариант, у глагола *парить* в большей степени ощущается стилистическая окраска в этом варианте, который, кроме того, можно считать устаревшим в XX в. С другой стороны, в варианте «витать» глагол *парить* сочетается не только с сущ. *мысль*, *дух*, как в примерах: *Гораций этой заботы не знал, оттого и дух его парил так высоко* (СРС, А. Остр.

Трудн. хлеб); *И царственной высоко Ты мыслию паришь* (СРС, АКТ. Царь Борис; здесь модель трансформирована – см. об этом ниже), но также с сущ. *тьнь, слава, интерес, чувство* и т.д., означая, говоря точнее, «царить, господствовать над чем-либо»:

Над пробужденным Петроградом Екатерины тень парит. Рыл. Видение, стр. 91; *Над этим кружком (Белинского) невидимо парила тень Станкевича*. СРС, Пан. Лит. воспоминания, ч. II, гл. 1; *Какой-то высший интерес парил над обществом*. СРС. Ключевский. Курс русской истории, т. II, стр. 505.

Подобные употребления, редко встречающиеся в XX в., также являются уже устаревшими. Глагол *парить* может встречаться в том случае, когда речь идет о реальных предметах (флаги, полотнище). В этом новом употреблении, возникшем на основе варианта «двигаться по воздуху», глагол можно охарактеризовать иногда как «развевается, полощется»:

Адмиральский флаг парит над эскадрой, подобный одному из черных орлов на адмиральских погонах. Соболев. Капитальный ремонт, I; *...над крышей отеля с достоинством парило полотнище национального флага*. Фед. Похищение Европы, кн. I, т. IV, стр. 12; *Бетси, одетая по крайней последней моде, в шляпе, где-то парившей над ее головой, встретила Алексея Александровича*. Л. Т. Анна Кар., ч. IV, гл. 19, т. XVIII, стр. 444.

В первоначальном своем варианте «двигаться по воздуху» глагол *парить* означает теперь не просто двигаться по воздуху, а двигаться особым образом, распластав крылья, как бы вися в воздухе (привилегия далеко не всех птиц, а главным образом хищных); очень часто с конца XIX–XX вв. глагол *парить* противопоставляется глаголу *летать*:

(Чайки) превосходно летают и, подобно хищникам, могут парить, не производя движений крыльями. Арсен. В горах Сихотэ-Алиня, гл. 6, т. III, стр. 107; *Он не летает как прочие птицы, а парит, либо ширяет*. С.-Щ. Орел-меценат. Избр. сказки, стр. 47; *Хорошо парят также хищные птицы – орлы, аисты, пеликаны*. СРС, Матвеев. Курс зоологии, стр. 557; *Тогда Петька вернулся на сеновал и решил попробовать летать, как ястреб, не шевеля крыльями, парить*. СРС, Вишневская. Песнь человеческая. II, стр. 469.

Этот же глагол используется для передачи полета планера, напоминающего паренье хищных птиц; при этом он обозначает «держаться

ся в воздухе, попадая в восходящий поток воздуха» или «лететь с равномерным снижением по наклонной траектории при выключенном моторе (о самолете)»:

Необходим длинный склон, вдоль которого планер мог бы парить. СРС, Стоклицкий. Практика планеризма, стр. 16; *Парить может каждый уверенно летающий планерист, попадающий в область достаточно сильного восходящего потока.* Там же, стр. 62; *Это парят наши гидропланы.* Нов.-Приб. Подводники, изд. 1950 г., т. II, стр. 126.

Этот новый лексико-семантический вариант имеет узкоспециальную сферу употребления и поэтому дается в словаре с пометой «спец.».

§ 7. В данную группу глаголов движения входят также глаголы *блудить-блуждать*, у которых дополнительно к их единственному варианту «снижаться, странствовать⁴, блуждать без дороги» появились новые, причем в литературном языке глагол *блудить*⁵ почти не встречается, поэтому в дальнейшем речь пойдет лишь о глаголе *блуждать* (в I и II периодах, наоборот, речь шла о глаголе *блудить*, поскольку старославянизм *блуждать* практически почти не встречался).

У глагола *блуждать* возник новый лексико-семантический вариант «переходить с предмета на предмет, иногда не замечая его (о глазах, взоре)»:

Дико блуждали в пространстве черные ее очи. Марл. Красное покрывало, т. II, стр. 18; *Серые глаза, лишённые зренья, но открытые, блуждали без цели.* Печер. Старина, т. IV, стр. 169; *Помутившиеся глаза его блуждали, с первого раза он не заметил меня.* Дост. Не-

---

⁴ Этот вариант передается также диалектным глаголом *блукать*: *Блукаю я, как метель в степи.* СРС, Шолох. Тихий Дон, V, 2; *Мы тут в потемках блукаем.* Там же, IV, 17; *От скуки и по несколько часов блукал по безалаберным Сальякам обязательно в сопровождении Агаикти.* СРС, Живопись России, 1901 г., № 25 (Курильские очерки); *А ты что блукаешь? – в свою очередь спросил Быланин.* СРС, Наседкин. Большая семья, ч. I, гл. 4, стр. 27.

⁵ Глагол *блудить* очень редок в этом варианте: *Я провел недели в крепости и до последнего дня блудил, как в лесу, между этими лабиринтами батарей.* Л. Т. Пис. брату, 20/XI-1854 г., т. XXI, стр. 636; *И я людям верил и блудил, как в тайге, так запутался, что не чаял выбраться.* Л. Т. Воскр., ч. III, гл. 21, стр. 326; *Неохота по вашим лесам без пути блудить, – отвечал Потап Максимыч.* Печер. В лесах, ч. I, гл. 15, стр. 201. Ср.: *Блудилась по лесу, не пили, не ели двою суток.* Писем. СРС, Леший. *Блудить* употребляется только как непереходный глагол; транзитивность (см. гл. III, § 2) исчезла.

точка Незванова. II, т. II, стр. 92; *И по твоим холмам блуждал ее прощальный взгляд*. СРС, Марш. Люси. Из другого времени, стр. 159.

Данный вариант выявляется не только в модели, имеющей в качестве детерминатива сущ. *глаза* (*взгляд, взор, очи* и т.п.), но также в модели, где это существительное, стоящее в Тв.п., служит конкретизатором (при детерминативе «Живое существо»):

Многие посетители музея неопределенно блуждают глазами по голубым сводам. Пришв. Щучий бой, т. III, стр. 27; *Он продолжал блуждать бессмысленным взором по углам, по полу*. Тург. Странная история, т. VIII, стр. 160.

Подобные трансформации свойственны, как это будет видно дальше, и другим глаголам, имеющим данный вариант. Лексико-семантический вариант «витать (о мыслях)»⁶ возник у глагола *блуждать* в начале XIX в.:

И вдалеке мечты ее блуждали, Пока ее играть не посылали. Лерм. Ск. для детей, 17, 1839 г., т. II, стр. 434; *И мысль моя, Бог знает, где блуждает*. СРС, Никит. Перем., 1856 г.; *Видно было, что мысли его далеко блуждали за пределами настоящего разговора и заняты были совсем другим*. Григор. Проселочные дороги, ч. I, гл. 10, т. III, стр. 172; *Мысли ее блуждали в прошедшем*. АКТ. Кн. Серебр. XVI, т. IV, стр. 138; *Иудушка долго блуждал мыслью*. С.-Щ. Господа Головлевы. VII, т. II, стр. 260.

Наконец, к новым относится и вариант, передающий появление и исчезновение легкой улыбки на губах человека, теней, т.е. «мелькать, появляться и исчезать»⁷:

На пухлом вспотевшем лице его блуждала какая-то жалкая улыбочка. Бабаев. Кавалер Золотой Звезды, кн. I, гл. 30, стр. 294; *Улыбка глубокой радости блуждала на ее губах*. Тург. Три встречи. I, т. V, стр. 253; *Фома был бледен... по лицу блуждала улыбка, неясная и ленивая*. М. Г. Фома Гордеев. VIII, т. III, 186.

Таким образом, новые варианты развились только у глагола *блуждать*, а глагол *блудить* ушел в диалекты и просторечие.

⁶ Тот же вариант есть у диалектной формы глагола *блукать*: *Они не заблуждаются и не блукают умом там, в пространстве*. СРС, Бонч-Бруевич. Материалы для истории раскола и сектант., т. IV, стр. 22.

⁷ В диалектах, судя по примерам из Шолохова, который щедро вводил в свои произведения диалектизмы, у глагола *блудить* есть этот вариант: *На калмыцком, углосколом лице его блудила довольная улыбка*. Шолох. Тихий Дон, IV, 8; *На лице Митьки блудила виноватость*. Там же, II, 2; *По лицу еврея блудила судорога*. Там же, III, 5.

§ 8. У глаголов *бежать-бегать* от XI–XIV вв. дошли до наших дней варианты «убегать», «избегать» и «быстро двигаться по земле с помощью ног или на животных»; от XV–XVIII вв. сохранились варианты «преследовать, гоняться за кем-нибудь» (в том числе «ухаживать за женщинами»), «двигаться по воде с помощью каких-либо средств передвижения или им самим», а также «проходить (о времени)» и «струиться, литься» у глагола *бежать* и «быть в бегах» и «соревноваться» у глагола *бегать*. Употребление «двигаться по земле на лошади» встречается в XX в. только в диалектах⁸, по преимуществу в местах, заселенных казаками – в Сибири, на Дону, Урале. В этом варианте глагол *бежать* отмечен в сборниках диалектизмов, собранных Карповым:

Бежать – ехать (и в прямом смысле⁹ *бежать*). *Это кто пробежал?* т.е. проехал на лошади или в возке на лошадах. *Станичный прибежа*, т.е. приехал станичный атаман¹⁰.

Бежать – ехать на лошадах. «*Это кто бежит?*» атаман на низ побег (т.е. атаман поехал вниз по «линии»). Когда же нужно сказать это слово в смысле «бежать пешком», то казаки говорят *бечи*. «*Надо к начальнику бечи*»¹¹. Ср.: *Пятеро верховных навстречу бегут*. Шолох. Донск. расск., стр. 35; *Разъезд сюда бежит!* – воскликнул Стерлядиных. Шолох. Тихий Дон, т. IV, ч. 8, гл. 15, стр. 411; *Наперед бежит генералушко...* *Упал он коню на черну гриву*. СРС, Пивоваров. Донск. казачьи песни, стр. 98; *Куды, барин, бежишь? Бежит на колокольцах (едет с колокольчиками)*. СРС, Маляревский. Тобол. губ.

Новых лексико-семантических вариантов у глаголов *бежать-бегать* много, но общих обеим основам мало и к тому же они не рав-

⁸ По диалектам у глагола *бежать* встречается также вариант «линять». Это новый вариант, но его нет в литературном языке: *Голубой ситец от солнышка бежит*, *Алый ситец от воды шибко бежит*. СРС, АГО, XXV, 36. Гурьев. Карпоп.; *Алый цвет, мой друг, от солнышка бежит*. СРС, стр. 371.

⁹ Традиционное разделение на прямое и переносные значения, которому следует и Карпов, неправомерно, что мы видим хотя бы на примере глаголов *бежать-бегать*, где «прямой» смысл коррелятов (т.е. «быстро двигаться по земле с помощью ног») оказывается как раз вторичным, а переносные значения «избегать» и «убегать» – первичными. То же можно сказать о вариантах «двигаться вообще» и «литься, струиться» у глагола *течь* и т.д.

¹⁰ См.: *Карпов А. Б.* Сборник слов, синонимов и выражений, употребляемых амурскими казаками // Сб. ОРЯС. 1910. Т. XXXVII, № 1. С. 21.

¹¹ См.: *Карпов А. Б.* Сборник слов и выражений, употребляемых уральскими казаками. Уральск, 1913.

ноценны у разных коррелятов. Так, вариант «мелькать, появляться и исчезать (об улыбке, о тенях, переходящих с места на место...)» чаще встречается у глагола *бегать*, реже – у глагола *бежать*:

Блаженная улыбка не переставала бегать по угловатым чертам его лица. СРС, Аникин. Деревенские рассказы. Жить надо, стр. 26; *...на губах бегают одни смешки.* Левит. Счастл. люди. III, т. II, стр. 231; *Рекламные огни бегают по крышам и карнизам домов.* Фед. Похищение Европы, кн. I, гл. 19; *По чернолаковым квадратам, завершившим каски, бегали неуверенные тени утреннего неба.* Фед. Города и годы, т. I, стр. 110; *Желтая тень оврагов быстро бежала по откосу...* Григор. Смедовская долина, т. V, стр. 8; *По губам Паишки бежит тонкая струйка насмешки.* Леон. Барсуки, ч. I, гл. II, стр. 52.

В двух последних примерах глагол *бежать* точнее было бы охарактеризовать как «постепенно передвигаться в каком-либо направлении, распространяться дальше». Глагол *бежать* в этом варианте имеет широкий круг разнообразных детерминирующих слов – *тревога, огонь, топот* и т.п. Общим является и вариант «перемещаться по небу (о тучах)». Чаще попадает он у определенной основы:

Тьма была кругом, и облака бежали в небе. М. Г. Хан и его сын. 17, стр. 206; *Луна стояла уже высоко и под ней быстро бежали облака.* Чех. Три года. I, т. VIII, стр. 391; *Ветер бесился из всех сил, тучи быстро бежали по небу, заслоняя луну.* Павл. Счастье, ч. I, гл. 2, стр. 57.

Оба коррелята используются, когда речь идет о быстром движении самих средств передвижения по суше:

Лесозавод дымил, электротележки бежали между штабелями у биржи. Кавер. Два капитана, ч. IX, гл. 7, стр. 563; *А где урожаем всего 10 ц, там тракторы бегом бегают.* СРС. Овечкин. В одном колхозе, стр. 260; *И дрезина бежала и бежала с глухим шумом по рельсам.* Лид. Большая река. VI, стр. 230; *В сумраке, моргая красными очами, бежал поезд.* М. Г. Жизнь ненужного человека. XXII, т. VIII, стр. 208.

Все остальные варианты специфичны для той или другой основы. Так, глагол *бежать* может означать «быть худым, протекать», правда, этот вариант бытует в диалектах или в просторечии:

Сплели лодку из камыша, спустили на воду, лодка не бежит, если и поехали. СРС, Ончуков. Павдинск; *Бочка бежит, сапоги бегут.* СРС, Ростовск. обл. Волоцк.

Подобно многим глаголам движения, глагол *бежать* приобрел вариант «тянуться (о линиях)»:

Невдалеке бежала проселочная дорога. Марл. Поездка в Ревель, пис. 2, т. VI, стр. 30; *Мимо лавки бежит почтовая дорога на уездный город Н.* СРС, Гл. Усп. Из деревенского днв. I, 2; *В долине, вьющейся в вилле Урбах, бежит белое шоссе.* Фед. Города и годы, т. I, стр. 124.

Вариант кажущегося движения, отмеченный нами уже у глагола *лететь*, также появляется у глагола *бежать* в начале XIX в.:

Лесистый берег назад бежит. СРС, Жук. Вадим (12 спящих дев); *На быстром движении тройки горы бежали по дороге.* Л. Т. Казаки, т. III, стр. 158; *По сторонам поезда бегут орловские или курские бугристые поля, овраги...* Кочетов. Журбины, гл. 9, разд., 3, стр. 215; *Плыву на своей подушке – льдине; Бегут берега, за видом вид.* Маяк. Про это, т. VI, стр. 89.

В поэзии часто используется определенная основа в применении к волосам, означая «распадаться, ниспадать, рассыпаться, падать на плечи»:

С открытой головы его бежали обильно на плечи кудри, черные, как вороново крыло. Лажечн. Последний Новик, ч. I, гл. 5 (1, 66); *И мокрые власы бежали по голым персям старика.* Лерм. Олег. 1829 г. II, стр. 59; *Барашками кудри бегут по плечам.* Бенед. Совр. Идиллия. I, стр. 48.

У коррелята *бежать* сформировался вариант «спешить (о часах)»:

Что это, неужели половина 8? Быть не может, верно, бегут! СРС, Дост. Преступ. и наказ., ч. I, гл. 6; *И взглянул на часы и встал, чтобы сойти в гостиную. Не верьте им: они бегут!* – сказала София. Марл. Часы и зеркало, т. IV, стр. 246.

Глагол *бегать*, подобно глаголу *летать* и в противоположность корреляту *бежать*, встречается, когда речь идет о быстром движении пальцев, рук (обычно при игре на музыкальных инструментах); он зародился еще в XVIII в.:

Я бегать стал перстами По тоненьким струнам. Лом. Разговор с Анакреоном, стр. 65; *Пальцы тонких, красивых рук быстро бегали по клавишам.* Верес. Без дороги. I, т. I, стр. 82–83; *Пухлые ее пальчики быстро бегали по клавишам и никогда не ошибались.* Григор. Два генерала. VIII; *Пальцы Люси быстро бегают по клавишам.* СРС, В. Некр. В окопах Сталинграда; *Рука бегала по бумаге быстро, заполняя в конце строчки кверху.* Фед. Города и годы, т. I, стр. 336.

У неопределенной основы – глагола *бегать* – новым является вариант «переходить с предмета на предмет (о глазах)», а также выражение *бегать глазами*:

Глаза его бегали весело и беспокойно. Златовр. Внук. I, стр. 276; *Бегают дед по мандату непонимающими глазами.* СРС, Невер. Веселые расск. 3, IV, стр. 21; *И движения старика были неуверенны, и глаза трусливо бегали.* Горбат. Обыкновенная Арктика. Избр., стр. 135; *Офицеры бегали глазами и уклончиво отвечали.* Верес. На японской войне, т. XI (V, стр. 234).

Широко распространился в XIX–XX вв. у глагола *бегать* вариант «кататься (на коньках, лыжах)», зародившийся в конце II периода:

Препоручено было всех здоровых и неувечных мальчиков занимать играми, укрепляющими тело, как-то бороться, бегать по льду на коньках и по снегу на лыжах... Держ. Мечты о хоз. Устройство воен. сил, т. VII, стр. 468–469; *Я сегодня бегала только 6-ой раз и довольно смело раскатывала.* Книппер. Пис. Чехову, 19/I-1900 г., I, стр. 123; *Грузный Иван Сергеевич бегал на лыжах легко и красиво.* СРС, Раев. Только вперед, ч. I, гл. 2, стр. 22; *На лыжах празднично я бегаяю, снежками шишки я сшибаю.* Евтушенко. «Нежность», стр. 107; *Он и был спортсмен – прекрасно бегал на коньках и получил за один сезон 2 приза.* СРС, Катерли. Бронзовая прялка, гл. 2. Повести, стр. 271.

Таков круг разнообразных и многочисленных лексико-семантических вариантов глаголов *бежать-бегать* в период XIX–XX вв.

§ 9. Наконец, к группе глаголов движения, непрерывно накапливающих лексико-семантические варианты в дополнение к сохранившимся старым, необходимо отнести глагол *рыскать* (старославянизм *ристать/рисковать*; см. § 2), который в предыдущие эпохи рассматривался параллельно глаголу *рыскать* и еще существовал в XIX в. с лексико-семантическим вариантом «двигаться по земле на коне, обычно – участвуя в соревнованиях». В XX в. глагол *ристать/рисковать* совсем исчез из живого литературного языка.

У глагола *рыскать* от II периода сохранился вариант «искать, бегая», причем теперь усилилась абстрактная сторона этого варианта, т.е. глагол означает «искать» и в отвлеченном плане¹², а не только бе-

¹² Хотя Обломов не *рыщет* по свету за исполинским делом, но все-таки мечтает о всемирной деятельности. СРС, Доброл. Что такое обломовщина? III, 179; Пускай вздыхает Адонис, Пусть за победами он *рыщет*. СРС, Крылов; К счастью... За победой *риставшие* оба. СРС, Гнедич. Илиада. XXIII.

гая буквально (здесь же можно выделить смысл «гоняться за чем-нибудь, т.е. искать что-то»). Вариант «двигаться по земле с помощью каких-либо средств передвижения» слился с первым, поскольку и в нем на первый план выдвигается смысл «искать что-либо».

Глагол *рыскать* – живой глагол, так как у него появляется некоторое число новых вариантов. Таков, например, вариант, возникший в XIX в. и уже почти вымерший к XX в., – «путешествовать, странствовать по чужим землям»:

Ступайте, полно вам по свету рыскать, Служа страстям и нуждам человека. Пушкин. Скупой рыцарь, сц. II. Подвал, стр. 120; *Я все рыскал, был в Неаполе и завтра еду из Турина прямо в Россию.* Дост. Пис. Тургеневу, 18/X-1863 г. Переписка, стр. 69; *Это, увы! – современный герой! Книжки читает и по свету рыщет.* Некр. Саша. I, стр. 152, изд. 1953 г.

Наиболее частым конкретизатором выступает выражение «по свету». Новым является также вариант «посещать кого-что-либо, бывать где-либо без определенной цели», также почти не встречающийся в XX в.:

Да какое им другое дело, понятным, прости их господи, как только что по гостям рыскать. Солл. Большой свет, т. I, стр. 105; *Изволь-ка, сударыня, сидеть дома да прясть, а не рыскать по гостям.* Марл. Замок Эйзен. I, стр. 146; *(она) часто голодала в то время, когда дядя рыскал по театрам и балам.* СРС, Шелл.-Мих. Гнилые болота, ч. I, гл. 5; *Она была охотница рыскать по кумушкам.* Бел. Пис., т. II, стр. 112; *Молодая женищина исправляет мужа-повесу, начав сама рыскать по балам.* СРС, Бел. Соч., т. VIII, стр. 300.

Своеобразен лексико-семантический вариант «снова», очень частый в применении к лодкам, пароходам и другим средствам передвижения (главным образом, по воде); он отмечается у глагола *рыскать* уже с XVIII в., но особенно часто встречается в XX в.:

Немецкие подводные лодки рыскали у самых ворот порта. Пауст. Черн. море, т. I, стр. 182; *Чуть стемнеет, на рейде начинают рыскать японские миноносцы.* Степан. Порт-Артур, кн. I, ч. I, гл. 6, стр. 143; *Немецкие корабли рыскали по заливу.* СРС, Ардаматский. Святые люди, т. I, стр. 170; *Плывут низкие, прижатые к воде миноносцы и рыскают торпедные катеры.* СРС, Закруткин. Кавказские записки, стр. 93.

В XIX и преимущественно в XX в. глагол *рыскать* приобрел лексико-семантический вариант «переходить глазами, взглядом с предмета на предмет». Как и в случае с глаголами *бегать*, *блуждать*,

структурная модель может быть трансформирована: глаза *рыщут* → *рыскать* глазами. Например:

Глаза ее стали **рыскать** кругом. Бобор. Перевал, т. 2, стр. 264; *Встревоженный слух ловил каждый шорох, глаза **рыскали** по сторонам.* Полев. Повесть о наст. чел., ч. I, гл. 6, стр. 23; *Глаза, как у человека, собирающего грибы, сами собой **рыщут** вокруг.* СРС, Билль-Белоцерковский. В джунглях Парижа, стр. 129; *Мазин **рыскал** глазами по лагерю, оглядывая постройки.* Осеева. Васек Трубачев и его товарищи, кн. II, гл. 56, стр. 368.

Наконец, следует сказать о терминологическом употреблении глагола *рыскать* – его используют в тех случаях, когда говорят про судно (реже – самолет), которое легко уклоняется от своего курса, занимает неустойчивое положение. Структурная модель, как это обычно бывает в терминологических вариантах, нечетка. В данном случае она сближается с моделью, выявляющей вариант «сновать», однако полный контекст и конкретизатор типа «вправо и влево», «по сторонам» позволяют различать эти два варианта:

*Будет ли корабль устойчив при ветре и волнении или будет **рыскать**, уваливаться, также сказать нельзя.* СРС, Крыл. Мои воспоминания, стр. 356; *Он (компас) **рыскал** в стороны, как пароход с расширенным рулем.* Пауст. Черное море. Избр., т. I, стр. 163; *Только опытный рулевой мог разобраться по компасу, **рыскает** ли судно.* СРС, Матвеев. Спутник водника, стр. 80; *Броненосец **рыскал** то вправо, то влево румбов на 8.* СРС, Нов.-Приб. Цусима, кн. II. Под первым ударом, VI; *Самолет, снабженный килем, значительно спокойнее идет по прямой, он не имеет свойства «**рыскать**» по сторонам, как самолет без кия.* СРС, Пестов. Теория и техника полета, стр. 20.

У глагола *рыскать*, таким образом, при сохранении вариантов XV–XVIII вв. появилось сравнительно большое количество новых вариантов, т.е. глагол обогатил свою смысловую структуру в XIX–XX вв.

Как видно из приведенных примеров, 7 глаголов испытали сходный характер развития: не утратив ни одного из старых лексико-семантических вариантов, которые могли слегка варьироваться, они дополнили свои смысловые системы несколькими новыми вариантами, значительно увеличив свой семантический объем.

§ 10. III группа.

Все остальные глаголы входят в самую большую группу. Их объединяет сходство исторических изменений, т.е. все они в III период не только либо теряют (как глаголы I группы), либо приобретают (как

глаголы II группы) лексико-семантические варианты, но одновременно и утрачивают старые, и получают новые. При этом часть старых вариантов передается обновленной смысловой системе глаголов, т.е. переходит без изменений в XIX–XX вв. Что представляют собой эти «старые» варианты? Возникли ли они только в эпоху XV–XVIII вв. или унаследованы второй эпохой от первой? Под «старыми» вариантами для периода XIX–XX вв. мы будем понимать уцелевшие варианты, сформировавшиеся как в I, так и во II периоды. Причем в одних глаголах сохранились все варианты, сложившиеся в XI–XIV вв. (например, в глаголах *ползти-ползать, скакать*), и оказались потерянными некоторые варианты, приобретенные во II период; в других пропали или сильно изменились отдельные варианты I периода и отдельные варианты II периода (например, *брести-бродить, течь, лезть-лазить*) и т.д. В данную же группу включены некоторые глаголы (например, *плыть*), сохранившие все варианты II периода и развившие новые в III периоде; однако в отличие от слов II группы, которые непрерывно наращивали в ходе истории все новые варианты, эти глаголы во II период потеряли некоторые варианты XI–XIV вв., т.е. их развитие не было развитием по прямой, как и у членов I группы (в отличие от слов II группы).

Особое положение занимают глаголы *идти-ходить*, у которых во все периоды шло главным образом накопление лексико-семантических вариантов и интенсивное внутреннее перераспределение между коррелятами, а также переход отдельных вариантов в разряд фиксированных.

§ 11. Во многих глаголах движения III группы сохранились вплоть до настоящего времени варианты, возникшие еще в XI–XIV вв. К числу таких слов относятся, например, глаголы *плыть-плавать* с их древнейшим вариантом «двигаться по воде» (*natare* и *navigare*). В XIX–XX вв. глагол *плавать* стал означать, кроме того, не просто «двигаться по воде...», а умение держаться на воде, как в следующем примере: *Она играла в теннис, бегала на коньках, плавала, играла в хоккей*. СРС, Раевский. Только вперед, ч. I, гл. 3, стр. 45.

По сравнению со II периодом глагол *плавать* утратил вариант «странствовать по чужим землям», как бы подхваченный глаголом *рыскать* (см. § 9) и некоторыми другими.

Смысловый объем пары *плыть-плавать* в XIX–XX вв. вырос поразительно быстро и сильно. У них сформировался, например, вари-

ант «перемещаться по небу (об облаках, клубах пара и пр.)», близкий варианту глагола *плавать* «двигаться по воздуху (о птицах)», который в III период сложился и у глагола *плыть* под влиянием его коррелята; причем, глагол *плавать* в отношении к хищным птицам тождественен с глаголом *парить*:

*Ястреб внезапно слетает с места, потом, увидев охотника, он быстро опускается и бежит низом, т.е. плавно **плывет**, стелется, как ласточка, над землей.* Акс. Рассказы и воспомин. охотн. о разных охотах, т. V, стр. 216; *Коршуны высоко **плавают** в небе.* Данил. Беглые в Новороссии. 1, 2 (V, 16); *А над скалами **плавают** любовники гор, красавицы-орлы. Парят медленно, величаво...* Фурм. Мятаж. I, т. II, стр. 78; *И: А весной была Степь желтая, Тучки **плавали** без дождика.* Кольц. Песня. 1840 г., стр. 126; *Отягощенно **плыли** облака, точно огромные сытые птицы.* М. Г. Жизнь Матв. Кожемякина, ч. IV, IX, стр. 548; *Лениво и тяжело **плывут** облака.* Блок, т. I, стр. 21; *Месяц **плывет**, Тих и спокоен.* Лерм. Беглец, т. II, стр. 366.

У обоих коррелятов в новый период зародился вариант «разноситься во все стороны, распространяться (о звуках, запахах) в воздухе», который отмечался нами и у глагола *лететь*:

*Дрожащие звуки протяжной песни тихо **плыли** в темном воздухе.* Скит. Кузнец, стр. 173; *В утреннем воздухе **плавают** призывные звуки колокола.* СРС, Милицына. Деревенские картинки. Расск., т. I, стр. 2, 1905 г.; *И будут **плыть** над заводом гудки, отмеривающие его рабочее время.* Горбат. Мое поколение, гл. III, ч. I, т. I, стр. 119; ***Плавает** запах юных берез в воздухе сладком.* Фет. Солнце потухло, т. II, стр. 165; *Запах цветов **плывет** в жарком воздухе.* М. Г. Сказки об Италии. XIV, т. X, стр. 75.

Общим среди новых является вариант «двигаться по земле плавно, как бы плавя»; речь может идти о людях (отсюда причастие *плывущая* – о походке людей) и средствах передвижения по земле:

*Покачиваясь, **плывут** пестро одетые женщины.* М. Г. Сказки об Италии. XVII, т. X, стр. 99; *Черные полушария **плыли** в тусклом пузыре света – шли под зонтами люди из театра.* М. Г. Расск. о безответной любви, т. XVI, стр. 57; *Акулина Семеновна **плавала** из комнаты в комнату в мягких отороченных туфлях.* СРС, Неверов. Новый дом, 3, т. II, стр. 150; *Она тихонько **плавает** (ища грибы) среди могучих стволов.* СРС, М. Г. В людях, III.

Для передачи медленного движения средств передвижения по суше обычно используется глагол *плыть*:

*Мимо тачечников все **плыли** и **плыли** высокие возы.* Горбат. Непокоренные, ч. III, гл. 5, стр. 337; *Со степи несутся тучи снега, в его серой массе медленно **плывут** туда и сюда локомотивы.* М. Г. Сторож, т. XV, стр. 64; *Освещенные вагоны казались еще ослепительнее, чем днем. Все они **плыли** плугом по Гусицу.* И. и П. 12 стульев, ч. I, гл. 18, стр. 113.

Все остальные варианты присущи либо определенному, либо неопределенному корреляту. Так, глагол *плавать* может означать «проваливаться на экзаменах, говорить и действовать наугад, неверно, не-впопад»:

*Мы сидели в классе, где меня спрашивали и я **плавал**.* Кавер. Два капитана, ч. III, гл. 40, стр. 174; *Хорошенько подготовься к докладу. Главное, не **плавай**.* Аж. Далеко от Москвы, кн. III, гл. 14, стр. 739.

Глагол *плавать* употребляется также в смысле «быть окруженным (дымкой, туманом) или быть погруженным в туман...»; конкретизатором является обычно существительное типа *дымка, туман, пар* и т.п. в предложном падеже:

*Перед ним во тьме **плавало** худое, горбоносое лицо помощника частного пристава.* СРС, М. Г. Трое; *Тысячи голов **плавали** в дымке ладана.* СРС, Аникин. Деревенские рассказы. Своей дорогой, стр. 54.

Полная модель (т.е. человек + глагол + на экзамене по какому-либо предмету) легко и точно выявляет данный вариант. Однако часто модель может быть свернута (т.е. отсутствует конкретизатор). В этом случае для установления лексико-семантического варианта требуется развертывание модели или привлечение широкого контекста. Неопределенная основа имеет вариант «пребывать в каком-либо состоянии, преимущественно в приятном»; зарождение данного варианта относится к XVIII в.:

*Когда весь народ благополучен, тогда и сердце их Владетеля в веселии и спокойствии **плавает**.* СРС, Херасков, т. X, стр. 154; *Я **плавал** в восторгах, я небом дышал!* Дельв. Ответ, стр. 115; *Степная натура Василия Ивановича **плавала** в блаженстве.* Бел. Соч. Соллогуба, т. IX, стр. 331; *(Мое) самолюбие **плавало** в упоении невыразимого восторга (от похвал Державина).* Акс. Знакомство с Державиным, т. III, стр. 241; *Райский рисовал опять берег и **плавал** в трепете, в неге, вздрагивал страстно.* Гонч. Обрыв, ч. I, гл. 10, т. IV, стр. 97.

В свою очередь к этому варианту близок вариант «иметь обилие чего-либо», где конкретизатором служит сочетание предлога В с

Пр. п. существительного, означающего множество каких-либо предметов, исчисляемых и неисчисляемых:

*Он получал письма, писал письма, отправлял письма, словом, купался и **плавал** в письмах.* Вяз. Воспомин. о Булгаковых, т. VII, стр. 189; *Один уезд будет, так сказать, **плавать** во ржи, не будет знать, куда ее девать, а другой будет в ней нуждаться и все съест.* СРС, СПб. Ведомости, 1892 г., № 252.

У глагола *плыть* можно отметить также несколько новых собственных, не соотносимых с глаголом *плавать* вариантов. Одни из них передают кажущееся движение, возникающее в тот момент, когда сам человек движется мимо каких-либо предметов (этот вариант уже отмечался у глаголов *лететь*, *бежать*):

*Ему начинает казаться, что он стоит на месте, а мимо **плывет** дорога...* Горбат. Ал. Гайдаш, гл. II, 5, т. I, стр. 526; *Идешь ты на барже, а встречу тебе берега **плывут**, деревни...* М. Г. Жизнь Матв. Кожемякина, ч. I, т. IX, стр. 137.

К нему близок вариант «воспринимать окружающее расплывчато, как бы в тумане», с помощью которого передают полуобморочное состояние человека; конкретизирующим этот вариант является выражение «перед кем-чем (перед ним, перед глазами)» или «мимо кого»:

*Все **плывет** у меня в голове: темные окна..., буфет и красные лица вокруг.* Аксенов. Зв. билет, ч. IV, гл. 12. «Юность», 1961, № 7, стр. 60; *Перед нею неотступно **плыло** красное лицо с оскаленными зубами.* М. Г. Городок Окуров, т. IX, стр. 104.

Интересная судьба постигла вариант «растекаться, расплываться, утрачивая твердость от жары или влаги, таять». В I и II периоды он был присущ глаголу *плавать*, а в XIX–XX вв. перешел к определенной основе. В Словаре современного русского литературного языка АН СССР этот вариант дается с пометой «разговорное»:

*Взяли мы корову – и жарить роскошный ростбиф, печенки, вымя – жир так и **плывет**.* Пауст. Дочечка Броня, т. IV, стр. 372; *...свеча **плыла** и огонь метался в разные стороны.* СРС, Л. Т. Казаки; *...снег тает и **плывет** без солнца, сырость странная...* А. Остр. Пис. Бурдину, 20/III-1883 г., т. XVI, стр. 74.

Подобно глаголам *идти*, *бежать* и *лететь* глагол *плыть* стал означать «проходить (о времени)»:

*Дни **плыли** за днями незаметно.* СРС, Бобор. Ходок; *И быстро **плыли** месяца, слагались годы.* М. Г. Дело Артамоновых. III, т. XVI, стр. 497.

Глагол *плыть* иногда может означать «проходить перед мысленным взором, непрерывно, сплошным потоком следовать друг за другом (о мыслях, образах...)»:

В памяти плыл, прощаясь, клубок спутанных мыслей и слов. М. Г. Жизнь Кл. Самгина; *В голове его быстро... плыли легкие мысли.* М. Г. Жизнь Матв. Кожемякина, ч. IV, т. IX, стр. 574; *Назло усилиям, воспоминания так и плыли ей навстречу.* СРС, С.-Щ. Госп. Головлевы.

Наконец, определенная основа *плыть*, сочетаясь с сущ. *деньги*, *ценности* и т.п. и имея в качестве конкретизатора выражение *плыть в руки*, означает «легко, без труда доставаться»:

Посмотрите вы в жизни: один и глуп, и бездарен, и ленив, а между тем ему плывет счастье в руки. Писем. 1000 душ. 1, 7, т. III, стр. 85; *...старик Бартенева довольствовался тем, что само плыло в его руки.* Брюс. Обломок старых поколений, стр. 61.

С конкретизатором *сквозь пальцы, как вода* (а иногда без них) и в сочетании с теми же существительными глагол *плыть* передает смысл «незаметно и быстро исчезать, расходоваться»:

Ведь деньги так и плыли: там пятак, тут гривенник, – моя касса подвергалась медленному разгрому. М.-Сиб. Дедушка Семен Степанович. 1, т. VII, стр. 469; *Деньги у меня плывут со скоростью окуня...* Чех. Пис. Суворину, 22/IV-1889 г., т. XIV, стр. 349.

Для разных глаголов в одном варианте бывают предпочтительнее те или иные конкретизаторы. Например, при глаголе *лететь*, имеющем этот же вариант, мы не встретим оборот «как вода», но зато может стоять выражение «из кармана» и т.д. Таким образом, глаголы *плыть-плавать* бурно развились за II период, продолжая семантически обогащаться как общими, так и индивидуальными лексико-семантическими вариантами.

§ 12. Глаголы *ползти-ползать* сохранили свой исконный вариант XI–XIV вв. «двигаться ползком»; определенная основа утратила вариант XV–XVIII вв. «таять, растапливаться». В III период у них сложилось множество новых вариантов, как общих обеим основам, так и специфичных для каждой отдельно. Общим является, например, вариант «медленно двигаться, тащиться» (о людях, средствах передвижения, в том числе водных):

Горы тянулись над нами. На их вершинах ползали чуть видные стада и казались насекомыми. Пушк. Путеш. в Арзрум. 1, т. IV, 565; *Да мы идем или стоим? Из рядов кто-то ответил ему коротко и уг-*

рюмо: **ползем**. Купр. Поход, т. 1, стр. 171; *Вереницы вагонеток ползали черепахами или бежали к аркадам ряжей*. Гладков. Энергия, ч. I, гл. V, 3, т. II, стр. 65; *По лениво текущей Волге бегут пассажирские пароходы и ползут буксиры с караванами барж*. АТ. Нас не одолеешь, т. XIV, стр. 144; *По огромному заливу кое-где ползают лодки, как сонные мухи*. Гонч. Фрегат Паллада, т. II, гл. 5, стр. 277.

Вариант «двигаться по небу (об облаках, тучах, тумане)» охватил и глаголы *ползти*, реже – *ползать*, которые, казалось бы, судя по первичному варианту, исключают даже мысль о подобном варианте:

Огромные рваные тучи медленно ползли по небу. Саян. Небо и земля, ч. I, гл. I, стр. 6; *Черные тучи росли и ползли по небу, видимо меняя свои очертания*. Тург. Первая любовь, гл. 7, т. VII, стр. 348; *Зимую здесь часто шли дожди и ползали туманы*. Серг.-Ценск. Валя, т. I; *...Гуд-Гора курилась, по бокам ее ползали легкие струйки облаков*. Лерм. Бэла, т. IV, стр. 252.

Различные варианты могут быть в разной степени употребительными. Так, новый общий вариант «мелькать, появляться и исчезать, переходить с места на место, с предмета на предмет (о тенях, лучах, улыбке...)» является сравнительно малоупотребительным в отличие от варианта, приведенного выше:

Он взглянул – улыбка так и ползает у ней по лицу. Гонч. Обломов, т. II, гл. 2, стр. 58; *По углам робко ползали тени*. СРС, Аникин. Деревенские рассказы. Своей дорогой, стр. 40; *Безмолвные, но живые тени ползали по стенам и по полу*. М. Г. Фома Гордеев, т. III, стр. 80; *По темной поверхности моря ползали бледные щупальцы прожекторов*. Степан. Порт-Артур, кн. II, ч. III, гл. 2, стр. 111, изд. 1960 г.; *А он смотрит, как по двору ползет к его ногам тень рябины*. М. Г. Мордовка, т. XII, стр. 60.

В отношении последнего примера необходимо сделать ту же оговорку, что и о глаголе *бежать* в данном варианте (см. также § 8). Как и у большинства глаголов движения, определенная основа, т.е. глагол *ползти*, в несколько раз превзошла по количеству лексико-семантических вариантов неопределенную основу. У последней наблюдается еще два специфических варианта в дополнение к приведенным выше общим вариантам. Один из них – широко употребительный вариант «унижаться перед кем-нибудь», зародившийся, как указывалось, в XVIII в.:

Ползатъ не советую, хоть спеси гнушаюсь. СРС, Кантемир. Сатира II, т. I, стр. 35; *Презираю иностранцев, которые ползают перед*

каким-нибудь козырным валетом. Лажечн. Ледяной дом, ч. II, гл. 7, т. III, стр. 207; *Иные сотрудники... ссорятся с новыми своими патронами, перед которыми вчера еще печатно ползали и изгибались.* Бел. Соч., т. VII, стр. 459; *Лозунг: В ногах у старья не ползай!* Маяк. Даешь изячную жизнь! т. VI, стр. 117; *Она, перед которой ползали и заискивали сотни людей, она бессильна перед какой-нибудь девчонкой.* М.-Сиб. Горное гнездо, V, т. II, стр. 51.

Другой вариант глагола *ползать* можно представить как «переходить с предмета на предмет (о взгляде, глазах...)», свойственный ряду глаголов движения:

Катя, работая, всей кожей чувствовала, как по ней ползает его взгляд. СРС, Панова. Времена года, 11, стр. 15; *По его смущенному лицу ползают любопытные взгляды.* М. Г. Фома Гордеев, т. III, стр. 213; *С заученным неотрывным вожделением впились в вошедшего, ползали за ним глаза.* Малышк. Севастополь, I, 1.

У определенной основы большая часть вариантов сходна с вариантами других глаголов, а несколько вариантов – сугубо индивидуальны. Так, глагол *ползти*, как и многие другие глаголы движения (*идти – бежать – лететь*), оказались применимы ко времени, означая «проходить, тянуться, но крайне медленно» (в отличие, например, от глагола *лететь*, с которым он может образовать антонимическую пару в данном варианте):

Время (дело известное) летит иногда птицей, иногда ползет червяком. Тург. Отцы и дети, т. XVII, стр. 32; *А время так медленно ползет, точно застыло.* СРС, М.-Сиб. Любовь, стр. 76; *Время ползло медленно.* СРС, Ефремов. Белый рог, стр. 185; *Так ползет август – душный, безоблачный, пыльный.* В. Некр. В окопах Сталинграда, ч. I, гл. 12, стр. 60.

У определенной основы в III период формируется вариант «стлаться по поверхности». Этот вариант используется, когда речь идет о вьющихся, так называемых ползущих растениях. При этом 1 л. и 2 л. не употребляются:

В расселины пробилась повилка И, грустная, по мрамору ползет. Бенед. Развалины, 1, 7; *Белорозовая волна мелких вьющихся роз ползла вверх по серым каменным стенам.* Павл. Счастье, ч. II, гл. 10, т. II, стр. 244; *Воропаев сам начинал видеть и виноград, ползущий по белым стенам домика, и цветущий сад.* Там же, ч. I, гл. 1, т. II, стр. 33.

Широко распространен у глагола *ползти* лексико-семантический вариант «тянуться (о дорогах)», причем здесь никакой дополнительной

ной окраски (как медлительность) нет, в отличие, например, от варианта «проходить, протекать (о времени)»:

Посреди улицы ползет в гору извилистая колея. М. Г. Бывшие люди. I, т. II, стр. 56; *От беззубой иронической улыбки по щекам на голый череп ползли морщины.* М. Г. Жизнь Кл. Самгина, ч. II, т. XX, стр. 413; *От угла амбразуры до края плиты ползет трещина.* Собол. Третье поколение. Морская душа, стр. 224; *От сада к саду... ползли по земле канавки.* Фед. Города и годы. Суббота в Семидоле, т. I, стр. 32.

Окраска, о которой говорилось выше, присутствует в другом варианте глагола *ползти* – в варианте «распространяться, передаваться (о слухах)» (без 1 и 2 л.):

По институту ползли темные слушки. Леон. Скутаревский, гл. 28, т. III, стр. 311; *И нехороший слух ползет о Бегиче.* Бород. Дм. Донской, ч. I, гл. 13, стр. 110; *И о тебе, о твоём колхозе слухи ползут по району.* Николаева. Жатва, ч. I, гл. 10, стр. 166; *И клевета эта ползет и ползет повсюду, по всей России.* СРС, Бонч-Бруевич. Матер. раскол и сектант. IV, стр. XXXV.

Помимо перечисленных у глагола *ползти* можно назвать еще 4 довольно своеобразных варианта. Например, вариант «толстеть», обычный в просторечии:

Дородством-то она, пожалуй, немного уступит тебе. Откуда что берется – так и ползет. СРС, Кокорев. Очерки и рассказы. III, стр. 120.

Интересен лексико-семантический вариант «сдвигаться (о месте), соскальзывать и оползать, осыпаться (об одежде, земной поверхности...)), который характерен и для глагола *ехать* (см. § 17):

берег ползет; Ноги у нас ползли по влажной, глинистой почве. Гонч. Фрегат Паллада. т. II, гл. 2, т. III, стр. 113; *При каждом движении его холицевая рубаха мялась в складки, ползла к плечам.* Чех. Счастье, т. V, стр. 47.

В разговорном языке можно часто встретить глагол *ползти* в применении обычному (хотя далеко не всегда) к растениям (но не вьющимся, в отличие от варианта «стлаться по поверхности»), в этом случае формируется вариант «выбиваться наружу (о растениях), вылезать из чего-либо»:

Из-под лиловых... прошлогодних листьев ползут стрелки молодой травы. Пауст. Пов. о лесах, т. II, стр. 450; *Из малахаев тоже ползла верблюжья шерсть.* Иван. Лога. 2, т. II, стр. 170.

Аналогичный вариант уже отмечался у глагола *лезть* в XVIII в. И последний вариант – «расползаться, распадаться на нити от ветхости (о гнилой материи, коже)»:

Конец нити рвется в руках. Его никак в руку не возьмешь, так как пряжа ползет в руках. СРС. Курочк. Спутник ватерщицы, стр. 39; *Хоть горсточку подбрось! Эй, полно! Посмотри, ползет уж врозь.* СРС, Крыл. Фортуна и нищий; *Она подергала на шкуре шерсть – не ползет ли.* Кожевников. Живая вода, ч. I, гл. 6, стр. 43; *Оржаная солома-то длинная, а яровая – короткая, снопы-то и ползут.* Акс. Детские годы Багрова-внука, стр. 162.

Такова сильно разросшаяся смысловая система глаголов *ползти-ползать*.

§ 13. Рассмотренные глаголы сохранили вариант I периода без принципиальных изменений (хотя сочетаемость их, разумеется, выросла). В ряде глаголов движения древние варианты XI–XIV вв. либо превратились в устаревшие (*течь*), либо ушли из литературного языка в диалекты (*брести-бродить*), либо довольно сильно видоизменились (*лезть-лазить, скакать...*).

Семантическая емкость глаголов *лезть-лазить* в XIX–XX вв. значительно увеличилась. Они потеряли лексико-семантический вариант XV–XVIII вв. «переходить реку в брод», сохранив варианты «карабкаясь, передвигаться по чему-либо, подниматься куда-либо»; «проникать (часто ползком) внутрь чего-либо», а также «надеваться, налезать, быть в пору» и «вылезать, пробиваться наружу, прорастать» у определенно-го коррелята. У глаголов *лезть-лазить* (чаще у неопределенной основы) сохранились остатки древнейшего варианта I периода – «двигаться вообще», который теперь можно охарактеризовать как «двигаться без дела, соваться куда-либо, отправляться на поиски чего-либо»:

Целую зиму мы с ним (дьячком) по лесу лазали, птиц ловили. СРС, М. Г. Исповедь; *...Ямицк выпрастывал свои большие ноги и лазил искать дорогу.* СРС, Л. Т. Метель, т. II; *Шелехов лазил среди шершавых шинелей, искал тоскливо, около кого бы постоять.* Мальш. Севастополь. I, 2; *Я здесь уже лазила, – сказала Аночка...* Фед. Первые радости, гл. 13, стр. 87.

Новых общих вариантов эти глаголы приобрели мало. К их числу можно отнести вариант «забираться рукой во что-либо (обычно с целью воровства), искать, шарить (по карманам и т.п.)»:

Он лезет в карман, достает оттуда десятирублевку. СРС, Чех. Холодная кровь; *Кот, в комоде я твой не лазил, Не таскал твоей за-*

кладки. СРС, Плещ. Бабушка и внучек; *И сказал, что и раньше лазил по карманам.* СРС, Макар. Пед. поэма.

Удивительное разнообразие новых вариантов видим мы у определенной основы. Здесь появляется, например, вариант «выпадать (о волосах, шерсти)»:

Волосы (у Обломова) стали немилосердно лезть. Гонч. Обломов, ч. I, гл. 5, т. II, стр. 67; *Начинаю замечать, что у меня порядочно лезут проклятые волосы.* Бел. Пис., т. II, стр. 127.

Ср. тот же вариант у глагола *течь* (§ 15).

В XIX–XX вв. у глагола *лезть* складывается вариант «расползаться (о гнилой материи, коже)», одинаковый с глаголом *ползти*:

Все у него ползет врозь: дуга, гужи, вожжи, соха, – все это лезет, трещит, ломается. СРС, Каронин. Рассказы о пустяках, I, стр. 273; *Гнилая кожа лезет, расплзается, как грязь...* Иван. Возвращение Будды. V, т. IV, стр. 111.

Определенный коррелят – глагол *лезть* – приобрел в этот период вариант «громоздиться друг на друга, налезать, надвигаться, сползать»:

Девушка узнала, что крушение составов с боеприпасами лучше устраивать в крутых выемках, где вагоны не летят свободно под откос, а лезут друг на друга. Полев. Золото, ч. III, гл. 3, стр. 325; *Отсюда начинались горы. Одна вершина лезла на другую.* Бабаев. Кавалер Золотой Звезды, кн. I, гл. 23, стр. 431; *Тяжело, огромными клубами, они (облака) лезли одно на другое.* СРС, М. Г. Трое.

Сюда же можно отнести следующие примеры, в которых детерминативом при глаголе *лезть* стоит сущ. *кудри, волосы*, а конкретизатором является выражение *на лоб, на глаза*...:

Голова отяжелела, кудри лезут на глаза. Фет. Ворот, т. II, стр. 54; *Длинные волосы лезли ему на глаза.* Арсен. По Уссурийской тайге, гл. 8, т. I, стр. 90.

Довольно оригинален вариант «вмещаться во что-нибудь или уступая усилению, выниматься откуда-то», обычно встречаемый с отрицанием НЕ и наметившийся в XVIII в. у глагола *идти*:

Были гвозди, да ржавые и погнутые – в стену никак не лезли. Голубева. Мальчик из Уржума, гл. 17, стр. 81; *Кулик начал совать в сумку пенал и книги, они никак не лезли.* АТ. Егор Абозов. 6, т. XV, стр. 36; *В волосах было так много песка, что гребенка не лезла.* СРС, Решетн.

Очерки обозной жизни. II, стр. 660; *Больше 3 рюмок не лезет в глотку*. Чех. Пис., т. IV, стр. 209.

Вариант «стремиться к достижению определенной цели, добиваться более высокого общественного положения» (с оттенком неодобрения) существует с конца XVIII в.; глагол используется с Вин. п. существительного, часто означающего социальную прослойку:

Заметь, Федька, что кто из грязи вышел, тот лезет в золото! Лерм. Вадим, т. IV, 1832 г., стр. 16; *На бар мы лезем в tiers-état*. Пушкин. Родосл. моего героя, т. II, стр. 220; *Выдумали себе люди кандалы, лезут в мученики*. Гонч. Обрыв, ч. V, гл. 16, т. V, стр. 486; *Если они пожелают лезть в святые, ничего, кроме смешного, не выйдет*. Ленин. Речь, 27/III-1921 г., т. XXVI, стр. 290.

Вариант глагола *лезть* «приставать, надоедать кому-либо», как в большинстве других вариантов данного глагола, относится к сфере просторечия:

Как ты смеешь лезть ко мне с такими пустяками! – вскричал Пугачев. Пушкин. Кап. дочь, гл. IX, т. IV, стр. 415; *Только с нежностями своими противными умеет лезть*. Леск. Обойденные, т. III, стр. 53; *Да как ты смеешь лезть ко мне со своими мужицкими снами!* Дост. Дядюшкин сон, X, т. II, стр. 341; *Как пьяный друг, ты лезешь целоваться*. Есен. Собаке Качалова, стр. 205; *Приставали к ней, приставали, с комплиментами каждый лез*. Евтушенко. «Нежность», стр. 115.

Лексико-семантический вариант «двигаться с напором, не считаясь с препятствиями, с запрещением» также присущ просторечию:

В тесноте комнаты бабушка... лезла на мать, заталкивая ее в угол. М. Г. Детство, II, т. XVI, стр. 27; *Человек на тебя лезет с ножом, неужели же ему шею подставлять?* Одоев. Живой мертвец, т. III, стр. 101; *От страха он не помнил ничего и лез на колючие ветви*. СРС, Гарш. 4 дня; *Солдат обиделся, лез на нашего пекаря и выл*. СРС, М. Г. 26 и одна.

В XV–XVIII вв. этот вариант отмечался у глагола *скакать*. Структурная модель сохранилась та же. Наконец, вариант «надоедливо проникать во что-нибудь, доноситься (о звуках)»: в отличие от других глаголов движения, употреблявшихся с детерминативом *звук, запах*, глагол *лезть* встречается лишь с конкретизатором, отвечающим на вопрос «во что, куда» (в уши, в окна...):

В уши Ильи лез его вежливый, робкий голос. М. Г. Трое, т. IV, стр. 163; *Назойливо лезло в Илюшины уши это неразборчивое слово*. Левит. Аховский посад, т. I, стр. 721; *Со двора, в открытое окно, на-*

вязчиво *лез* унылый свист дудок шарманки. М. Г. Жизнь Кл. Самгина, ч. I, стр. 546.

Вариант «бросаться в глаза, обращать на себя внимание» точнее всего было бы считать фиксированным выражением, поскольку конкретизатором служит только оборот *на глаза* (реже – *в глаза*) при довольно широком, правда, круге детерминирующих существительных, означающих предмет (в отличие от варианта «налезать, надвигаться на что-либо», где в отдельных случаях может быть тот же конкретизатор, но при детерминативе *волосы* – см. выше):

Земляника... сама на глаза лезет и в кувшинчик просится. Кат. Дудочка и кувшинчик. Пов. и рассказ., стр. 605; *Зная придворные порядки, я старался не лезть на глаза и стал в сторонке у мачты.* СРС, Игнатьев. 50 лет в строю, кн. III, гл. 6, стр. 386; *Красивые и яркие вещицы отовсюду лезли в глаза.* М. Г. Фома Гордеев. VI, т. III, стр. 162; *Фрак вызывающе лез в глаза.* Андр. Первый гонорар, т. II, стр. 80.

Таким образом, лексико-семантические варианты глаголов *лезть-лазить*, утратившие лишь I вариант, сохраняли остальные старые и приобретали много новых, главным образом, в сфере просторечия (правда, это касается, главным образом, определенной основы).

§ 14. Показательна судьба глаголов *брести-бродить*. Глагол *брести* утратил вариант II периода «уходить, убежать», не выдержав конкуренции глаголов *бежать-бегать*. Исходный же вариант глаголов *брести-бродить* «переходить реку вброд», видимо, ушел в диалекты, ибо в литературном языке он не встречается или же попадает только в произведениях из жизни определенных районов страны¹³. Таким же диалектным можно считать сейчас лексико-семантический вариант «ловить рыбу бреднем». Возможно, однако, что здесь – два омонима¹⁴.

Из старых вариантов корреляты сохранили вариант «с трудом двигаться, часто не зная дороги»¹⁵, а глагол *бродить* – «скитаться,

¹³ *Матушки! Да не сдурел ли он? Эй! Глубоко! Не броди! – закричала она Тырлыкяну.* СРС. Гребенщиков. Любава (Сибирь); *Да глубоки-ти реки, озера широкие, То она пловом плыла, А мелкие-ты реки, озера широкие Да те она бродком брела.* СРС, Каргопол. Снеж. былины. Гильфердинг. III, стр. 342.

¹⁴ *Станет бродить дома рыбу.* СРС, Максимов. Калики перехожие, гл. V, стр. 212.

¹⁵ Иногда весь контекст с глаголом *брести* в данном варианте приобретает абстрактный характер; тогда этот вариант можно сформулировать как «двигаться каким-либо путем, действовать» (при этом часто используется наречие *вслепую*, ощупью, придавая характер фиксированных выражений сочетаниям слов с глаголом *брести*): *Где масса бредет ощупью, там передовой человек идет твердой и*

странствовать» (в том числе и об абстрактных понятиях: смерть, холера – иногда персонифицированные – *бродят*).

Оба глагола развиваются довольно дружно и в III период – в XIX–XX вв. у них сравнительно мало индивидуальных для каждой основы вариантов, а превалируют общие. Таким общим в XIX–XX вв. является вариант «перемещаться по небу (о тучах)». Чаще все же он бывает у неопределенной основы:

По ребрам гор седой волною Так низко бродят облака. Вяз. Моран, т. XII, стр. 121, 1864 г.; *По небу бродили сероватые тучи.* Гл. Усп. Растер. типы и сцен. Идиллия, т. I, стр. 153; *А надо мной бредут лениво тучи.* Тютч. Кораблекрушение, т. I, стр. 136; *Над ними тихо бродили редкие облака.* Нов.-Приб. Цусима, кн. I, стр. 124.

Индивидуальным для неопределенной основы является вариант «мелькать, появляться и исчезать (об улыбке, тенях, переходящих с места на место...)»:

Хорошая улыбка бродила на человеческих лицах. Тург. Дым. I, т. IX, стр. 8; *Тогда, в спасительном забвении, Улыбка бродит по лицу.* Блок. Ловлю я тонкий прах надежды, т. I, стр. 134; *На неподвижном китайском лице его министра все время бродит улыбка.* Тынян. Пушкин, ч. II, гл. I, стр. 4; *По снегу, как дым, бродили тени облаков.* СРС, Кожевников. Март–Апрель (Мера твердости), стр. 24; *По лицу ее и по белому платью медленно, почти незаметно, бродят призрачные тени.* СРС, Слепец. Трудное время. XII.

Лексико-семантический вариант «витать (о мыслях), возникать, исчезать и снова появляться» наметился у глагола *бродить* еще в XVIII в.:

У меня бродят в голове политические дела. Пам. Зап. Храпов. 1738, стр. 139; *Так мысль ее далека бродит.* Пушк. Евг. Онегин, VII, IV, I, стр. 415, т. III; *Подобные мысли... стали бродить в голове Евгения Петровича.* Чех. Дома, т. VI, стр. 90; *Мысли его медленно бродили... СРС, Тург. Двор. гнездо, XVIII.*

развязной походкой. Писар. Перелом в умствен. жизни средневеков. Европы. IV, т. V, стр. 390; *Поневоле бредет он (простолюдин) ощупью за другими, сам не зная, куда и зачем ведут его.* СРС, Доброл. Народное дело, т. VIII, стр. 432; *Он открывал тайны писательства, до которых без его помощи мне пришлось брести ощупью весьма продолжительный срок.* Лазарев-Грузинский. Сб. Чехов в воспом. совр., стр. 96; *Мне рок судил брести неведомой стезей.* Жук. Вечер. 1805 г., I, стр. 41; *Бреду своим путем.* Пушк. Батюшкову, т. I, стр. 170; *Мне поневоле приходится брести окольную дорогой.* Бел. Пис. т. II, стр. 170.

Аналогичный вариант, как мы видели, был у глагола *блуждать*. У глагола *бродить* формируется также новый лексико-семантический вариант «переходить с предмета на предмет (о глазах)»:

И взор ее печально бродит. Пушкин. Русл. и Людм., 2, т. II, стр. 384; *Даю волю глазам своим бродить по лугам и полям, ничего не думая*. СРС, Карамз. Пис. русского путеш. I, т. II, стр. 30.

Возможны трансформации, о которых уже писалось выше (см. § 7):

Райский рассеянно бродил глазами по всей комнате. Гонч. Обрыв, ч. I, гл. 6, т. IV, стр. 52; *Алеша взглядом бродил по стенам*. Горбат. Мое поколение, гл. 5, 2, стр. 178.

Наконец, надо отметить вариант «распространяться (о слухах)»:

Про Махно бродят слухи, будто бы шайка у него человек в 25 головорезов... СРС, АТ. 18 год. II, 4; *И слух в угрюмой полуночи бродил, что будто как металл Навили голубые очи*. Лерм. Жена Севера, 1829 г., т. I, стр. 34; *По селу бродили зловеющие слухи – о переодетых в красноармейскую и милицейскую форму фашистах*. Поповкин. Семья Рубанюк, кн. I, гл. 11, 7, стр. 269.

Глаголы *брести-бродить*, однозначные в XI–XIV в., в XIX–XX вв. могут поспорить с любым другим глаголом движения в богатстве и разнообразии своей смысловой структуры.

§ 15. Глагол *течь* интересен своей относительно большой устойчивостью. Он потерял к XIX в. лишь вариант «падать, лить (о дожде)» (от II периода), так и оставшийся окказиональным, «распространяться (о слухах)» и «тянуться (о линиях)». Все остальные лексико-семантические варианты периода XI–XVIII вв. сохранились и в XIX–XX вв. (некоторые – с незначительными вариациями). Это варианты: «струиться, литься», «проходить (о времени)», «перемещаться по небу (об облаках, планетах...)», «быть худым, протекать», «происходить, развиваться (о делах, беседах, событиях)», а также слившиеся вместе «следовать» и «двигаться вообще». Последний вариант в XIX в. уже относится к числу устаревших.

Новые варианты здесь следующие.

В литературе пушкиноведения часто можно встретить терминологическое использование глагола *течь* – в применении к волосу, к шерсти, означая «выпадать, вылезать» (интересно, что в XVI в., судя по единственному примеру из Жития преп. Феодора, игумена Сикейского монастыря, этот смысл был у производного глагола *ползнуть*):

Бе бо и нутреними врежень, и кровь испущал и власомь ползнушемь. Мин. Чет. апр. Моск. Синод. библ. XVI в. № 91-265, л. 505.

В общелитературном языке ему соответствует сейчас глагол *лезть*:

В результате волос начинает выпадать (течь). СРС, Кузнецов. Первичная обработка шкурок пушных зверей. Календарь охоты, стр. 421; *В шкурке под действием микроорганизмов может начаться распад белков, в результате чего будет вылезать (течь) волос и образуются плешины.* СРС, Товароведение пром. товаров, т. II, гл. 5, стр. 440; *Волос из нее начинает лезть или, как говорят, течь.* СРС, Квятковский. Съемка, правка и выхаживание пушных шкур. I.

В XIX в. появляется новый вариант, в котором у глагола *течь* наблюдается разнообразная сочетаемость и на основе которого постепенно складывается у него своя фразеология. При этом глагол *течь* часто сочетается с сущ. *деньги, добро, богатство* и т.п.:

Откуда-то текли к нему деньги. М. Г. Извозчик. II, стр. 167; *В опустевшую колхозную кассу текут тысячи, добытые ее, татьяниними руками.* Николаева. Жатва, ч. II, гл. 1, стр. 243; *Целковые сами текут к Елишко.* СРС, Каронин. Расск. о парашкинцах. III, стр. 147; *А жалобы на Гришку текут каждый день.* СРС, Неверов. Капли против озорства. 2, т. V, стр. 61; *Отовсюду текли доказательства очевидные, не подлежащие сомнению моей основной мысли.* СРС. Герцен. Д-р Крупов, стр. 47.

В данном случае огромную роль играет предлог: если заменим предлог В или К на предлог ИЗ или ОТ, то смысл всего выражения меняется до прямой своей противоположности: вместо «поступать, идти в руки кому-либо» – «исчезать, расточаться, уходить из рук (преимущественно о деньгах)», например:

Добро у нее из рук ручьем течет. СРС, Анненков. Пис. из пров. VI, Восп. I, стр. 72.

Отсюда можно говорить о двух вариантах глагола *течь*: 1) легко, без труда приходиться как бы само собой (о деньгах, ценностях, жизненных благах...) и 2) незаметно и быстро расходоваться, убывать, уменьшаться в количестве. Первый из них свойственен также глаголу *плыть*, а второй – глаголам *лететь* и *плыть*.

Еще в XVIII в. глагол *течь* начал сочетаться с сущ. *мысли*, означая «непрерывно следовать друг за другом» (как и глагол *плыть*):

В других познаниях текли бы мысли дружно, А во поэзии еще и сердце нужно. Сум. О худых рифмотворцах, стр. 175; *В уме его тек-*

ли свои мысли. Николаева. Жатва, ч. I, гл. 10, стр. 166; *Текли, текли одинокие мысли.* АТ. Аэлита, стр. 137; *В его голове текли медленно равнодушные мысли.* Купр. Расск. Изумруд, т. IV, стр. 235.

У Льва Толстого, большого знатока русского языка, обнаружена фраза, в которой глагол *течь* означает «таять, растапливаться», совпал в данном употреблении с глаголом *плыть*:

На столбике перил стояла сальная свечка и текла от ветра. Война и мир, т. II, ч. I, VIII (т. V, стр. 40).

Как мы видим, глагол *течь*, подобно всем глаголам движения, в XIX–XX вв. тоже претерпел определенные изменения в своей смысловой структуре.

§ 16. Большие сдвиги произошли в семантической системе глагола *скакать*. У него исчезли вариант «наскакивать, набрасываться на кого-либо», перешедший, как мы видели, в III период к глаголу *лезть*, и окказионализм «порхать».

Из старых вариантов сохранились лексико-семантические варианты «двигаться по земле с помощью каких-либо средств передвижения», «прыгать» (причем сочетаемость глагола в этом варианте изменилась: он применим теперь не только к одушевленным существительным, но и к неодушевленным, например, *мячу*), «двигаться прыжками». В последнем случае детерминативом служит сущ. *животное* (обычно *лошадь*); примеры с детерминирующим словом *человек* чрезвычайно редки и, в основном, такого типа, как следующий пример:

Скачи-ка вниз, принеси кипятку в чашку от хозяйки. Беляев. Старая крепость, ч. III. Мы устраиваемся, стр. 482.

В просторечии отмечается также употребление глагола *скакать* в смысле «танцевать». К числу новых вариантов относится охотничий термин *скакать*, применяемый к собаке на охоте и означающий «участвовать в охоте»:

Собаки и скачут, и нет; поэтому не знаю, на что решиться. СРС, Л. Т. Днв. 1858, т. 46, стр. 112; *Она (собака) скачет первую осень.* СРС, Дриянский. Зап. мелкотравчатого, 1859 г., стр. 60.

Новым является вариант «участвовать в конских скачках», отмечаемый словарями современного русского языка.

Наконец, глагол *скакать* стал сочетаться в XX в. с сущ. *температура, цены, мысли*, означая «находиться в беспорядочном движении, резко, неожиданно меняться»:

Сна нет, а мысли скачут – и не поймешь, не помнишь, о чем думал минуту назад. СРС, Фурм. Мятаж; *Я лежу на своей койке, и мыс-*

ли у меня **скачут** как сумасшедшие. Аксенов. Зв. билет, ч. IV, гл. 11. «Юность», № 7, 1961, стр. 52.

§ 17. Как и у большей части глаголов движения, у коррелятов *ехать-ездить* несколько изменилась сочетаемость в варианте «двигаться вообще». Глаголы перестали употребляться с указанием на кого, против кого, т.е. перестали означать «воевать» (зато по-прежнему часто *ехать* означает «отправляться куда-нибудь», «приезжать или уезжать»). Кроме того, глагол *ездить* утратил намечавшийся во II период вариант «возить», в котором он выступал как переходный. Вариант «охотиться» у глагола *ездить*, появившийся во II период, существует еще в литературе начала XIX в. – у Пушкина, Карамзина, Марлинского, но уже непродуктивен. При этом обычно глагол *ездить* употребляется в сочетании с сущ. *охота*. Если глагол *ездить* стоит в выражении «ездить на охоту», то здесь речь может идти о варианте «отправляться на охоту»; если в выражении «ездить на охоте» (а также по пороше, в поле...), то – о варианте «охотиться, быть на охоте»:

Вот проходит 3 года и боле, Королевич ездит на охоте. Пушкин. Яныш-Королевич, т. II, стр. 192; *Да в нашей грустной стороне – Скажите – что ж и делать боле, Как не хозяйничать жене, А мужу с псами ездить в поле.* Огар. Соседке, т. I, стр. 110; *Ложусь в 10 часов вечера, езжу на порошу с здешними помощниками (охотиться после снегопада).* СРС, Пушкин. Пис. 55, 27; *Я езжу по пороше, да играю в вист по 3 гривы роберт...* Там же. 396, 26; *Можно заметить 2–3 легких анахронизма и некоторые погрешности противу языка и костюма. Например, новейшее выражение: охотиться вместо ездить на охоту.* СРС, Пушкин. XI, 93, 11.

Однако уже к концу первой трети XIX в. анахронизмы, упоминаемые Пушкиным, окончательно вытесняет глагол *ездить* в смысле «охотиться». Из старых вариантов у глаголов *ехать-ездить* можно назвать варианты «двигаться по воде с помощью средств передвижения (и им самим)», «двигаться по земле с помощью определенных средств передвижения» и «властвовать, подчинять своей власти, использовать в своих интересах» (последний вариант усилился у глагола *ездить*, стал реже встречаться у определенной основы). Во втором из перечисленных вариантов глагол *ездить*, стоящий без конкретизатора, означает фактически «уметь пользоваться какими-либо средствами передвижения»:

Я еще не знаю, как ты еддишь. СРС, Пушкин. Пис. 942, 26; *Гость объявил, что ездит порядочно.* Дост. Маленький герой, т. II, стр. 238.

Ср.: *На велосипеде он ездил отлично, в стиле настоящего гонщика.* СРС, Фед. Первые радости.

Наряду со старыми лексико-семантическими вариантами оба коррелята приобретают в XIX–XX вв. несколько новых, общих обеим основам, вариантов. Это, например, термин барышников – «двигаться пешком или прыжками (о лошадях):

А что, он едет хорошо? – спросил я (о рысаке не говорят: бежит). Едет, – спокойно ответил барышник. СРС, Тург. Лебедезь, стр. 121; *У меня Третьяк уже от нее и едет. Хорошо едет?* – сказал гость. Л. Т. Холстомер. VIII, т. III, стр. 362; *Дороги здесь превосходные, и лошади ездят быстро.* СРС, Чех. Остров Сахалин. IX; *Ездит, ездит лошадь смирно и благородно – вдруг встанет на дыбы и заржет и понесет.* Черн. Не начало ли перемены? т. VII, стр. 881.

В Словаре современного русского литературного языка Академии наук СССР этот вариант отмечен лишь у неопределенной основы, хотя в действительности у глагола *ехать* он встречается даже чаще. Остальные вновь приобретаемые варианты являются индивидуальными вариантами либо глагола *ехать*, либо глагола *ездить*. Неопределенная основа – глагол *ездить*, в отличие от большинства других глаголов движения, богаче: у нее больше специфических вариантов. К таким вариантам относится лексико-семантический вариант «двигаться туда-сюда, скользить по чему-либо, болтаться (о различных предметах)», характерный для просторечия:

Винтовка на плече ездил лениво вправо и влево, штык чертил по воздуху зигзаги. СРС, Верес. Расск. о русско-японской войне; *Если седло ездит и надо подтянуть подпругу, лошадь надует брюхо – и подтянуть нельзя.* СРС, Гонч. Фрегат-Паллада, II, гл. 7; *Зубы скрипели и ездил от злобы и силы.* Малышк. Севастополь. I, 7.

Глагол *ездить* означает также «странствовать, путешествовать где-нибудь»:

Ой вы, гости-господа, Долго ли ездил, куда? Пушкин. Ск. о царе Салтане, т. II, стр. 300; *Лето все буду ездить по Европе в местах, где не был.* Гог. Пис. Смирновой, 4/III-1840 г., т. III, стр. 153; *Мы ездил с ним вместе по Европе.* СРС, АКТ. Дон-Жуан; *Уехал на крыше вагона; ездил 2 года.* СРС, Маяк. Хлебников.

Этому варианту близок вариант «посещать кого-что-либо», сложившийся еще в конце II периода и свойственный также (но в меньшей степени) определенной основе:

Он славился во всей округе гостеприимством и радушием; соседи поминутно ездили к нему поесть, попить... Пушкин. Метель, т. IV, стр. 74; *Буду в гости ездить по субботам...* СРС, Недогон. Флаг над с/с, ч. I.

У определенной основы, в отличие от неопределенной, складывается вариант «находиться в пути»:

7 суток ехали они. Пушкин. Евг. Онегин. VII, 35, 14, стр. 497, т. III; *Мы ехали вторые сутки.* СРС, Л. Т. Крейцера соната, I; *Они ехали уже третьи сутки вдоль Дона.* Злобин. Ст. Разин, т. 1, 5, ч. I.

Глагол *ехать*, как и глагол *ползти* (см. § 12), может означать «сдвигаться с места, соскальзывать» (употребляется обычно в просторечии):

Земля ехала у нее под ногами и дождем сыпалась вниз. СРС, Арсен. В горах Сихотэ-Алиня, гл. 6; *Поднос с чашками и стаканами едет к нему на колени.* СРС, М. Г. Жалобы, т. I.

В просторечии глагол *ехать*, как и глаголы *лезть*, *ползти*, употребляется в смысле «рваться, расползаться от ветхости» (об изношенной одежде, материи). Наконец, подобно многим глаголам движения, глагол *ехать* сочетается с наименованиями средств передвижения по земле, означая «двигаться, катиться»:

Шагом... ехала офицерская тележка. СРС, Л. Т. Севастополь в августе, I; *По дну, словно по широкой долине, ездили грузовики, тележки.* СРС, Малышк. Люди из захолустья.

У пары *ехать-ездить*, как видно по приведенным примерам, к III периоду исчезли лишь 2 варианта, тогда как вновь развившихся вариантов – множество, т.е. у этих глаголов наблюдается сильное увеличение их смысловой емкости.

Рассмотрение тех глаголов, у которых в XIX–XX вв. исчезли частично старые варианты и появились новые, приводит к некоторым любопытным выводам.

1. Прирост новых лексико-семантических вариантов преобладает над потерей старых, благодаря чему расширяется семантический диапазон этих слов.

2. Наиболее древние варианты оказываются более устойчивыми, чем приобретенные позднее. Те варианты I периода, которые были

унаследованы в эпоху XV–XVIII вв., как правило, дошли и до XIX–XX вв. Лексико-семантические варианты, возникшие позже, т.е. в XV–XVIII столетиях, менее стойкие; их исчезло к XIX–XX вв. большее количество, чем вариантов I периода (имеются в виду варианты, которые из I эпохи перешли во II, а не те, которые были потеряны на рубеже двух первых периодов). Кроме того, исчезли варианты, наметившиеся у ряда глаголов (за исключением варианта глагола *миновать*).

3. В современном русском литературном языке сравнительно мало появляется новых вариантов, общих обеим основам. Возникающие лексико-семантические варианты являются, главным образом, специфичными вариантами одной из основ. Это ведет к дальнейшему расхождению коррелятов и постепенному распаду глагольной пары.

§ 18. Умышленное элиминирование из предыдущего анализа глаголов *идти-ходить* вызвано особым характером их семантического развития. В семантической судьбе этой пары интересны главным образом внутренние перегруппировки их лексико-семантических вариантов. То, что во II период было общим для обоих коррелятов, нередко в XIX–XX вв. становилось спецификой одного из них, о чем уже попутно говорилось. Так, общие варианты «использоваться, употребляться на что-либо», «литься, струиться», окончательно закрепившийся вариант «выходить замуж» перешли целиком к глаголу *идти* (2 последних варианта были присущи в I период также только глаголу *идти*), а вариант «быть занятым на какой-либо работе, работать кем-либо» распределился в пользу глагола *ходить*. Вариант «перемещаться по небу (о тучах)», бывший первоначально лишь у неопределенной основы, стал общим для обоих коррелятов. Остальные лексико-семантические варианты, принадлежащие как обеим основам, так и одной из них, сохранились и остались в основной своей части без изменения (см. гл. II. § 2, гл. III. § 12). Правда, общий вариант «двигаться по воде с помощью каких-либо средств передвижения» стал для глагола *ходить* терминологическим – не даром он помещен в словаре морских терминов Лукашевича¹⁶ с пометой:

Ходить-плавать. Моряки не говорят: я ездил на корабле (судне) или я ездил по морю, а всегда – ходил.

Глагол *ходить* означает в этом случае «быть в плавании».

Применительно к средствам передвижения (как водным, так и наземным и воздушным) глагол *ходить* стал обозначать (при сохране-

¹⁶ Лукашевич С. Сокращенный морской словарь. М. ; Л., 1940.

нии и старого варианта) «курсировать, двигаться по определенному маршруту и в определенное время»:

*Шоссе из Москвы в Киев наполовину испорчено, а потому дилижансы **ходят** только до Довска.* СРС, Чайковский. Пис. Давыдовой, 17/V–1866 г.; *В стороне от сада, влево, чернелся паровоз и **ходила** от берега на берег... старая лодка.* СРС, Серг.-Ценск. Сад; *По всей линии были уже положены шпалы и рельсы, и **ходили** служебные поезда.* СРС, Чех. Моя жизнь, т. III.

Конкретизаторами при сочетаниях «транспортные средства + глагол *ходить*» обычно являются сочетания: МЕЖДУ + 2 сущ. (как правило, название места) в Тв. п. или ОТ + Род. п. сущ. + ДО (или НА) + Род. п. (Вин. п.) существительного, означающего место.

Из старых вариантов у глагола *ходить* исчез вариант «работать каким-либо орудием», а вариант «иметь какую-либо стоимость, цену» устарел. Интересно, что почти все вновь складывающиеся варианты возникают не у обеих основ, а принадлежат либо одному, либо другому корреляту (исключение представляют варианты «быть в действии, работать (о механизмах)», который сложился в XIX в. у обеих основ, «перемещаться массой (о рыбе, мелком пушном звере)» и «делать ход в игре (в шахматах, картах)». Это свидетельствует о все растущем расхождении глаголов *идти-ходить*.

У глагола *ходить*, например, выявляется лексико-семантический вариант «постоянно бывать в каком-либо месте, учреждении, посещать кого-что-либо», частично сходный с аналогичным вариантом глаголов *ездить* и *рыскать*:

*Часть из них училась в самом пансионе, другие **ходили** в гимназию.* Корол. Ист. моего современника, т. I, ч. II, гл. X, стр. 110; *В школу **ходить** начал, способности показал отменные.* СРС, С.-Щ. Губернские очерки, т. II; *В плавание приготовительные классы не **ходили**, и нас отпускали по домам.* СРС, Крыл. Мои воспоминания; *Черепанов целый год самостоятельно **ходит** в забой.* СРС, Волощин. Земля Кузнецкая, гл. 26, стр. 191.

В III главе упоминалось о появлении у глагола *ходить* лексико-семантического варианта «равномерно двигаться взад-вперед» (§ 12). Этот вариант часто встречается и в XIX–XX вв. в применении к частям тела, предметам:

*...пила **ходит** в прорезе туго и сильно нагревается.* СРС, Бухарин. Работы плотника, стр. 27; *В середине поршень **ходит**.* СРС, Малышк.

Люди из захолустья, стр. 168; ...некоторые из них (бревен) ...лежали уже непрочно и даже **ходили** (т.е. шатались) в гнездах. СРС, Полевой; Алексей увидел Голикова; у него мушкет **ходил** в руках, но справился, смолчал. АТ. Петр I, т. IX, стр. 546; Листницкий говорил, сдерживая глухую злобу. В пальцах его **ходил** слоновой кости мундштук. Шолох. Тихий Дон, т. II, стр. 73.

Точнее, в двух последних примерах глагол означает «дрожать, трястись, колыхаться», как и в следующем:

*Ишь, руки трясутся. С чего у вас пальцы-то **ходят**? Идите домой, не вы убили.* Дост. Бр. Карамазовы, кн. II, гл. 8.

Глагол *ходить* может означать также «двигаться по какой-либо поверхности»:

*Рука его быстро **ходила** по бумаге: он писал очень скоро.* СРС, Гарш. Надежда Николаевна; *Казачок-лакей смазывал пару сапог ваксой, **ходил** по ней густой щеткой.* СРС, И. Горбун. Отрывки из воспомин. II, 602; *Когда же Васюков играет (на скрипке), точно по маслу рука **ходит**.* СРС, Гонч. Обрыв.

Вариант «находиться, пребывать в каком-либо состоянии, настроении» (*Сначала все **ходил** угрюмый, с каким-то потемневшим лицом.* СРС, Корол. Не страшное) развился на месте устаревшего варианта «жить, действовать», от которого сохранились выражения типа *ходить* под богом. (Ср.: *Кругом теперь немецкие владенья, поляк нынче под немцем **ходит**.* Фед. Города и годы, т. I, стр. 260.)

Наконец, некоторые новые варианты глагола *ходить* оказались свойственными просторечию (например, «отправлять естественную потребность»).

Много интересных лексико-семантических вариантов, отсутствующих у определенной основы, создается у глагола *идти*. Таким является, например, вариант «быть к лицу, приличествовать кому-чему-нибудь»¹⁷. Речь может идти об одежде, выражении лица, чертах харак-

¹⁷ В русских народных говорах (например, кубанский диалект) вместо глагола *идти* в лексико-семантическом варианте «быть к лицу» используют глагол *личить*: *Эта шапка **личит** мне* (вместо *идет*). Ср. также: *Сойка стала вырывать-ся, но Хома не отпущал. – Очумел ты, что ли? Не **личит** тебе как будто эта забава.* СРС, Дубинский; *Гляньте-ка, ведь вы кое-что видели в городах: **личит** мне или нет? Говорят, что я в нем (платье), как старая баба.* Там же.

тера, которые соответствуют нашим представлениям о том или ином человеке, гармонируют с его наружностью:

*Белый цвет к ней чрезвычайно **идет***. Дост. Дядюшкин сон. III, II, стр. 269; *Она знает, что непонимание **идет** к ней*. Л. Т. Анна Кар., ч. III, гл. 17, т. XVIII, стр. 315.

Иногда предлог К может опускаться:

*Цветные фраки больше **идут** секретарям, титулярным и прочей мелюзге – молокососно что-то*. Гог. Женильба, т. III, стр. 380.

Конструкция «идти к кому-чему» равноценна обороту «к лицу»:

*Борзым больше всего идет бобер, болонкам – норка, а пуделям «к **лицу**» леопард. В шубке норковой*. Зарубеж. картинки. «Вечерняя Москва», 29/II-1958, № 15.

Подобно глаголам *бежать-плыть-лететь* глаголу *идти* присущ в XIX–XX в. лексико-семантический вариант кажущегося движения:

*Дворцы и храмы **идут** мимо*. Вяз., XII, 28 (1869 г.); *Весь день в тумане заоконном **шли** степи, маревом клубясь*. Антокольский. В переулке за Арбатом. «Новый мир», 1954, № 11, стр. 69; *Деревья стали **идти** рассыпанной цепью взводов и рот (вид с поезда в пути)*. СРС, Кат. Время, вперед! XVIII; *Из-за горы навстречу **шло** золотоглавое село*. Твард. Страна Муравия. II, 2.

Новым у глагола *идти* является вариант «располагаться в определенной последовательности», развившийся на основе варианта «тянуться, иметь протяженность» (впрочем, первые примеры на данный вариант появлялись еще в XVIII в.):

*Горные породы располагаются следующим образом: сперва **идет** андезит, дальше будет дацит*. СРС, Арсен. Дерсу Узала, гл. 12; *Вслед за казармами **идут** флигеля, один, другой, третий*. СРС, Гл. Усп. В царьграде, I; *Амбары рубили позади пригонов. Дальше **шли** горы*. Иван. Партизаны. IV, т. I, стр. 125; *Затем **шел** большой зал*. СРС, Леск. Неуда. кн. I, гл. 5; *Посыпанная серым гравием дорожка прямо от балкона спускалась к морю. Ниже **шли** ступени с перилами*. АТ. Человек в пенсне, т. IV, стр. 452.

Как упоминалось, в XVIII в. у глагола *идти* начал складываться вариант «появляться наружу, выбиваться, прорастать», применимый обычно (но не всегда) к растениям. В XIX–XX вв. он присущ и глаголам *ползти, лезть*:

*Лучи его (солнца)... заставляют глазом разглядеть, как **идет** из земли трава*. СРС, Вс. Иванов. Хабу; *Хорош жемчужек, да не знаешь*,

куда спрятать, и в короб не лезет, и из короба **идет**. СРС, Леск. Смех и горе. XXV.

В этом варианте глагол *идти* сочетается не только с названиями растений. Вариант «продвигаться в учебе, по службе» не перекрещивается ни с каким вариантом других глаголов движения:

Ты еще в бытность в семинарии хорошо по гомилетике шел. СРС, Потапенко. На действительной службе, 2; **Шел Петруха по службе впереди отца**. Чапыг. Гулящие люди. 1, 6, 1955 г.

Как и глаголы *лететь, плыть*, глагол *идти* (очень редко *ходить*) вошел в сочетание с сущ. *звук(и)*, развив вариант «доноситься (обычно от куда-то)»:

И я сам... долго еще слышал негодующий, раскатистый голос, шедший из беседки. СРС, Купр. Как я был актером.

Еще в XVIII в. глагол *идти* получил вариант «уступая усилию, нажиму, вмещаться, влезать во что-нибудь или выниматься откуда-то». Этот вариант свойственен просторечию и часто глагол в нем употребляется с отрицанием НЕ, сочетаясь с названием предметов, пищи...:

Ни еда, ни питье не идут в горло... СРС, Костылев. Иван Грозный; ...в дверях она (бочка) застряла и дальше не шла. СРС, М. Г. Мои университеты.

В сочетании со словами, означающими *товары*, у глагола *идти* складывается лексико-семантический вариант «продаваться, находить сбыт» (обычно в качестве конкретизатора выступают слова *хорошо, плохо, по какой-либо цене...*):

Пушной товар и чай шли хорошо... СРС, Даль. Небывалое в былом; На базаре табак недавно шел по червонцу осьмушка. СРС, Луговской. Стих.; *...книга идет, шибко идет, а его нет*. СРС, Некр. и Станицкий. 3 страны света.

Глагол *идти*, соединяясь со словами *род, порода, семья, государство...*, а также названиями черт характера и склонностей человека, приобретает вариант «вести начало, происхождение, происходить»:

Семья ваша идет издревле. СРС, Первенцев. Честь смолоду; *Род наш шел от какого-то миргородского казачьего полковника...* СРС, Корол. Ист. моего совр.; *...писательство мое идет от матери*. СРС, И. Новик. Автобиография.

Если глагол *идти* соединяется в тексте с сущ. *рыба, птица* (и их названиями), то при конкретизаторе *на что* (на приманку) или *в сети* (ловушку) он означает «ловиться, устремляться на приманку» (в сочетании со словом *человек* и с указанием на что – на ласку, на уговоры,

на смерть, опалу и т.п. глагол *идти* значит «быть готовым, склонным к чему-либо, соглашаться»):

На конопляное семя лучше всего идет птица! – говорил Мучеников. СРС, Писем. Старческий грех; *Когда цветут льны, хорошо идет в ворота рыба.* СРС, Фед. Тишина; *Одни на смерть идут, Другие... Прощанья часа ждут.* СРС, Гарш. Стих., VI; *Идти на большее мы не имеем сил.* СРС, Серг.-Ценск. Сев. страда, ч. III, гл. 1.

Наконец, следует сказать о двух случаях «оживления» (но на новой основе – с новыми конкретизаторами) старых вариантов: у глагола *идти* отмечаются варианты «следовать кому-либо в чем-либо, подражать» (*Погиб летчик Шавров... По его стопам шли дальше другие и добивались своего.* СРС, Фурм. Мятёж) и «действовать, поступать определенным образом, развиваться в каком-либо направлении»:

Вся школа Маха идет к идеализму. Ленин. Матер. и эмп., т. XIII, стр. 291; *Говоря о будущем, о ресурсах, культуре, нельзя миновать разговора о том, какими дорогами идут к ней люди.* Померанцева. В Брянске. «Новый мир», 1957, № 4, стр. 17.

Во всех лексико-семантических вариантах прежних эпох сочетаемость глагола *идти* также расширилась. Глагол *идти* в современном русском языке имеет большую информационную нагрузку. Его смысловой объем настолько велик (даже не только по сравнению с другими глаголами движения), что в результате во многих контекстах он приобрел малосущественное лексическое значение, превратившись во вспомогательный глагол; нередко он выступает вместо глаголов *быть*, *становиться* в составных именных сказуемых:

Сени начали спускаться вниз; дорога шла круче и круче. СРС, Н. Усп. Саша; *Путешествие идет мне впрок.* СРС, Батюшк. Пис. А. К. Тург., июнь 1818 г.; *(Дронов) действительно шел в рядах первых учеников класса.* СРС, М. Г. Жизнь Кл. Самгина.

Видимо, следует искать причину перехода глагола *идти* в разряд вспомогательных в проблеме взаимоотношения значения и частоты употребления.

В период XIX–XX вв. все глаголы движения (как было показано в первом разделе главы IV) претерпели новые изменения своей смысловой структуры. На одних глаголах они сказались в большей, на других – в меньшей степени, но все изменения оказались взаимосвязаны.

ОСНОВНЫЕ ЗАКОНОМЕРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ТИПАХ СМЫСЛОВЫХ СВЯЗЕЙ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ В XIX–XX ВЕКАХ

§ 19. Изменения смысловых связей подчинены определенным закономерностям, их можно свести к нескольким типам, уже анализированным в предшествующий период. Основные типы этих изменений смысловых связей глаголов движения остались в XIX–XX вв. теми же. Это – развитие цепочки, изменения по типу «передача эстафеты» и развитие методом борьбы.

Наиболее законченным и широким является тип цепного развития сходных лексико-семантических вариантов сразу у нескольких глаголов движения. Причем у того или иного глагола под влиянием слова, уже обладавшего данным вариантом, могут не только появляться новые варианты, но и исчезать сходные (общие) старые варианты сразу у нескольких глаголов, друг с другом связанных.

Развитие цепочки лексико-семантических вариантов у новых глаголов движения – процесс длительный; он охватывает много веков, втягивая часто в свою орбиту все больше и больше слов из данной группы. Цепь может быть очень короткой (из 2–3 глаголов), а иногда сильно развернутой.

Например, лексико-семантический вариант «проходить, длиться (о времени)» отмечался нами во II период у глаголов *шествовать-течь-бежать* и *лететь*. Данный вариант развился лишь у определенной основы во всех анализируемых глаголах. Весь ряд (за исключением глагола *шествовать*) сохранился полностью и по сей день. В XX в. наблюдается тенденция дальнейшего удлинения цепи связанных этим вариантом глаголов. Так, в применении ко времени встречаются глаголы *ползти, плыть* и (пока, правда, индивидуально) *брести* и даже *лезть*:

Но дни в аулах их бредут На костылях угрюмой лени. Жук. Воейкову, 1814 г., т. I, стр. 323; *Доселе в резвости беспечной Брели по розам дни мои.* Пушкин. Послание к Юдину, т. I, стр. 222; *Так все и ползло и лезло скучное время.* Леск. Обойденные. III, ч. II, гл. 2, стр. 166.

Вариант «быть худым, протекать» зародился у глагола *течь* во II период (гл. III, § 12). В III период он перекинулся и на глагол *бежать*, бытуя, правда, лишь в диалектах. Цепочка, начавшаяся в XI–XIV вв., иногда может получить дальнейшее развитие спустя большой промежуток времени. Так, вариант «тянуться (о линиях)» в I и II периоды был у глаголов *идти, грядти* (единичные примеры встречались

в конце II периода на глагол *течь* (§ 13)) и лишь в III период охватил глаголы *ползти* и *бежать*, исчезнув у глагола *грести*; индивидуальные случаи употребления можно встретить на глагол *лететь*:

Линии и безкарнизные готические пилястры... должны лететь через все строение. СРС, Гог., Арабески. V, 222.

Лексико-семантический вариант «двигаться по воздуху (о птицах)» присущ глаголам *лететь-летать*, *парить* и *плавать* с XI в. Однако в период XIX–XX вв. этот вариант у глагола *парить* слегка варьировался: он стал означать «летать определенным образом – распластав крылья». В таком виде он распространился в конце II–III периода на глагол *плавать*.

Немало глагольных цепочек зарождается у нас на глазах. Для них характерны, с одной стороны, узкий охват слов, с другой стороны, обычно большое число окказиональных случаев употребления новых глаголов в том или ином уже сложившемся варианте. Например, в варианте «расползаться, разлезаться от ветхости (о гнилой материи)» взаимозаменяются глаголы *лезть*, *ползти* и *ехать*. Кстати, трудно сказать, какой из этих глаголов можно назвать родоначальником цепочки.

Глаголы *бегать-блуждать-бродить-ползать* имеют общий вариант «мелькать, появляться и исчезать (об улыбке)».

Вариант «переходить с предмета на предмет (о глазах)» наблюдается в XIX–XX вв. у глаголов *бегать-блуждать-бродить-рыскать-ползать*. Индивидуальные случаи засвидетельствованы для глаголов *скакать-плавать*:

Глаза на бегу скакали, шарили лихорадочно вдоль поезда: где же он, вагон № 4? Малышк. Севастополь. 1, 7; *Петр Алексеевич, скача зрачками по строкам, прочитывал... и писал.* СРС, АТ. Петр, т. I, кн. III, гл. 4; *Глаза говорят и скачут.* А. Остр. Дм. Самозв. и Вас. Шуйский, т. V, стр. 141; *Добродушная фигура Хины, плавающего глазами по потолку и стенам зальца.* Златовр. Дедовское гнездо. I, стр. 241.

Сходный процесс начался в конце II периода в варианте «быстро двигаться, мелькать (о руках)», который в XIX–XX вв. присущ глаголам *бегать*, *летать* и *ходить*. В этом же смысле нередко можно натолкнуться в художественной литературе на глаголы *блуждать-бродить-ползать-плавать* (правда, они означают не «быстро двигаться», а, наоборот, «медленно двигаться»):

Розовые руки женщины благодатно плавали над столом. М. Г.

Жизнь Кл. Самгина, ч. I, стр. 435; *Рука ее без цели бродила по столу.* Лерм. Герой нашего времени. Тамань, т. IV, стр. 201; *Перо по книжке бродит...* Пушкин. К моей чернильнице, т. I, стр. 372; *Длань героя блуждала в пространстве.* Марл. Фрегат «Надежда». Курочкин. Ива, 16; *Рука ее блуждает... Наконец схватывает пузырьки...* Лажечн. Ледяной дом, ч. II, стр. 39; *Костлявые пальцы бессильных рук ползали по груди, стараясь застегнуть пуговицы пальто.* М. Г. Мать, ч. III, гл. 6, т. VII, стр. 373; *За малыши столами подъячие листают тетради, ползают пальцами по челобитным.* АТ. Петр I, ч. II, гл. I, 4; *Воевода... подслеповато ползает по ней (грамоте) бородакой.* Там же, гл. II, 1.

Такова же судьба лексико-семантического варианта кажущегося движения, который охватил глаголы *идти-бежать-плыть-лететь* и (индивидуальный случай) *брести*:

(Вид с поезда в пути) *Деревья брели как новобранцы, оставшие от армии.* СРС, Кат. Время, вперед! гл. 58; *Толпы телеграфных столбов брели против ветра в облаках черной пыли.* Там же, гл. 2.

Вариант «выбиваться наружу, вырастать, вылезать» есть у глагола *лезть, ползти* и *идти*.

У глагола *бежать* сложился лексико-семантический вариант «ниспадать (о волосах)». Он мог бы появиться и у глагола *течь*, пример на который встретился у Бенедиктова:

И власы текут и блещут, Ясны очи взоры мещут. СРС, Падение. 1, 106. Ср. также: *Томными кудрями по плечам летают волосы.* Жук. Орлеанская дева.

Вариант «распространяться повсюду, становиться известным (о слухах, славе...)» наблюдается у следующего ряда слов: с I периода *ходить*; со II периода – *течь* (гл. III, § 13), *летать* (гл. III, § 9), *идти* (гл. III, § 12); с III периода – *бродить, ползти*; индивидуальные примеры есть на глаголы *лететь, блуждать* и *бежать*:

Перед ним молва бежала, Быль и небыль разглашала. Пушкин. Ск. о зол. петушке, т. II, стр. 354; *Об нем уже молва блуждала.* Полон. Свежее преданье. I, т. III, стр. 322; *По Дону и за донские пределы быстро летел слух о постройке нового города.* Злобин. Ст. Разин. т. I, ч. 4, стр. 522.

В настоящее время глаголы *течь, летать* в этом смысле не употребляются.

В большинстве разобранных случаев мы имеем дело с цепочкой, планомерно наращивающей все новые звенья в дополнение к сохра-

нившимися старым. Но нередко отдельные звенья прошлых веков могут выпадать, как в вариантах «проходить (о времени)», «тянуться (о линиях)», «распространяться (о слухах)», хотя цепочка продолжает вовлекать в свой ряд все новые глаголы.

Возьмем хотя бы вариант «струиться, литься», первоначально семантически связывающий глаголы *идти-течь* (I период). Во II период он отмечался и у глаголов *шествовать, бежать и грядти*, а в современном русском языке он уже утерян глаголами *шествовать* и *грядти*, хотя и сохранился у глаголов *идти-бежать-течь*. Зато данный вариант, возможно, разовьется в дальнейшем у слов *плыть* (индивидуальные случаи были и в I период в памятниках книжно-славянских) – *ползти-лететь*, на которые сейчас можно найти пока лишь индивидуальные употребления:

*Река Исеть **плыла** здесь широким плесом.* М.-Сиб. Летные. III, IV, 231; *Река, как огромная змея, **ползла** и терлась о берег своей холодной, серой чешуей.* М. Г. Кирилка, т. III, стр. 39; *Река, стесненная берегами долины, будет как бы **ползти** по ней, извиваясь то в ту, то в другую сторону.* СРС, Советов. Курс гидрологии, стр. 456; *Черная река **ползет** мимо нас.* М. Г. Мои университеты, т. XVIII, стр. 93; *Это и была чаша с золотым дном, по которой с шумом **летала** горная речонка.* СРС, М.-Сиб. Человек с прошлым. Ср.: *Ручьи **скакали** по камням.* Полон. Орел и голубка, т. II, стр. 360; *Вблизи ручей шумит и **скачет**.* Пушк. Послание к Юдину, т. I, стр. 220, 1815 г.

Очень интересна судьба варианта «лить, падать (о дожде)», который в I период был у глагола *идти*. Во II период глагол *идти* попытался передать данный вариант другому глаголу – *течь*. Но и у глагола *течь* это – окказиональный случай употребления. В настоящее время вариант «лить, падать (о дожде)» развивается глаголом *идти* и встречается порою у глагола *лететь*, главным образом, по диалектам (берутся лишь анализируемые глаголы движения, т.е. не учитывается возможность появления варианта «лить, падать (о дожде)» у других глаголов, как, например, у глаголов *дождить, падать*... Кстати, глагол *дождить* был и в I период и с этим же вариантом).

Цепочки из глаголов с общими лексико-семантическими вариантами, особенно зародившиеся много веков назад, могут разрушаться, иногда исчезать совсем из языка: цепь глаголов *идти-ходить – грядти-шествовать-течь-ступать*, означающая на протяжении I перио-

да «жить, пребывать в определенном состоянии», во II период сократилась до пары *ходить-шествовать*. В III период вариант, объединяющий их, исчез у глагола *шествовать*, зато произошло оживление этого варианта в глаголе *идти*. У глаголов *ходить* и *плавать* оформился вариант «пребывать в каком-либо состоянии» как бы заново – с новыми конкретизаторами.

То же можно сказать и о варианте «следовать» (в отвлеченном плане), широко распространенном у глаголов движения в далеком прошлом – им были охвачены в I период глаголы *идти-ходить, грядти, шествовать, течь*. Сейчас его можно встретить лишь в глаголе *идти*, т.е. цепочка находится в состоянии распада. Эти последние примеры – яркое свидетельство того, что сходные лексико-семантические варианты могут не только возникать у новых глаголов движения, но и исчезать также «организованно», т.е. тоже цепочкой.

Когда речь шла о варианте «литься, струиться», говорилось, что отдельные звенья цепи выпали – при этом пропал данный вариант не у одного глагола *шествовать*, он потянул за собой и глагол *грядти*. То же произошло и в цепочке, означающей «скитаться» (см. гл. III, § 21), где выпали глаголы *плавать-блудить* и *бырать*; в XX в. мы имеем новую цепочку – *бродить-ездить-рыскать* (последний глагол устарел).

У глаголов *лезть-лазить* во II период появляется в результате действия цепного развития вариант «переходить реку вброд», который является исконным для глаголов *брести-бродить*. Однако этот вариант не долго удержался у глаголов *лезть-лазить* – к III периоду он уже выпал из их смысловой системы. Это исчезновение повлекло за собой вымирание данного варианта и у глаголов *брести-бродить* (его можно встретить теперь лишь по говорам).

При изучении процессов развития цепочкой в глаза бросается интересная деталь: закономерностям такого развития подчиняются не только уже сложившиеся лексико-семантические варианты различных глаголов, но и окказиональные, индивидуальные употребления слов, на которые можно натолкнуться в творчестве многих писателей XIX–XX вв. Иными словами, различные глаголы движения встречаются с одними и теми же детерминативами и в тех случаях, когда нельзя говорить о сложившихся вариантах.

Например, в применении к ветру используются глаголы *блуждать, рыскать, лететь-летать, ходить, брести-бродить, бежать* и *течь*. Во всех случаях мы имеем дело не со сложившимися лексико-

семантическими вариантами каждого из этих глаголов, а с его индивидуальными, окказиональными употреблениями:

*Но была осень, по улице **летел** сырой ветер.* М. Г. В людях, т. III; *Ветер резкими порывами **летал** над рекой.* М. Г. Фома Гордеев, т. III, стр. 204; *И ветер бился и **летал** С ее летучим покрывалом.* Пушкин. Буря, т. I, стр. 521; *Из двери в дверь во мгле ночей **Блуждает** ветер освобожденный.* Лерм. Демон. Вариант 1831 г., т. II, стр. 525; *Ветер **рыщет** по полю и гонит снег.* Решетн. Поддиповцы, т. I, стр. 6; *Дни и ночи по улице, по крышам **рыскал** не сильный, но неотвязчивый ветер.* М. Г. Жизнь Кл. Самгина, ч. III, XXI, стр. 100; ***Рыщут** полев суховей, крутится песок.* СРС, Грибачев. Дубок, стр. 268; *Студеный ветер **рыскал** по ж/дорожным путям.* Н. Остр. Рожденные бурей, ч. I, гл. 5, стр. 374; *Наощупь шевеля листву, **брел** предрассветный ветерок.* Павл. Счастье, ч. II, гл. II, стр. 273; *Жидкий, ранний ветерок уже пошел **бродить** и порхать над землею.* СРС, Тург. Бежин Луг. I, 114; *Знойный, удушливый ветер **бродил** лениво по озерам.* СРС, Слепц. Трудное время. IX; *Блистало солнце с высоты, и ветер **бежал** через кусты.* Лерм. Черкесы. VII, т. II, стр. 12; *По улице деревянного городка **бежал** ветер.* М. Г. Жизнь Кл. Самгина, ч. II, стр. 45; *Ветер **бежит** по ржи.* Леон. Барсуки, ч. I, гл. 1, 9; *Ветер **тек** широкой, ровной волной.* М. Г. Старуха Изергиль, т. 1, стр. 102; *Райский вошел в переулки и улицы, даже ветер не **ходит**.* СРС, Гонч. Обрыв, ч. II, гл. 4; *Легкий ветерок приподнимает аромат в саду и **ходит** в огромной, нескошенной траве, **ходит** вольно.* СРС, Помяловский. Мещанское счастье; ***Ходит** ветер по избе.* СРС, Щипач. Домик в Шушенском, стр. 6.

Аналогично употребление глаголов *брести, ползти, лезть, ходить, течь* в смысле «реять в воздухе»; таково же использование глаголов *скакать-бежать-ползти* в отношении к часовым стрелкам (но здесь – различная степень быстроты передвижения) и т.п. Однако случаев сходного только окказионального употребления слов немного. Чаще встречаются общие лексико-семантические варианты, распространяющиеся и на авторские употребления отдельных глаголов, которые могут со временем стать вариантами (см. гл. I, II).

§ 20. Помимо развития цепочкой смысловые сдвиги в глаголах движения могли происходить по типу «передачи эстафеты», когда один глагол теряет какой-либо лексико-семантический вариант, а другой, связанный с ним некоторыми общими вариантами, подхватывает его (подробнее см. гл. III, § 22).

Например, у глаголов *ползти* и *плавать* утрачивается вариант «растекаться, расплываться...», но его постепенно получают глаголы *плыть* и *течь*, последний, правда, пока как авторское употребление. В качестве другого примера можно привести почти полную замену одного ряда глаголов, имевших вариант «скитаться, странствовать, путешествовать по чужим землям», другим рядом (вместо утраченной цепочки *плавать-блудить-бывать* имеем в XIX–XX вв. *бродить-ездить-рыскать*, где, впрочем, глаголы *бродить* и *рыскать* в XX в. являются уже устаревающими).

§ 21. Наконец, третий вид смысловых изменений. Они могут происходить в результате борьбы нескольких глаголов, которая ведет обычно к передаче одним глаголом другому того или иного (см. гл. III, § 23) варианта.

Так было, очевидно, с глаголами *бежать-бегать* и *брести-бродить*, которые имели во II период вариант «уходить, убежать», оставшийся в XIX–XX вв. лишь за глаголами *бежать-бегать*, как это было и до II периода.

Особо острая борьба идет между коррелятами *идти* и *ходить* (см. § 18), у которых в I и II периоды намечались общие варианты «употребляться», даже «литься» и «тянуться». В XIX в. все они превратились в индивидуальные варианты глагола *идти*. Наоборот, общий вариант «работать» в III период стал специфичен только для глагола *ходить*.

Таким образом, лексико-семантические варианты слов одной лексической группы на протяжении исторического существования языка подвержены довольно большим смысловым изменениям. У нескольких глаголов могли возникать общие варианты там, где ранее их не было, и, наоборот, могли разрушаться там, где они ранее существовали. Эти изменения закономерны и их можно сгруппировать в три типа, основанные либо на семантической аттракции, либо на семантическом отталкивании:

1. Развитие цепочкой (появление/исчезновение).
2. Развитие методом борьбы.
3. Развитие по типу «передача эстафеты».

Семантические закономерности, существующие в языке, обусловлены лексико-семантической системой, которая регулирует смысловое изменение каждого слова, придавая развитию всех глаголов общую направленность.

§ 22. В результате изменений, носящих закономерный характер, различные глаголы движения за истекший период вступали нередко в новые смысловые отношения с центральной парой и друг с другом, хотя сами типы семантических связей остались теми же, что и во II период.

I тип смысловой связи слов, рассмотренный по отношению к паре *идти-ходить*, включает в себя в период XIX–XX вв. глагол *грясти* и глагол *шествовать*, который в период XV–XVIII вв. был связан с центральной парой по II типу связи. Оба глагола приобрели постепенно ярко выраженную стилистическую окраску. К тому же глагол *грясти*, передающий в настоящее время преимущественно идею приближения (в структурной модели обычно, но не всегда, встречаются соответствующие предлоги), совпадает лишь частично с вариантом так называемого общего движения у глагола *идти*, который может передавать как приближение, так и удаление (известные ограничения есть и для глагола *шествовать* в его отношениях с глаголом *идти*).

II тип связи охватывает в III период, как и в XV–XVIII вв., основную массу анализируемых слов. В пределах II группы остались все глаголы, находившиеся в ней в XV–XVIII вв.¹⁸, за исключением глагола *шествовать*, который перешел, как уже отмечалось, в I группу. Из IV группы во II пришли глаголы *ползти-ползатъ*. Окациональные употребления глагола *блуждать*, сходные с некоторыми вариантами центральной пары, позволяют предполагать, что в дальнейшем он войдет также во II группу. Наоборот, глагол *рыскать*, у которого в XIX в. был общий вариант с глаголом *ходить*, в XX в. фактически уже не имеет непосредственных смысловых связей с глаголом *ходить*, так как связывающий их в XX в. вариант «бывать где-либо, посещать кого-либо» к XX в. у глагола *рыскать* устарел.

III тип связи, как уже говорилось, можно считать исчезнувшим из группы глаголов движения.

IV группа, из которой ушли глаголы *ползти-ползатъ*, включает глаголы *парить*, *блуждать* и *рыскать* (для XX в.).

Что касается связи слов только по понятию, при отсутствии сходных лексико-семантических вариантов, то здесь продолжают извест-

---

¹⁸ Как и для II периода, здесь требуется оговорка: хотя принцип связи остается прежний, внутренние взаимоотношения глаголов с парой *идти-ходить* изменились, т.е. увеличилось число общих вариантов; вместо одних сходных вариантов появляются другие.

ные колебания. Так, у глагола *переть* (данный глагол опущен из анализа, ибо является просторечием) снова возникла связь по сходным вариантам (а не только по понятию) с глаголами движения; у ряда же вновь пришедших в язык слов семантических отношений с другими глаголами пока не установилось (глаголы типа *пикировать*, *фланировать*¹⁹), однако, изучение их выходит за рамки работы. В современном русском литературном языке произошла некоторая перегруппировка слов внутри прежних типов смысловой связи. Самым богатым и объемлющим является II тип (группа); I тип смысловых отношений постепенно разрушается, а III тип уже исчез в пределах лексической группы глаголов движения.

Рассмотрение смысловых связей всех взятых глаголов движения по отношению к центральной паре *идти-ходить* показало, что в XIX–XX вв. большинство слов имеет некоторые общие лексико-семантические варианты, т.е. связано непосредственно между собой по II типу связи. Это положение остается в целом верным и тогда, когда устанавливается смысловая система глаголов движения без учета их отношений к глаголам *идти-ходить*, хотя в этом случае достаточно большую группу составляют глаголы, образующие IV тип семантической связи слов, т.е. связанные между собой опосредствованно.

В I и II периоды мы ориентировались только на структурную модель при определении лексико-семантических вариантов различных глаголов и выяснении разных видов смысловых взаимоотношений их между собой, так как были лишены того непосредственного чувства языка, которое присуще человеку, живущему в отдаленные от нас эпохи, и которое до известной степени позволяет корректировать выявляемые другими (объективными) способами семантические взаимодействия разных глаголов. В III период то и дело приходится делать оговорки, вносить отдельные поправки в устанавливаемые типы смысловых отношений глаголов движения, поскольку обычно остро чувствуется стилистическая окрашенность одних слов, тонкие, не фиксируемые структурной моделью, нюансы в сходных вариантах других и т.п.

Иногда, впрочем, удастся фиксировать эти едва уловимые различия в сходных вариантах различных глаголов движения, подразделив

---

¹⁹ Это положение касается не всех новых слов: например, у глагола *планировать* есть общий вариант с глаголом *парить*, отчасти – с глаголами *плыть-плавать* (с индивидуальными употреблениями их).

одну структурную модель, имеющую всегда более или менее обобщенный характер, на несколько путем введения более дробных конкретизаторов и детерминативов. Это можно сделать, значительно увеличив выборку материала. В данной главе, однако, мы все время оперировали обобщенной, а не детализированной структурной моделью, чтобы не усложнять изложения и сохранить единство его с другими главами. Тем не менее каждый раз мы делали, насколько это возможно, оговорки об особенностях какого-либо варианта у того или иного глагола, от чего зависят и сами типы смысловых отношений глаголов движения.

Например, глагол *грясти*, имеющий единственный вариант общего движения, должен был бы входить в I тип смысловых связей слов по отношению к глаголу *стунать*, у которого отмечается тот же вариант. Но, во-первых, вариант «общего движения», о чем уже говорилось, не является в III периоде столь общим, как в XI–XIV вв.: каждый глагол, обладающий им, употребляется преимущественно (а иногда и единственно) в каком-либо одном смысле, передавая либо удаление, либо приближение, либо некоторое абстрактное ненаправленное движение и т.п., хотя структурная модель во всех случаях одна и та же. Глагол *стунать*, как правило, передает не идею приближения, что наиболее свойственно глаголу *грясти*, а, наоборот, идею удаления, чего не наблюдается у глагола *грясти*, и употребляется в этом смысле только в повелительном наклонении, в связи с чем трудно говорить о I типе смысловых отношений между этими словами. Кроме того, глагол *грясти* сильно отличается от остальных глаголов (в том числе и от глагола *стунать*) по своей стилистической окрашенности.

По отношению к глаголу *течь* также можно было бы говорить о I типе связи для *грясти* и *шествовать*, однако необходимо учесть, что вариант общего движения у глагола *течь* к XX в. уже устарел и т.п. Фактически I тип семантических отношений безоговорочно не представлен в отношениях ни одного из анализируемых глаголов движения в XIX–XX вв.

Непосредственные семантические отношения с частичным перекрытием смысловых структур (II тип связи) наблюдаются у таких далеких в предыдущие периоды слов, как *парить* и *блуждать*, *парить* и *бродить* (общий вариант «витать (о мыслях...)»); *блуждать* и *ползать*, *блуждать* и *бегать* (общие варианты «мелькать, появляться и исчезать (об улыбке, тенях...)» и «переходить бесцельно взглядом

с предмета на предмет (о глазах)); у глагола *рыскать* с глаголами *ползать* и *бродить*; у глаголов *лезть* и *течь* и некоторых других. У глаголов *плавать* и *блуждать* во II период была непосредственная связь через вариант «странствовать, скитаться по чужим странам», которая распалась во II период. В настоящее время эти глаголы связаны лишь опосредствованно, но некоторые индивидуальные употребления (например, у глагола *плавать* – «переходить бесцельно взглядом с предмета на предмет») позволяют предполагать, что в дальнейшем эти глаголы снова окажутся связанными непосредственно. Подобных случаев можно отметить довольно много и не только во II группе. Так, опосредствованные отношения (IV тип связи) наблюдается у глагола *скакать* со всеми глаголами, кроме *ехать-ездить* (с некоторыми и во II период отношения были теми же) и *лететь* (в XV–XVIII вв. непосредственных связей у глаголов *лететь* и *скакать* не было). Возможно, что если индивидуальное пока употребление глагола *скакать* в смысле «переходить бесцельно взглядом с предмета на предмет» станет вариантом, то появятся непосредственные связи глагола *скакать* с глаголами *блуждать*, *бродить*, *бегать*, *ползать* и т.п. (с известными в отдельных случаях оговорками).

Особняком стоит глагол *миновать*, у которого с некоторой натяжкой можно признать непосредственную связь с глаголами, имеющими вариант «длиться, проходить, протекать (о времени)» и «избегать, сторониться кого-чего-либо» (с остальными глаголами связи только опосредствованные).

По IV типу связи соотносятся глаголы *парить* и *рыскать*, *парить* и *лезть*, *рыскать* и *лезть* (то же было и во II период) и др.

Полную картину того, какие глаголы и через какие общие варианты связаны непосредственно между собой в XIX–XX вв., а какие опосредствованно, можно представить себе по схеме (табл. 6), сравнив ее с двумя другими аналогичными схемами, помещенными в выводах к I и II главам.

В этой схеме структурные модели не детализированы; никаких помет о большем или меньшем сходстве одного варианта у различных глаголов, имеющих его, не делается; например, вариант «мелькать, появляться и исчезать, переходить с места на место (о теньях, улыбке)» свойственен глаголам *бродить*, *блуждать*, *бегать* и *ползать*. Для двух последних глаголов этот вариант можно было бы подразделить на «медленно переходить с места на место...» и «быстро переходить

с места на место, мелькать...». На подобные несходства обращалось внимание в самом тексте работы. Иногда делаются перекрестные отсылки с одного варианта на другой, свидетельствующие об известной их близости. Индивидуальные случаи употребления, за очень редкими исключениями, в отличие от предыдущих схем, не внесены в данную схему. Все абсолютно новые для III периода лексико-семантические варианты помечены двумя звездочками, как и в схеме ко II периоду.

Результаты обработки схемы даны в выводах к III главе.

Т а б л и ц а 6

Детерминатив	Стержневое слово (глагол)	Конкретизатор	Лексико-семантический вариант
1	2	3	4
1. Живое существование, некоторые абстрактные сущ. и др.	идти-ходить; ступать (только в повел. накл.); грясти, шествовать, течь (устар.)	Ø; к кому, инфинитив, следом за кем-либо и др.	двигаться вообще (отправляться, направляться куда-либо, особенно приближаться – для грясти; удаляться, выступать войной...)
2. Живое существование	миновать (перех., 2 вида)	кого-что (Вин. п. сущ. без предлога)	проходить, проезжать, проплывать мимо кого-либо, оставлять позади, в стороне...
3. Человек (для миновать обычно в Дат. п.)	миновать (перех., сов. вид, обычно с отрицанием), бежать-бегать	чего-нибудь (греха, пьянства...); для бежать-бегать + (от)чего (греха, пьянства...), реже – кого	избавиться, освободиться от кого-чего-либо; избежать, сторониться, уклоняться от чего-либо
4. Единицы времени, событие...	Миновать (неперех., сов. вид, только в 3 л.)	Ø; кому (Дат. п. названия лица)	окончиться, пройти (о времени, событии); исполниться (о возрасте)
5. Живое существование	ступать, идти-ходить, брести	пешком	делать шаги; медленно двигаться по земле с помощью ног, пешком
6. Живое существование	ступать	на что-либо	ставить ногу на что-либо, наступать на что-либо

1	2	3	4
7. Птицы (обычно хищные)	парить, плавать-плыть	в воздухе, над кем-чем-либо	плавно двигаться по воздуху и держаться в воздухе, распластав крылья (ср. № 30)
8. Летательный аппарат	парить		двигаться в воздухе с равномерным снижением и по наклонной траектории при выключенном моторе (спец.)**
9. а) мысль, ум; б) дух, интерес, тень кого-либо	парить, <i>блуждать</i> , бродить, <i>летать</i> ; <i>лететь</i> парить	высоко, в облаках, в эмпиреях, над кем-чем-нибудь; реже – к кому над кем-чем-либо	а) витать; переключаться с предмета на предмет; реже – мысленно устремляться к кому-чему-либо (только для лететь-летать и парить (устар.); б) господствовать, царить
10. Человек	блуждать, блудить (диал. брест-ти-бродить)	ПО + Дат. п. сущ. (где)	медленно двигаться часто без цели и не зная дороги, плутать
11. а) глаза, взгляд; б) человек	рыскать, ползать, блуждать, бегать, бродить	а) С + Род. п. сущ. (мест.) + НА + Вин. п. сущ. (мест.); б) глазами, взглядом	переходить бесцельно взглядом с предмета на предмет **
12. а-б) улыбка, тени, огонь	а) бродить, блудить (диал.), блуждать, ползать, бегать; б) ползти, бежать	а) по губам, по стенам, по земле и т.п.; б) С + Род. п. сущ. + НА + Вин. п. сущ.; по чему	а) мелькать, появляться, исчезать**; б) постепенно передвигаться все дальше в определенном направлении, переходить с места на место
13. Живое существо	бежать-бегать	быстро; Ø	быстро двигаться по земле с помощью ног

1	2	3	4
14. Живое существо	бежать-бегать	от кого-либо, прочь	спасаться бегством, убежать, отступать
15. 1) название средств передвижения по воде; 2) живые существа, пользующиеся ими; 3) сами живые существа (человек, рыбы...), предметы	1) идти-ходить, бежать-бегать, плыть-плавать, ехать-ездить, рыскать; 2) идти-ходить, бежать-бегать, плыть-плавать, ехать-ездить; 3) плыть-плавать (частично идти)	ПО + Дат. п. названия водного пространства; в (на) лодке... (судне, корабле...); под парусом, на веслах	двигаться по воде с помощью средств передвижения или без них, а также самим средствам передвижения; перемещаться в воде (о льде, предметах – для № 3)
16. Единицы времени	идти, бежать, лететь, <i>плыть</i> , <i>ползти</i> , течь	быстро, медленно	проходить, длиться, протекать (для идти + склоняться к определенному возрасту)
17. Название жидкости	бежать, течь, идти		литься, струиться
18. Человек (холоп)	бегать	где-нибудь	быть в бегах (устар.)
19. Человек	бегать-бежать	наперегонки, друг против друга, взапуски, с эстафетой, на кроссе	соревноваться, состязаться в беге
20. Тучи, облака, небесные светила	<i>бежать-бегать</i> , идти-ходить, течь, <i>ползти-ползать</i> , <i>брести</i> *- <i>бродить</i> , <i>лететь</i> , <i>плыть-плавать</i>	по небу	перемещаться по воздуху
21. Средства передвижения по земле (ср. № 42, 49, а также № 31)	ехать-ездить, идти, бежать, бегать	по земле	катиться, двигаться по земле (о средствах передвижения)**
22. Сосуды	бежать (диал.), течь		протекать, быть худым, пропускать воду

1	2	3	4
23. Линия, дорожка, полоса чего-либо	<i>бежать, ползти, идти</i>	ОТ + Род. п. места, ДО + Род. п. места, К + Дат. п. направления, по земле	тянуться, иметь протяженность, направление
24. Название предметов, мимо которых человек движется (лес, берег...)	бежать, лететь, идти, плыть	назад, рядом, мимо, по сторонам	мимо двигаться (о кажущемся движении предметов, мимо которых человек сам движется)**
25. Волосы	бежать	на плечи, по плечам (персям)	ниспадать, падать на плечи**
26. Часовой механизм (часы)	бежать	Ø; вперед	спешить, уходить вперед, неправильно показывая время**
27. Пальцы, рука, предметы (карандаш, кисть, смычок, щетка...), водимые рукой	бегать, летать, ходить (ср. ползать)	по клавишам, по бумаге, по холсту; по какой-либо поверхности; над чем-либо, над какой-либо поверхностью	быстро двигаться, мелькать**
28. Человек	бегать, ходить	на коньках, лыжах	кататься**
29. а-б) Человек	бежать-бегать бегать	ЗА + Тв. п. сущ. (обычно лицо) ЗА + женщинами (обычно)	а) гоняться за кем-либо, преследовать; б) ухаживать за кем-либо, угодничать перед кем-либо
30. Птицы, некоторые насекомые; человек, пользующийся летательным аппаратом, и сами летательные аппараты	лететь-летать	высоко; в воздухе; над кем-чем-либо; Ø	двигаться по воздуху с помощью крыльев (о птицах, насекомых – ср. № 7) или на летательных аппаратах (о человеке, а также о самом летательном аппарате)

1	2	3	4
31. Человек и средства передвижения по земле и воде (ср. № 15, 21, а также № 42, 49)	лететь-летать	по земле, быстро	нести (носить) по земле и воде
32. Предмет	лететь-летать	куда, ОТ кого, К чему-кому, ЗА линию чего, ДО чего	быть бросаемым, находиться в полете**
33. Человек	лететь	в чины	совершать карьеру, преуспевать на службе (устар. для XX в.)**
34. а-б) Звук, запах	а) лететь, плыть-плавать, течь; б) лезть, идти, лететь, плыть	а) откуда, где, над чем-либо; б) во что, куда (в окна, в уши)	а) разноситься по воздуху, распространяться вокруг** б) доноситься откуда-либо, проникать куда-либо**
35. а) денежные единицы; б) температура	а) лететь; а-б) скакать	вниз, вверх	быстро, неожиданно изменяться в цене, уровне; быть неустойчивым**
36. Деньги, ценности, сумма денег	лететь, плыть, течь	из рук, ОТ + Род. п. лица (от кого), сквозь пальцы	тратиться, расходоваться, быстро исчезать**
37. Деньги, ценности, жизненные блага	плыть, течь	К + Дат. п., В + Вин. п. сущ. лица; откуда, куда, кому	легко, без труда доставаться, приходиться как бы само собой**
38. Частицы чего-либо (земли, воды)	лететь	во все стороны, всюду	разлетаться, устремляться в стороны**
39. Человек	<i>рыскать</i> (устар.), ходить, ездить (ср. № 79), <i>бегать</i>	ПО + Дат. п. (мн. ч.) сущ., означающего зрелищные места, учреждения, названия людей; по гостям; В +	часто, постоянно бывать где-либо, посещать кого-либо

1	2	3	4
		Вин. п. сущ., означающего учреждение и т.п. (в школу)...	
40. Живое существо, реже – транспортные средства	рыскать	за чем (цель), где	искать, бегая, торопливо и беспорядочно двигаться в разных направлениях (о животных, людях; о транспортных средствах – снова)
41. Судно, реже – самолет	рыскать	вправо-влево, по сторонам	отклоняться от своего курса, занимать неустойчивое положение** (спец.)
42. Человек, средства передвижения по земле (ср. № 49, 21)	плыть-плавать	по земле	плавно двигаться по земле, катиться**
43. Человек	плавать	Ø; на экзамене....	говорить и действовать наугад, не попадая, неверно, неуверенно, проваливаться на экзамене**
44. Человек	<i>плавать</i>	в трепете (восторге, неге, блаженстве, спокойствии, мечтах...)	пребывать в каком-либо состоянии, быть поглощенным каким-либо чувством, настроением
	ходить	угрюмый (радостный, веселый, мрачный, счастливый)	
45. Человек	плавать	В + Пр. п. сущ., означающего количество, предметы (во ржи, в письмах)	иметь обилие чего-либо**

1	2	3	4
46. а-б) Предмет	а) плавать; б) плыть	а) в тумане (дымке, тьме) б) перед глазами, человеком; мимо кого	а) быть окруженным чем-либо, быть погруженным в дымку, туман**; б) воспринимать окружающее расплывчато, как в тумане (о полуморочном состоянии человека)**
47. Аморфные вещества	плыть, течь	Ø; от чего (от жары, солнца...)	растекаться, расплываться, утрачивая твердость от жары, влаги**
48. Человек, пресмыкающееся, насекомое	ползти-ползать	Ø	двигаться ползком
49. Человек, средства передвижения по земле, воде (ср. № 15, 42, 21, 31)	ползти-ползать	едва, медленно	медленно, с трудом двигаться, тащиться (о людях и средствах передвижения)**
50. Человек	ползать	в ногах у кого-либо, перед кем-нибудь	низкопоклонствовать, унижаться
51. Слухи, молва, слава, болезни...	бежать, бродить, <i>ползти</i> , идти-ходить, лететь, блуждать	по кого-что-нибудь, ПО + Дат. п. сущ.	распространяться, передаваться от одного к другому, из уст в уста; становиться известным
52. Тесто (человек)	ползти	Ø	толстеть (прост.)**
53. а) одежда, части тела (руки, ноги); б) земная поверхность	ползти, ехать	К + Дат. п. (к кому), вниз, в сторону; С + Род. п. на кого-что, под ногами	а) соскальзывать, сдвигаться в сторону**; б) оползть**
54. Ткань, пряжа, кожа	ехать (прост.), ползти, лезть	Ø	расползаться, разлетаться от ветхости**

1	2	3	4
55. а) растение (трава); б) реже – предметы, волосы...	а) <i>ползти</i> ; а-б) лезть, <i>идти</i>	откуда; из-под чего; из земли	выбиваться наружу, вылезать, прорастать**
56. Вьющиеся растения	ползти	по поверхности чего-либо	стлаться по поверхности**
57. Живое существо	лезть-лазить	вверх, через что-либо, на что-нибудь, к чему-либо вверх...	карабкаться, цепляясь за что-либо, подниматься наверх
58. Живое существо	лезть-лазить	куда, во что-нибудь; В + закрытое помещение	проникать во внутрь чего-либо, часто ползком; входить в помещение
59. Обувь, одежда	лезть	обычно с НЕ, на кого-что-либо	надеваться, налезать, быть впору
60. Волосы, шерсть	лезть, течь (спец.)	Ø; сильно...	выпадать**
61. а) предметы, горы...; б) волосы (кудри...)	лезть	а) на что-либо (друг на друга, один на другой); б) на глаза, лоб	налезать, надвигаться, громоздиться...**
62. Предмет	лезть	в глаза, на глаза	бросаться в глаза, обращать на себя внимание**
63. Предмет, пища	лезть, идти	во что-либо (часто с отрицанием НЕ); из чего-либо	уступая усилию, нажиму, вмещаться, влезать во что-либо, выниматься, вылезать из чего-либо
64. Человек	лезть	в мученики; В + название социальной переслойки в Вин. п.	стремиться к достижению определенной цели, более высокому положению**
65. Человек	лезть	к кому-либо с чем-либо (с пустяками, нежностями, указаниями); инфинитив	надоедать, приставать**

Продолжение табл. 6

1	2	3	4
66. Человек, государство	лезть	на кого-что с чем (с войной...)	двигаться с напором, не считаясь с препятствиями, запретом...
67. Человек, рука	лезть-лазить	в карман (по карманам), в комод, в рот; по садам (в сад)	забираться куда-либо, во что-либо (часто с целью воровства) рукой или самому человеку
68. Мысли	плыть, течь	друг за другом, медленно, в голове...	непрерывно следовать друг за другом сплошным потоком**
69. События, жизнь, беседа, хозяйство...	течь, идти	своим ходом; ровно, плавно; быстро...; хорошо, плохо	развиваться, происходить, осуществляться
70. Пьеса	идти	в театре, на сцене; впервые; какой сезон...	исполняться, ставиться**
71. Живое существо, предмет (мяч...)	скакать	∅	прыгать
72. а-б) животное (лошадь)	а) скакать, ехать-ездить (диал., спец.); б) идти-ходить	∅; галопом (для скакать)... в аллюр, галопом, рысью	а) двигаться по земле вскачь (прыжками), (для скакать – спец.: участвовать в скачках); б) нестись (вскачь)**
73. Человек, пользующийся средствами передвижения по земле	скакать, бежать-бегать (диал.), ехать-ездить	верхом, на лошади, в телеге (на повозке, в поезде)	двигаться по земле с помощью каких-либо средств передвижения
74. Человек	ездить	∅	уметь пользоваться какими-либо средствами передвижения по земле (лошадью, велосипедом...)
75. Собака	скакать	на охоте, первую осень	участвовать в охоте (устар. для XX в.)
76. Человек	ездить	на охоте, в поле, по пороше	охотиться (устар.)

1	2	3	4
77. Предмет	<i>ездить</i> , ходить	туда-сюда, вправо-влево; Ø	скользить по чему-либо, болтаться, двигаться туда-сюда
78. Человек	ездить	на ком (человеке)	властвовать, подчинять своей власти, использовать в своих интересах
79. Человек	бродить (устар.), <i>ездить</i> (ср. № 39), <i>рыскать</i> (устар.)	ПО + Пр. п. (название места); долго; по свету	скитаться, странствовать по чужим землям, путешествовать
80. а) человек; б) письма	ехать идти-ходить	количество дней	быть в пути**
81. Живое существо	ходить	под себя...	отправлять естественную потребность (прост.)
82. а) человек; б) название фигур в шахматах, карт	идти-ходить	а) название карты, фигуры в шахматах в Тв. п.; под кого-нибудь; б) по горизонтали (вертикали, диагонали); Ø	делать ход в игре**
83. Наземные, воздушные и водные средства передвижения	ходить	между + 2 сущ. в Тв. п. (название места); ОТ + Род. п. + ДО + Род. п.	курсировать, двигаться по определенному маршруту в определенное время**
84. а-б) Человек	а) ходить; б) идти	а) Тв. п. сущ., означающего профессию; В + Пр. п. мн. ч. названия профессии; б) В + Вин. п. мн. ч. названия профессии; ПО + Дат. п. названия учебного	а) служить, работать кем-либо; б) специализироваться по чему-либо, приступить к какой-либо деятельности**

Продолжение табл. 6

1	2	3	4
		предмета, науки; НА + Вин. п. названия места работы, учения; Тв. п. названия профессии	
85. Человек	ходить	В + название одежды в Пр.п.	носить одежду, быть одетым
86. Человек	ходить	ЗА + название живого существа (реже – предмета) в Тв.п.	ухаживать за кем-чем-либо, следить, проявлять заботу
87. Монеты, рукописи, книги, записки	ходить, идти	по городу, по рукам, от одного к другому	быть в обращении, передаваться из рук в руки
88. Предмет; название денежных единиц	ходить	(по какой цене) по рублю	иметь какую-либо стоимость, цену (устар.)
89. Части тела	ходить	Ø; вверх-вниз	трястись, дрожать, колыхать
90. Механизмы (часы, фабрики, домны)	<i>идти</i> -ходить	исправно, хорошо; плохо; на каком-либо топливе...	быть в действии (о механизмах), работать
91. Рыба, мелкий пушной зверь	идти-ходить	стаей, косяком, у берега, в воде...	передвигаться массой**
92. а) дождь, снег; б) предметы	а) идти; б) лететь (иногда возможен с а) – летать)	Ø	а) падать, лить; б) падать, опускаться вниз
93. Одежда, какая-либо черта характера, привычка, поступок...	идти	кому (название лица в Дат. п. без предлога или с предлогом К)	быть подходящим, соответствовать, приличествовать, годиться**
94. Человек	идти	в след за кем, по стопам кого	следовать кому-либо в чем-либо, подражать

1	2	3	4
95. Пар, дым, туман, запах	идти	от поверхности чего-либо	исходить от чего-либо; выделяться откуда-либо, подниматься от поверхности чего-либо
96. Стройматериалы, металлы, деньги, продукты...	идти	на что (цель), во что	употребляться для какой-либо цели, расходоваться, тратиться, находить применение
97. Жалованье, пенсия, деньги, проценты, подарки...	идти	кому (название лица в Дат. п.); С, ОТ + Род. п. (откуда, с чего, от кого)	выдаваться постоянно (о жалованьи...); поступать откуда-либо, кому-либо...
98. Товар	идти	хорошо, плохо, по какой-либо цене	продаваться, находить сбыт**
99. Женщина	идти	за кого (название существа муж. пола), наречие ЗАМУЖ	сочетаться законным браком
100. Человек, абстрактное сущ. (искусство, история, человечество, государство...)	идти, брести	своей дорогой (путем), по какому-либо пути	развиваться в каком-либо направлении, действовать, поступать определенным образом
101. Человек	идти	на что-либо (опалу, казнь, смерть, опасность...)	соглашаться на что-либо**
102. а-б) Рыба, птица	идти	а) в сети, ловушки; б) на приманку...	устремляться на приманку, ловиться...**
103. Государство, род, семья, порода, черты характера, склонности человека	идти	от кого, от какого времени	происходить, вести свое происхождение**

1	2	3	4
104. Предмет	идти	ЗА + название предмета в Тв. п., за которым следует данный	располагаться в определенном порядке**
105. а) человек; б) наука (учебная дисциплина)	идти	а) ПО + название учебных дисциплин, служб в Дат. п., первым; б) хорошо, плохо	продвигаться в учебе, на службе; делать успехи**
106. Человек, предмет	идти	сравн. степень прилаг.; некоторые наречия и наречные выражения (впрок, в убыток)	быть, становиться**

Таким образом, сделаем выводы:

- Смысловая система глаголов движения изменилась за XIX–XX вв. прежде всего чисто количественно: одни глаголы изменяли свой семантический объем в сторону его абсолютного уменьшения (например, *грясти*, *шествовать*), другие (и их подавляющее большинство) – в сторону его увеличения, причем увеличение могло быть как без потери прежних лексико-семантических вариантов, так и с частичной утратой их (см. I и II группы). Общее количество лексико-семантических вариантов всех взятых глаголов движения в III период увеличилось по сравнению с I периодом почти в 4, а сравнительно со II – приблизительно в 2 раза, т.е. рост лексико-семантических вариантов происходит в геометрической прогрессии (29 – в I, 58 – во II и 106 вариантов, из которых № 9, 12, 29, 34, 46, 50, 72, 84, 92 можно расценивать как 2 самостоятельных, но очень близких варианта, – в III период). Количество же подробно анализируемых слов остается постоянным с XI по XX в. (26 слов).

- Количественные изменения лексико-семантических вариантов в смысловой системе глаголов движения связаны с качественными сдвигами в семантике отдельных слов.

Семантические изменения носили регулярный характер и происходили тремя основными путями, свойственными и для II периода: а) развитие цепочкой; б) развитие по типу «передача эстафеты»; в) развитие по типу борьбы двух членов группы. Первый из этих типов семантических изменений основан на смысловой аттракции, два других – на семантическом отталкивании.

Развитие цепочкой предполагает как появление, так и исчезновение ряда сходных лексико-семантических вариантов. Иногда цепь может разрываться – из нее выпадают отдельные промежуточные звенья. Цепочка растет (или сокращается) неравномерно – в одни эпохи интенсивно и быстро, в другие – медленно и вяло. II и III типы семантических изменений ведут к перегруппировке между разными словами группы уже имеющихся лексико-семантических вариантов.

Большие качественные сдвиги наблюдаются также в семантике одного отдельно взятого слова: меняется употребительность, часто – область распространения лексико-семантических вариантов; варьируется сочетаемость глаголов с другими словами в том или ином варианте и т.п. Употребительность глаголов и отдельно их лексико-семантических вариантов в общелитературном языке неравноценна: некоторые варианты уже устарели (№ 18, 33, 75, 76; № 1 – для глагола *течь*, № 39 – для глагола *рыскать*, № 79 – для глаголов *бродить* и *рыскать*); другие только зарождаются и пока их можно считать лишь окказиональными употреблениями (см. § 19).

Сфера употребления различных лексико-семантических вариантов также различна. У одних она ограничивается областью терминологии (№ 8, 41, 72 а; № 60 является специальным вариантом для глагола *течь*), у других – тем или иным диалектом (№ 10, 12 – для глагола *блудить*; № 22, 73 – для глаголов *бежать* и *бегать*); у третьих – областью просторечия (№ 52, 81; № 54 – для глагола *ехать*). Большинство рассматриваемых вариантов, однако, свойственны общелитературному языку.

- Количественные и качественные изменения семантических систем отдельных слов ведут к перестройке смысловых связей между самими словами лексико-семантических групп: хотя основные типы смысловых отношений слов в XIX–XX вв. сохранились те же, что и во

II период, глаголы в них испытали известную перегруппировку: это связано с изменением семантической структуры каждого глагола.

В ходе истории становятся четко видимыми расхождения коррелятов, которые были незначительны в I период и усилились во II период. В III период расхождения коррелятов взаимосвязаны со сближением между собой глаголов различных пар, которых в XIX–XX вв. насчитывается 8. Это смысловое сближение осуществляется несколькими путями:

а) развиваются лексико-семантические варианты, общие для обоих коррелятов двух и более пар глаголов движения или для двух коррелятов одной пары и одного из коррелятов другой (других) пары (пар);

б) развиваются лексико-семантические варианты, общие только для определенных глаголов большинства (или нескольких) пар;

в) развиваются общие только для неопределенных основ также большей части (или некоторых) пар анализируемых глаголов.

При расхождении коррелятов, которое усилилось в XIX–XX вв., определенная и неопределенная основы развиваются различно: определенные основы (за исключением глаголов *бродить* и *ездить* – см. схему) богаче лексико-семантическими вариантами, чем неопределенные. Из 8 пар глаголов движения 6 пар (*бежать-бегать*, *лететь-летать*, *лезть-лазить*, *ползти-ползать*, *плыть-плавать*, *идти-ходить*) имеют варианты, общие только каждой паре, но не перекрещивающиеся ни с какими другими глаголами.

• Число глаголов, употребляющихся в одинаковых моделях, из века в век растет. Происходит все большее смысловое сплочение глаголов движения в одной лексической группе (системе). Вместе с тем неуклонно увеличивается число глаголов, имеющих лексико-семантические варианты, не перекрываемые другими глаголами, т.е. встречающихся не в одинаковых с другими словами моделях. В III период количество таких глаголов выросло до 15 (с 4 слов в I и 13 во II периоды). В общей сложности специфичных у отдельных глаголов лексико-семантических вариантов насчитывается в XIX–XX вв. 51, на них у глаголов *идти* – 16, *ходить* – 8, *лезть* – 6, *ездить* и *плавать* – по 3, *бежать*, *лететь*, *миновать*, *рыскать*, *скакать* – по 2, *ступать*, *парить*, *бегать*, *ползать*, *ехать* – по 1 варианту. Остальные варианты этих слов, а также все варианты других глаголов движения оказываются совпадающими для тех или иных слов.

• Удельный вес большинства глаголов движения в XIX–XX вв. сравнительно со II и I периодами вырос или сохранился приблизительно в тех же размерах. По-прежнему он остается наибольшим у глаголов *идти* (34,9 %), *ходить* (20,7 %), *бежать* (16,9 %) и *бегать* (14,1 %), несколько сократившись у глагола *течь* (с 20,6 % во II и 20,7 % в I периоды до 11,3 % в III период). В смысловой системе глаголов движения XIX–XX вв. ничтожным является процентное содержание таких глаголов, как *грясти*, *шествовать* (по 0,9 %).

• Как и в два первых периода, структурная модель в подавляющем большинстве случаев (приблизительно в 80 %) позволяет определить лексико-семантический вариант. Но, в отличие от I и II периодов, в III период гарантию дает лишь полная модель (т.е. сочетаемость стержневого слова и с детерминативом, и с конкретизатором одновременно), так как в XIX–XX вв. один и тот же детерминатив стал общим большему числу моделей, чем в предшествующие века (раньше это положение касалось в основном детерминатива «живое существо», в III период речь идет и о многих детерминативах, общих ряду моделей, например, «механизмы», «деньги», «волосы» и т.д.).

Пользуясь методом дистрибуции, т.е. используя структурную модель, трудно, а иногда практически невозможно распознать следующие лексико-семантические варианты: № 1, 5, 6, 9, 10, 13, 14, 18, 29, 32, 40, 48, 52, 57, 58, 66, 71, 74, 79, 86 и 104. Чтобы сделать это, следует применять некоторые дополнительные методы (например, метод трансформации и развертывания модели, которые помогают при установлении и ряда других лексико-семантических вариантов). Так, модель № 43 с нулевым конкретизатором («человек плавает») двусмысленна, тогда как в развернутом виде (ср. «человек плавает на экзамене» и «человек плавает на лодке») она вполне однозначна. Однако 3/4 всех лексико-семантических вариантов XI–XX вв. можно определить, ориентируясь лишь на структурную модель.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Любое практическое исследование позволяет сделать немало наблюдений и выводов частного порядка. К их числу в данной работе можно отнести следующие, представляющиеся нам наиболее интересными.

Анализируемые глаголы движения в совокупности своей обладают большим количеством лексико-семантических вариантов, число которых растет от периода к периоду в геометрической прогрессии. Появление новых вариантов происходит параллельно с исчезновением старых, причем новых вариантов возникает больше, чем пропадает старых. Значительная часть всех лексико-семантических вариантов оказывается общей сразу для нескольких глаголов, употребляющихся в одной и той же структурной модели. Каждый из этих глаголов является своеобразным маленьким центром, в котором наблюдается семантическое сближение разных глаголов друг с другом. Вместе с тем от I к III периоду увеличивается число вариантов, отсутствующих у всех остальных слов групп, специфичных для какого-либо одного глагола (обычно это бывают вновь складывающиеся варианты).

Смысловая система глаголов движения в ходе исторического развития меняется не только количественно, но и качественно. Так, с веками растет число абстрактных лексико-семантических вариантов сравнительно с вариантами, выражающими конкретные формы движения; постоянно слегка варьируется сочетаемость глагола с другими словами в пределах одного варианта; между различными глаголами группы происходит перегруппировка имеющихся лексико-семантических вариантов и т.д.

Близость глаголов в отдельных лексико-семантических вариантах может быть настолько велика (особенно в I период и преимущественно в варианте общего движения), что встречаются замены одного глагола на другой в идентичных контекстах (в различных редакциях древнерусских памятников были возможны, например, замены в отдельных вариантах глагола *ити* на *ехати*, *лезти*, *течь*, даже *бежати* и обратные; глагола *плавати* – на *блудити*, *течи* – на *ростати* и т.п.). В дальнейшем эта близость уменьшилась, и в XIX–XX вв., несмотря на наличие одной модели для разных глаголов, мы подчас ощущаем едва уловимые оттенки в том или ином варианте у разных глаголов движения, чувствуем такие различия, которые не поддаются формализованному описанию.

Большую часть исследуемых глаголов движения составляют парные основы (определенная и неопределенная) несовершенного вида, которые в I период семантически сравнительно мало (за исключением глаголов *йти-ходити*) отличались друг от друга. Во II период едва наметившееся в XI–XIV вв. расхождение коррелятов усилилось, но индивидуальных для каждой основы вариантов было приблизительно равное количество. В III период сильно возросло число специфичных вариантов у определенных основ (исключение – глаголы *ездить* и *бродить*). С уменьшением семантической соотносимости постепенно может исчезнуть и грамматическая корреляция глаголов движения.

Интересным моментом в семантической судьбе глаголов движения можно считать появление во II период нескольких транзитивных лексико-семантических вариантов у отдельных слов групп, которые исчезли к началу III периода.

Помимо перечисленных практических результатов анализа смысловой системы глаголов движения русского языка, следует коснуться нескольких теоретических вопросов. Речь пойдет лишь о трех ключевых моментах работы – о понятии семантической системы, о методах ее исследования и закономерностях исторических изменений смысловой структуры отдельных слов и всей семантической системы в целом.

1. В работе была сделана попытка представить лексико-семантическую группу глаголов движения как частную семантическую систему русского языка. Системность проявляется в наличии у нескольких слов группы сходных лексико-семантических вариантов, что зависит от употребления разных глаголов группы в одинаковых окружениях. Причем не только глаголы, передающие одно понятие, встречаются в силу этого в сходных окружениях, но и, наоборот, различные слова могут войти в одну лексическую группу или перебросить мост к другим лексическим системам языка, если несколько разных глаголов начинают употребляться в сходных окружениях. Все слова группы глаголов движения, таким образом, рассматривались в их взаимосвязи и взаимодействии, т.е. анализировались смысловые отношения членов группы.

Взаимоотношения между членами одной семантической системы группируются в несколько типов. Смысловые связи могут быть опосредствованные и непосредственные. Последние подразделяются на: 1) необратимую (одностороннюю) связь, при которой один глагол может употребляться в лексико-семантическом варианте другого глагола, в то время как этот другой глагол не обладает ни одним вариантом первого слова; 2) обратимую (двустороннюю) связь с поглощением *семантически* одного глагола другим, или без поглощения, когда у

каждого из вступивших в связь слов наряду с общими, сходными есть и свои специфичные лексико-семантические варианты.

Взаимозависимость слов одной системы сказывается на семантике отдельных ее членов. Исследование глаголов движения русского языка на протяжении их письменной истории с XI до середины XX в. показало, что ни у одного из них семантика не включает в себя понятия направленности движения и передает либо движение безотносительно к направлению, либо удаление и приближение (последние случаи различаются с помощью служебных слов или приставок), в то время как в некоторых других языках семантика глаголов движения включает в себя и направленность движения. Это связано с тем, что в ряде языков существуют специальные слова для обозначения движения приближения или удаления. Например, в латышском языке, по свидетельству В. А. Юрика, глагол *iet* имеет более узкое применение, чем русский глагол *идти*, он означает «двигаться вообще» (но не «приближаться»), тогда как глагол *nakt* значит «двигаться по направлению к автору речи, действительному или воображаемому» (ср. аналогичные отношения в немецком, английском и французском языках: *kommen – gehen, come – go, venir – aller*). В русском же языке оба смысла передаются глаголом *идти*. Семантика остальных глаголов движения русского языка также не передает направленности движения. Эту смысловую нагрузку несут или приставки, или предлоги (ср. *убежать, прибежать – бежать* от чего-кого-либо, к чему-кому-либо). В результате складываются специфические пространственные отношения между движущимся предметом и тем предметом, относительно которого совершается движение. Таким образом, значимость (не значение!) каждого слова лексической системы в большей степени обуславливается, ограничивается и видоизменяется его соседями по группе.

2. Системность группы глаголов движения раскрывалась в данной работе с помощью дистрибутивного метода. Метод дистрибуции снимает многие двусмысленности при определении семантики слов, но не является безупречным (см. конкретный анализ в главах II–IV). Ему на помощь приходит метод дистрибуции и трансформации, применимый, к сожалению, лишь для современного языка, поскольку при использовании последнего приходится обращаться к субъективной интуиции исследователя.

Кроме того, дистрибутивный метод ведет к пересмотру понятия фразеологии и типов фразеологических единиц: так называемые «фразеологические сочетания» ничем принципиально не отличаются от «свободных и конструктивно-обусловленных значений» (по терми-

нологии В. В. Виноградова), так как все самые «свободные значения» различных слов имеют не безграничное количество окружений (контекстов), а характеризуются вполне определенными детерминативами и конкретизаторами, т.е. структурными моделями, причем детерминативы подлежат обобщению в какой-либо тип (группу). К собственно фразеологии следует относить лишь такие сочетания, в которых компоненты совершенно не имеют самостоятельности (это так называемые сращения, отчасти единства), а смысл приобретает всё выражение в целом, не допуская никакой замены своих членов на другие слова (анализ таких оборотов был исключен из данной работы).

Рассмотрение различных компонентов структурной модели (детерминативов и конкретизаторов) при глаголах движения позволяет коснуться вопроса о семантических составляющих лексического значения (семантических множителях) взятых слов. Анализ детерминативов, например, показывает, что субъектом движения может быть всё, что движется и может быть приведено в движение (живые существа, предметы, особенно средства передвижения), а в тех случаях, когда субъектом действия является абстрактное существительное типа *мысль*, *взгляд* и т.п., глагол движения, теряя свою специфику, выступает уже не как глагол, передающий движение в пространстве, а в некотором новом своем качестве.

Темп движения в одних случаях передается конкретизатором (уточняется контекстом), в других случаях (например, глаголы *ползти-ползать*, *скакать*) входит в самую семантику слова, иначе говоря, является дифференциальным признаком значения, или семантическим множителем.

Следовательно, при разложении на семантические множители исследуемых русских глаголов движения (см. подробнее об этой методике глава I, раздел V в работе Е. Найды) для большинства из них пришлось бы учитывать среди прочих компонентов субъект движения, темп движения, но не направленность движения.

3. Метод дистрибуции применим как к современному состоянию языка, так и к прошлым смысловым структурам. Исторические изменения смысловой системы глаголов движения были представлены, с одной стороны, как эволюция отдельных ее членов, с другой стороны, как процесс дискретный, как результат последовательного сопоставления трех синхронных срезов, трех синхронных семантических систем.

Семантика слов на протяжении истории существования языка подвержена изменениям, поэтому сходные (одинаковые) лексико-семантические варианты могли возникать там, где их ранее не было, и, наобо-

рот, могли разрушаться там, где они прежде существовали. Это, в свою очередь, ведет к изменениям типов смысловой связи слов: утрачиваются одни, исчезают или ослабевают другие смысловые отношения.

Изменения в семантике слов одной группы обусловлены всей группой в целом, носят закономерный характер. Их можно свести к двум основным видам: один тип изменений происходит в результате семантической аттракции (притяжения); это изменения по цепочке, в силу семантической аналогии; другой вид семантических изменений – результат семантического отталкивания; он происходит или при «добровольной» передаче какого-либо лексико-семантического варианта одного слова другому (отдельные лексико-семантические варианты исчезают у одних слов, будучи подхваченными другими, т.е. происходит своеобразная передача эстафеты), или в результате острой борьбы двух одинаковых вариантов, в результате чего вариант сохраняется лишь у одного из них.

Характер развития разных слов различен: одни только наращивают новые лексико-семантические варианты, непрерывно увеличивая свой семантический диапазон (*бежать-бегать*), другие только уменьшают его (*грясти*); подавляющее же большинство слов приобретает новые варианты с утратой старых, причем в разные исторические периоды семантический объем слов меняется неравномерно: преобладает то появление новых вариантов, то преимущественная утрата старых.

Темп развития различных глаголов также различен в разные периоды; равномерность в наращивании новых или утрате старых лексико-семантических вариантов отсутствует. Возможны даже эпохи временного затухания и затем нового оживления прежних лексико-семантических вариантов.

В настоящей работе мы ограничивались рассмотрением смысловых взаимоотношений слов внутри лексической группы глаголов движения как в пределах одной эпохи, так и в диахронном плане. Однако в дальнейшем возможно проследить связь слов этой группы с членами иных лексических систем. Если же будет построена история многих лексических систем какого-либо одного языка, то можно будет говорить о создании диахронической семантики.

СПЕЦИАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Амосова Н. Н. О синтаксическом контексте // Лексикографический сборник. 1963. Вып. V. С. 36–45.

Амосова Н. Н. Слово и контекст // Уч. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук. 1958. № 243, вып. 42.

Апресян Ю. Д. Дистрибутивный анализ значений и структурные семантические поля // Лексикографический сборник. 1962. Вып. V. С. 52–72.

Апресян Ю. Д. К вопросу о структурной лексикологии // Вопр. языкознания. 1962. № 3. С. 38–46.

Апресян Ю. Д. О понятиях и методах структурной лексикологии // Проблемы структурной лингвистики : сборник. М. : Изд-во АН СССР, 1962. С. 141–162.

Арнольд А. Трактовка проблемы изменения значений слов в работах русских ученых XIX в. // Уч. зап. П Ленингр. пед. ин-та ин. яз. 1956. Т. I.

Ахманова О. С. Еще к вопросу о слове как основной единице языка // Вестн. МГУ. Сер. общ. наук. 1955. № 1. С. 83–93.

Ахманова О. С. К вопросу о слове в языке и речи // Докл. и сообщ. филол. фак. МГУ. 1948. Вып. 5. С. 27–32.

Ахманова О. С. Некоторые вопросы семантического анализа слова // Вестн. МГУ. 1957. № 2.

Ахманова О. С. О понятии «изоморфизма» лингвистических категорий : (в связи с вопросом о методе лексикографического исследования) // Вопр. языкознания. 1955. № 3. С. 82–95.

Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М. : Учпедгиз, 1957.

Бельская И. К. Историко-семантическое исследование группы слов, связанных с понятием «человек» в английском языке : дис. (рук.). М. : МГУ, 1956.

Беляева Д. М. Глаголы движения в английском языке : (к вопросу о методах семантического исследования) // Уч. зап. ИМО. 1961. Вып. 7. С. 5–29.

Беляева Д. М. Структурно-семантические модели свободных глагольных сочетаний и их типы в английском языке // Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков : сборник. КМО, 1960. Вып. III. С. 83 и след.

Бертагаев Т. А. К вопросу о внутренних законах развития полисемии : (на материале сравнительно-исторического изучения монгольских языков) // Изв. ОЛЯ АН СССР. 1951. Т. X, вып. 6. С. 573–586.

Бланк Д. Д. Влияние лексической системы языка на систему значений глагола // Уч. зап. Орехово-Зуевск. пед. ин-та. 1956. Т. 3.

Брандт Р. Ф. Дополнительные замечания к разбору Этимологического словаря Миклошича // РФВ. Варшава, 1889. Т. 21, № 2. С. 205–221; № 3, с. 111–144; № 4, с. 245–261.

Будагов Р. А. Задачи изучения лексики // Докл. и сообщ. филол. ин-та ЛГУ. 1949. Вып. 1. С. 103–123.

Будагов Р. А. К критике релятивистических теорий слова // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике : сборник. М. : Изд-во АН СССР, 1961. С. 5–29.

Будагов Р. А. Несколько замечаний о понятии отношения в грамматике // Вопросы грамматики : сб. ст. к 75-летию акад. И. И. Мещанинова. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. С. 266–270.

Будагов Р. А. Семантика слова в структуре предложения // Уч. зап. ЛГУ. Сер. филол. 1946. Вып. 10.

Будагов Р. А. Слово и его значение. Л. : Изд-во ЛГУ, 1947.

Будагов Р. А. Устойчивые и подвижные элементы в лексике // Изв. ОЛЯ АН СССР. 1961. Т. X, вып. 2.

Виноградов В. В. Из истории лексикологии // Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР. 1956. Т. X. С. 26–28.

Виноградов В. В. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка : (доклад на IV Международном съезде славистов в Москве). М. : Изд-во АН СССР, 1958.

Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова // Вопр. языкознания. 1953. № 5. С. 3–29.

Виноградов В. В. О формах слова // Изв. ОЛЯ АН СССР. 1944. Т. III, вып. 1.

Гамова О. Л. Прогностика глаголов перемещения в русском и английском языках / под ред. проф. А. А. Кретьова. Воронеж : ИПЦ Воронеж. гос. ун-та, 2008. (Сер. : Библиотека лингвистической прогностики. Т. 3).

Гумбольдт В. О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода / пер. П. Билярского. СПб., 1859.

Гухман М. М. Лингвистическая теория Л. Вейсгербера // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике : сборник. М. : Изд-во АН СССР, 1961. С. 123–162.

Дегтерева Т. А. Системный характер семантических изменений в лексике // Уч. зап. Моск. ин-та ин. яз. 1956. Т. IX, № 7. С. 63–74.

Долгопольский А. Б. Изучение лексики с точки зрения трансформационно-переводного анализа плана содержания в языке // Лексикографический сборник. 1962. Вып. V. С. 73–83.

Домбровская И. В. Динамика и прогностика лексико-семантической группы зрительного восприятия в американском варианте английского языка / под. ред. проф. А. А. Кретьова. Воронеж : ИПЦ Воронеж. гос. ун-та, 2009. (Сер. : Библиотека лингвистической прогностики. Т. 4).

Ельмслев Л. Метод структурального анализа в лингвистике // Acta linguistica. 1950–1951 гг.

Ельмслев Л. Можно ли считать, что значения слов образуют структуру? // Новое в лингвистике : сборник. М. : ИЛ, 1962. Вып. 2. С. 117–136.

Ермолаева Л. С. Неогумбольдтианское направление в современном зарубежном языкознании // Проблемы общего и частного языкознания : сборник. М. : Изд-во ВШ и АОН при ЦК КПСС, 1960. С. 47–85.

Звегинцев В. А. Семасиология. М. : Изд-во МГУ, 1957.

Иванова К. А. О некоторых языковых факторах, влияющих на семантическое развитие глагола // Романо-германская филология : сборник. М. : Изд-во АН СССР, 1962. Вып. 4. С. 5–32.

Ильинский Г. А. Славянские этимологии (№ 21–25, отпечаток из «ФСБ», т. XIII).

Историческая грамматика и лексикология русского языка : материалы и исследования. М. : Изд-во АН СССР, 1962.

Ковтун Е. О значении слова // Вопр. языкознания. 1955. № 5. С. 65–77.

Кодухов В. И. Лексико-семантические группы слов. Л. : Изд-во пед. ин-та им. Герцена, 1955.

Коноцкая В. П. Принципы классификации лексических значений слова // Уч. зап. Моск. пед. ин-та. 1956. Т. 93,

Комлев Н. Г. О некоторых работах современных зарубежных языковедов // Научные доклады высшей школы. Филол. науки. 1959. № 1. С. 147–149.

Кретов А. А. Основы лексико-семантической прогностики. Воронеж : ВГУ, 2006. (Сер. : Библиотека лингвистической прогностики. Т. 1).

Курилович Е. Заметки о значении // Вопр. языкознания. 1953. № 3. С. 73–81.

Кузнецова А. И. Некоторые закономерности изменения значений слов : (на материале глаголов движения русского языка) // Рус. яз. в шк. 1960. № 2. С. 22–26.

Кузнецова А. И. О типах смысловых отношений в группе глаголов движения в древнерусском языке // Вестн. Моск. ун-та. Сер. VII, Филология. Журналистика. 1961. № 1. С. 34–48.

Левковская К. А. Лексикология немецкого языка. М. : Учпедгиз, 1956. С. 133–136.

Левковская К. А. Некоторые зарубежные языковедческие теории и понятия слова // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике : сборник. М. : Изд-во АН СССР, 1961.

Левковская К. А. О принципах структурно-семантического анализа языковых единиц // Вопр. языкознания. 1957. № 1. С. 41–55.

Лекомцев Ю. К. К вопросу о системности глаголов речи в английском языке // Проблемы структурной лингвистики : сборник. М. : Изд-во АН СССР, 1962. С. 190–197.

Лосев А. Ф. Эстетическая терминология ранней греческой литературы : (эпос и лирика) // Уч. зап. МГПИ им. Ленина. 1954. Т. 83, вып. 4.

Матезиус В. Куда мы пришли в языкознании // Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веках в очерках и извлечениях. М. : Учпедгиз, 1960. Ч. II. С. 86–91.

Мельцер Е. М. К вопросу об историческом изучении предметно-смысловых групп слов // Кн. яз. в шк. 1954. № 6.

Модвилко А. П. Лексические сопоставления как средство семантизации иностранных слов : (на материале английского языка) // Ин. яз. в шк. 1948. № 2. С. 92–106.

Молчанова Л. В. Качественный и количественный аспекты лексико-семантической прогностики / под ред. проф. А. А. Кретьова. Воронеж : ВГУ, 2007. (Сер. : Библиотека лингвистической прогностики. Т. 2).

Найда Е. А. Анализ значения и составление словарей // Новое в лингвистике : сборник. М. : ИЛ, 1962. С. 45–71.

Начальный этап формирования русского национального языка. Л. : Изд-во МГУ, 1961.

Ошенко И. И. Иноземные элементы в русском языке : история проникновения заимствованных слов в русский язык. Киев, 1915.

Перебейнос В. И. К вопросу об использовании структурных методов в лексикологии // Проблемы структурной лингвистики : сборник. М. : Изд-во АН СССР, 1962. С. 163–174.

Перебейнос В. И. Об использовании структурных методов для разграничения значений многозначного глагола : (на материале глагола *take*) // Вопр. языкознания. 1962. № 3. С. 56–61.

Погодин М. П. Опыт исторического объяснения древних слов // ИОРЯС. 1853. Т. II. С. 328–241.

Покровский М. М. Значение сравнительного языковедения для классической филологии // Покровский М. М. Избранные работы по языкознанию. М. : Изд-во АН СССР, 1959. С. 27–60.

Покровский М. М. Несколько вопросов из области семасиологии // Филологическое обозрение. 1897. Т. II, кн. 1–2. С. 57–99.

Покровский М. М. О методах семасиологии // Филологическое обозрение. 1896. Т. X, кн. 1.

Покровский М. М. Семасиологические исследования в области древних языков // Покровский М. М. Избранные работы по языкознанию. М. : Изд-во АН СССР, 1959. С. 63–170.

Потебня А. А. Заметки этимологические и о народной поэзии // РФВ. Варшава, 1879. Т. I, № 1, с. 75–91; № 2, с. 253–266; т. II, с. 267; Варшава, 1880. Т. III, № 1, с. 91–114; № 2, с. 161–186; т. IV, № 3–4, с. 161–221.

Потебня А. А. О доле и сродных с нею существах. 2-е изд. Харьков, 1914.

Потебня А. А. О купальских огнях и сродных с ними представлениях. 2-е изд. Харьков, 1914.

Потебня А. А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. 2-е изд. Харьков, 1914.

Потебня А. А. О связи некоторых представлений в языке : (по поводу песни-величания невесты). 2-е изд. Воронеж, 1914.

Проблемы лингвистической прогностики : сб. науч. тр. / под ред. А. А. Кретьова. Воронеж: ЦЧКИ, 2000. Вып. 1; 2002. Вып. 2; 2004. Вып. 3; 2007. Вып. 4.

Прокопов В. В. Основные лексико-семантические группы русского глагола. Самарканд, 1945.

Ревзин Н. И. Структуральная лингвистика и проблемы изучения слова // *Вопр. языкознания*. 1957. № 2. С. 31–41.

Реформатский А. А. Что такое структурализм? // *Вопр. языкознания*. 1957. № 6. С. 25–37.

Сентенберг. Глаголы движения и их роль в обогащении словарного состава английского языка : дис. (рук.). Л. : Ин-т им. Герцена, 1955.

Сидин В. Л. Семантика древневерхненемецкого глагола fahren // *Вестн. МГУ. Сер. VII, Филология. Журналистика*. 1962. № 1. С. 83–88.

Смирницкий А. И. Значение слова // *Вопр. языкознания*. 1955. № 2. С. 79–89.

Смирницкий А. И. К вопросу о слове : (проблема «отдельности слова») // *Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию : сборник. М., 1952.*

Смирницкий А. И. К вопросу о слове : (проблема «тождества слова») // *Труды Ин-та языкознания АН СССР*. 1954. Т. IV. С. 1–49.

Смирницкий А. И. Лексическое и грамматическое в слове // *Вопросы грамматического строя : сборник. М., 1955.*

Смирницкий А. И. Об особенностях обозначения направления движения в отдельных языках : (к методике сопоставительного изучения языков) // *Ин. яз. в шк.* 1953. № 2. С. 3–12.

Смирнов Н. А. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. I. Определение путей, которыми в Петровскую эпоху шли заимствования из западноевропейских языков. II. Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык в эпоху Петра Великого // *Сб. ОРЯС. СПб., 1910. Т. 88, № 2.*

Соболева П. А. Компонентный анализ значений глагола на основе словообразовательного признака // *Проблемы структурной лингвистики : сборник. М. : Изд-во АН СССР, 1962. С. 175–189.*

Сосина Р. В. Из истории учения о значении слова // *Уч. зап. Горьк. ун-та*. 1957. Вып. 44.

Старинин В. П. К вопросу о семантическом аспекте сравнительно-исторического метода : (изосемантические ряды С. С. Майзеля) // *Советское востоковедение*. 1955. № 4.

Строева. О причинах изменения значений слов // Вестн. ЛГУ. 1958. № 5.

Сульженко И. Д. О некоторых закономерностях в развитии лексики // Науч.-метод. зап. Смоленск. пед. ин-та. Смоленск. 1962. № 2.

Ульман Ст. Дескриптивная семантика и лингвистическая типология // Новое в лингвистике : сборник. М. : ИЛ, 1962. Вып. 2. С. 17–44.

Уфимцева А. А. К вопросу о лексико-семантической системе языка // Вопр. языкознания. 1962. № 4. С. 36–46.

Уфимцева А. А. Опыт изучения лексики как системы : (на материале английского языка). М. : Изд-во АН СССР, 1962.

Уфимцева А. А. Теории «семантического поля» и возможности их применения при изучении словарного состава языка // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике : сборник. М. : Изд-во АН СССР, 1961. С. 30–63.

Филин Ф. П. Заметки по лексикологии и лексикографии : (некоторые вопросы подбора слов для большого Словаря русского языка Академии наук) // Лексикографический сборник. 1957. Вып. I. С. 36–37.

Филин Ф. П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи // Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. Герцена. Кафедра русского языка. 1949. Т. 80.

Филин Ф. П. О лексико-семантических группах слов // Езиковедски исследования в чест на акад. Стефан Младенов. София, 1957.

Фриз Ч. Значение и лингвистический анализ // Новое в лингвистике : сборник. М. : ИЛ, 1962. Вып. 2. С. 98–116.

Цыганова В. Н. Из наблюдения над лексической синонимикой глаголов в современном русском литературном языке : дис. (рук.). Л. : ЛГУ, 1953.

Чешко Е. В. Словообразование глаголов движения в современном русском языке : дис. (рук.). М. : МГУ, 1947.

Шаумян С. К. Структурные методы изучения значений // Лексикографический сборник. 1962. Вып. V. С. 46–51.

Шендельс Е. И. О грамматических значениях в плане содержания // Принципы научного анализа языка : сборник. М. : Изд-во ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1959. С. 50–54.

Шерпель В. И. О словах с противоположными значениями // Филологические записки. Воронеж, 1888. Вып. V–VI. С. 1–39.

Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л. : Изд-во ЛГУ, 1958. Т. I. С. 54–91.

Юрик В. А. Опыт структурного анализа семантического поля цвета в русском и латышском языках // Уч. зап. Латв. гос. ун-та им. П. Стучки. Рига, 1958. Т. XXV : Филол. науки, вып. III A. С. 185–198.

Ягич И. В. Критические заметки по истории русского языка. СПб., 1889.

Ярцева В. Н. К вопросу об историческом развитии системы языка // Вопросы теории и истории языка : сборник. М. : Изд-во АН СССР, 1952.

Baldinger K. Die Semasiologie. Berlin, 1957.

Bally Ch. L'arbitraire du signe // Le Français Moderne. 1940. Vol. VIII, № 2. P. 193–206.

Basilius H. Neo-Humboldtian Ethnolinguistics // Word. 1952. Vol. 8, № 2. P. 95–105.

Bechtoldt H. Der französische Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes : (die geistliche und lehrhafte Literatur von ihren Anfängen bis zum Ende des 12 Jahrhunderts) // Romanische Forschungen. Erlangen, 1935. Bd 49, Hft 1. S. 21–180.

Betz W. Zur Überprüfung des Feldbegriffes // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. Göttingen, 1954. N.F. Bd 71, Hft 3–4. S. 189–198.

Blake F. R. The Study of Language from the Semantic Point of View // Indo-germanische Forschungen. Berlin, 1938. Vol. 56, Hft 4. P. 241–255.

Cocron F. Russisch брести // бродить als Synonym für идти/ходить im 17. Jahrhundert // Wiener Slavisches Jahrbuch. Wien, 1952. Bd 11. S. 150–155.

Collits K. H. Verbs of Motion in their Semantic Divergence // Linguistic Society of America. Philadelphia, 1931. № 8.

Coteanu I. Contributul la a semasiologie sistematica // Probleme de lingvistica generala. 1959. Vol. 1. P. 11–35.

Diderichsen P. The Importance of Distribution versus other Criteria in Linguistic Analysis // Reports for VIII International Congress of Linguists. I. Oslo, 1957. P. 23 ff.

Dostál A. Studie o vidovém systému v staroslověněštině. Praha, 1954.

Ducháček O. Le champ conceptuel de la beauté en français modern. Praha, 1960.

Ducháček O. O vzájemném vlivu tvaru a významu slov. Praha, 1953.

Ebeling C. Phonemics and Functional Semantics // Lingua. 1953. Vol. 3, N 3.

Emeneau M. B. The Dravidian Verbs «Come» and «Give» (*va- u *ta-) // Language. 1945. Vol. 21, N 3. P. 184–214.

Ferrel J. Étude l'évolution sémantique des couples verbaux идти//ехать et нести//везти en russe ancient et modern // Amer. Sl. Revue. X. 1951. P. 294–301.

Fischer H. Der Intellektuelle Wortschatz im Deutschen und Französischen des 17. Jahrhunderts. Berlin, 1938.

Frei H. De la linguistique comme science de lois // Lingua. 1948. Vol. 1, N 1. P. 25–33.

Funke O. On Some Synchronic Problems of Semantics // English Studies. 1953. Vol. 34, N 6.

Gabka von Dr. K. Zum Stand der modernen Wortfeldforschung // Wissenschaftliche Zeitschrift der E. M. Arndt-Universität Greifswald. Jg. VI, N 1–2. 1956–1957. P. 85–88.

Gerad A. Verba ходити, носити, водити, влачити, лазити // *Slavia*. 1939. Вып. XVII, N 1–2.

Godel R. Les sources Manuscrites, du «Cours de linguistique générale» de F. de Saussure. Genève ; Paris, 1957.

Guiraud P. La sémantique. Paris, 1955.

Guiraud P. Les champs morpho-sémantiques : critères externs et critères internes en étymologie // *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*. 1956. Vol. 52. P. 265–288.

Hartmann P. Wesen und Wirkung der Sprache im Spiegel der Theorie L. Weisgerbers. Heidelberg, 1958.

Hattori S. The Analysis of Meaning // For Roman Jakobson. The Hague, 1956. P. 207 ff.

Herne G. Die slavischen Farbenbenennungen. Uppsala, 1954.

Hill A. A. A Note on Primitive Languages // *International Journal of American Linguistics*. 1952. Vol. 18. P. 172–177.

Hiorth F. On the Relation between Field Research and Lexicography // *Studia Linguistica*. 1956. Vol. 10. P. 57 ff.

Hollyman K.-J. Le développement du vocabulaire feudal en France pendant le haut moyen age : (Etude sémantique). Genève ; Paris, 1957.

Hüsgen Schw. H. Das Intellektualfeld in der deutschen Arkadia und in ihrem englischen Vorbild : dis. Massing-Emmerich, 1935.

Ihrig R. M. The Semantic Development of Words for «Walk», «Run» in the Germanic Languages // *Linguistic Studies in Germanic*. Chicago, 1916. N IV.

Ipsen G. Der Alte Orient und die Indogermanen // *Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft*. Festschrift für W. Streitberg. Heidelberg, 1924. S. 200–237.

Ipsen G. Der neue Sprachbegriff // *Zeitschrift für Deutschkunde*. Heidelberg, 1932. Bd 46, Hft 1. S. 1–18.

Ipsen G. Lat. cuprum, griech. κῤυρῶς und indog. *aios // *Indogermanische Forschungen*. *Zeitschrift für Indogermanische Sprach- und Altertumskunde*. Berlin ; Leipzig, 1921. Bd 39.

Jolles A. Antike Bedeutungsfelder // *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur*. Haale (Saale), 1934. Bd 58, Hft 1–2. S. 97–109.

Jones J. Some Semantic Observations on Certain Uses of «Go» // *The Univ. of Texas Bulletin*. 1946. N 3626, 8, VII.

Juzi G. Die Ausdrücke des Schönen in der altenglischen Dichtung : untersuchung über ein Sprachliches Feld. Zürich, 1939.

Klett W. Wörter im Sinnbereich der Gemeinschaft bei W. Langland : dis. Bonn, 1939.

Konradt-Hicking M. Wortfeld oder Bedeutungsfeld (Sinnfeld)? // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen*. Göttingen, 1956. Bd 73, Hft 3–4. S. 222–234.

Kroesch S. Analogy as a Factor in Semantic Change // *Language*. 1926. Vol. II, N 1. P. 35–45.

Kroesch S. Change of Meaning by Analogy // Studies in Honor of H. Colitz. Baltimore, 1930. P. 176–189.

Kronasser H. Handbuch der Semasiologie : Kurze Einführung in die Geschichte, Problematik und Terminologie der Bedeutungslehre. Heidelberg, 1952.

Maurer F. Leid. Studien zur Bedeutungs- und Problemgeschichte besonders in den grossen Epen der Stanfischem Zeit. Bern ; München, 1951.

Meillet A. Lex du slave ходити // Mémoires de la Société de linguistique de Paris. Paris, 1918. Vol. 19, N 5. P. 299–300.

Menner R. J. Multiple meaning and change of meaning in English // Language. 1945. Vol. 21.

Meyer R. M. Bedeutungssysteme // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. Göttingen, 1910. Bd 43, Hft 4. S. 352–368.

Mohr A. Die intellektuelle Einschätzung des Menschen in der Mundart des Amtes Drolschagen im Sauerland. Münster, 1931.

Müller G. Wortfeld und Sprachfeld // Beiträge zur Einheit von Bildung und Sprache im Geistigen Sein. Berlin, 1957. S. 155–163.

Öhman S. Theories of the «Linguistic Field» // Word. New York, 1953. Vol. 9, N 2. P. 123–134.

Öhman S. Wortinhalt und Weltbild, vergleichende und methodologische Studien zur Bedeutungslehre und Wortfeldtheorie. Stockholm, 1951.

Oksaar E. Semantische Studien im Sinnbereich der Schnelligkeit : «Plötzlich», «Schnell» und ihre Synonymik im Deutsch der Gegenwart und des Früh-, Hoch- und Spätmittelalters. Uppsala, 1958.

Orr J. Words and Sounds in English and French. Oxford, 1953.

Osthoff H. Vom Suppletivwesen der indogermanischen Sprachen. Heidelberg, 1900.

Porzig W. Das Wunder der Sprache. Bern, 1950.

Porzig W. Der Begriff der inneren Sprachform // Indogermanischen Forschungen. Leipzig ; Berlin, 1923. Bd 41, Hft 1–2.

Porzig W. Sprachform und Bedeutung eine Auseinandersetzung mit A. Marty's Sprachphilosophie // Indogermanischen Jahrbuch. Leipzig, 1928. Bd XII. S. 1–20.

Porzig W. Wesenhafte Bedeutungsbeziehungen // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. Halle (Saale), 1934. Bd 58, N 1–2. S. 70–97.

Pos H. I. The Foudation of Word Meanings // Lingua. 1948. Vol. 1, N 3. P. 281–292.

Poutsma H. A Grammar of late modern English. P. 11, Sect. 2. Groningen, 1926. P. 36–54.

Quadrl B. Aufgaben und Methoden der onomasiologieschen Forschung : (eine entwicklungsgeschichtliche Darstellung). Bern, 1952.

Reuning K. Joy and Freude : a comparative Study of the Linguistic Field of Pleasurable Emotions in English and German. Swarthmore, 1941.

Ribi A. Die Fischbenennungen des Unterseegebiets : mit dem erstmaligen Abdruck des Fischbüchleins von Gregor Mangolt nach den Original Handschriften 1557, Baublatt. Rüschtikon, 1942.

Robins R. H. A Problem of the Statement of Meanings // *Lingua*, 1952. Vol. III, N 2.

Rudskoger A. Fair, Foul, Nice, Proper : a Contribution to the Study of Polysemy. Stockholm, 1952.

Scheidweiler F. Die Wortfeldtheorie // *Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur*. 1942. Bd 79, Hft 3–4. S. 249–272.

Scheidweiler F. Kluoc // *Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur*. 1941. Bd 78, Hft 3–4. S. 185–233.

Scheidweiler F. «Kunst» und «List» : auseinandersetzung mit der Wortfeldtheorie // *Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur*. 1941. Bd 78, Hft 1–2. S. 62–87.

Schneider Th. Der intellektuelle Wortschatz Meister Eckenharts // *Neue Deutsche Forschungen*. XIV Abteilung Deutsche Philologie. I. Berlin, 1935.

Schöningh A. Der intellektuelle Wortschatz Luthers in den Paulinischen Briefen des Septembertestaments : dis. Münster, 1937.

Sckommodau H. Der französische psychologische Wortschatz der 2 Hälfte des 18. Jahrhunderts. Leipzig ; Paris, 1933.

Sperber H. Einführung in die Bedeutungslehre. Bonn ; Leipzig, 1923.

Sperber H. Ein Gesetz der Bedeutungsentwicklung // *Zeitschrift für deutsches Altertum*. 1922. Bd 59.

Sperber H. Über den Affect als Ursache der Sprachveränderung. Bonn, 1914.

Spitzer L. Essays in historical semantics. New York, 1948.

Stern G. Meaning and Change of Meaning. Göteborg, 1931.

Stern G. «Swift, Swiftly» and their Synonyms : a Contribution to Semantic Analysis and Theory. Göteborg, 1921.

Stilman L. Russian verbs of Motion «going», «carrying», «leading». 11 ed. New York, 1953.

Tinsley L. The French Expressions for Spirituality and Devotion : a semantic study. Washington, D. C., 1953.

Trelle M. Zwei Feldgefüge im Sinnbezirk des Verstandes bei Philipp von Zesen. Münster, 1935.

Trier J. Das sprachliche Feld : eine Auseinandersetzung // *Neue Jahrbücher für Wissenschaft und Jugendbildung*. 1934. Bd X. S. 428–449.

Trier J. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes : die Geschichte eines sprachlichen Feldes. I: Von den Anfängen bis zum Beginn des 13. Jh. Heidelberg, 1931.

Trier J. Deutsche Bedeutungsforschung // *Germanische Philologie : ergebnisse und Aufgaben*. Festschrift für O. Bahaghel. Heidelberg, 1934. S. 173–200.

Trier J. Die Idee der Klugheit in ihrer sprachlichen Entfaltung // Zeitschrift für Deutschkunde. Leipzig ; Berlin, 1932. Bd 46, Hft 9.

Trier J. Die Worte des Wissens // Mitteilungen des Universitätsbundes. Marburg, 1931. S. 33–40.

Trier J. First. Über die Stellung des Zauns im Denken der Vorzeit // Nachrichten von der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Fachgruppe IV, N.F. Bd III, N 4. 1940. S. 55–137.

Trier J. Holz. Etymologien aus dem Niederwald. Münster ; Köln, 1952.

Trier J. Spiel // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. 1947. Bd 69, Hft 3–4. S. 419–462.

Trier J. Sprachliche Felder // Zeitschrift für deutsche Bildung. 1932. Bd 8, Hft 9. S. 417–429.

Trier J. Vorgeschichte des Wortes Reich // Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Phil.-hist. Klasse. 1943. N 14.

Trier J. Wald // Fragen und Forschungen im Bereich und Unkreis der germanischen Philologie. Festgabe für Th. Frings. Berlin, 1956, S. 25–39.

Trier J. Wonne // Sprache Schlüssel zur Welt. Festschrift für Leo Weisgerber. Düsseldorf, 1959. S. 229–244.

Trier J. Zehn Etymologien zum Fachwerk. Marburg, 1951.

Ullmann St. Historical Semantics and the Structure of the Vocabulary // Miscelánea homenaje a A. Martinet structuralismo e historia, 1, La Laguna Univers Press, 1957. P. 289–303.

Ullmann St. Language and Meaning // Word. 1946. Vol. 2. P. 113–126.

Ullmann St. Orientations nouvelles en sémantique // Journal de psychologie normale et pathologique. Paris, 1958. Vol. 55, N 3. P. 338–357.

Ullmann St. The Concepts of Meaning in Linguistics // Archivum linguisticum : a Review of Comparative Philology and General Linguistics. 1956. Vol. 8, fsc 1. P. 12–20.

Ullmann St. The Principles of Semantics. Glasgow, 1951; 2 ed., 1957.

Ullmann St. The Range and Mechanisms of Changes of Meaning // Journal of English and Germanic Philology. 1942. Vol. 41. P. 46–52.

Weisgerber L. Das Problem der inneren Sprachform und seine Bedeutung für die deutsche Sprache // Germanisch-Romanische Monatsschrift. XIV. 1926. S. 241–256.

Weisgerber L. Muttersprache und Geistesbildung. Göttingen, 1929.

Weisgerber L. Von den Kräften der deutschen Sprache. Düsseldorf, 1949–1950. 1 Aufl. Bd 1: Die Sprache unter den Kräften des menschlichen Daseins; Bd 2: Vom Weltbild der deutschen Sprache ; Düsseldorf, 1954. 2 Aufl. Bd 1: Die inhaltbezogene Grammatik; Bd 2: Die sprachliche Erschliessung der Welt.

Wellander E. Studien zum Bedeutungswandel im Deutsch. Uppsala, 1918–1928. Bd I–III.

Wells R. Is a Structural Treatment of Meaning Possible? // Reports for the VIII International Congress of Linguists. Oslo, 1957. Vol. 1. S. 197 ff.

Wells R. Meaning and Use // Words. 1954. Vol. 10, N 2–3. P. 235–250.

Weman B. Old English semantic Analysis and Theory with Special Reference to Verbs Denoting Locomotion. Lung, 1933.

Wyler S. Die Adjektive des mittellenglischen Schönheitsfeldes unter besonderer Berücksichtigung Claucers : dis. Zürich, 1944.

Zinsli P. Grund und Grat : die Bergwelt im Spiegel der Schweizerdeutschen Alpenmundarten. Bern, 1946.

Züdke H. Das Semantische System der Präpositionen und Präfixe bei Verben der Bewegung im Russischen. Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft. Berlin, 1954. Hft 5–6. Ju. 8, 3. S. 335–246.

СЛОВАРИ

Абаринов И. А. Авия : маленький словарь воздухоплавания. СПб. ; М. : Изд. Вольфа, 1910.

Амфилохий, арх. Словарь из Пандекта Антиоха XI в. Воскресенской Новоиерусалимской библиотеки. М., 1880.

Берында Памва. Лексикон славено-русский. Имен толкование. 1653.

Бурдон И. Ф., Михельсон А. Объяснительный словарь «115 000» иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке с означением их корней. СПб. ; М., 1885.

Востоков А. X. Словарь церковно-славянского языка. СПб., 1858. Т. I; 1861. Т. II.

Гринченко Б. Д. Словарь украинского языка : в 4 т. Киев, 1907–1909.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Госиздат, Ин. и нац. сл., 1955.

Диттель И. Ф. Сборник рязанских областных слов // Живая старина. 1898. Вып. II. С. 203–227.

Добровольский В. Н. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.

Дювернуа А. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1894.

Карпов А. Б. Сборник слов и выражений, употребляемых уральскими казаками. Уральск, 1918.

Карпов А. Б. Сборник слов, синонимов и выражений, употребляемых амурскими казаками // Сборник ОРЯС. 1910. Т. 87, № 1.

Ковтун Л. С. Древние славяно-русские словари : (к истории русской лексикографии древнего периода) : дис. (рук.). Л. : ЛГУ, 1948.

Кочин Г. Е. Материалы для терминологического словаря Древней Руси. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937.

Куликовский Г. И. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.

Лукашевич С. Сокращенный морской словарь. М. ; Л., 1940.

Мельниченко Г. Г. Краткий Ярославский областной словарь, объединяющий материалы ранее составленных словарей (1820–1956 гг.). Ярославль, 1961.

Миртов А. В. Донской словарь. Ростов н/Д, 1929.

Никольский Н. К. Материалы для истории древнерусской духовной письменности. СПб., 1907.

Нордстет И. Российский с немецким и французским переводами словарь. СПб., 1780. Ч. I.

Носович И. И. Алфавитный указатель старинных белорусских слов, извлеченных из Актов, относящихся к истории Западной России, изд. в 1853 г. (рук. БАН).

Носович И. И. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.

Подвысоцкий А. О. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1910–1914.

Словарь Академии Российской. СПб., 1806–1822.

Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М. : Изд-во АН СССР, 1948–1965.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893. Т. I; 1895. Т. II; 1903. Т. III.

Тучков Г. М. С. Военный словарь, заключающий наименования или термины, в Российском сухопутном войске употребляемые, с показанием рода науки, к которому принадлежат, из какого языка взяты, как могут быть переведены на русский, какое оных употребление и к чему служат. М., 1818. Ч. I – II.

Якушкин Е. Материалы для словаря народного языка Ярославской губернии. Ярославль : Изд. Яросл. губ. стат. ком., 1896.

Berneker E. W. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1908–1913.

Boisacq E. Dictionnaire étymologique de la langue Grecque. 4 ed. Heidelberg ; Paris, 1950.

Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1957.

Buck C. D. A Dictionary of selected Synonyms in the principal indo-european Languages. Chicago, 1949.

Ernout A., Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue Latine : (Histoire des mots). Paris, 1951.

Fris O. Sanskrtská citanka. Sanskrit reader. II die., Slovník, ČAV. Praha, 1956.

Holub J. Stručný slovník etymologický. Praha, 1937.

Holub J., Kopečný F. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952.

Josselson H. H. Russian Word Count and Frequency Analysis of Grammatical Categories of Standard Literary Russian. Univ. press., 1953.

Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.

Meulen R. van der. De Hollandsche Lecen Scheepstermen in het Russisch. Amsterdam, 1909.

Sanskrit-Wörterbuch herausgegeben von der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, bearbeitet von O. th. Böhtlingk und R. Roth. St.-Peterburg, 1865. Th. IV.

Unbegaun B. O. A Bibliographical Guide to the Russian Language. Oxford, 1953.

Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1950–1956. Bd 1–22.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКОВ
(с принятыми сокращениями)

XI–XIV вв.

Апост. XIV в. Деян. (В) – Апостол XIV в. Имп. Публичной библиотеки. Выписка из словаря А. Х. Востокова (см.).

Вопр. Кир. – Выпрашивание Кюриково, еже запраша епископа Новгородского Пифонта. Сп. Нвв. Синод кормчей. 1280 г. // РИБ. СПб., 1880. Т. VI, № 2. Стлб. 21–51.

Втз. – Книга Второзакония по рукописи Троицко-Сергиевой лавры XIV в. // Срезневский И. И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1880. Т. IV, № ХСІ.

Г. Ам. – Хроника Георгия Амартола // Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе : (текст, исследование, словарь). Л.: Изд-во АН СССР, 1930. Т. I–III.

Грам. Ив. Дан. д. – Грамота вел. кн. Ивана Даниловича и Новгородского посадника Данила и тысяцкого Аврама к Двинскому посаднику и боярам на Двину. 1340 г. (в сп.) // ААЗ. Т. I, № 2 (см. Р-Л, XV–XVIII вв.).

Гр. Наз. – XII слов Григория Богослова (Назианзина) // Будилович А. XII слов Григория Богослова в древнеславянском переводе по рукописи Имп. Публичной библиотеки XI в. СПб., 1875.

Дан. гр. Ниж. Бл. мон. – Данная грамота Саввы Дмитриевича Сюезва Нижегородскому Благовещенскому монастырю 1399 г. (в сп. XVI в.) // СГГД. М., 1813. Т. I, № 31 (см. также: АОБ. СПб., 1857. Т. I, № 63).

Дог. гр. Дм. Ив. – Договорная грамота вел. кн. Дмитрия Ивановича с братом Владимиром Андреевичем 1389 г. // СГГД. М., 1813. Т. I, № 33.

Дог. гр. Н. с Яр. – Две договорные грамоты Новгорода с вел. кн. Ярославом Ярославичем 1264–1265 гг., № 2 // СГГД. М., 1813. Т. I, № 3.

Дог. гр. См. кн. – Договорная грамота Смоленского князя Мстислава Давыдовича с Ригию и Готским берегом 1229 г. // СГГД. М., 1813. Т. II, № 8 (см. также: Русско-Ливонские акты XII–XVII вв. Собраны К. Е. Напьерским. СПб., 1868. С. 405–447).

Дух. Новг. и Дв. – Духовные Новгородцев и Двиан XIV–XV вв., № 3 (в сп.) // АЮ. СПб., 1838. № 409 (разд. XV–XVIII вв.).

ЖБГл. – Сказание о святых мучениках Борисе и Глебе : сборник XII в. Московского Успенского собора. Изд. под наблюдением А. А. Шахматова и П. А. Лаврова. М., 1899. Вып. I.

Жит. Ио. Богосл. – Житие Иоанна Богослова // Срезневский И. И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках (Сборник ОРЯС. СПб., 1876. Т. XV, № XXIV. С. 495–498).

Жит. Нифонта – Сп. 1219 г. Троицко-Сергиевской лавры // Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка. Изд. 2. СПб., 1882.

ЖФПеч. – Житие преподобного Феодосия игумена Печерского : сборник XII в. Московского Успенского собора. Изд. под наблюдением А. А. Шахматова и П. А. Лаврова. М., 1899. Вып. I.

Златоостр. – Златоуструй XII в., ч. I, л. 1–63, 114–195 // Срезневский И. И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1867. Т. I, вып. III, № XXII. С. 6–18, 23–33.

Изб. Св. – Изборник великого князя Святослава Ярославича 1076 г. Изд. В. Шимановский. Варшава, 1894.

Ио. Злат. – см. Паис. сб.

Ио. Леств. – Дествица Иоанна Синайского по сп. XII в. Выписка из словаря А. Х. Востокова (см.).

Крмч. – Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. Труд В. В. Бенешевича. СПб., 1906. Т. I. 310 л.

Лавр. л. – Лаврентьевская летопись. Вып. I, стр. 1–286, л. 1 об. 96, 6360–6617, XIV в.; вып. 2: Суздальская летопись по Лаврентьевскому сп., стр. 289–488, л. 96–172 об., 6619–6885, XIV в. // ПСРЛ. Изд. 2. Л., 1926–1927. Т. I, вып. 1, 2.

Мер. Прав. – Мерило Праведное по рук. XIV в. под наблюдением М. Н. Тихомирова. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. 348 л.

Ник. Панд. – Пандекты Никона Черногорца, л. 11–180 (Синод. сп. 1296 г., Чуд. сп. – XIV в.) // РИБ. СПб., 1880. Т. VI.

Новг. купч. – Новгородские купчие XIV–XV вв. (в подл. и сп.) // АЮ. № 71 (разд. XV–XVIII вв.).

Остр. – Остромирово евангелие 1056–1057 гг. С приложением греческого текста и с грамматическими объяснениями. Изд. А. Х. Востоковым. СПб., 1843.

Паис. сб. – Паисиевский сборник к. XIV – н. XV вв. библиот. СПб. Духовной академии (Ис. Злат. – «Слово Иоанна Златоустаго», л. 131 и след. // Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка. Изд. I. СПб., 1863; «Слово 3-х МНИСЕХ», л. 147 и след. // Тихонравов Н. О. Памятники отреченной русской литературы. СПб., 1863. Т. II).

Пал. – Пален Толковая по списку, сделанному в г. Коломне в 1406 г. Труд учеников Н. С. Тихонравова. М., 1892–1896. Вып. 1–2.

Панд. Ант. – Пандект монаха Антиоха XI в. (Рукопись принадлежит Воскресенской библиот. Новоиерусалимского монастыря). Изд. под наблюдением О. М. Водянского. М., 1913.

Пат. Син. – Патерик Синайский к XI в. // Срезневский И. И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках (Сборник ОРЯС. СПб., 1880. Т. XX. С. 49–110).

Пч. – Древняя русская пчела по пергаментному списку (сп. XIV в.). Труд В. Семенова // Сборник ОРЯС. СПб., 1893. Т. 54, № IV.

Р. Пр. 1282 г. – Карский Е. Ф. Русская правда по древнейшему списку : (введение, текст, снимки, объяснения, указания авторов и словарного состава). Л. : Изд-во АН СССР, 1930.

Смол. гр. – см. Дог. гр. См. кн.

Торж. при Зл. – Торжественник при Златоуструе XII в. (л. 64–113, 193–198 // Срезневский И. И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1867. Т. I, вып. 3, № XXII, с. 18–23; № XXIII, с. 28–33 (л. 65–66. Слово о богаче и Лазаре).

ЧМ – Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковно-славянском переводе по русским рукописям 1095–1097 гг. Труд И. В. Ягича. СПб., 1886.

XV–XVIII вв.

ААЭ – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографической экспедицией Академии наук. Т. I – 1294–1598; т. II – 1598–1613; т. III – 1613–1645; т. IV – 1645–1700. СПб. : Изд. АН, 1836.

Авв. (А, В) – Житие протопопа Аввакума, им самим написанное (1672–1673 г.). Изд. Археограф. комиссией. Пг., 1916.

Авв. Кн. Бес. – Аввакум. Книга Бесед. 1669–1675 гг. (РИБ, т. 39, Стлб. 241–424). Л. : Изд. АН, 1927.

Аз. пов. – Орлов А. Исторические и поэтические повести об Азове. (Особая повесть об Азове. 1637–1641 г.) (Чтения ОИДР. 1907. Кн. 4); История об Азовском взятии и осадном сидении от Турского царя Брагима донских казаков... лета 7135 (РФВ. 1986. Т. VI. С. 137–174). Тексты. М., 1906. Сп. XVII–XVIII вв.

АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. I – 1334–1598; т. II – 1598–1613; т. III – 1613–1645; т. IV – 1645–1676; т. V – 1676–1700). СПб., 1841–1842.

АК – Архив князя Б. А. Куракина. СПб., 1890–1902. Кн. I–X, 1661–1727 гг. (ДРС).

Алекс. Рос. двор. – История о Александре российском дворянине // Силовский В. В. Русские повести XVII–XVIII вв. СПб., 1905. С. 129–179. Сп. XVIII в. (ДРС).

АМГ – Акты Московского государства. Изд. Н. А. Попова. Т. I – 1571–1634; т. II – 1635–1659; т. III – 1660–1664. Изд. АН, Разрядный приказ, Московский стол. СПб., 1890–1901 (ДРС).

Аполлодор – Аполлодора Грамматика Афинейского библиотеки или о богах. М., 1725 (ДРС).

Арс. Сух. – Арсений Суханов. Проскинитарий (1649–1658). Изд. Н. И. Ивановского // Православный Палестинский сборник. СПб., 1889. Т. VII, вып. 3. С. 327–359 (ДРС).

Арх. Стр. – Архив Н. М. Строева. Т. I – 1400–1597 (РИБ, т. 32. Пг., 1915); т. II – 1598–1645 (РИБ, т. 35. Пг., 1917).

А. Свир. – Акты Александро-Свирского монастыря XVII в. Хран. в ЛОИИ (ДРС).

А. Холм. и Уст. – Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Ч. 1 – 1500–1699 (РИБ, т. 12); ч. 2 – 1500–1706 (РИБ, т. 14); ч. 3 – 1621–1680, 1692 г. (РИБ, т. 25). СПб., 1890–1894–1908.

АЮ – Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства (1425–1705 гг.). Изд. Археогр. комиссией. СПб., 1838.

Баг. Мат. – Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства в XVI–XVIII вв., собранные в разных архивах и отредактированные Багалеем (1600–1693). Харьков, 1886 (ДРС).

Беландра – Верная Беландра. Рук. БАН 16.9.3 XVIII в. (ДРС).

Библ. Генн. – Книги Ветхого и Нового завета. Писаны в 1499 г. в Новгороде при дворе архиеп. Геннадия. Рук. в Синод. библ. № 1 (ДРС).

Болот. Зап. – Болотов А. Г. Записки, т. I (1738–1795 гг.). 3-е изд. СПб., 1875 (ДРС).

Болот. Пам. кн. – Болотов А. Г. Памятная книжка или собрание различных нравоучительных правил. 1761. Рук. БАН (ДРС).

Болот. Сельск. жит – Болотов А. Т. Сельской житель : экономическое в пользу деревенских жителей служащее издание. М., 1778. Ч. I, II (ДРС).

В. а. Б. – Вотчинный архив Бутурлиных. Палех. № 120. Письма помещика бурмистру. 1751. Хран. в Ивановск. обл. архиве, г. Иваново-Вознесенск. 1708–1795 гг. (ДРС).

Васс. П. – Рассуждение инока князя Вассияна Патрикеева о неприличии монастырям владеть отчинами. По сп. одного века с сочинителем. XVI в. Изд. О. Бодянским // Чтения ОИДР. 1859. Кн. 3. С. 1–16 (ДРС).

ВМЧ – Великие Минеи-Четьи, собранные всероссийским митрополитом Макарием. XVI в. Изд. Археолог. комиссией. СПб. : Тип. АН, 1869–1910.

ВНП – Великорусские народные песни, собранные А. И. Соболевским. СПб., 1895–1902 (ДРС).

Гб. – Гурлянд И. Я. Иван Гебдон. Комиссариус и разидент. 1660–1661 // Врем. Демид. юрид. лица. 1904. Кн. 89 (ДРС).

Георг. Амарт. (Увар.) – Временник Георгия Амартола по списку библиотеки. Гр. А. С. Уварова. 1456 (ДРС).

Грам. м. Фот. Псков. – Послание митрополита Фотия во Псков в 1422–1425 гг. // ААЭ. Т. I, № 369 (см. ААЭ).

Гр. Дв. – Грамоты Двинского уезда // СГКЭ. Л., 1929. Т. II (1649–1748 гг.) (ДРС).

Гр. Сиб. Милл. – Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. I, II (материалы 1556–1661 гг.). М. ; Л., 1937–1941 (ДРС).

ДАИ – Дополнения к Актам историческим, собр. и изд. Археогр. комиссией. СПб., 1846–1872. Т. I–XII.

Девг. Д. – Девгениево Деяние. XVIII в. Сперанский М. Пг., 1922 (ДРС).

Дела. прик. Избы – Дела приказной Избы. 1696 г. (ДРС).

Держ. – Державин Г. Р. Соч.: в т. 7 т. / под ред. Я. Грота. СПб. : Изд. АН, 1867–1868.

Дм. К. – Домострой по Коншинскому списку и подобным XVI в. – н. XVII в. К изд. приготовил А. Орлов // Чтения ОИДР. 1908. Кн. 2. С. 1–61.

Днев. зап. Ком. Нов. Ул. – У Большого собрания дневные записки 1768–1769 гг. (Исторические сведения о Екатерининской комиссии для сочинения проекта Нового Уложения, ч. V) // Сборник Русск. ист. общ. СПб., 1882. Т. 36. С. 3–175 (ДРС).

Дн. П. Толст. – Путешествие стольника П. А. Толстого. 1637–1699 гг. // Русский архив. 1888. Вып. 2, с. 167–204; вып. 3, с. 321–368; вып. 4, с. 505–552; вып. 5, с. 5–62; вып. 6, с. 113–156; вып. 7, с. 225–264; вып. 8, с. 269–400).

Докл. в Сенате – Доклады и приговоры... в царствование Петра Великого (1711–1716). Н. В. Калачова. СПб. : Изд. АН, 1880–1901. Т. I, II (ДРС).

Дон. д. – Донские дела. Кн. 1–5 // ФИБ. Т. 18 (1594–1640 гг.). СПб., 1898; т. 24 (1640–1646 гг.). СПб., 1906; т. 26 (1645–1649 гг.). СПб., 1909; т. 29. (1648–1655 г.г.). СПб., 1913; т. 34 (1655–1663 гг.). Пг., 1917 (ДРС).

Доп. АИ – см. ДАИ.

Евфр. Отразиг. пис. – Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей. Вновь найденный старообрядческий трактат против самосожжения 1691 г. Сообщ. Х. Лопарева. СПб., 1895 (Пам. древн. письм. № 108) (ДРС).

Жит. Авр. Смол. – Жития преподобного Авраамия Смоленского и службы ему. Сп. XVI в. Приготовил к печати С. П. Розанов. СПб. : Изд. ОРЯС АН, 1912 (Пам. древнерусск. лит. Вып. I) (ДРС).

Заб. – Забелин И. Домашний быт русских царей в XVI–XVII вв. М., 1895. Ч. I. Изд. 3 с доп.; 1915. Ч. II (ДРС).

Заб. ик. – Забелин И. Е. Материалы для истории русской иконописи (1551–1671 гг.) // Врем. ОИДР. 1850. Кн. 7. С. 1–128 (ДРС).

Измарагд – Измарагд. Рук. БАН XVI в. 13.2.7 (дяз. 6) (ДРС).

Ильдеперта – История королевы Ильдеперты Норвежской, ч. I и II. Сия книга л.-гв. Измаил. Подп. П. О. Чехочева. Списана 1759 г. Рук. БАН 24.5.23 (Срезн. 99) (ДРС).

Инстр. дв. Ив. Немч. – Инструкция дворецкому Ивану Немчинову о управлении дому и деревень. XVIII в. («Пам. древн. письм.». XV. СПб., 1881. С. 1–34) (ДРС).

Иоас. л. – Иоасафовская летопись / под ред. А. А. Зимины. М. : Изд-во АН СССР, 1957.

Иос. Флав. – Иосиф Флавий. О полонении Иерусалима. Кн. 4–7. Копия с рук. Волокол. монастыря, л. 1002–2612. Сп. XVI в. (ДРС).

Ип. л. – Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II, изд. 1. СПб., 1843; изд. 2. СПб., 1908.

Ист. Град. – Град царства Кариона Истомина конца XVII–XVIII вв. Рук. копись бывшего Чудова монастыря, № 302, л. 12–20 (ДРС).

Кир. Тур. Сл. на пасху – Кирилл Туровский. Слово в Новую неделю по Пасце, о поновлении Воскресения и о аргусе. Сп. XV в. // Памятники древней церковной учит. литературы. СПб., 1858. Т. II; Калайдович К. Памятники российской словесности XII в. М., 1821. Т. I. С. 8–152.

Кирша Д. – Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. XVIII в. М., 1818.

Кн. Б. Чертежу. – Книга Большому Чертежу (1627 г.). Изд. К. Н. Сербиной. М.; Л.: Ин-т истории АН СССР, 1950.

Кн. Законные – «Книги Законные», содержащие в себе в древнерусском переводе византийские законы земледельческие, уголовные, брачные и судебные. Изд. А. С. Павлов. СПб., 1885 // Сборник ОРЯС. Т. 38, № 3. С. 41–92. Сп. XV в.

Кн. расх. Болд. мон. – Книга расходная Дорогобужского Болдина монастыря 1585 г. Рук. ЛОИИ. Собр. Соловьева, № 189 (ДРС).

Кн. Степ. ц. род. – Книга Степенная царского родословия 1560 г. Сп. XVI–XVII вв. // ПСРЛ. СПб., 1908–1913. Т. XXI. Ч. I, II.

Кормч. Балаш. – Кормчая Балашева с прибавлениями. Рук. БАН 21.5.4. XVI в. Прибавл. XVII в. (ДРС).

Косм. – Книга глаголемая Козмография, сиречь описание сего света земель и государств великих. Сп. 1670 г. СПб., 1878–1881. Изд. ОЛДП, XXI–VII–XVIII (ДРС).

Котош. – Котошихин Г. О России в царствование Алексия Михайловича. Изд. Археограф. комиссией. 4 изд. СПб., 1906 (см. также: Обнорский С. П. и Бархударов С. Г. Хрестоматия по истории русского языка. М., 1952. Ч. I).

Кург. Пис. – Писмовник, содержащий в себе науку русского языка со многим присовокуплением разного учебного и полезноразвлекательного вещесловия. Изд. проф. и кавалер Н. Курганов. СПб., 1790. Ч. I, II (ДРС).

Лек. от задум. – Лекарство от задумчивости и бессонницы, или Настоящие русские сказки. СПб., 1786 (ДРС).

Лепехин. Дн. зап. – Дневные записки путешествия доктора А. Н. адыюкта Ив. Лепехина по разным провинциям Российского гос. в 1768–1772 гг. СПб., 1780–1805. Ч. I–IV (ДРС).

Леч. № 2 – Лечебник № 2. XVII – XVIII вв. Рук. в 336 главах из собр. В. Н. Перетца, № 76 (ДРС).

Лом. – Ломоносов М. В. Сочинения («Библиотека поэта», малая серия, изд. 3) / вступ. статья текст и примеч. А. Морозова. Л.: Сов. писатель, 1954.

Луд. – Генрих Вильгельм Лудольф. Русская грамматика. 1696. Переизд. В. Л. Ларина. Л.: Изд. ЛНИИЯ, 1937.

Лукин. – Лукин В. Соч. и переводы. СПб., 1765. Ч. I, II.

МД – Сказание о молодце и о девице (Пам. древн. письм. ХСІХ. СПб., 1894). Сп. XVII–XVIII вв. (ДРС).

Милорд. – Повесть о приключении аглинского милорда Георга и о Бранденбургской маркграфине Фридерике Луизе. Изд. М. К. Комаровым. СПб., 1782 (ДРС).

Моск. Вед. – Ведомости времени Петра Великого (1703–1719 гг.). М. : Изд. Моск. Синод. тип., 1903–1906. Вып. 1, 2 (ДРС).

Моск. печ. дв. – Московский печатный двор в 1649 г. Сообщ. С. Белокуров // Чтения ОИДР. 1887. Кн. 4, смесь. С. 7–32 (ДРС).

Мск. ст. – Записные книги Московского стола. 1626–1627 гг., 1633–1634 гг. (РИБ, т. 11, с. 385–576); 1636–1663 гг. (РИБ, т. 10); 1664–1665 гг. (РИБ, т. 11, с. 1–328); 1678–1679 гг. (РИБ, т. 11, с. 329–525). СПб., 18. (ДРС).

Ник. л. – Летописный сборник, именуемый патриаршею или Никоновскою летописью. Сп. XVI–XVII вв. // ПСРЛ. СПб., 1862–1910. Т. IX.

Новг. I л. – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950.

Новг. II л. – Новгородская вторая летопись // ПСРЛ. СПб., 1841. Т. III. Сп. к. XVI–н. XVII вв.

Новг. лав. кн. – Лавочные книги Великого Новгорода 1683. Изд. С. В. Бахрушина. РАНИОН. М. : Ин-т истории, 1930 (ДРС).

Номок. о Арм. ерес. – Об Арманской ереси из Номоканона в кормчих XVI в. Изд. А. Х. Востоковым.

Он. блн. Глф. – Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. СПб., 1873 (ДРС).

Опис. гос. Кит. – Описание книги сея государства Китайского или Хинского. Рукопись 1731 г. библиотеки Смоленского пед. ин-та № 124 (з/б) (ДРС).

Пам. дипл. сн. М. г. с Англ. – Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англией. XVII в. Изд. К. Н. Бестужева-Рюмина // Сборник Русск. ист. общ. СПб., 1883. Т. 38 (ДРС).

Пам. дипл. сн. М. г. с Кр. – Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, нагаями и Турцией. Т. II. 1508–1521 гг. // Сборник Русск. ист. общ. СПб., 1895. Т. 95 (ДРС).

Пам. зап. Храпов. – Памятные записки А. В. Храповицкого, статс-секретаря Имп. Екатерины II. Изд. полн., с примеч. Г. В. Геннади. 1782–1789 гг. // Чтения ОИДР. 1862. Кн. 2. С. 9–176.

Пам. отреч. лит. – Памятники отреченной литературы XII–XVII вв. (ДРС).

Переп. Хован. – Частная переписка кн. Петра Ивановича Хованского, его семьи и родственников. Сообщ. Г. Лукьяновым. XVII в. // Старина и новизна. М., 1905. Кн. 10. С. 283–462.

Песни Рыбн. – Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, ч. I. Народные былины, старины и побывальщины. М., 1862 (ДРС).

Пис. к М. ц. А. М. – Письма царя Алексея Михайловича к стольнику Афанасию Ивановичу Магюшкину. 1646–1662 гг. // Собр. писем царя Алексея Михайловича. Изд. П. Бартенев. М., 1856. С. 11–86 (ДРС).

Пис. Петр. – Письма и бумаги Петра Великого. Т. VIII, вып. I (1708); т. IX, вып. I (М.; Л., 1950); вып. 2 (М.; Л., 1948). Изд. АН СССР, 1952 (ДРС).

Писц. д. – Акты писцового дела. Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве. Т. I – 1587–1627, т. II – 1627–1649) // Чтения ОИДР. 1913. Кн. 2, с. 1–320; кн. 3, с. 321–448; кн. 4, с. 449–581; 1916. Кн. 3.

Писц. кн. – Писцовые книги города Белыхны. XVIII в. (ДРС).

Посл. Богд. – Собрание пословиц и присловий российских... по алфавиту оные... расположены... 1741 году. Рук. БАН 17.733 (ДРС).

Посл. Майк. – Рукописный сборник пословиц XVII–XVIII вв. Сообщ. Л. Майков. СПб., 1880 (Пам. древн. письм., № 9 (ДРС)).

Пос. Толоч. в Им. – Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию 1650–1652 гг. Изд. М. Полиевктов. Тифлис, 1926 (Международ. снош. Грузии с инозем. странами. 1) (ДРС).

Пох. жрн. – Походный журнал. 1685–1726 гг. СПб., 1853–1855 (ДРС).

Пр. Верх. Т. С. – Протоколы Верховного Тайного Совета. 1726 (ДРС).

Пр. повар – Пригожая повараха. 1770 (ДРС).

Приемы ц. – Приемы циркуля и линейки или избраннейшее начало во математических искусствах. М., 1709 (ДРС).

Псал. XI – см. Библ. Генн. 1499 г.

Пск. I л. – Псковская первая летопись // ПСРЛ. СПб., 1848. Т. IV. С. 173–345. Сп. XVI–XVII вв.

Псков. п. – Псков и его пригороды. Кн. 2 (1580–1733) // Сборник Моск. арх. мин. юст. М., 1914. Т. VI (ДРС).

Петр. – Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. I – 1688–1701; т. II – 1702–1703; т. III – 1704–1705; т. IV – 1706; т. V – 1707.

РД – Римские деяния (1688 г.). СПб., 1877–1878. Вып. 1, 2 (Издания ОЛДП, V, XXXIII) (ДРС).

Росп. Троф. – Материалы для истории раскола за первое время его существования. Изд. Н. Субботина. М., 1875–1887. Т. I–VIII. С. 285–298 (ДРС).

Роспись вещ. Н. Р. – Роспись всяким вещам, деньгам и запасам, что осталось по смерти боярина Никиты Ивановича Романова (1655–1659 гг.) // Чтения ОИДР. 1877. Кн. 3 (ДРС).

Рус.-швед. о. – К истории русско-шведских отношений и населения пограничных с Швецией областей в XVII в. (1634–1648 гг.). Сообщ. Н. В. Голицын // Чтения ОИДР. 1903. Кн. 4, смесь. С. 3–12.

Ряз. п. – Писцовые книги рязанского края. XVI–XVII вв. Изд. В. Н. Сторожева. Т. I, вып. 2 (I. Платежные и приправочные книги. Рязань : Изд. Ряз. уч. Арх. ком. 1898. X. 416 с.; II. Сотные грамоты и писцовые летописи. Там же. 1900. С. 417–756; III. Писцовые книги XVII в. Там же. 1904. С. 757–1309) (ДРС).

Сав. Грудцын – Повесть о Савве Грудцыне (Лет. русск. лит. и древности. Изд. Н. Тихонравовым. М., 1859. Т. II. Отд. II, С. 60–80). Сп. XVIII в.

Сам. ск. – Сказки и предания самарского края. Собр. и записаны Л. Н. Садовниковым. СПб., 1884 (Зап. русск. географ. общ. по отд. этнографии. т. XII) (ДРС).

Сб. посл. Майк. – см. Посл. Майк.

СГГД – Собрание государственных грамот и договоров (XIII–XVII вв.). М., 1813. Ч. I, № 1–203.

Сим. Пол. – Симеон Полоцкий. Poleмические статьи против протестантизма, XVII в. Рук. ЮАН 33.7.4, первая четверть XVIII в. (ДРС).

Система – Книга Система или состояние мухаммеданская религии. СПб., 1722 (ДРС).

Сказ. о п. Савве – Повесть о попе Савве // Андрианова-Перетц В. П. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. М. ; Л., 1937. С. 235–238. Сп. XVIII в.

Сказ. о См. вр. – см. Смут. вр.

Сл. и д. г. – Новомбергский Н. Слово и дело государевы. Материалы 1690–1764 гг., т. II. Томск, 1909 г. (ДРС).

Сл. плк. Иг. – Слово о полку Игореве. Изд. Адриановой-Перетц В. П. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950.

Смут. вр. – Смутное время. XVII в. (ДРС).

Спф. К. – Путешествие чрез Сибирь от Тобольска до Нерчинска и граници Китая русского посланника Н. Спафария в 1675 г. Дорожный дневник Спафария с введением и примечаниями Арсеньева // Зап. Русск. географ. общ. по отд. этнографии. СПб., 1882. Т. X, вып. I. С. 30–177 (ДРС).

Ст. П. – Статьи, предложенные 18/V-1634 г. российским послам от польских полномочных, бывших с ними на съезде у речки Поляновки // Тр. и лет. ОИДР. 1833. Ч. VI. С. 240–244 (ДРС).

Сукон. дв. – Московский суконный двор 1706–1813 гг. // Крепостная мануфактура в России. Л., 1934. Ч. V (ДРС).

Сум. – Сумароков А. П. Стихотворения («Библиотека поэта», малая серия, изд. 3) / вступ. статья, текст и примеч. Н. Н. Беркова. Л. : Сов. писатель, 1953.

Схтн. Влд. – Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе 1610–1611 г. Изд. Л. М. Сухотина (Смутное время Моск. гос., вып. 8. Чтения ОИДР. 1911. Кн. 4. С. 1–103) (ДРС).

Уст. С. – Сотная книга 1630 г. Устюг Великий. Материалы для истории города XVII–XVIII вв. Сообщ. Х. Лопарева // Пам. древн. письм. № 94. СПб., 1893 (ДРС).

Флор. ек. – Флоринова економия. Изд. 3. СПб., 1775 (ДРС).

Х. Рад. – Похождение в землю святую князя Радивила Сиротки. 1582–1584. Сп. XVII в. // Изв. РГО. 1879. Т. XV, приложение (ДРС).

Х. Тр. Кор. – Хождение Трифона Коробейникова, 1593–1594 гг. Сп. XVII в. Изд. Х. М. Лопарева // Православный палестинский сборник. СПб., 1889. Т. IX, вып. 3 (ДРС).

Хоз. М. – Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в. Хозяйство барина Морозова. 1624–1674 гг. Ч. I, II // Материалы по ист. феод.-креп. хоз. М.; Л., 1933–1936. Вып. 1, 2 (ДРС).

Церк. уст. Яр. – Церковный устав вел. кн. Ярослава по сп. XV в. из Сборника Кирил.-Белоз. мон. (Оп. Сборн. К. – п. м., с. 54–57) (ДРС).

Швед. д. – Памятники дипломатических сношений России со Швецией. 1556–1586 гг. // Сборник Русск. ист. общ. СПб., 1910. Т. 129 (ДРС).

Шестоднев. Пиз. – Шестоднев Георг. Пизида в славяно-русском переводе 1385 г. И. А. Шляпкина. СПб., 1882. Сп. XV в. (ДРС).

Шхонб. Ист. орд. – История об ординах или чинах воинских паче же кавалерских автора Адриана Шхонбека. М., 1710. Ч. I (ДРС).

Якутск. ак. – Якутские акты. 1639–1646. Рук. ЛОИИ (ДРС).

Яр. п. – Ярославские писцовые дозорные, межевые и переписные книги. XVII в. // Труды Ярослав. уч. арх. ком. Кн. VI, вып. 3, 4. Ярославль, 1913, 628 стол. IV стр. (ДРС).

XIX–XX вв.

Аж. – Ажаев В. Н. Далеко от Москвы. М.: Сов. писатель, 1948.

Акс. – Аксаков С. Т. Полн. собр. соч. СПб., 1886. Т. I–VI; Детские годы Багрова-внука. М.: ГИХЛ, 1949.

АКТ – Толстой А. К. Полн. собр. соч. Изд. А. Ф. Маркса. СПб., 1907–1908. Т. I–IV.

Андр. – Андреев Л. Н. Полн. собр. соч. Изд. А. Ф. Маркса. СПб., 1913. Т. I–VIII.

А. Остр. – Островский А. Н. Соч. М., 1890. Т. I–X.

Арсен. – Арсеньев В. К. Соч.: в 4 т. Владивосток: Примиздат, 1947.

АТ – Толстой А. Н. Собр. соч. Л., 1934–1936. Т. I–VIII; Петр Первый. Л.: ГИХЛ, 1936; Хлеб. М.: ГИХЛ, 1938.

Бабаев. – Бабаевский С. П. Кавалер Золотой Звезды. М.: Сов. писатель, 1948. Кн. 1, 2.

Баратын. – Баратынский Е. А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1936. Т. I–II.

Батюшк. – Батюшков К. Н. Соч. СПб., 1885–1887. Т. I–III.

Безым. – Безыменский А. И. Избр. стихи. М.: Сов. писатель, 1947.

Бел. – Белинский В. Г. Полн. собр. соч. СПб.; Пг., 1900–1917. Т. I–IX; Письма. СПб., 1914. Т. I–III.

- Бенед.** – Бенедиктов В. Г. Соч. Изд. М. О. Вольфа. СПб. ; М., 1902. Т. I–II.
- Блок** – Блок А. А. Собр. соч. : в 8 т. М. : ГИХЛ, 1960. Т. I–III.
- Бобор.** – Боборыкин П. Д. Собр. романов, повестей и рассказов. Изд. А. Ф. Маркса. СПб., 1897. Т. I–XII.
- Бород.** – Бородин С. И. Дмитрий Донской. М. : ГИХЛ, 1941.
- Брюс.** – Брюсов В. Я. Избр. произв. М. ; Л. : ГИЗ, 1926. Т. I–III.
- Верес.** – Вересаев В. В. Полн. собр. соч. М. : Т-во «Недра», 1929–1930. Т. I–XVII.
- Вяз.** – Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1878–1896. Т. I–XII.
- Гарш.** – Гаршин В. М. Соч. М. : ГИХЛ, 1934.
- Герц.** – Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем. М. : ГИЗ, 1915–1923. Т. I–XXII.
- Гог.** – Гоголь Н. В. Соч. СПб., 1900. Т. I–XII ; Письма Н. В. Гоголя. СПб., 1889–1896. Т. I–IV.
- Гонч.** – Гончаров И. А. Полн. собр. соч. Изд. А. Ф. Маркса. СПб., 1899. Т. I–XII.
- Горбат.** – Горбатов Б. Л. Избр. М. : Сов. писатель, 1947; Мое поколение. М. : Сов. писатель, 1947.
- Григор.** – Григорович Д. В. Полн. собр. соч. Изд. А. Ф. Маркса. СПб., 1896. Т. I–XII.
- Данил.** – Данилевский Г. Н. Соч. СПб., 1890. Т. I–VIII.
- Дельв.** – Дельвиг А. А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1934.
- Дмитр.** – Дмитриев И. И. Соч. СПб., 1893. Т. I–II.
- Доброл.** – Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. СПб., 1912. Т. I–IV.
- Дост.** – Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Изд. А. Ф. Маркса. СПб., 1894–1895. Т. I–XII.
- Есен.** – Есенин С. Избр. М. : ГИХЛ, 1952.
- Жар.** – Жаров А. А. Избр. М. : Сов. писатель, 1947.
- Жук.** – Жуковский В. А. Соч. Изд. И. И. Глазунова. СПб., 1878. Т. I–VI.
- Загоск.** – Загоскин М. Н. Полн. собр. исторических и бытовых романов, повестей, рассказов. СПб., 1903. Т. I–II.
- Златовр.** – Златовратский В. Н. Собр. соч. М., 1891. Т. I–II.
- Иван.** – Иванов В. С. Собр. соч. М. ; Л. : ГИЗ, 1928–1931. Т. I–VII.
- И. и П.** – Ильф И. и Петров. Е. Золотой теленок. М. : ГИЗ, 1934.
- Кавер.** – Каверин В. А. Два капитана. Л. : ГИХЛ, 1941.
- Карамз.** – Карамзин Н. М. Соч. М., 1814. Т. I–IX; Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866.
- Кат.** – Катаев В. П. Время, вперед! М. : ГИХЛ, 1936.
- Кокор.** – Кокорев И. Т. Очерки и рассказы. М., 1858. Ч. I–III.
- Кольц.** – Кольцов А. В. Полн. собр. соч. СПб. : Изд. АН, 1909.

Корол. – Короленко В. Г. Полн. собр. соч. Изд. А. Ф. Маркса. СПб.; Пг., 1914. Т. I–IX; История моего современника. М. : Гослитиздат, 1935. Кн. 1, 2; 1938. Кн. 3, 4.

Крыл. – Крылов И. А. Полн. собр. соч. СПб., 1904. Т. I–IV.

Купр. – Куприн А. И. Собр. соч. СПб., 1908–1917. Т. I–XII.

Курочк. – Курочкин В. С. Собр. стихотворений. М. ; Л., 1934.

Лажечн. – Лажечников И. И. Соч. СПб., 1883–1884. Т. I–XII.

Левит. – Левитов А. И. Соч. М. ; Л., 1932–1933. Т. I, II.

Леон. – Леонов Л. М. Барсуки. М. : ГИЗ, 1935.

Лерм. – Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч. Л. : ГИХЛ, 1939–1940. Т. I–IV.

Леск. – Лесков Н. С. Собр. соч. СПб., 1889–1899. Т. I–X.

Лид. – Лидин В. Г. Избр. М. : Сов. писатель, 1948.

Л. Т. – Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М., 1929–1939; Дневник Льва Николаевича Толстого. Т. I, 1895–1899. М., 1916; Письма к жене, 1862–1910 гг. Изд. С. А. Толстой. М., 1913.

Макар. – Макаренко А. С. Педагогическая поэма. М. : Сов. писатель, 1947.

Мальшк. – Мальшкин А. Д. Севастополь. М. : ГИЗ, 1938.

Марл. – Марлинский А. А. Полн. собр. соч. СПб., 1838–1839. Т. I–XII.

Марш. – Маршак С. Я. Избр. М. : Сов. писатель, 1947.

Маяк. – Маяковский В. В. Полн. собр. соч. М. : ГИХЛ, 1934–1937. Т. I–XII.

М. Г. – Горький А. М. Собр. соч. : в 30 т. М. : ГИХ, 1949–1955; Жизнь Клима Самгина (Сорок лет). М. ; Л., 1928. Ч. I–III.

М.-Сиб. – Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч. Изд. А. Ф. Маркса. Пг., 1915–1917. Т. I–XII.

Надс. – Надсон С. Я. Стихотворения. Л., 1937.

Недогон. – Недогонов А. И. Избр. М. : Сов. писатель, 1949.

Некр. – Некрасов Н. А. Соч. Л., 1938.

Некр. В. – Некрасов В. П. В окопах Сталинграда. М. : Сов. писатель, 1947.

Никит. – Никитин И. С. Соч. 3-е изд. М., 1883.

Нов.-Приб. – Новиков-Прибой А. С. Цусима. М., 1932–1935. Кн. 1–2.

Н. Остр. – Островский Н. А. Рожденные бурей. М., 1937. Кн. I; Как закалялась сталь. М. : Гослитиздат, 1936.

Н. Усп. – Успенский Н. В. Соч. М., 1889. Т. I–IV.

Огар. – Огарев Н. П. Стихотворения и поэмы. М. ; Л., 1937–1938. Т. I–II.

Одоев. – Одоевский В. Ф. Соч. СПб., 1844. Ч. I–III.

Павл. – Павленко П. А. Счастье. М. : Лениздат, 1948.

Пан. – Панаев И. И. Литературные воспоминания. М. ; Л., 1938.

Пауст. – Паустовский К. Г. Избранное. М. : Сов. писатель, 1947.

Печер. – Печерский А. (Мельников П. И.) Полн. собр. соч. П. И. Мельникова (Андрея Печерского). Изд. А. Ф. Маркса. СПб., 1909. Т. I–VI.

Писар. – Писарев Д. И. Полн. собр. соч. : в 6 т. Изд. Ф. Павленкова. СПб., 1897.

Писем. – Писемский А. Ф. Полн. собр. соч. Изд. М. О. Вольфа. СПб., 1895–1896. Т. I–XXIV.

Плещ. – Плещеев А. Н. Стихотворения. Л., 1937.

Полев. – Полевой Б. Н. Повесть о настоящем человеке. М. : Сов. писатель, 1947.

Полеж. – Полежаев А. И. Стихотворения. Л., 1937.

Полон. – Полонский Н. П. Стихотворения и поэмы. Л., 1935.

Пришв. – Пришвин М. М. Собр. соч. М. ; Л. : ГИЗ, 1929–1931. Т. I–VII.

Пушк. – Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 6 т. М. : ГИХЛ, 1936.

Решетн. – Решетников Ф. М. Соч. Изд. Ф. Павленкова. СПб., 1890.

Рыл. – Рылеев К. Ф. Соч. СПб., 1893.

Саян. – Саянов В. М. Небо и земля. Л. : Сов. писатель, 1949.

Серг.-Ценск. – Сергеев-Ценский С. Н. Избр. произв. М., 1933; Севастопольская страда. 1939–1940. Т. I–III.

Скит. – Скиталец С. Повести и рассказы. М. : ГИЗ, 1935.

Слепц. – Слепцов В. А. Полн. собр. соч. 3-е изд. СПб., 1903.

Собол. – Соболев Л. С. Капитальный ремонт. Л. : ГИЗ, 1933; Морская душа : сб. рассказов. М. : ГИХЛ, 1942.

Солл. – Соллогуб В. А. Соч. Изд. А. Ю. Смирдина. СПб., 1855–1856. Т. I–V.

Степ. – Степанов А. Н. Порт-Артур. М. : Гослитиздат, 1944.

Сух.-Коб. – Сухово-Кобылин А. В. Свадьба Кречинского. Дело. Смерть Тарелкина. М. ; Л. : ГИЗ, 1927.

С.-Щ. – Салтыков-Щедрин М. Е. Полн. собр. соч. Изд. наследников автора. СПб., 1891–1892. Т. I–XII.

Твард. – Твардовский А. Г. Избр. М. : Гослитиздат, 1947.

Тург. – Тургенев И. С. Полн. собр. соч. Изд. А. Ф. Маркса. СПб., 1898. Т. I–XII; Тургенев и Савина. Письма И. С. Тургенева и М. Г. Савиной. Пг., 1918.

Тынян. – Тынянов Ю. Н. Пушкин. Л., 1936.

Фед. – Федин К. А. Соч. : в 6 т. М. : ГИХЛ, 1952–1954.

Фет. – Фет А. А. Полн. собр. стихотворений. Изд. А. Ф. Маркса. СПб., 1912. Т. I, II.

Фонвиз. – Фонвизин Д. И. Соч., письма и избр. переводы. СПб., 1866.

Фурм. – Фурманов Д. А. Мятаж. М. ; Л. : ГИЗ, 1930.

Чапыг. – Чапыгин А. П. Гулящие люди. Л. : Гослитиздат, 1938.

Черн. – Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Изд. М. Н. Чернышевского. СПб., 1906. Т. I–X; Дневник. М., 1931–1932. Ч. I–II.

Чех. – Чехов А. П. Полн. собр. соч. Изд. А. Ф. Маркса. СПб., 1903–1916. Т. I–XXII; Переписка А. П. Чехова и О. Л. Книппер. М., 1934–1936. Т. I, II; Письма А. П. Чехова. М., 1912–1916. Т. I–VI.

Шелл.-Мих. – Шеллер-Михайлов А. К. Полн. собр. соч. Изд. А. Ф. Маркса. СПб., 1904. Т. I, IV.

Шолох. – Шолохов М. А. Поднятая целина. М., 1937. Кн. I; Тихий Дон. М. : Гослитиздат, 1935–1937. Кн. 1–3.

Щипач. – Шипачев С. П. Лирика. М. : Сов. писатель. 1949.

Научное издание

Кузнецова Ариадна Ивановна

**ДИНАМИКА РУССКИХ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ
С XI ПО XX ВЕК**

Монография

Редактор *З. С. Фоменко*

Художественный редактор *Е. В. Ткачёва*

Компьютерная верстка *Л. О. Мещеряковой*

Корректор *М. Г. Щигрёва*

Подписано в печать 10.12.2010. Формат 60×84/16
Уч.-изд. л. 15,5. Усл. п. л. 17,8. Тираж 150 экз. Заказ 1447

Издательство Воронежского государственного университета
394000 Воронеж, ул. Ф. Энгельса, 8

Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра
Воронежского государственного университета
394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3

В серии « Библиотека
лингвистической
прогностики »
готовятся к печати следующие тома:

Том 6

А. А. Кретов, Ю. А. Силина
Динамика номинаций зрительного восприятия
во французских нарративных текстах XVII–XX веков

Том 7

Г. В. Переверзева
Динамика и прогностика номинаций зрения
в британском варианте английского языка

Заявки на публикации в «Библиотеке лингвистической
прогностики» принимаются по адресу:
TIPL@rgph.vsu.ru

